

902.7(с412)

и 57

63.52(247)

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

Из кр . г

В. ТЛОСТАНОВА

ВОПРОСЫ
ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ
И С Т О Р И И
АБХАЗОВ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

В О П Р О С Ы
ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ
И С Т О Р И И
А Б Х А З О В

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"АЛАШАРА"
СУХУМИ
1 9 7 6

Абхазское издательство «Алашара» обратилось ко мне с просьбой написать небольшое предисловие к этому труду. Я с радостью принял это предложение. Позволю себе сказать несколько слов об авторе этой монографии, известном абхазском ученом-этнографе, докторе исторических наук, профессоре Шалае Денисовиче Инал-ипа, имя которого пользуется заслуженной репутацией далеко за пределами Абхазии. Это ученый широкого профиля, автор многих трудов по различным вопросам исторической и современной этнографии абхазского народа. Он не только этнограф, но и историк, и филолог, и фольклорист, и во всех этих дисциплинах его суждения всегда интересны, оригинальны и заслуживают самого пристального внимания со стороны коллег. Его прекрасная монография «Абхазы» выдержала уже второе издание (Сухуми, 1965) и является, безусловно, очень ценным компендиумом в абхазоведении.

Предлагаемый вниманию читателей новый фундаментальный труд «Вопросы этно-культурной истории абхазов» — это своего рода энциклопедия по проблемам этногенеза и культурно-политической истории абхазов — одного из самых древних и интереснейших народов многоязычного Кавказа. Кому когда-либо приходилось в плане научно-исследовательских изысканий сталкиваться со сложными и запутанными проблемами этногенеза любого народа на любом континенте знает по опыту, что этногенез является труднейшей комплексной проблемой, требующей разносторонних и глубоких знаний, широкой осведомленности в научной литературе и, вместе с тем, неизбежно порождающей полемику, столкновения взглядов и мнений, нередко вызываемые мотивами, далекими от авторитетности и беспристрастности подлинной науки. Несомненно, все эти трудности и осложнения в известной мере подстерегали и Ш. Д. Инал-ипа, но он весьма осторожно и умно в значительной степени преодолел их благодаря методу своего исследования: каждая проблема рассматривается им в историографическом аспекте, доведенном до дня изложения. Этот метод имеет еще и то преимущество, что читателю становится совершенно ясным, в каком состоянии находится та или иная проблема сегодня, какие имеются в науке разногласия по ее трактовке, что выяснено и что остается неясным и т. д. Скрупулезно, объективно и весьма добросовестно автор подчеркивает разногласия в том или ином вопросе и очень осторожно и деликатно указывает на несостоятельность взглядов и мнений

того или иного исследователя, всегда обосновывая свою весьма лаконичную критику конкретными фактами. Этот историографический аспект исследования и изложения пронизывает всю книгу и является, бесспорно, очень сильной и творческой стороной монографии.

Вплетая свою собственную концепцию этно-культурной истории абхазов в ткань научной литературы, созданной разными учеными, автор в конечном итоге приходит к существенным выводам, строго обоснованным на огромной массе конкретных и проверенных фактов. В частности, абхазы и родственные им вдыгские племена являются древнейшими автохтонами Восточного Причерноморья, включая собственно Абхазию; они ниоткуда сюда не пришли, они формировались как этническая общность именно здесь; инфильтрации, передвижения племен и другие этнические процессы происходили в многоплеменной, но все же в целом этнически (и географически) однородной среде, в основном в пределах указанной территории; и время формирования этой общности с древнейших времен до наших дней охватывает несколько десятков веков; понимаемая в этом аспекте автохтонность абхазов ни в какой степени не означает их этнической и культурной изолированности, наоборот, она предполагает их тесные многовековые этнические и культурные связи с другими историческими народами Западного Кавказа и смежных с ним областей, и в первую очередь с грузинским народом. Но вместе с тем абхазы и грузины разные, а не тождественные этно-культурные общности, которые жили одной исторической жизнью и воздействовали друг на друга в самых различных областях жизни на протяжении не одного тысячелетия. Эта концепция автора, построенная на огромном фактическом материале при соблюдении самой строгой и требовательной логики, вряд ли может в своей основе вызвать у непредвзятого читателя существенные или обоснованные возражения. Представляется, что эта концепция автора правильно отражает исторический процесс, как он происходил в действительности.

С большим интересом читаются и страницы культурно-политической истории Абхазии.

Комплексное исследование Ш. Д. Инал-ипа, насыщенное разнообразными фактическими данными—историко-этнографическими, археологическими, антропологическими, языковыми, фольклорными и др., значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, заключающее в себе важные выводы и наблюдения автора,—несомненно, серьезный и ценный вклад в советскую историческую науку.

Академик М. А. КОРОСТОВЦЕВ.

Москва—Сухуми,
сентябрь, 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как бы докучливо привычными ни сделались сетования, раздающиеся со страниц предисловий к ученым трудам относительно легкости исследуемой проблемы, приходится, не претендуя на оригинальность, повторить и здесь то же самое. Действительно, этногенез и культурное развитие абхазов, как и всякой этнической общности, принадлежат к числу сложнейших проблем научного изучения многовековой, полной превратностей истории абхазского народа. Трудности усугубляются еще и тем, что абхазы вплоть до второй половины XIX в. не имели своей письменности, которая бы запечатлела в какой-то степени страницы их исторической жизни, а имеющиеся на других языках свидетельства о них — прямые или косвенные — весьма фрагментарны и нередко противоречивы (особенно для древней и средневековой эпох). К тому же и наличные исторические источники все еще недостаточно исследованы с точки зрения формирования абхазской народности и ее культурно-исторических связей.

Ввиду ограниченности источников и трудности их интерпретации перед исследователем возникают многочисленные вопросы, порой не до конца разрешимые на современном уровне наших знаний. Например, устанавливается ли, и в какой степени, преемственность археологических памятников с этнографическими данными, с культурой современных абхазов; когда, где и при каких условиях обрели абхазские племена свою этническую индивидуальность, чем характеризовались этнические процессы, происходившие в течение веков на территории современной Абхазии? Иначе говоря, в чем заключается конкретность исторического развития абхазов как особой этнической единицы, то есть своеобразие той географической, исторической и этно-культурной среды, в которой происходил процесс формирования абхазских племен и абхазской народности?

К сожалению, многие из этих вопросов пока еще остаются скудно освещенными, что не может не сказаться на уровне любой работы, посвященной соответствующим сюжетам. А с этим во многом связано и научное определение того места, которое занимают абхазы, как этнос, в кругу современных и древних народов Западного Кавказа и сопредельных с ним областей. Необычайно сложное этнокультурное переплетение и взаимодействие, длящееся не одну тысячу лет, составляет, можно сказать, главную особенность всей их

многовековой этнической истории. Ибо Абхазия, расположенная на юго-западных отрогах Главного Кавказского хребта, является связующим звеном между Северо-Западным Кавказом, с одной стороны, и Закавказьем и Малой Азией, с другой, не только в географическом, но и в этно-культурном отношении, прежде всего, между картвельскими и адыгскими группами. Это нашло свое глубокое отражение в истории Абхазии, в языке, антропологической классификации, материальной и духовной культуре абхазского народа. Поэтому комплексное изучение всех этих вопросов представляет большой научный интерес, выходящий далеко за пределы абхазоведения.

Целью настоящей работы является не систематическое изложение этапов этнической и культурной истории абхазского народа, начиная от его возникновения вплоть до формирования уже в наше время абхазской социалистической нации, а попытка собрать, по возможности, разнообразные материалы и исследовать отдельные вопросы этногенеза абхазов, их историко-культурных связей и взаимодействия с родственными народами, хотя, как сказано, многие из этих проблем остаются все еще мало изученными и в предлагаемом труде не могут получить исчерпывающего разъяснения.

Разработка этногенетических проблем требует, как известно, широкой источниковедческой базы, и автор стремился привлечь к исследованию все доступные фактические данные, почерпнутые из критически используемой специальной литературы и других источников, но в целом все же в основу публикации положены выявленные им самим материалы современной и исторической этнографии абхазов.

Характером основных источников определяются и особенности общей структуры, которая, если не считать вводной части с краткой историей вопроса, включает по существу несколько основных разделов, основанных на данных письменных источников, археологии, языка, этнографии и др., используемых для решения или постановки отдельных узловых вопросов (этно-культурные связи Западного Кавказа и Малой Азии, основные компоненты древнеабхазского этноса, степень развития их общности с элементами этнической характеристики, взаимоотношения абхазов с родственными народами Кавказа и др.).

Нижеследующие очерки как бы напоминают собой, образно говоря, мерцание лампы, которое выхватывает из темноты лишь отдельные уголки покрывшегося от времени мраком загадочного замка. И все же можно, надо полагать, надеяться, что они будут способствовать восполнению в какой-то мере существующих больших пробелов и преодолению разногласий хотя бы в некоторых ключевых вопросах истории и этнографии абхазов, а отчасти и родственных с ними коренных народов Кавказа.

ВВЕДЕНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Этнос и этногенез. Основным понятием, с которым имсет дело исследователь происхождения народа и особенностей его культуры, является этническая общность, этнос и его культура.

Этнос — не сельская или городская община, не кровнородственная или расовая общность. Раса — понятие биологическое, этнос — историческое. Род — основная ячейка первобытного общества — мог быть только частью этноса. Первой этнической общностью было племя, когда бы оно ни возникло: с самого начала человеческой истории, как утверждают одни ученые, или же на грани доклассового и классового общества, как думают другие¹. Если для первобытнообщинного строя характерной этнической общностью является племя, то в раннеклассовую эпоху в результате объединения отдельных племен образуются племенные союзы. Когда такие союзы делаются достаточно долговечными и прочными, из их тесного слияния складываются народности и народы, которые как этнические единицы сохраняются до наших дней. В основном в эпоху разложения феодализма и развития капиталистических отношений появляются нации — высшая ступень этнического развития, до которой, однако, доросли не все народности.

Нельзя мыслить себе этнос вне истории, вне общества. Этнос — сугубо историческая категория — на всех этапах своего существования неразрывно связан с жизнью общества, с развитием производительных сил, общественных и международных отношений. Изучить и понять его, не применяя к нему научных принципов историзма, невозможно.

---

¹ С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. — «Советская этнография», № 3, 1949, стр. 18.

Этнос представляет собой сложную динамическую систему, явление многоплановое. Основными его свойствами являются те этнические черты, которые, передаваясь из поколения в поколение, обладают особой долговечностью, устойчивостью и характеризуют собой ядро этнической общности — специфические особенности его традиционно-бытовой культуры (язык, религия, традиции, обычаи, этнические аспекты психики) и его этническое самосознание². «Таким образом, этнос, в узком смысле слова, в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»³. Такие этно-социальные организмы выступают как определенные, исторически обусловленные социально-экономические целостности разного уровня развития при соответствующих формациях⁴. Если согласиться, что род — фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос», то на стадии первобытнообщинного строя в роли этноса выступают «классические» племена — этникосы, «надплеменные» этнические общности (союзы племен)⁵, в то время как для более развитых в социально-экономическом отношении обществ характерны народность и нация. В классовом обществе основным фактором, связывающим народность в нечто единое целое, выступают уже не брачно-родственные отношения, а государство⁶.

Развитие народа как этнической общности происходит в основном медленным, эволюционным путем, но в определенных исторических условиях и скачками — с разрывом постепенности. Эти однотипные процессы неразрывно связаны с развитием самого общества. «Переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт этносоциальных организмов. Но этникос может существовать на протяжении нескольких

² См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 10—34, 35, 36, 37 и др.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 128, 133, 135.

⁶ Там же, стр. 142.

формаций (двух, трех, а подчас даже четырех — например, армяне)»⁷.

Изменения этносоциальных структур характеризуются определенными процессами, связанными с конкретной исторической деятельностью. Основными видами таких изменений являются процессы этнического разделения и этнического объединения, сближения и слияния, характерные особенно для доклассовых обществ. Родственные этнические единицы могут объединиться в одну общность (этническая консолидация), небольшие группы одного народа растворяются в среде другого (этническая ассимиляция), бывает и взаимодействие разных племен и народностей, ведущее к их межэтническому сближению (интеграция).

Изменения этноса носят, таким образом, внутриэтнический, межэтнический и внеэтнический характер, причем объединительным процессам содействуют близость взаимодействующих языков и культур, общность территории. Большое влияние на этническую ситуацию оказывают численное соотношение этносов, географическая среда (например, характер одежды во многом зависит от климата и т. д.), хотя «этногенез народов не предопределяется ни разнообразием, ни однообразием ландшафта: они возникали и в тех, и в других условиях»⁸. Важнейшими факторами, воздействующими на этнические процессы, являются производственные отношения, социально-экономический базис, хозяйственные связи и контакты, а также воздействие государства, сферы политики вообще.

Говоря о теоретических основах этногенетических исследований, А. Д. Удальцов пишет, что советская историческая наука «изучает не метафизический, раз навсегда установившийся «этнос», а процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний»⁹. С. А. Токарев также указывает: «Проблема этно-

⁷ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 154.

⁸ Там же, стр. 165.

⁹ А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований. — «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 302.

гене́за является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех **элементов**, из которых составила́сь данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹⁰.

Несмотря на огромную работу, проделанную учеными по изучению древних и современных народов, проблема этногенеза до сих пор не разрешена полностью и окончательно ни для одного народа Европы или Азии, Америки или Африки, Австралии или Океании.

Этногенез в узком смысле — это формирование народа как особой единицы, как отдельной, самостоятельной группы, отличающейся всеми основными этническими признаками (своей территорией, языком, культурой и пр.). Сам термин «этногенез», образованный сочетанием двух древнегреческих слов («этнос» — племя, народ и «генезис» — происхождение), означает в буквальном шерсводе происхождение этноса, т. е. народа.

Этногенез в тесном смысле и этническая история не совсем одно и то же, хотя, разумеется, невозможно противопоставлять их друг другу: они соотносятся между собой, как часть к целому, условно, как корневая система ко всему дереву. Рассматривая же их отдельно, можно сказать, что этногенез есть коренная часть этнической истории, а последняя представляет собой органическое продолжение этногенеза. Если ранний этногенез народа принять за начальную главу исследования формирования этноса, тогда остальную этническую историю можно было бы представить себе как последующие разделы книги о дальнейшем этническом и культурном развитии народа во всей ее сложности и неповторимой оригинальности. Если этногенез отвечает на вопрос где, когда, из каких компонентов и при каких условиях — культурно-исторических, географических и др. — сложилось первоначальное ядро данного этноса, то этническая история показывает те многообразные изменения, которые пережил он после своего зарождения, на протяжении последующего исторического развития, длящегося сотни и тысячи лет.

В широком же смысле этногенез понимается как вся этническая история народа, включая не только ранний

---

¹⁰ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 15.

этап образования того или иного народа, но и все ступени истории складывания его современных особенностей — этнографических, лингвистических и антропологических. Одним словом, этногенез в широком смысле предполагает вскрытие существеннейших моментов всей истории народа.

Как сказано, этногенез (будь это в широком или узком его понимании) принадлежит к числу труднейших проблем исторической науки. Это объясняется не только ограниченностью соответствующих исторических источников по древнейшей истории народов, не только необычайной сложностью самих этногенетических процессов, но также все еще недостаточной разработанностью общетеоретических основ и принципов этногенеза, равно как и методологии конкретных этногенетических исследований.

Если бы можно было без риска переносить законы природы, изучаемые естественными науками, на человеческое общество, то, пожалуй, этногенез можно было бы сравнить с генетикой — разделом биологической науки, исследующей развитие живых организмов, главным образом наследственность и ее изменчивость под влиянием внешней среды. В этом случае «наследственностью» для этноса было бы все то, что получено им, так сказать, во чреве матери, что связано с ним «по рождению», а «влиянием внешней среды» — не только воздействие природных условий, но, главным образом, влияние не менее сложных и многообразных условий исторической жизни.

Этногенез — это не генеалогия в такой же степени, в какой род («генос») не является этносом. Генеалогия (родословная) — вспомогательная историческая дисциплина, возникшая еще в античности, но получившая значительное развитие в эпоху феодализма, — изучает только историю возникновения и развития отдельных родов. Но если этногенез не может быть сведен к родословию, то тем меньше оснований сопоставлять его с биографией отдельной человеческой личности. Сравнения в этом направлении еще более условны не только по масштабам, но и по существу: у каждого человека бывает только два родителя, а у народа могут быть и два, и три, и большее количество составляющих его генетических компонентов.

Этносу присущи исторически сложившиеся определенные признаки — общность языка, территории, хозяйственной системы и духовной культуры (в том числе ярко выраженного этнического самосознания), которые свойственны любому этническому образованию, будь то племя, народность, народ или нация. Но есть и существенная разница, которая выражается не только в количественной характеристике племени, народности и нации, но и в степени развития указанных признаков, то есть в степени единства и внутренней связанности каждой из этих групп.

Если, как отмечено выше, для доклассовой стадии общественного развития характерны такие общности, как род, сельская территориальная община и племя, то в результате разложения первобытнообщинного строя и развития антагонистических классовых отношений главными этническими категориями становятся уже народность, народ и, наконец, нация. Вот как об этом пишет академик Б. А. Рыбаков: «Народностью мы можем назвать этническую общность эпохи формирующегося и развивающегося рабовладельческого или феодального общества, возникшую на основе давней языковой родственности племен. Признаки народности: общий язык (при наличии племенных диалектов), общая территория без существенных природных или иноязычных преград, известная культурная общность и, как правило (допускающее исключения), одинаковость системы хозяйства и наличие постоянных связей». И далее: «Условием объединения племен в народность является распад первобытнообщинных отношений, приводящий к появлению территориальной общины (менее замкнутой, чем родовая), к созданию временных и постоянных племенных союзов, неизбежно вырабатывающих свой общий межплеменной язык — койнэ. Народность, являющаяся, как и нация, категорией исторической, не остается неизменной на протяжении своего тысячелетнего существования; степень единства и взаимной связанности племен в момент сложения народности значительно отличается от внутреннего единства народности в конце ее исторического пути, когда она превращается в нацию, приобретаая и новый признак — экономическую связность. Древние племена с их этнографическими особенностями отмирают очень медленно, долгое время сосуществуя со

сформировавшейся народностью (например, «племена» русских летописей). Территория народности неизбежно подвержена историческим изменениям: при благоприятных условиях она закономерно расширяется за счет родственных племен, находившихся первоначально в менее развитом состоянии и за счет ассимиляции неродственных, но близких по развитию племен»¹¹.

Теории этногенеза. Наиболее распространенными теориями этногенеза являются автохтонная и миграционная. Первая исходит из представления об изначальности данного народа на данной территории, а вторая, являясь ее противоположностью, дает предпочтение бесконечным передвижениям, завоеваниям, трансформациям и смещениям народов и их культур. Если для гипертрофированных автохтонистов характерно чрезмерное увлечение местными, внутренними факторами развития этноса, то сторонники миграционной концепции, недооценивая факторы имманентного характера, решающее значение придают передвижениям и всякого рода скрещиваниям и смещениям племен и народов. Однако, если не говорить о крайностях и упрощениях этих концепций, трактующих этногенез отдельных народов только как простые перемещения издревле существовавших этнических образований, или, напротив, как вечное их обитание на одном и том же месте, то автохтонная и миграционная теории, при правильном их толковании и сочетании, помогают установлению исторической реальности и, разумеется, заслуживают серьезного внимания.

Разновидностью миграционной концепции является гипотеза т. н. «языковых взрывов», которую развивали в свое время Н. Я. Марр и его последователи. Сторонники этой точки зрения утверждали возможность превращения (трансформации) одних народов в другие в результате образования новых языков путем скрещивания.

В свое время Н. Я. Марром руководила идея родства всех народов и языков в глубочайшей древности. Стремясь убрать преграды, разделяющие народы раз-

---

¹¹ Б. А. Рыбаков. К вопросу об образовании древнерусской народности. — «Тезисы докладов... подготовленных совещанием по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 15—16.

ных языковых групп, он доказывал существование между ними глубочайших исторических связей, выражающихся, с его точки зрения, в общности корнеслова чутили не на всех языках мира. Отсюда вытекает его учение о скрещенном характере происхождения всех современных языков.

Однако упрощенная теория миграции также односторонна и ошибочна, как и упрощенный автохтонизм. Реальные этнические процессы трудно укладываются в прямолинейную миграционную, автохтонную или иную схему родословного древа, не оставляющего места этническим смешениям и взаимовлияниям.

Вопросами происхождения отдельных народов стали заниматься не сейчас. Ими интересовались еще в древности и в эпоху средних веков, не говоря о новом времени, хотя действительно научные основы теории этногенеза начинают создаваться лишь совсем недавно, и до сих пор они еще не вполне разработаны.

Почти все старые направления в области этногенетических исследований, как указывает С. А. Токарев, можно свести к трем основным приемам (или методам): 1) возведению генеалогии изучаемого народа к легендарному родоначальнику; 2) отождествлению или сближению этого народа с тем или иным древним народом — «народом-предком»; 3) поискам «прародины»¹².

Первый из этих «методов» — возведение генеалогии народа к личности одного легендарного основателя или родоначальника — являетсядонаучным, наивным. Другое дело второй метод — выяснение связей изучаемого народа с древними «предками». Ибо никто не станет отрицать существование генетических связей между отдельными из современных и древних народов, например, между абазгами и абхазами, зихами и адыгскими (черкесскими) народами, аланами и осетинами, албанцами и азербайджанцами и т. д. Только необходимо при этом учитывать, что «даже вполне убедительное сближение современного народа с древним еще очень мало помогает понять его происхождение»¹³, так как нет ни одного не смешанного «химически чистого» народа, дожившего до нас в своей, так сказать, первозданной чистоте.

¹² С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 12.

¹³ Там же, стр. 13.

Каждый народ состоит из представителей различных рас и племен, вошедших в его состав органическим образом в процессе его длительных культурно-исторических связей с другими народами. Вот почему было бы рискованно без оговорок отождествлять и сближать современные и древние народы.

Еще более осторожно следует пользоваться понятием «прародина», как следует различать мифическое от исторической действительности. Понятие «прародина», как и связанные с ним понятия «пранарод» и «миграции», не всегда фикция и заслуживает соответствующего внимания. Но оно не пустая фантастика только в том случае, если речь идет о научных поисках реально существовавшей прародины реально существовавшего (или существующего) народа, первоначальная область проживания которого не совпадает с ареалом его нынешнего расселения (например, действительной прародиной евреев, ныне рассеянных по всему свету, была Палестина, прародиной широко распространенных теперь арабов является Аравийский полуостров, цыган — Индия, еще не установлена прародина древних италийских этрусков, современных пиренейских басков и т. д.). Бесплодными являются попытки найти «прародину» мифически или только теоретически реконструируемого народа, о чем лучше всего свидетельствует бесчисленное количество гипотез о местонахождении «прародины», по-видимому, никогда не существовавшего индоевропейского народа.

Иначе обстоит дело с миграциями. Как уже говорилось, нельзя отрицать миграции. Больших и малых передвижений населения было много в различные периоды истории, и они сыграли огромную роль (созидательную или разрушительную) в исторической жизни многих народов. Советская наука выступает не вообще против миграции, а только против гипертрофированного миграционизма (как и против гипертрофированного автохтонизма), против вульгарно-плоской миграционной теории, которая подменяет сложную проблему формирования народа вопросом о его простом, механическом пространственном перемещении, «переезде» с места на место со всем своим «добром», причем этот народ-скиталец всегда остается самим собой, ничего или почти ничего не теряя и ничего не приобретая на долгом пути своего, как правило, очень длительного следования с

большими остановками. Кроме того, сторонники этой теории иногда только по наличию в культуре данного народа отдельных элементов иноземного происхождения начинают доказывать миграцию всего народа. Такая теория не может служить основой научных этногенетических исследований.

Как бы все еще недостаточно не были разработаны теоретические принципы и методы этногенетических исследований, философское обоснование этногенеза, то, что уже сделано советскими учеными в этой области, позволяет наметить основные вопросы и направления в разработке проблем этногенеза. При этом, разумеется, недопустимы никакой шаблон и догматизм, ибо история каждого народа, особенно его этническое развитие, при всем значении некоторых общих закономерностей, сугубо индивидуальна и неповторима.

Источники изучения этногенеза. Громадное значение для изучения происхождения народа имеют языковые данные, в том числе данные диалектов, причем исключительно ценными могут быть материалы, собранные среди ассимилированного в языковом отношении населения. Язык, который иногда даже называют решающим источником этногенеза, не только главнейший, хотя и не единственный признак народа, он в то же время является одним из важнейших источников наших познаний в области этногенеза. Хотя несколько преувеличенно, но не даром говорят: «история языка — история народа». Если мы знаем историю языка, прежде всего историю его происхождения, то тем самым мы очень много знаем и о происхождении самого народа, который говорит на этом языке. Теоретически возможны два пути образования языковой общности: во-первых, вследствие распада языка-основы, а, во-вторых, в результате продолжительных связей на определенной территории в условиях первобытнообщинного строя (гипотеза «лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, теория контакта Д. В. Бубриха).

В основном только язык дает нам возможность безошибочно определить принадлежность этноса к данной, а не какой-нибудь другой группе народов. Например, осетины по всем другим признакам (этнографическим, антропологическим, фольклорным и др.) такие же «числые» кавказцы, как и другие, окружающие их местные

народы, но как только мы обращаемся к их языку, то тут сразу же убеждаемся, что лингвистически они безусловно относятся не к кавказской семье, а к совершенно иной, именно иранской (скифо-сармато-аланской) группе языков.

Языковые данные (грамматическая структура и основной словарный фонд), если только их анализ в научном отношении не вызывает сомнений, одни или в сочетании с другими источниками могут характеризовать собой этническую историю народа, а иногда даже служить хорошим подспорьем для относительной хронологии некоторых этнических процессов. Так, анализ данных по современной и прошлой этнонимике и ономастике дает неоценимый материал для суждений об этническом составе населения на давней территории. Наличие одинаковых родовых или племенных названий у разных родственных (и других) народов в ряде случаев указывает на вхождение в состав этих народов одних и тех же этнических компонентов. Изучая этнические названия, рискованно однако делать какие-либо далеко идущие выводы на основании только совпадения или сходства этих названий. Необходимость проявления осторожности диктуется тем фактом, что зафиксированные в тех или иных памятниках письменности этнонимы очень часто не совпадают с самоназваниями народов. В литературе, особенно древней, мы часто встречаемся с неразберихой, путаницей как в отношении употребления чисто случайных этнических названий, понимания их конкретного этнического содержания, так и в отношении локализации соответствующих групп. Особенно надо быть осторожными с этническими названиями у античных авторов, которые часто пользовались сведениями из вторых и третьих рук, вследствие чего их свидетельства порою носят фантастический характер. Требуется глубокое знание письменных источников и серьезная исследовательская работа, чтобы уверенно можно было воссоздать объективную историю того или другого этнонима.

Или возьмем, например, топонимику. Топонимика свидетельствует о местах прежнего обитания или же путях миграций тех племен, к которым эти топонимические факты по языку относятся. Топонимика, в том числе микротопонимика, может служить иногда исклю-

чительно ценным источником этногенеза. Самое главное при использовании топонимического материала состоит в выделении древнейших и последующих слоев топонимики и выяснении этнической принадлежности каждого из этих слоев.

А что касается культурно-исторических взаимоотношений разных народов, то с этой точки зрения язык представляет собой, можно сказать, неисчерпаемую и вполне надежную кладовую драгоценных свидетельств. Особое значение имеют научно проверенные факты влияния одного языка на прагматический строй другого языка. Если влияние не ограничивается только лексическими заимствованиями (хотя это и само по себе является весьма существенным показателем), а распространяется на некоторые грамматические формы, то есть, если можно так выразиться, проникает в душу и сердце языка, то тогда мы имеем основание с уверенностью утверждать не только о длительных и теснейших культурно-исторических контактах между народами — носителями этих языков, но и о наличии у них когда-то в глубокой древности общего этнического субстрата, каково бы ни было их нынешнее взаимоотношение, степень литературного развития и распространения каждого из них (примером такого влияния и взаимоотношения могут служить абхазский и грузинский языки, но об этом ниже).

Соотношение языка и культуры не отличается постоянством. При известных сложных условиях взаимоотношений отдельных народов тот или другой из взаимодействующих языков может подвергаться смене на данной территории. Но ассимилированное население вносит с собой много своего в язык и культуру народа, язык которого одержал здесь победу.

Однако при всем исключительно важном значении языковых данных для изучения этнической истории нельзя подменять этногенез глоттогенезом, ставить знак равенства между языком и народом, его носителем. Этнос не сводится к языку. Характеристика народа отнюдь не исчерпывается одним только его языком, который является важнейшим, но не единственным его признаком. У каждого народа имеются и другие отличительные черты, связанные с его ареалом распространения,

системой хозяйства, материальной и духовной культурой. Известно много фактов, когда разные народы говорят на одном языке (сколько народов говорят, например, на английском, испанском, арабском языках), а также несовпадения языковой принадлежности с национальным самосознанием (например, большинство ирландцев говорит по-английски, но у них имеется сильно развитое национальное самосознание). Все это говорит об ошибочности замечающегося иногда у некоторых исследователей известного смещения проблем этногенеза и глоттогенеза, некоторого превышения лингвистами своих возможностей при изучении происхождения того или иного народа.

Большое значение имеет археологический материал. Хотя археология совершенно не может судить о развитии языка — основного признака любого народа, но зато правильная характеристика научных итогов археологических исследований на данной территории позволяет выделить основную археологическую культуру (или культуры), которая обычно соответствует определенной этнической группе (или группам).

Археология может устанавливать последовательную смену археологических культур на определенной территории. Без знания этих культур мы лишены возможности создавать какие бы то ни было исторические реконструкции, а данные археологии являются одним из важнейших, если не важнейшим источником по истории древнего общества. Весьма сложным является определение соотношения археологической культуры с конкретным этносом и его культурой. Эта задача, несомненно, трудная, однако она в целом ряде случаев выполнимая, ибо «в пределах этих широких археологических категорий можно выделить такие особенности той или иной локальной группы населения, которые характеризуют эту группу как этническую (особенности быта, одежды, жилища, утвари, орудий труда, орнамент, детали погребального обряда и т. п.)», — пишет А. Д. Удадьцов.

Большую помощь при этом может оказать ретроспективный метод, благодаря которому нередко удается установить наличие или, наоборот, отсутствие генетической связи между определенным этносом и соответствующей археологической культурой прошлого, наличие или от-

сутствие прерывности или непрерывности в развитии культуры¹⁴.

Из сказанного видно, насколько важно при исследовании этногенеза изучение соотношения этнографического комплекса и языка, археологической культуры и народа, ее носителя. При всей важности археологических материалов, они сами, без сочетания с другими видами источников, не могут решить проблему этногенеза. Мертвые, немые вещественные памятники не позволяют решить вопрос об этнической принадлежности их носителей. Ни погребения, ни керамика, ни другие виды материальной культуры, выявляемые археологами, не говорят ничего о том, на каком языке общались их создатели. Известно также, что одна и та же материальная культура является нередко одинаковым достоянием совершенно различных по языку и происхождению народов (например, современные мадьяры и соседние с ними славянские народы, осетины и, скажем, кардинцы и др.), и, наоборот, отдельные географические группы одной и той же народности обнаруживают довольно резкие культурные различия между собой (например, северо-западные и восточные башкиры).

Перейдем к характеристике данных антропологии. Значение антропологического материала для изучения этногенеза «возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов»¹⁵.

Вот что пишет В. В. Бунак: «В настоящее время не существует сомнений в том, что антропологические факты составляют необходимое, иногда решающее звено в разрешении этногенетических проблем»¹⁶. М. Г. Левин также указывал: «Антропологический тип народа всегда связан с его историей. Формирование, распространение, смешение антропологических типов есть следствие исторических процессов. Изменение территории распространения того или иного типа, изменение антропологиче-

¹⁴ А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза. «Тезисы докладов... подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 7—8.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. Там же (тезис 5).

¹⁶ В. В. Бунак. Этнографические группы и антропологические типы. Там же (тезис 1).

ского состава населения всегда отражают переселения и смешения конкретных племен и народностей, то есть процессы этнической истории. Антропологический тип населения той или иной территории может сохраняться в течение длительных эпох, на протяжении которых уровень развития, культурный облик и даже язык этого населения неузнаваемо изменяются. Поэтому в ряде случаев только антропологические материалы могут засвидетельствовать наличие или отсутствие миграций в прошлом. Проследившая распределение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеоантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерность в изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на такие вопросы истории народа, на которые данные других дисциплин бессильны дать ответ (автохтонное или пришлое происхождение группы, направление имевших место переселений, характер смешения различных популяций и др.)»¹⁷. При всем этом, однако, нельзя упускать из виду, что «для разработки проблем этногенеза основное значение имеет генеалогическая классификация, в которой типы группируются не по сходству, а по родству»¹⁸.

Трудно провести четкие границы этнических и антропологических взаимоотношений. Не существует каких-либо раз и навсегда данных отношений между ними, ибо эти отношения складываются неодинаково в зависимости от развития хозяйства и культуры, роста количества населения, размеров занимаемой территории и т. д. Изменения антропологических признаков происходят несравненно более медленными темпами, чем изменения этнической общности. Формирование антропологических типов связано с историко-этнографической областью¹⁹, их расселение и смешение — следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но последние никогда не распространя-

¹⁷ М. Г. Левин. Доклад на VI МКАЭН в Париже. — «Советская этнография», № 1, 1961, стр. 26.

¹⁸ П. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 10.

¹⁹ Там же, стр. 8.

ются без языка и культуры. Соотношение языковой и антропологической общности в разных случаях различно, что объясняется хотя бы тем, что сам язык, как указывалось выше, может формироваться как путем распада общего языка — основы, так и путем длительных контактов соответствующих групп.

Антропологические материалы в сочетании с данными других наук дают возможность выяснить этнические элементы, из которых состоит данная группа, долю участия каждого элемента в ее образовании, а изучение древних костных остатков помогает в установлении связи современных этнических групп с более ранними на определенной территории. С помощью антропологического изучения удастся определить те субстраты или «сулперстраты», которые принимали участие в формировании отдельных народов. Особенно важную роль могут играть антропологические данные «в определении характера конкретных исторических явлений, обусловивших процесс распространения языка. На Северном Кавказе, например, кумыкский и ногайский языки одинаково входят в число тюркских языков. Однако кумыки антропологически целиком связаны с соседними кавказскими народами, и в их составе пока не удалось обнаружить сколько-нибудь определенных следов центральноазнатских монголоидов, а у ногайцев монголоидные элементы выступают совершенно отчетливо. Ясно, что исторические условия формирования этих двух народов различны»²⁰.

Образование новых антропологических типов (или вариантов) всегда является отражением изменения этнического состава. Причем, как указывает В. В. Бунак, одним из путей возникновения новых антропологических типов является изменение круга брачных связей, которое неизбежно ведет к некоторой перестройке антропологических типов.

Таким образом, как подчеркивает Г. Ф. Дебеч, вопрос соотношения антропологических, лингвистических и этнографических материалов является не предпосылкой, а задачей исследования. В целом все-таки совпадения антропологической классификации и историко-этногра-

---

²⁰ Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 6—7.

фической более определенные, чем совпадения антропологических типов с языками, ибо формирование антропологического типа, несомненно, больше связано с историко-культурной общностью, чем с языковым единством. Антропологи изучают происхождение населения определенной территории, его физический облик. О языке же и культуре, без которых не существует этноса, антропология ничего дать не может.

Уже из сказанного вытекает значение этнографического материала для исследования вопросов этногенеза. Недаром эта проблема разрабатывается в основном все-таки этнографами, хотя она и не является их исключительной монополией. Этнограф, прежде всего, устанавливает характер и интенсивность культурных связей и близости между родственными народами, входящими в общую языковую семью, чтобы показать происхождение этой близости, учитывая при этом, что этнографическая близость народов не всегда совпадает с языковым единством, ибо родственные по языку народы этнографически могут быть и различными. Этнограф обращает главное свое внимание на устойчивые специфические черты материальной и духовной культуры изучаемого народа, которые в совокупности составляют веками складывающуюся этническую традицию или хозяйственно-культурный тип (например, типы народного жилища, их конструкция и планировка; одежда, особенно женская; брак, в том числе термины родства, и т. д.).

Вот что пишут об этом С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров: «Для вопросов этногенеза наибольший интерес представляет изучение именно тех культурных явлений, которые связаны со специфическими особенностями исторического развития в различных природных условиях или же с этнической традицией. К числу таких явлений принадлежат многие формы материальной и, отчасти, духовной культуры, как, например, типы хозяйственных орудий, поселений, жилища, средств передвижения, пищи, утвари, одежды, а также некоторые специфические черты обрядов и обычаев, верований и культа, народного изобразительного искусства и устного поэтического творчества. Используя данные этнографии при изучении этнических процессов, исследователь должен всегда четко различать культурно-бытовые сходства между отдельными народами, обусловленные общностью их про-

исхождения, от таких аналогий, которые объясняются общегисторическими закономерностями, характерными для всего человечества, или же являются результатами позднейших связей»²¹.

Однако следует иметь в виду, что один и тот же хозяйственно-культурный тип может быть свойствен народам отдаленных территорий, не связанным единством происхождения, и, наоборот, родственные народы могут относиться к разным хозяйственно-культурным типам. Это «позволяет выделить крупные историко-этнографические области, в состав которых входят народы, живущие на смежных территориях и связанные общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития... Историко-этнографическим областям далекого прошлого в некоторых случаях могут соответствовать «культуры», выделяемые археологами»²².

При исследовании этногенеза классификация по историко-этнографическим областям имеет гораздо большее значение, чем по хозяйственно-культурным типам. При этом следует учитывать, что географические границы историко-этнографических областей и населяющих эти области групп родственных народов обычно не совпадают, вероятно, в силу того, что культура претерпевает сравнительно быстрые изменения. «Наличие в пределах одной историко-этнографической области народов, говорящих на разных языках, указывает обычно, что некоторые из этих народов сложились вне рассматриваемой области и лишь впоследствии проникли в ее пределы, частично или полностью восприняв культуру местного коренного населения, но сохранив свой язык»²³.

Одним из важнейших вопросов этногенетического исследования является соотношение археологических и этнографических материалов из одной и той же или смежных территорий. Нередко только такое сопоставление помогает решить вопросы наличия или отсутствия миграций, преемственности культур, а следовательно и

---

²¹ С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Методология этногенетических исследований на материале этнографии... «Тезисы... к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 2—3.

²² Там же, тезис 9.

²³ Там же, тезис 10.

населения, этнической принадлежности археологических культур и др. Однако здесь исследователь должен соблюдать большую осторожность, ибо «сходство характерных форм материальной культуры (керамики, украшений и пр.) в пределах определенной археологической «культуры» отнюдь не всегда означает, что носители этой культуры представляли этническое единство»²⁴.

Некоторые зарубежные ученые относятся с большим недоверием к подобному рода сопоставлениям, особенно когда речь идет об аналогиях между древнейшими археологическими и современными этнографическими материалами. Так, по мнению французского археолога и этнографа А. Леруа-Гурана, мы ничего не знаем о палеолитических обрядах. Ошибочно, по его мнению, проводить аналогии между искусством людей верхнего палеолита и искусством современных австралийцев, бушменов и др. народов. Он отрицает этнографическую интерпретацию археологических фактов, не находит положительных доказательств существования магии или тотемизма в палеолите. Отдавая должное его научной осторожности, нельзя не заметить излишнего скептицизма автора, отвергающего всякие этнографические аналогии, подвергающего сомнению почти весь сравнительный этнографический материал²⁵.

Этнографы широко привлекают к исследованию этногенеза языковой, в частности, топонимический и этнонимический материал, а также фольклорные данные, прежде всего то, что думает народ о своем происхождении, то есть этногенетические предания, которые, если отделить от них мифолого-фантастические мотивы и позднейшие наслоения, как правило, всегда содержат то или иное рациональное зерно.

Материалы народного искусства — изобразительного, музыкального и др. — также могут представить нам очень много ценного для изучения этногенеза. При этом всегда надо считаться с тем, что народное искусство почти никогда не является однородным. В частности, мало выявить бытующие типы народного искусства. Необходимо еще решить вопрос об этнической среде и времени их возникновения, а также дальнейшего разви-

²⁴ С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., тезис 13.

²⁵ «Советская этнография», № 3, 1965, стр. 288.

тия и распространения. «При этом может оказаться, что различимые в настоящее время типы восходят к единой основе и представляют собой не что иное, как результат расхождения, отражающий исторические судьбы носителей этих типов»²⁶.

Как мы видим, из всех видов источников одним из наиболее важных для этногенетических исследований являются собственно этнографические материалы, без привлечения которых ни один другой материал не дает возможности до конца разрешить проблему этногенеза. Это и понятно, ибо этногенез народа по преимуществу сводится к выяснению происхождения и развития того этно-культурного облика, которым в первую очередь характеризуется каждый народ.

Особенно важными из собственно этнографических источников по этногенезу являются материалы родоплеменного состава (генеонимика), материальной и духовной культуры народа.

Как известно, одни и те же племенные и родовые названия иногда встречаются на очень большой и разноразличной территории, повторяются у разных народов. Эта одноименность и повторяемость родо-племенных делений хотя бы отчасти может свидетельствовать о том, что в состав данных народов в свое время вошли те же этнические компоненты, ибо многие из родо-племенных групп по существу оказываются остатками целых племен и народностей, свидетельствуя тем самым о смешанном происхождении данного народа. Однако применение генеонимического метода может быть плодотворным в основном только при изучении этногенеза народов, от которых сохранились в живом быту (или же в письменных источниках) хотя бы пережитки родо-племенного строя. Общность же тотемических названий родов ничего не объясняет нам по вопросу этногенеза, ибо одинаковые тотемные родовые имена встречаются у самых отдаленных народов, не имеющих ничего общего по своему происхождению.

Самым ценным видом этнографических источников по проблеме происхождения народов являются памят-

---

²⁶ С. В. Иванов. Материалы изобразительного искусства к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. «Тезисы... к со-
вещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951.

ники духовной и особенно материальной культуры, если только исследователь имеет возможность определить точные научные критерии, «позволяющие приписывать сходным культурным формам у разных народов общее или независимое происхождение»²⁷. С неременным учетом возможности самостоятельного развития параллельных и сходных форм, метод анализа традиционного культурного комплекса является основным для решения проблемы этногенеза; особенно он может быть плодотворным при изучении народов, сохранивших архаический хозяйственно-культурный уклад.

Итак, источники этногенеза многообразны, все они необходимы, но не все они равноценны. Например, меньше всего обычно дают для этногенетических исследований письменные источники, хотя обрасывать их со счетов не приходится. Ценным является установление генетической связи названий современного и древнего народов. Антропология посредством анализа показывает нам физический состав населения изучаемой страны, элементы, из которых в процессе миграций и смешений сложилась народность, но это еще далеко не этногенез. Археологические исследования представляют возможность судить о наличии или отсутствии культурной преемственности на данной территории, однако археологическая культура — это еще не весь народ. Разумеется, исключительно важными являются данные языка, но происхождение народа не сводится целиком к происхождению его языка, причем границы последнего не всегда совпадают с этническими и т. п. «Этнография и только этнография, как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук, ибо такие попытки неизбежно приводят к отрыву культуры от народа, чем грешила гребнерианская школа, — а непременно в тесном сотрудничестве с ними»²⁸.

---

²⁷ С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза, стр. 31.

²⁸ Там же, стр. 36.

2. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗОВ

Существующие взгляды об этногенезе абхазов условно можно разбить на три-четыре группы: сторонников южного (малоазийского), северного (северокавказского), местного (автохтонного) и автохтонно-миграционного происхождения коренного населения Абхазии. Несомненно — и об этом у нас еще будет речь впереди, — каждая из этих точек зрения заслуживает внимания, но ни одна из них сама по себе не решает проблемы полностью.

Почти у всех авторов, писавших об этом предмете, имеются материалы или высказывания в пользу каждого из названных направлений. К сожалению, это затрудняет положить в основу моего изложения проблемно-тематический принцип, и свой очерк истории изучения этногенеза абхазов я вынужден построить в основном в хронологическом порядке — по авторам.

Академик Н. Я. Марр, едва ли не первым выдвинувший этногенез абхазов как научную проблему, проявлял большой интерес к изучению языка, истории и этнографии абхазов, «абхазской живой старины». Многие положения его абхазоведных работ прочно вошли в науку, не лишены так же интереса его остроумные догадки, гипотезы, высказывания.

Вместе с тем нужно различать ценные исследования Н. Я. Марра, написанные на основе тщательного изучения конкретных материалов в период его кавказоведной ориентации, от тех работ, которые были им созданы после 1924 года, когда он слишком увлекся общелингвистической (яфетидологической) теорией, созданием своего «действительно нового и по идеологии и по технике учения» о языке²⁹. В этот последний период своей деятельности Н. Я. Марр не особенно стал считаться с фактами, допускал вольности в обращении с ними в угоду своей теории, увлекся туманным палеонтологическим четырехэлементным анализом, дологическим (мифологическим) мышлением, бесконечными смешениями народов и их культур, ведущей ролью в глоттогоническом процессе скрещений языков, стадильным

²⁹ Акад. Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, стр. 353.

их развитием путем взрывов и т. д. И ему хотелось, чтобы созданная по его инициативе Академия абхазского языка и литературы была бы «не только... приятной подругой, как бы личным другом, но и верной союзницей нового учения об языке»³⁰.

Особенно много неприемлемых положений содержится в таких работах Н. Я. Марра, как «Термины из абхазско-русских этнических связей», «Абхазоведение и абхазы», «Русское «человек» и абхазское «аою»», «Абхазский аналитический алфавит», «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык» и др., в которых он почти перестал держаться фактов, отбросил историко-сравнительный метод, отказался от своих прежних работ.

Так, в 1928 году, утверждая коренной поворот в постановке изучения абхазского языка, Н. Я. Марр писал: «Если бы меня спросили, какую работу я рекомендовал бы из печатных для ознакомления с общим ныне положением лингвистического изучения абхазского языка, то я совершенно правильно мог бы ответить — «никакую». Не мог бы я теперь рекомендовать в этих целях не только первой работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», но центрального вводного обобщения «Кавказоведение и абхазский язык»³¹.

Для Н. Я. Марра характерно преувеличение роли внешних факторов, заимствований, этнических вторжений, всеобщих безграничных скрещений. Он исходил из положения, что нет «яфетического языка, не представляющего скрещенния одного и того же сложного состава», что, где улавливаем одно какое-либо яфетическое племя, там обязательно присутствие всех остальных³². Он считал элементарной мыслью о том, что «до скрещенния собственно и не было человеческого племени». Подчеркивая, что из этой аксиомы приходится исходить, Н. Я. Марр говорил: «народ бывает всегда скрещенным»³³, а доисторическая общественность — это племенная общественность, причем в этой древнейшей общест-

---

³⁰ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 348.

³¹ Там же, стр. 351.

³² Там же, стр. 193.

³³ Там же, стр. 172.

венности находил производственно-классовые объединения, представляющие якобы картину резкого расслоения в творчестве культурных ценностей.

У Н. Я. Марра к племенному названию восходит едва ли не любое слово в любом языке. Согласно его палеонтологии речи, слово «человек», например, на всех языках — это племенное название. Племенные названия непосредственно означали человека данного племени. «И если, — писал он, — мы имеем в абхазском аосы составной термин «человек», то существовало, следовательно, племя с таким составным названием, причем каждое из входящих в его состав простых слов также являлось племенным названием и, как нарицательное слово, также могло обозначать и обозначало «человека»³⁴.

Н. Я. Марр высказывал противоположные взгляды о древности абхазского языка, о степени его развития. В одно время (1912 г.) он говорил о «роковом» значении для правильного понимания абхазского языка предвзятой точки зрения о том, что в абхазском мы имеем язык в первобытном, «младенческом» состоянии и утверждал, что «в общем абхазский обнаруживает крайнюю степень развития»³⁵. А в 1926 — 1928 годах он уже писал, что «во многих случаях Чарая был прав, считая абхазский древнейшим, чем грузинский и более близко сродные»³⁶, что, по сравнению с пружиноким, абхазский язык является «более архаичным не только по общему строю и формальной типологии, но и по состоянию его материальных данных»³⁷, что абхазский язык мы заставляем «на исключительно древней стадии развития»³⁸.

Менялись взгляды Н. Я. Марра и по вопросу этногенеза абхазов. Сперва он придерживался теории общего миграционного движения «яфетидов», то есть всех коренных кавказских народов с малоазийского юга на север, к Кавказу, а впоследствии, резко изменив свою точку зрения, наоборот, уже утверждал об их приходе на юг с севера. Вместе с тем у него одним из главней-

---

³⁴ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 316.

³⁵ Там же, стр. 2.

³⁶ Там же, стр. 298.

³⁷ Там же, стр. 313.

³⁸ Там же, стр. 381.

ших является тезис о том, что абхазы (как, впрочем, и всякий другой народ) представляют собой языково- и этнически смешанный, гибридный тип, образовавшийся из сложного скрещения самых различных по своей этнической принадлежности, а также по месту и времени формирования этнических групп, сменявших друг друга неоднократно на территории Абхазии.

Остановимся немного на аргументации автора. Ставя вопрос, где родился народ, и отрицая существование прародины, Н. Я. Марр на передний план выдвигает миграции и скрещения племен и народов в различные эпохи и в разных местах. Он писал: «Доисторический человек абсолютно не оседл. Процесс возникновения племени, тем более образование народа, это длительный акт нарастания все новых и новых сматывавшихся в один клубок слоев не только в различные эпохи, но и в различных местах. Искать прародину народа в одном пункте — это искать то, что не потеряно» (этому противоречит его же утверждение о том, что абхазский язык «происходит с далекого от нынешней Абхазии юга», имея в виду М. Азию и прилегающие к ней области)³⁹. Н. Я. Марр утверждал, что как в языковом, так и в этническом отношении в лице абхазов мы имеем скрещенный, причем многослойный племенной тип, «включающий в себя прежде всего рядом с басками этрусский слой, не исключая, конечно, элементов или слоев, отложений от иберского, скифского, сарматского и других яфетических языков»⁴⁰. Абхазский язык, насколько он представляет яфетическую ветвь, — писал он в 1912 году, — «не только происходит с далекого от нынешней Абхазии юга, но и сложился еще там в сложный тип яфетического языка, в котором отложились особенности различных яфетических групп»⁴¹.

В других своих дореволюционных трудах он развивает дальше точку зрения «всеобщего миграционного движения яфетических племен с юга на север», на Кавказ⁴². С особенной четкостью эта мысль изложена в работе «Кавказоведение и абхазский язык» (1916 г.). Мно-

³⁹ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 170.

⁴⁰ Там же, стр. 193.

⁴¹ Там же, стр. 33.

⁴² Там же, стр. 67.

гочисленные яфетические народы и их языки им рассматриваются не как результат автохтонного развития, а как «вклад постепенного оттеснения ветвями (если не всей семьей) на Кавказ, с незапамятной и (для древней Европы эпохи, народов древнейшего культурного мира на юге, в пределах Ассиро-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии странах. Здесь и жили первоначально в непосредственном соседстве с родственными семитическими просвещенными народами и в общении также с родственными хамитическими просвещенными народами яфетические народы, создатели древнейшей в мире культуры...»⁴³. На культурной прародине яфетических народов появляются потом ариевропейские племена, разобщившие семью семитических и хамитических языков, оттеснив главную массу ее членов в пределы Кавказа, а некоторых из них заставив выселиться далеко на Запад (предполагается, что это были этруски, обладавшие письменностью яфетического происхождения)⁴⁴.

Абхазов Н. Я. Марр относил «если не к чисто яфетическим, то бесспорно яфетидоидным народам». Однако в том и другом случаях, по его словам, «в лице абхазов перед нами этнически мешаный тип, в котором слились племена по крайней мере «двух различных народов»⁴⁵, — как он пишет в работе о религиозных верованиях абхазов.

Таким образом, современных абхазов Н. Я. Марр характеризовал как народ мешаного происхождения, представляя его результатом смешения пришлого яфетического племени с местным населением. Говоря о том, что яфетические языки в наличном виде отнюдь не представляют чистых типов, он писал: «Абхазский язык также представляет мешаный тип, в составе которого рядом с яфетическим органическим слоем, вкладом и спирантной и сибилантной ветвью, отложился слой не поддающегося пока определению языка, по всем видимостям «северного племени»⁴⁶. Абхазы-яфетиды, в числе прочих ближайше родственных племен (черкесы), жив-

⁴³ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 136.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 98.

⁴⁶ Там же, стр. 138.

шие первоначально на юге в пределах архаичного культурного мира, близ его центра (если не в его центре), появились на месте нынешнего обитания не в порядке сепаратного, одинокого передвижения, а в системе общего переселения многочисленных яфетических народов и племен за много сотен лет до н. э., со времени великого распада яфетическо-семитического культурного мира, когда стали появляться в Передней Азии ариоевропейцы.

Вместе с тем Н. Я. Марр допускал возможность родства египетского языка с абхазским. «Теоретически, — писал он, — родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению... однако родство это фактически обосновывается более по тому положению, что египетский имеет много общего с яфетическими языками, в семью которых входит и абхазский, чем по линии исключительного родства египетского именно с абхазским»⁴⁷. В 1924 году он уже говорил, что «абхазы... переплетались с этрусками в пределах именно своего территориального распространения»⁴⁸, находил в Абхазии и норманские следы, например, в абхазском наименовании села Ллзаа у Пицунды (Лзаа), которое он интерпретирует как все то же племенное название, т. е. как название некоего народа, двойника норманов, говоря, что в абхазском названии этого села отложилось имя племени *luz-ny* или *luz-ny* как лузы — доисторическое население Лузитании, т. е. этруски⁴⁹. Он считал, что основа «тырчей» абхазского слова «а-тарчей», означающего бег на лошади во время поминков, восходит к прототипу египетского названия этрусков *tyrh-sha*, *tyrh-sha*, а в полном виде, по его же мнению, это одновременно архетип также средиземноморской основы, отложившейся в латинском *tyrh-en-us*⁵⁰.

Н. Я. Марр говорил о процессе этнического, а с ним лингвистического скрещения, которое могло, по его мнению, произойти в пределах Абхазии, куда «различные яфетические племена притекали все новыми и новыми переселенческими волнами, осложняя один первичный,

⁴⁷ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 124. (?)

⁴⁸ Там же, стр. 185.

⁴⁹ Там же, стр. 177—178.

⁵⁰ Там же, стр. 204.

яфетический слой другим, вторичным и третичным», или это могло произойти на яфетической первородине, а может быть, и на более древнем этапе миграционного движения⁵¹.

Он пытался установить и конкретные генетические связи абхазов. На основе изучения термина «абхаз» он производил абхазов от яфетидов-месхов (мосхов) и утверждал, что месхи в абхазах, народе мешаного происхождения, входили преимущественно в состав знати, составляли дворянство⁵². Так, абхазское «аамста» — «дворянин» представлялось ему этническим термином, основа которого тождественна со словом «месх»⁵³. Эти месхи, считал он, дали тогдашнему населению Абхазии не только дворянство, но и общее их национальное самоназвание (апсуа)⁵⁴.

Хотя, как говорит Н. Я. Марр, абхазы впервые упоминаются Аррианом в форме «абаск», а несколько раньше у Страбона встречаются «зичи», или «зихи», ныне «адыги», которые и лингвистически, и по происхождению самого названия находятся в тесной связи с абхазами, но это не значит, пишет он, что до этого их в Абхазии не было. Со II века пределы политического господства абхазов расширяются, они получили здесь политическое возобладание. В первую очередь они вытесняют энихов⁵⁵, а к VIII веку абхазское царство достигает почти пределов распространения господства древних энихов, «абхазы тогда соперничают на юге с армянским царством в пределах Ширака, но этнически их в этом царстве вскоре сменяют карты, или картвелы, т. е. грузины»⁵⁶.

Настроенный в пользу «сложности этнического состава и привнесенной мешаности типа языка, вселявшегося впервые в пределы Абхазии яфетического народа»⁵⁷, Н. Я. Марр утверждал, что «абхазам в их стране предшествовал другой народ, а именно тап'ы. В доказательство этого он приводит, в частности, абхазское преда-

⁵¹ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 71.

⁵² Там же, стр. 68.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 64.

⁵⁶ Там же, стр. 70.

⁵⁷ Там же, стр. 72.

ше о карликовом племени «ацанов» (ацан), считая это предание отражающим этническую смену населения Абхазии, а именно, гениохов (чано-сапов) абхазами в течение II—V вв. н. э.

Но вряд ли гениохов можно отождествлять со слишком легендарным карликовым племенем ацанов, первейших, согласно преданию, насельников Абхазии, нерасторжимыми узами связанных с нартами, а начало нартов никак нельзя относить ко II—V вв. н. э., ибо нартский эпос, которого, между прочим, не заметил Н. Я. Марр, отражает значительно более раннюю ступень развития.

В соответствии с положением о гибридном составе абхазского этноса, о смешении местного населения с пришлыми завоевателями находятся и марровские толкования некоторых фактов абхазского фольклора и этимологии отдельных древнеабхазских терминов социально-культурного содержания.

Так, о термине «дворянин», представляющем, по Марру, остаток слоя иноземных завоевателей, уже говорилось. Кроме того, название абхазского божества Айтар сопоставляется им с итало-альпийским, сарматским, этрусским божествами, Нептуном и др. Для него было характерно и увлечение скифами, преувеличение их роли в этническом развитии не только Северного, но и Южного Кавказа. Он причислял к скифским племенам и колхов, в среду которых проникли впоследствии предки абхазов. «Абхазы югом внедрением на восточное Черноморское побережье разорвали... цепь сплошной массы населения с скифской речью и сменили колхов, двойников скифов»⁵⁸.

Н. Я. Марр отождествлял с названием скифов, которые себя именовали скелотами, племенное название «колх». Он считал, что скифы «первоначально соседствовали с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами, или колхами», говорившими на языках или наречиях шипящей группы.

Следовательно, по Н. Я. Марру, мепрело-чаны и скифы языково принадлежали к одной шипящей группе. Скифы и колхи одинаково суть скифские племена, а абхазы, по его словам, не могут быть в общем и целом

⁵⁸ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 329.

отнесены в группу этих народов с шипящей речью, несмотря на присутствие в абхазской речи элементов шипящей группы. И в то же время он доказывал, что этногенез абхазов ведет к северу, все к тем же скифам.

Вот как формулирует сам Н. Я. Марр свою точку зрения. «И вот в эту иберо- или кимеро-скифскую, или что то же, тамо-скифскую этническую массу мы видим заброшенным племенное образование абхазское, с сарматским по речи слоем в составе, в Закавказье, представляющее и по местоположению в западной его части не менее исключительное, одинокое явление, чем по архаизму и по резко выраженной двуприродности строя своей речи, абхазской речи...»⁵⁹. Абхазский язык «сложился, по всей видимости, в основных своих слоях на Северном Кавказе»⁶⁰.

В этническом самоназвании абхазов (апсуа) Н. Я. Марр видел в архетипе юкрещение двух (скифо-берских) племенных названий⁶¹, а хорошо известное в русской истории племенное название абхазов «обезы» он характеризовал так же, как скифо-кимерскую гибридную форму⁶², хотя в другом месте приведенное национальное название абхазов, собственно основу «пс», с его двойником «лпшь» в глаголе «апшра» — «смотреть» он возводил к слову «глаз», первично «солнце», равно «небо» и т. д.⁶³

Таким образом, главное во взглядах акад. Н. Я. Марра на проблему этногенеза народов Кавказа сводится в целом к тому, что если и пришли с севера или скорее с юга далекие предки кавказских горских народов — абхазов, черкесов, дагестанцев, чеченцев и др., то это было в эпоху глубокой доисторической древности, а с тех пор они непрерывно занимали сплошной полосой Кавказские горы, а также южные и северные их склоны от Черного моря до Каспийского, пока позднее не вклинились в их родственную юреду древнегрузинские, аланские, тюркские и другие племена. Вот как он сам писал об этом в своей работе «Кавказоведение и абхазский язык»: «Черкесы или адыги еще сохранили с аб-

⁵⁹ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 246.

⁶⁰ Там же, стр. 247.

⁶¹ Там же, стр. 220.

⁶² Там же, стр. 226.

⁶³ Там же, стр. 381.

казами в речи близкое сравнительно сродство, оба они, с одной стороны, и горские языки Восточного Кавказа, с другой — значительно разошлись. Лингвистически сейчас уже устанавливается, что названные народы и племена занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ираны-арийцы, но и грузины-яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горами обитатели. Позднейшие победители иранцы, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы, и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских народов и племен»⁶⁴.

Что касается абхазских племен, то они, по мнению Н. Я. Марра, некогда занимали значительную территорию в западной части Закавказья — от этнических границ с адыгскими племенами на Черном море до Сванетии. Это он доказывал, в частности, тем, что основа «бас», «пас» термина «абхаз» сохранена в названии речки Пашьгуашь в Сванетии. «В этом термине, — писал Н. Я. Марр в своей истории термина «абхаз», — *ḡwa* — диалектическая разновидность абхазского показателя множественности *-qwa*, и в этом факте одно из драгоценных свидетельств того, что именно абхазы, точнее вошедшие в их состав яфетиды, первоначально были оседлы в Свании». В то же время он допускал, что название села Илор в южной Абхазии является переживанием господства сванов в этом крае⁶⁵.

Мы видим, что в научном наследии Н. Я. Марра Абхазия и ее коренное население занимают очень большое место. Он касался многих важнейших вопросов языка и истории абхазов, в том числе их этногенеза, социально-политической истории, религиозных верований, ономастики и т. д., хотя, к сожалению, не всегда его часто менявшиеся теоретические установки и далекие исторические экскурсы были оправданными и правильными. Н. Я. Марр, занимаясь лишь попутно этногенезом абхазов, внес тем не менее существенный вклад постанов-

⁶⁴ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 148.

⁶⁵ Там же, стр. 122—123.

кой вопроса, широким привлечением языковых данных, остроумными догадками и культурно-историческими экскурсами.

Взгляды, сходные с марровскими, развивались и некоторыми другими авторами. Так, акад. И. А. Джавахишвили одно время склонялся к тому, что не только абхазские, но и грузинские племена появились в Закавказье с севера. Он писал: «Не явились ли они (то есть грузинские племена. — Ш. И.) в Закавказье с севера так же, как абхазские племена, именно этим путем, по-видимому, появившиеся в Закавказье»⁶⁶. Но в целом он, а также акад. С. Н. Джанашиа придерживались гипотезы о продвижении предков абхазо-адыгской этнической группы, как и грузинской, с юга на север в далеком прошлом. Они, в частности, утверждали, что ряд топонимических названий Зап. Грузии получает свое объяснение лишь на основе северокавказских языков. По словам И. А. Джавахишвили, «в историческую эпоху адыгейские племена должны были жить в пределах западного Закавказья».

Одним из первых абхазов, попытавшихся проследить историческую жизнь Абхазии, был С. М. Ашхацава. Им руководило желание содействовать устранению «самых диких» понятий об Абхазии и ее народе, который, по его словам, проделал «колоссальную культурную работу»⁶⁷. В своем предисловии к этой брошюре Н. Я. Марр отмечал: «Опыт исторического построения прошлых судеб Абхазии и ее государственного образования, предложенный в докладе С. М. Ашхацава на краеведческом съезде, помимо того, что резко и неустранимо выдвигает на первый план первоочередных работ вопрос о подлинно абхазском национальном периоде Абхазского царства, роли в нем абхазского языка и о взаимоотношениях иберов, абхазов и картвелов (грузин) и их языков в государственных образованиях иберском и грузинском, является хорошей сводкой имеющихся в литературе сведений материального и теоретического значения, доступной и неспециалистам»⁶⁸.

⁶⁶ И. А. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа. Книга первая. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950, стр. 228.

⁶⁷ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925, стр. 5.

⁶⁸ Там же, стр. 3.

С. М. Ашхацава, пытаясь проследить пути истории Абхазии, исходит из того, что «Кавказ был всегда теснейшим образом связан с историей Ближнего Востока» и что «абхазы и черкесы представляют в прошлом одно большое целое как по сходству языка, так и культуры»⁶⁹.

Кавказ, как часть Передней Азии, читаем мы у него, искони жил с ней одной культурной жизнью. Их процветание и падение совпадают друг с другом и вызываются общими причинами. Это ярко выражается в археологических памятниках как в отношении общей кавказской культуры, так и в особенности в отношении южнокавказской⁷⁰, причем в историческом прошлом в основе культурной близости Закавказья и Передней Азии лежали этническая общность и единство. «Население Южного Кавказа, — пишет он, — в начале железной эпохи принадлежало к одному народу, распавшемуся на большое число племен. Самым древним из них является племя урартов, или «наири»⁷¹, с которым «всецело связывается политическая сила Закавказья и всего Кавказа, его «наилучшее культурное процветание»⁷². Абхазы так же, как и другие жители Кавказа, особенно Закавказья, по мнению С. М. Ашхацава, составляют часть, ветвь урартов, или наири, которых он характеризует как древнейших обитателей Кавказа, причем генетическую связь абхазов с наири «подкрепляет абхазская и общекавказская легенда о герое «Нарта»⁷³.

Говоря об абхазо-грузинских связях, автор отмечает «громадное сходство» абхазского языка с грузинским как по структуре, так и по корню⁷⁴, причем, продолжает он, «абхазский язык, будучи в то же время родственным с черкесским языком, является объединяющим звеном для языков картских и адыгских групп»⁷⁵. Концепция С. Ашхацава страдает существенными недостатками, связанными, главным образом, с известной идеа-

⁶⁹ С. М. Ашхацава. Указ. соч., стр. 12.

⁷⁰ Там же, стр. 8.

⁷¹ Там же, стр. 9.

⁷² Там же, стр. 10.

⁷³ Там же, стр. 32.

⁷⁴ Там же, стр. 33.

⁷⁵ Там же.

лизацией прошлого Абхазии и преувеличенном культурно-политической роли абхазов в истории народов Кавказа. Без должного обоснования он утверждал, например, о том, что абхазы уже с начала христианской эры выступают как организованное государство и с ними считаются самые могущественные державы⁷⁶, а их владения, вместе с владениями черкесов, в разное время простирались на север от р. Терека до Волги и Дона, а на запад по обе стороны Азовского моря и доходили до Крымских степей, причем к абхазским племенам причисляет убухов и некоторые черкесские народности (абадзехов, шапсугов и др.)⁷⁷. Встречаются у него и другие неприемлемые утверждения⁷⁸, например, не соответствует действительности также почти полное отождествление современных абхазов черкесам, ибо эти народы хотя и родственны между собой, но давным-давно разошлись и пошли затем по пути самостоятельного этнического и культурного развития, как и то, что население Закавказья в начале эпохи железа, т. е. на рубеже II—I тысячелетий до н. э., было этнически однородным, ибо этническая дифференциация древнего населения Кавказа началась задолго до этого времени.

Большое место этногенезу родного народа уделил Д. И. Гулиа в своей «Истории Абхазии». Автор с полным основанием писал во введении: «Этот труд, надеюсь, будет первым камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия и возбудит приток сил к разработке задач по истории культур и наций Кавказа»⁷⁹. История абхазов все еще оставалась настолько мало освещенной и искаженной, что Д. И. Гулиа вынужден был констатировать: «Ученые должны еще десятками лет работать, чтобы подойти, хотя бы немного, к истине».

Главная проблема гулиевской «Истории Абхазии» — это проблема этногенеза абхазов, а основной ее тезис, неоднократно повторяемый автором, сводится к африканскому происхождению древнеабхазских племен. Опираясь, по преимуществу, на языковые и фольклорные

⁷⁶ С. М. Ашхацава. Указ. соч., стр. 11.

⁷⁷ Там же, стр. 12.

⁷⁸ Там же, стр. 37.

⁷⁹ Д. И. Гулиа. История Абхазии. Т. I. Тбилиси, 1925 г., стр. 14.

данные, которые, как казалось автору, «совпадают со сказаниями Геродота о выходе из Египта, вообще из Африки»⁸⁰, Д. И. Гулиа пишет, что «абхазы и их предки гениохи (иннохи) суть колхи, вышедшие из Египта и, главным образом, из Абиссинии»⁸¹. Он рассуждал так, что завоеватели Древнего Египта гиксосы, ввиду частых мятежей среди египтян, «должны были часть египтян и эфиопов выселить в свою страну и на ее окраины — в области, смежные с Закавказьем... Потомками этих невольных переселенцев и могли явиться отчасти те колхи, египетское происхождение которых для Геродота стояло вне сомнения»⁸². По его мнению, аборигенами восточного берега Черного моря были колхи. Затем племена колхов начинают именоваться гениохами («ибо гениохи суть те же колхи»), отнявшими господство у червых, вследствие чего название (а не народ) «колхи» исчезает с горизонта истории. Потом новые властители Колхиды, сбросив с себя данное им чужестранцами из-за их пиратского образа жизни прозвище гениохи-возничие (около н. э.), начинают носить особые, настоящие свои названия — «абазги», «абсилы» и др. Наконец, «один народ из этого племени, т. е. колхов», лазы, с помощью греков получает здесь первенство, и Колхида начинает называться Лазикой (после н. э.). Далее это господство переходит к абазгам (абхазам), и страна, бывшая Колхида, впоследствии Лазика, начинает называться Абхазией, а позже, по соединению Абхазии и Грузии в одно царство, — Имеретией (после X века).

Д. И. Гулиа допускал также родство абхазов с семитами и хамитами, исходя из «родства языков семитических и яфетических». А. И. Грен задолго до него говорил о префиксах в абхазском языке, как о черте, указывающей на связь абхазо-черкесских языков с хамитическими. Дополняя его указанием на аналогичные явления в одном из хеттских языков, Д. И. Гулиа писал: «Если классовые префиксы существовали в древнем языке Малой Азии в XIV столетии до х. э., то можно, по нашему мнению, рассматривать не только митанийский, но и хаттский язык как мост между Египтом и

⁸⁰ Д. И. Гулиа. История Абхазии. Т. I. Тбилиси, 1925 г., стр. 12.

⁸¹ Там же, стр. 9.

⁸² Там же, стр. 13.

Абхазией (Колхидой)»⁸³. Он находил даже возможным говорить, что абхазский язык по своей фонетике имеет сходство с языками отсталых племен Южной Африки — бушменов и готтентотов⁸⁴, что устанавливается «лингвистическая связь между абхазами и древними племенами Африки, посредствующим звеном между которыми являлись хетты»⁸⁵. Автор находил тождественную связь между названием «Абиссиния» (Абасия) и абхазским наименованием Абхазии — «Апсны», утверждая при этом, что формы «аб-хаз» и «Абхазия» совершенно несостоятельны и должны быть заменены правильным «абас» и «абасец», «Абасия»⁸⁶.

Таковы основные положения книги Д. И. Гулиа. Нет особой нужды доказывать, что большинство из них давно устарели и теперь уже имеют разве только историко-графический интерес, хотя работа в целом во многом сохраняет свою большую ценность, главным образом, благодаря содержащимся в ней богатейшим конкретным материалам — языковым, фольклорным и др.

Проблемой связи Кавказа с Ближним Востоком, в частности Египтом, был в свое время увлечен и крупный английский ученый-египтолог Флиндерс Петри, а именно в смысле не только взаимной связи, но и определенного приоритета Кавказа, на территории которого он находил следы древнейшей культуры. В своей вышедшей в 1926 году работе „Origin of the Book of the Dead“, опираясь на соответствующие мифолого-топонимические сопоставления, он приходит к выводу о зарождении древнеегипетской мифологии на почве Кавказа⁸⁷.

Критически анализируя этот «вызов кавказоведению», брошенный английским ученым, И. И. Мещанинов указывал, что «если это оказалось верным и подтвердилось бы дальнейшими научными исследованиями египтологов и кавказоведов, то взгляд наш на Кавказ изменился бы коренным образом, и нам придется, в таком случае, посмотреть на него, как на видный культурный центр, современный Египту»⁸⁸. Следует учитывать,

⁸³ Д. И. Гулиа. Указ. соч., стр. 20.

⁸⁴ Там же, стр. 32.

⁸⁵ Там же, стр. 34.

⁸⁶ Там же, стр. 95.

⁸⁷ И. И. Мещанинов. Египет и Кавказ. Баку, 1927 г., стр. 38.

⁸⁸ Там же, стр. 41.

предостерегал, однако, Мещанинов, что «географические названия часто в сходных формах всплывают в разных местах, не стесняясь расстоянием и, если мы видим колха у реки Фазиса-Риона, то этот же термин мы встречаем на карте Птолемея у Ванского озера»⁸⁹ и т. д.

По предположению немецкого ученого начала XX в. Кисслинга, все Черноморское побережье Кавказа примерно до новой эры было населено грузинскими племенами, так как, по его мнению, керкеты, ахейцы и гениохи были картвельского происхождения, в частности, лазы, переселившиеся будто бы около рубежа н. э. в центральные районы Колхиды, являлись керкетскими племенами. Но в 100—75 гг. до н. э. здесь произошли крупные передвижения племен, чем и объясняется разноречивость сообщений античных авторов об этническом составе и локализации народностей на указанной территории. Согласно утверждению Кисслинга, эти передвижения коренным образом изменили этнографическую карту всего кавказского Причерноморья: грузинский этнический состав сменился абхазо-адыгским. Абхазо-адыгские племена вторглись на побережье с двух сторон: джиги явились из Прикубанья и заняли земли керкетов, а несколько позднее, во второй половине I в. н. э., абхазские племена — апсилы и абазги — пришли с севера по современной Грузинской дороге и заняли всю северную Колхиду, в том числе территорию санигов, вплоть до Никопсии (древняя «Старая Лазика», современный Негопсух), то есть до юго-восточных пределов распространения джигов. И только с тех пор все это побережье становится ареной исторической деятельности двух указанных народов — апсило-абазгов и джигов⁹⁰.

Существует и «киммерийская» теория, представленная Л. И. Лавровым, который придерживается того мнения, что территория северо-западного Кавказа в доскифскую эпоху входила в состав киммерийских кочевых племен, обитавших в древности в Северном Причерноморье⁹¹. Он считает, что не все киммерийцы были вы-

⁸⁹ И. И. Мещанинов. Указ. соч., стр. 41.

⁹⁰ См. Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 88—89.

⁹¹ Киммерийцы впервые упоминаются в Одиссее и у Каллина (VII в. до н. э.) применительно к племенам Северного Причерноморья, в частности, Керченского пролива («Боспор Киммерийский»).

теснены скифами, часть из них, в том числе ахеи, зихи и другие, продолжали обитать на прежней территории. «Так как, — пишет Лавров, — эти племена являются несомненными предками нынешних абхазов, абазин, адыгейцев и кабардинцев, то эти последние четыре народа имеют основания выводить свое происхождение от восточной части киммерийских племен»⁹². Однако, по мнению подавляющего большинства современных ученых, киммерийцы — это обозначение не доскифского населения Северного Причерноморья, а лишь небольшой группы племен, вторгшихся в VIII в. до н. э. в Переднюю Азию и относящейся к скифокому этническому конгломерату.

Когда-то некоторые ученые считали скифов племенами урало-алтайского корня, другие относили их к славянам. Н. Я. Марр усматривал тесную связь скифов с яфетическими народами Кавказа, а В. Ф. Миллер и другие создали принятую в настоящее время в науке теорию об иранском происхождении скифов. Г. Ф. Дебец подвергал сомнению этническое единство скифо-сарматских племен, считая, что в пользу этого предположения не существует ни одного серьезного аргумента⁹³.

Вопросы происхождения и этнической истории народов Кавказа большое место занимают в фундаментальных исследованиях Г. А. Меликишвили — «Наири-Ураргу», «К истории древней Грузии» и др. В них на основе использования первоисточников история Грузии и Абхазии рассматривается на широком фоне и в тесной связи с главнейшими событиями общекавказской и мировой истории.

Г. А. Меликишвили во многих своих исследованиях в той или иной связи касается происхождения абхазо-адыгских племен. Собранные воедино его мысли и высказывания в совокупности позволяют нарисовать определенную концепцию, которая, правда, не всегда отли-

---

Согласно сообщениям Геродота и других авторов, киммерийцы занимали земли Северного Причерноморья вплоть до Фракии, откуда были изгнаны скифами, с которыми, кстати, источники не четко их разграничивают.

⁹² Л. И. Лавров. О происхождении народов северо-западного Кавказа. «Сб. материалов по истории Кабарды». Нальчик. 1954, стр. 198—199.

⁹³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948, стр. 117—118.

чается достаточной четкостью и не лишена некоторых противоречий. Эту концепцию условно можно было бы назвать малоазийско-миграционно-джикской, а также, если говорить его же словами, концепцией «горной стихии», так как автор придает важное значение в процессе этногенеза проникновению горцев (северокавказских и др.) на Черноморское побережье в эллинистическую эпоху.

Г. А. Меликишвили везде подчеркивает связь народов Кавказа с народами Древнего Востока, прежде всего Малой Азии, где жили различные по своей этнической принадлежности племена, прежде всего протохетты, которые, по Г. А. Меликишвили, «стояли по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазо-адыгских, бацбийско-кистинских) языков»⁹⁴.

Иберийско-кавказские, в том числе абхазо-адыгские, племена являются древнейшими обитателями Закавказья и Северного Кавказа, что, однако, не исключает, по Г. А. Меликишвили, того, что когда-то, в глубокой древности, их предки могли переселиться на Кавказ откуда-нибудь, скорее всего, с юга⁹⁵. Он склоняется к тому, что первоначальная родина кавказских народов находилась, «конечно», где-то на юге, в Малой Азии, но с течением длительного времени они распространились на север, часть из них перевалила и через Кавказский хребет, а в эллинистическую эпоху наблюдается обратный процесс — движение абхазо-адыгских племен к побережью Черного моря. Однако, если в указанную эпоху и происходило проникновение апсилов, абазгов и др. с севера на юг, в чем у Г. А. Меликишвили нет полной уверенности, то оно шло, по его мнению, не по Военно-Грузинской, а скорее в том же направлении, в каком происходило движение джихов, то есть с северо-запада⁹⁶. В этом аспекте автор неоднократно говорит об абхазо-адыгских племенах, как о племенах северокавказского происхождения, причем и кашков, которые в XIII—XII вв. до н. э. находились в глубине Малой Азии⁹⁷, он причисляет к северокавказскому этническому миру.

⁹⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959 г., стр. 77—78.

⁹⁵ Там же, стр. 97.

⁹⁶ Там же, стр. 89.

⁹⁷ Там же, стр. 89—90, 167, 168.

Утверждая, что лазы являются древнейшими обитателями Западной Грузии, прямыми потомками колхов, принадлежащими к мегрело-чанской ветви грузинских племен, Г. А. Меликишвили признает вместе с тем, что на этой территории, наряду с грузинскими племенами, жили в древности и абхазо-адыгские племена⁹⁸, которые квалифицируются им в основном как горские племена, совершавшие часто нападения на население прибрежных районов. Натиск северокавказских горцев на прибрежную полосу Северной Колхиды, по его мнению, особенно усилился с падением местной государственности и установлением слабого господства Понтийского царства на рубеже новой эры. Ссылаясь на сообщения Страбона, он даже говорит о засильи горцев, о «стихии горцев», живших в условиях разлагавшегося родового строя⁹⁹.

Г. А. Меликишвили считает, что предками абхазо-адыгских племен являются джиги — воинственное кочевое племя северокавказского происхождения. Под натиском джиги и других горцев в эллинистическую эпоху происходит вытеснение из прибрежной полосы древнего мирного оседлого населения — керкетов. В результате территория между Сухуми и Новороссийском подпадает под безраздельное господство воинственных горцев, кочевников и пиратов — джиги, генихов, ахейцев, зигов. Эти же горцы обрушились и на центральную Колхиду, вытеснив из ряда ее районов древнее местное (западногрузинское) население. Так оказались в прибрежной полосе в I в. н. э. саниги (в районе Диоскурии), абазги (к югу от нее) и апшилы (еще южнее). «Все они раньше, несомненно, находились в составе той грозной стихии, которая под названием джиги, ахейцев и генихов, по сообщениям Страбона, господствовала в Северной Колхиде и соседних областях»¹⁰⁰.

Подводя итог этой части своего исследования, Г. А. Меликишвили пишет: «Таким образом, почти на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья **появляются новые племена** (выделено мной. — Ш. И.), проникшие сюда частично из

⁹⁸ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 66—69.

⁹⁹ Там же, стр. 364.

¹⁰⁰ Там же, стр. 365.

северных горных областей Колхиды и Северного Кавказа, частично же из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Слившись с древним земледельческим населением прибрежной полосы, **весьма близко стоявшим** в ряде случаев этнически к ним, они становятся во главе новых крупных политических образований («царства» махелонов и генихов, лазов, апшилов, абазгов и санигов)»¹⁰¹.

При этом, однако, возникает ряд вопросов, требующих разъяснения. Прежде всего, положение Г. А. Меликишвили о сокрушительном наступлении горцев на Колхиду в эллинистическую эпоху вряд ли можно считать доказанным. В источниках мы не находим указаний, на основании которых можно было бы так категорически утверждать о массовом нашествии горцев и вытеснении ими местного прибрежного населения. Вместе с тем племена абазгов, апсилов и др. во всех имеющихся источниках упоминаются не как пришлые, а как местные, коренные племена, населявшие не горы, а именно побережье Абхазии. Нельзя отрицать как проникновение горцев на юг, так и обратный процесс (примером чего может быть переселение абазин на Северный Кавказ). Эти передвижения происходили издавна, причем временами действительно носили интенсивный характер. Но происходили они в основном в однородной в этническом и социально-экономическом отношениях среде и поэтому не могли повлечь за собой столь глубоких изменений.

Хотя Г. А. Меликишвили не указывает конкретно, где именно жили горцы, в данном случае предки абхазов, до своего прихода на равнину, но из контекста его сочинения вытекает, что они издревле обитали в горных областях и на севере западной части Главного Кавказского хребта. Но как же в таком случае следует понимать то обстоятельство, что генихов, которые, по Г. А. Меликишвили, также пришли из-за гор¹⁰², источники рисуют как искусных мореплавателей и страшных морских пиратов, которые на своих знаменитых судах

¹⁰¹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 366.

¹⁰² Там же, стр. 90, 364.

под названием «камары» совершали нападения не только на корабли в открытом море, но даже и на города еще в IV в. до н. э. (см. ниже)? Откуда они так хорошо знали море и как могли так далеко пойти вперед в сложнейшем деле морского судоходства, требующего для своего развития наличия накопленных веками знаний, навыков и традиций, если они сами не были аборигенными морскими жителями, имевшими, говоря словами Н. Я. Марра, с древнейших времен интимные отношения с морем?

Если, как думает Г. А. Меликишвили, гениохи — сваны, позднейшие мисимияне тоже сваны, плюс к ним еще собственно сваны, то получается большая по тому времени сванская страна, простиравшаяся от верховьев р. Ингурия до города Сочи. И как удалось абхазским племенам ассимилировать или даже вытеснить столь значительный и могучий народ менее, чем за сто лет: ведь в 66 г. до н. э. Митридат проходил еще по гениохским землям, а Плиний в начале I в. н. э. и Арриан в первой половине II в. в тех же местах упоминают уже апсиров и абазгов? И почему гениохи-сваны, если они жили здесь с древнейших времен и до начала н. э., не оставили никаких следов в топонимике? «Трудно сомневаться, — пишет Г. А. Меликишвили, — в том, что проникшие сюда джиги были адыгейскими племенами. Названия же абазгов и апсиров связываются с названием абхазов (местн. форма «апсуа»). По-видимому, здесь мы имеем дело с абхазо-адыгейскими племенами. В данных наименованиях, если оформление основы (апс-) суффиксами «-уа-» и «-ги-» можно отнести к абхазо-адыгейской языковой среде, то в других случаях это название выступает с грузинскими суффиксами (так, например, в западногрузинском оформлении эта же основа выступает в форме «апс-ари»), что может указывать в этих местах также и присутствие грузинского элемента»¹⁰³. Очевидно, этот довод вряд ли может быть принят за достаточное доказательство присутствия и грузинского элемента в тех областях, где истари обитали апсирлы и абазги.

Как сказано, в позднеэллинистическое время, по Г. А. Меликишвили, на территории современной Абха-

¹⁰³ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 90.

зии и прилегающих с северо-запада областях произошло слияние абхазо-адыгских племен с местным западно-грузинским земледельческим населением (к которому он, хотя и неуверенно, причисляет и керкетов), причем автор не отрицает, что пришлые и местные — разные этнические группы, хотя и близкие между собой. Слияние двух и более народов возможно, но при этом, как правило, побеждает язык того народа, который является более многочисленным и более передовым в социально-экономическом и культурном отношении. Таким более многочисленным и передовым — с городами, оседлым земледелием, мореходством — представляется Г. А. Меликишвили древнее западногрузинское население указанных мест. Но почему же тогда здесь победили языки не столь многочисленных и более отсталых горских племен?

До первых веков н. э. абхазские племена как таковые почти отсутствуют в исследовании Г. А. Меликишвили, их можно только подразумевать. Нередко встречаются выражения «племена абхазо-черкесского происхождения», но фактически речь идет в основном только о черкесских племенах, которые автор находит и на Северном Кавказе, и в Закавказье, и в Малой Азии. Абхазские же племена не только для древнего, но даже и для большей части античного времени почти нигде прямо не называются. Даже апсилы определяются как племя абхазо-черкесского, а не абхазского происхождения. Племена керкетов, ахейцев, генихов, джиков и др., занимавшие в античное время территорию современной Абхазской АССР и прилегающих к ней с северо-запада областей, являются, по Г. А. Меликишвили, в основном черкесскими племенами. В начале I в. до н. э. произошло вторжение северокавказских джиков, которые заняли земли древних керкетов; пространство между современными Туапсе и Сочи занимали ахейцы — племена неопределенной этнической принадлежности (нигде не говорится, что ахейцы — абхазского происхождения), а от Сочи до Сухуми жили геннохи, которые причисляются к сванским племенам. Основываясь на неопределенном сообщении Страбона о том, что сваны «господствовали над Диоскурией», Г. А. Меликишвили настаивает на «широком распространении сванских племен на территории Северной Колхиды».

Однако по общему контексту Страбоновского сообщения трудно вывести заключение, что гениохи — это сванские племена (может быть, мы имеем здесь какой-то пробыл в источнике). Во всяком случае, одно это михоходом оброненное замечание Страбона недостаточное основание для причисления гениохов к западногрузинским (ованским) племенам. Г. А. Меликишвили сам локализует гениохов на территории между Сочи и Сухуми, где еще никем не найдено каких-либо существенных следов пребывания неабхазского населения, и все же он пишет, что «по крайней мере, в гениохах мы должны видеть сванские племена». Правда, чувствуя шаткость такого категорического утверждения, он тут же вынужден добавить: «хотя в этом не может быть полной уверенности. Возможно и то, что под данным расплывчатым и грецизированным названием подразумеваются этнически разные племена»¹⁰⁴.

В целом же акад. Г. А. Меликишвили, несмотря на то, что он не занимался специально вопросами происхождения народов северо-западного Кавказа, а лишь в связи с общими проблемами истории древней Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, своими замечательными трудами внес большой вклад в научное изучение ранних этапов этнической истории абхазо-адыгских народов. Доказывая, что если абхазо-адыгские племена и пришли когда-то с юга, то это было, несомненно, в глубокой древности, он считает их в этом аспекте аборигенами края, а вместе с тем рассматривает их генезис в неразрывной связи с процессами этногонии на всей обширной территории от Малой Азии до Северного Кавказа, вводит для решения этногенетических проблем новые источники, в том числе ценнейшие памятники древневосточной письменности, в частности, впервые обратил внимание ученого мира на связь абхазо-адыгских племен с некоторыми этническими группами, населявшими северо-восточные районы древней Малой Азии.

Грузинский литератор П. Ингороква в своей работе «Леонтий Мровели — грузинский историк VIII в.», написанной в 1941 г., говорил о большом движении и политической экспансии «абхазского племени», которое он тогда не считал грузинским по своей этнической при-

---

¹⁰⁴ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 309.

надлежности, отмечал, что только после перенесения столицы Абхазского царства в Кутаиси «абхазская династия... огрузинивается, переходит на грузинский язык», и подчеркивал, что «абхазское племя» оставило «большой след в политической истории древней Грузии, в результате которого абхазское племя втянулось в общую жизнь Грузии и внесло значительный вклад в дело государственного строительства древней Грузии»¹⁰⁵. Но в более поздней своей работе «Георгий Мерчуле» П. Ингорква уже утверждает, что Мровели, которого к тому же он пытался представить автором VIII, а не XIII века, не упоминает об абхазах, поскольку считает их эгрисцами. Абхазов Ингорква уже считает этнически идентичными эгрисцам (мегрелам) или картам, этнически отождествляет их друг с другом. Фальсификаторский тезис об отсутствии предков современных абхазов на территории Абхазии вплоть до позднего средневековья П. Ингорква пытается доказать и анализом топонимики Абхазии, которую (топонимику) считает почти целиком принадлежащей «к грузинскому языковому миру».

Если не считать П. Ингоркву, который, противопоставляя «абхазов» и «апсуа» (самоназвание абхазов), считает первых грузинами и исконным населением Абхазии, куда лишь в позднейшее время (чуть ли не в XVII веке) вторглось откуда-то из-за гор племя «апсуа», то, кажется, никто другой из историков не отрицает этническую самостоятельность абхазов и их тождественность с «апсуа». Ни один народ, тем более древний, имеющий свой особый язык, отличающийся и другими самобытными этническими особенностями, не лишен своей самостоятельной этнической, культурной и политической истории, что, разумеется, несколько не исключает, а, напротив, предполагает взаимовлияние и связь с другими народами, прежде всего родственными.

Большие заслуги в деле всестороннего и объективного освещения вопросов древней и средневековой истории Абхазии принадлежат проф. З. В. Анчабадзе. В своей «Истории и культуре древней Абхазии» он поставил целью осветить основные вопросы истории и культуры

---

¹⁰⁵ Цит. по З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, стр. 222—223.

Абхазии с древнейших времен до V в. н. э., на основе новейших достижений советской исторической науки, показать возникновение, расцвет и разложение первобытнообщинного строя и образование классового общества («рабовладельческой формации античного периода») на территории современной Абхазии, а также проследить происхождение и раннюю этническую историю абхазского народа¹⁰⁶. Культура энеолита и ранней бронзы представлены в работе в основном материалами Очамчирского поселения и дольменами. Переходя к античной эпохе, автор отмечает, что при образовании и развитии причерноморских городов Колхиды ведущую роль играло местное население, которое ко времени прихода греков прошло длительный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. С одной стороны, он высказывается против идеализации колониационного процесса, а с другой — показывает несостоятельность примитивного подхода к нему только как «агрессии», подчеркивая исключительно важное значение греческих колоний для социально-экономического и культурного развития Колхиды¹⁰⁷.

Далее З. В. Анчабадзе переходит к установлению отношения современного абхазского населения и его культуры к археологическим памятникам разных эпох, найденным на этой территории, к характеристике тех или иных племен и народностей, выступающих в исторических свидетельствах. Трудность этой проблемы заключается, в частности, в том, что раньше чем начались широкие археологические исследования и появилась возможность обоснованных обобщений, Абхазия сделалась предметом различных, нередко априорных заключений — включалась механически (притом иногда «извечно») в рамки более поздних политических и этнических единиц, изображалась как периферия, отстававшая в своем развитии во все эпохи. Рядом ученых было приложено немало усилий для распространения чисто умозрительного взгляда о том, что абхазская народность не имеет исторических корней на данной территории, что должен рано или поздно обнаружиться разрыв в эволю-

¹⁰⁶ З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

¹⁰⁷ Там же, стр. 148, 155.

ции форм материальной культуры то ли в античную, то ли в средневековую эпоху. И автор поставил своей задачей выяснить, какие же фактически основания имеются в археологических материалах, в сведениях древних писателей и в этнографическом быту для утверждений о существовании разрыва в преемственности культуры и о том, что когда-то до абхазов на территории Абхазии жило картвело-мегрельское население. Это приводит его к исследованию вопроса об этнической принадлежности племен, упоминаемых древними авторами в Кавказском Причерноморье. При этом он отдает предпочтение протохеттской теории, по которой в образовании абхазского этноса в конце III тысячелетия до н. э. приняли участие протохеттские племена «кашка» (сопоставляются с «кашаги», «косоги», как именовали черкесов у соседей) и «абешла» (ср. с южноабхазским племенем «апсидов»). Приведя ряд обоснований этой теории, З. В. Анчабадзе заключает: «Результатом процесса консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос — непосредственный предок единой абхазской народности». Опираясь на археологические и другие исследования, он устанавливает преемственность форм материальной культуры и погребального обряда от эпохи дольменов до колхидской поздне-бронзовой эпохи и вплоть до XIX в., когда в пережиточных погребальных обрядах абхазов прослеживаются те же традиции древнейшего культа.

Обращаясь к анализу сведений о племенах древней Колхиды, З. В. Анчабадзе отмечает двойное значение терминов «Колхида» и «колхи»: одно более широкое, политико-географическое и другое более узкое, собственно этническое. Анализ источников приводит его к утверждению, что, вопреки представлениям некоторых ученых, гениохи и саниги, не говоря об абазгах и апсилах, не являются картвельскими (мегрело-чанскими или сванскими) племенами, а представляют собой предков абхазов, в частности саниги — предки племени садзов (вопрос же о кораксах и колхах оставляет открытым).

Таким образом, З. В. Анчабадзе убедительно показывает несостоятельность попыток оторвать современных абхазов от занимаемых ими издавна земель, утверждает их автохтонность на этой территории, в частности, неоспоримое их обитание здесь в античную эпоху.

Вместе с тем трактовка отдельных вопросов исторической этнографии Абхазии вызывает некоторые возражения. Например, З. В. Анчабадзе пишет, что в Южной Абхазии «действительно в феодальную эпоху (да и ранее) ясно прослеживается мегрело-сванское население»¹⁰⁸. Но как быть тогда с апсилами, которые локализируются как раз в Южной части Абхазии и которые, вместе с абазгами, согласно З. В. Анчабадзе, бесспорно являются непосредственными предками абхазского народа? Нет так же достаточных оснований для утверждения об особой пестроте этнической карты Абхазии в эпоху Колхидского царства, в состав которого она входила (частично или полностью)¹⁰⁹. Вряд ли можно считать вполне доказанным высказываемое и другими исследователями отождествление многоплеменных генихов с одними только санигами. Трудно согласиться с тем, что садзы (джики), не без оснований сближаемые с санигами, являются этнической общностью, отличающейся как от черкесов, мегрелов, сванов, так и от самих абхазов¹¹⁰, что садзский язык (асацзилсуа) был самостоятельным языком абхазо-адыгской группы¹¹¹, а не одним из сравнительно крупных племенных наречий или диалектов абхазского языка. Не обосновано и мнение, что племя мисимшия, упоминаемое в VI в. в верховьях р. Кодор, было одним из сванских племен (см. ниже)¹¹².

Итак, дав характеристику существующих теорий этногенеза абхазов (эфиопско-египетской, северокавказской, малоазийской, автохтонной) и подчеркнув, что этот вопрос нельзя рассматривать вне связи с общей проблемой происхождения иберийско-кавказских народов, З. В. Анчабадзе присоединяется к автохтонно-миграционной точке зрения, которая исходит из консолидации древнейших аборигенов Абхазии с пришлыми завоевателями. Он пишет, что абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнической консолидации аборигенного заселения

¹⁰⁸ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰⁹ Там же, стр. 160.

¹¹⁰ Там же, стр. 176.

¹¹¹ Там же, стр. 173—174.

¹¹² Там же, стр. 183.

края с более культурными племенами кашков. Позднее, пришедшие из северо-восточных районов Мал Азии, и явились носителями «языка-победителя», причём аборигены, возможно, находились с ними в определённом этническом родстве. «В данном аспекте мы рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался именно на данной территории»¹¹³.

В другой работе З. В. Анчабадзе, посвященной истории средневековой Абхазии¹¹⁴, также большое место занимает доказательство автохтонности и этнической индивидуальности абхазского народа. Автор убедительно доказывает, что в представлении грузинских и других авторов они являлись самостоятельной этнической единицей, которая в этом отношении отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей — картов, мегрелов и сванов¹¹⁵.

Вместе с тем З. В. Анчабадзе первым поставил один из главнейших задач истории средневековой Абхазии — вопрос о времени и условиях образования абхазско-феодалной народности. На основе документальных данных излагаются сведения исторической географии Абхазии, устанавливаются южные и северные границы основных областей Абхазии, говорится о том, что VIII в. Абазгия получила преобладание, что она фактически включила в свой состав Аписилию и некоторые другие абхазские этнические единицы. Здесь же автор выдвигает положение о том, что в основу образования единого языка абхазской народности ляжет апсильский диалект и т. д.¹¹⁶.

Выдвижение апсильского диалекта на первое место автор объясняет тем, что Аписилия в социально-экономическом и культурном отношении будто бы занимал ведущее место среди других областей исторической Абхазии¹¹⁷. Однако многое говорит, наоборот, за то, что

¹¹³ З. В. Анчабадзе. История и культура..., стр. 120, 122, 124, 126.

¹¹⁴ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959.

¹¹⁵ Там же, стр. 218.

¹¹⁶ Там же, стр. 69.

¹¹⁷ Там же, стр. 70.

именно Абазгия в период раннего средневековья занимала ведущее положение в политической и культурной жизни страны. Абазгия пользовалась большей независимостью не только по отношению к Лазике, но и по отношению к Византийской империи (о сравнительной суверенности Абазгии красноречиво свидетельствует, например, печать Константина Абазгского), столица объединенного Абхазского княжества Анакопия находилась на территории Абазгии, христианство стало распространяться сперва в Абазгии (Пицунде), название Абазгии распространилось и на все Абхазское царство, в то время как название «Апсилия», «апсилы» постепенно исчезает с исторического горизонта и т. д. Все это не может быть случайным.

Хронологически работа З. В. Анчабадзе охватывает период от времени «феодальной революции» до XVIII в. Однако недостаточно анализируется внутреннее вызревание и развитие феодальных отношений, их влияние на этническую консолидацию мелких народностей в более значительную и устойчивую этническую общность, правильные положения об этнической консолидации выглядят иногда общими схемами, годными и для характеристики других народов. Например, автор пишет, что «этническое состояние абхазского народа предопределялось в конечном итоге его социально-экономическим положением»¹¹⁸. Это положение не получило достаточно конкретного исторического подтверждения. Дав описание культуры и социальных отношений в Грузии и переходя к собственно Абхазии, автор нередко ограничивается утверждениями о том, что «аналогичными, в основном, чертами отличались и социальные отношения в Абхазии»¹¹⁹, что, правда, отчасти связано с ограниченностью источников.

Одним из преимуществ исследования З. В. Анчабадзе является широкое освещение грузино-абхазских отношений. В работе приводится большое количество конкретных материалов, говорящих о неразрывных и разносторонних связях между абхазским и грузинским народами, об единстве их исторических судеб, о многократных совместных выступлениях против общих врагов. В этой совместной борьбе крепили их братская дружба, их политические и культурные связи.

¹¹⁸ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 281.

¹¹⁹ Там же, стр. 161.

В новой, подготовленной к печати своей работе «Очерк этнической истории абхазского народа» З. В. Анчабадзе, опираясь на прежние и новые свои разыскания, впервые предпринял попытку написания систематического очерка этнической истории абхазского народа, проследить основные этапы этногенеза абхазов, начиная с древнейших времен до наших дней. В ней освещаются, в частности, вопросы палеокавказской этнической общности, выделения из нее древнеабхазского этноса, этнической характеристики населения античной и средневековой Абхазии, показаны образование раннефеодальных абхазских народностей, их последующая консолидация в единую абхазскую народность (завершившаяся, в основном в VIII в.), ее место в составе объединенного Грузинского царства, наступившие затем неблагоприятные условия этнического развития абхазов в XVI — начале XX вв., избавление их от реальной угрозы этнического исчезновения благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии, формирование абхазской социалистической нации на основе глубоких социально-экономических и культурных преобразований в Советской Абхазии.

Как своеобразное сочетание преувеличенного автохтонизма и миграционизма представляются взгляды К. С. Шакрыл на проблему этногенеза абхазо-адыгских племен, ибо, с одной стороны, он находит возможным «положительно» ответить на вопрос об участии предков указанных народов в создании не только неолитической, но даже и палеолитической культуры на территории северо-западного Кавказа, а с другой — утверждает, что малоазийские абешла и кашки «являются древнейшими предками нынешних абхазо-адыгских народов», что формирование последних этносов произошло в древней Передней Азии, где некогда жил народ, говоривший на едином абешло-кашкайском языке с тремя диалектами — абешлайским, кашкайским и апехским, из которых впоследствии выросли современные абхазский, адыгские и убыхский языки¹²⁰. Однако не ясно, почему абешло-кашкайцы упоминаются в древневосточных источниках

---

¹²⁰ К. С. Шакрыл. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. «Ученые записки» АИИЯЛИ, т. IV. Краснодар, 1965, стр. 210, 212.

II тысячелетия до н. э. в пределах Малой Азии, если они, по К. С. Шакрыл, переселились на Западный Кавказ на рубеже III—II тысячелетий до н. э., не говоря об отсутствии сведений об апсилах в ранней—VI—V вв. до н. э. — античной литературе¹²¹.

Важнейшее значение для изучения исторического прошлого Передней Азии, включая Кавказ, имеют труды И. М. Дьяконова, в особенности его работа «Предыстория армянского народа». Значение этой работы заключается, говоря словами самого автора, не только в установлении новых положений и фактов, излагаемых автором («за исключением некоторых соображений историко-лингвистического порядка»), сколько в той концепции и ее систематическом изложении, которое он дает на основе установленных ранее положений и фактов¹²². Как будет видно из дальнейшего изложения, автор этих строк во многом опирается на факты и положения, содержащиеся в указанном и других трудах И. М. Дьяконова.

Как отмечалось выше, археологи, исследуя памятники древней, античной или средневековой Абхазии, в той или иной степени касаются вопросов этнического состава и этнической истории края (Л. Н. Соловьев, А. Л. Луккин, Б. А. Куфтин, М. М. Тралш, А. Каландадзе, А. А. Нессен, О. М. Джапаридзе и др.). Здесь пока мы ограничимся указанием лишь на то, что в целом данные археологии не подтверждают каких-либо резких смен населения в Абхазии по крайней мере в течение последних четырех тысячелетий. Это несколько не означает полного отрицания разноплеменных этнических инфильтраций с севера или с юга на Абхазское побережье. Наличие ряда выразительных памятников малоазийского, скифского¹²³ или иного этнического происхождения свидетельствует как о теснейших культурно-исторических связях местного населения не только с соседними, но территориально и более далекими народами еще задолго до античной эпохи, так и о частичном оседании здесь

---

¹²¹ К. С. Шакрыл. Указ. соч., стр. 220.

¹²² И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты. Лувийцы. Протоармяне. Издательство АН Армянской ССР. Ереван, 1968, стр. 5.

¹²³ М. М. Тралш. Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962 г.

тех или иных групп с последующей их ассимиляцией среди более многочисленного аборигенного окружения.

Например, подвергнув анализу погребальные обряды цебельдинских некрополей, М. М. Трапш приходит к выводу, что наиболее распространенный в могильнике обряд — труположение — связан преемственностью с погребениями первого тысячелетия до н. э. в могильниках Черноморского побережья Абхазии, откуда он делает предположение, что за это время в составе населения Абхазии не произошло существенных перемен. Сходным образом, по-видимому, объясняется и происхождение второго обряда погребения цебельдинских могильников — трупосожжение с сохранением остатков пережженных костей и лепла в урне. Автору удалось доказать преемственность памятников культуры от эпохи поздней бронзы до конца античного периода.

По мнению Л. Н. Соловьева, положение В. В. Бунака о том, что территорию современной Абхазии и прилегающих к ней областей, занимаемую абхазскими и родственными им племенами, еще в эпоху неолита заселили представители понтийской расы, оказавшиеся на Кавказе вследствие передвижения малоазийских племен по Черноморскому побережью к Северному Кавказу, вполне подтверждается и археологическими материалами. Затем со времени неолита (до начала II тыс. до н. э., как считает Л. Н. Соловьев, на этой территории не было нарушений в преемственности местных традиций. Все абхазское побережье населяли племена южнодольменной культуры, южнее же — на открытых пространствах Колхидской низменности сильны были элементы высокой культуры Южнокавказского неолита. По мнению Л. Н. Соловьева, археологический материал позволяет говорить о проникновении в период около 2000 года до н. э. малоазийских племен, предполагаемых кашков, носителей традиций новой на этой территории культуры, называемой им проколхидской.

Территория Колхидской низменности и окаймляющих ее предгорий, где «обитали еще в первую половину III тыс. до н. э. поздненеолитические племена, имевшие культуру типа Одиши, родственную культуре Абхазского побережья, в последнюю четверть того же тысячелетия попала в область культурной и, вероятно, этнической экспансии земледельческих племен Южнокавказ-

ского энеолита, вероятно, из Триалети или из Восточной Грузии, на которую Б. А. Куфтия неоднократно указывает, как на область распространения Триалетского варианта Южнокавказского энеолита¹²⁴. На рубеже III—II тыс. до н. э. в Колхидской низменности происходит смена населения. Археологические культуры этого времени, с одной стороны, близки к Очамчирскому поселению, а, с другой стороны, несут на себе явные следы «тесной связи с культурными центрами Малой Азии». Эту культурную группу, по всей вероятности, родственную южнодольменной в этническом отношении, Л. Н. Соловьев называет «проколхидской», оговариваясь при этом, что это название дается им не только в смысле, что она предшествовала колхидской, но что она находится с ней в преемственной связи. «С большой долей вероятности, — пишет он, — можно рассматривать эту смену населения в Колхидской низменности как первый этап продвижения на Кавказ малоазийских кашков, принесших сюда не только своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, но и собственную металлургию, образцы которой хотя и не найдены в данных памятниках, но проявили свое существование на занятой этими племенами территории»¹²⁵.

Встреча же малоазийских племен с носителями дольменной культуры носила характер мирного слияния. «Потери могли сказаться разве только в языке, поскольку протохеттский язык кашков, по-видимому, оказался победителем»¹²⁶. Л. Н. Соловьев полагает, что «многие особенности в материальной культуре, религии, языке и фольклоре далеких предков абхазов», возможно, следует объяснить сухопутными связями с Малой Азией не столько торговыми, сколько непосредственным передвижением довольно крупных этнических массивов¹²⁷. В этих этнических массивах предположительно он видит кашков, одно из малоазийских племен, известное со вре-

---

¹²⁴ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского института», т. XIX. Сухуми, 1958, стр. 162—163.

¹²⁵ Там же, стр. 163.

¹²⁶ Там же, стр. 164.

¹²⁷ Там же, стр. 159.

мени правления хеттского царя Хантили I (XVII в. до н. э.).

Таким образом, по Л. Н. Соловьеву, с древнейших времен на побережье Черного моря бытовали культуры весьма родственные по происхождению. По-видимому, это была и в этническом отношении довольно родственная среда. Однако уже тогда культура здесь имела несколько вариантов: на севере, в районе современной Абхазии и ее окрестностей, это была южнодольменная культура, а южнее — близкие ей племена в III тыс. до н. э. подверглись сильному влиянию и, возможно, даже ассимиляции со стороны представителей южного Куроракского энеолита (его триалетского варианта). Начавшееся в начале II тыс. до н. э. продвижение на север племен кашков положило начало проколхидской культуре в Колхидской низменности, а на территории современной Абхазии кашки, встретив близкие в этническом отношении племена, смешались с ними, причем языком-победителем оказался кашкский. В дальнейшем кашки продвинулись далеко на север через перевалы Главного Кавказского хребта не только в северо-западном направлении, но, распространившись на территорию Грузии, проникли через Дарьяльский, Мамисонский и другие перевалы на Северный Кавказ, где приняли также участие в сложных этнических процессах, происходивших там во втором тысячелетии до н. э. На выходах указанных горных проходов к Северному Кавказу формировалась северокавказская культура, ведущая роль в которой принадлежала, по-видимому, тем же кашкам, ассимилировавшим местные племена — носителей культуры Нальчикского могильника. Большую роль отводит Л. Н. Соловьев кашкам и в формировании катакомбной и других культур юга нашей страны.

Иначе говоря, по Л. Н. Соловьеву, кашки двумя (а, может быть, и тремя) волнами переселявшиеся (точнее — расселявшиеся) из Малой Азии в Закавказье и на Северный Кавказ через Абхазию и Мамисоно-Дарьяльское ущелье (в неолитическую, энеолитическую и ранне-бронзовую эпохи), принесли с собой сюда не только малоазийский тип глиняной посуды и собственную металлургию, но, возможно, и дольменную культуру.

При всем важном значении многих выводов и наблюдений такого знатока кавказской археологии, каким яв-

лялся Л. Н. Соловьев, следует все-таки заметить, что он порою слишком увлекался миграциями этносов и их культур из Малой Азии, которые, по его мнению, несколькими волнами проникали на Кавказ, преувеличивал масштабы этно-культурного влияния предполагаемых пришельцев (кашков) на культуру и этническое развитие кавказских и даже некоторых других народов нашей страны, а также, не располагая историческими источниками, слишком доверялся археологическим материалам при решении сложнейших этногенетических проблем, требующих комплексного исследования, ибо распространение археологической культуры или, тем более, отдельных ее элементов далеко не всегда обязательно связано также с массовыми этническими передвижениями, с переселениями или расселением создателей и носителей данной культуры. Концепция Л. Н. Соловьева была подвергнута во многом справедливой критике со стороны Г. А. Меликишвили¹²⁸.

Сказанным, конечно, не исчерпывается вся история изучения этногенеза абхазов, ибо здесь были охарактеризованы только основные теории их происхождения. Существует немало высказываний и других ученых по различным аспектам проблемы, с которыми хотя бы отчасти мы еще встретимся в соответствующих местах дальнейшего изложения.

---

¹²⁸ Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1963, стр. 42 и сл. (на груз. яз.).

К РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

1. Истоки и связи археологических культур

Обзор археологического изучения Абхазии показывает, что за последние десятилетия накоплен большой, во многом уникальный материал, относящийся к разным историческим эпохам. К сожалению, этот материал не весь еще издан и недостаточно исследован с точки зрения его увязки с историко-этнографической жизнью и этническим развитием местного населения. А между тем данные археологии, как известно, сохраняют свое важное значение не только для ранних эпох, но и для периодов, освещенных письменными источниками.

Важнейший вопрос, с которым мы сталкиваемся, изучая происхождение народа, — вопрос об этнической и культурной преемственности, — требует, как уже было сказано, комплексного решения, в том числе обязательного сопоставления археологических материалов с этнографическими данными. Тем более, что на Кавказе мы имеем дело с необыкновенно древними автохтонными народами, подвергшимися различного рода влияниям. Все более становится очевидным, что исходная точка этнической истории многих из них упирается в такое отдаленное от нас время, как эпоха энеолита. Для определения этнической принадлежности населения наиболее важным являются такие элементы, как одежда, украшения, орнаменты, погребальные и другие консервативные обряды, подлежащие преимущественно археологическому изучению. При всем том необходимо учитывать и ограниченность возможностей археологии. Если вреден своего рода археологический нигилизм, то не менее ошибочным является любое преувеличение роли вещественных памятников при этногенетических исследованиях.

Этническая интерпретация археологических культур требует максимума осторожности, ибо археологические культуры хотя и отражают этнические общности, но проведение четкой границы между ними почти невозможно.

Как уже указывалось, этногенетика подстерегает две опасности — гипертрофированные теории автохтонности и миграций. Сторонники преувеличения автохтонности недоучитывают того, что весьма значительны были миграции племен и их взаимоотношения еще в эпоху неолита. Вместе с тем установление общей культуры на какой-либо обширной территории нередко является результатом слияния народов, без миграции какого-либо из них. И только в том случае, когда «изменение материальной культуры сопровождается резким изменением физического типа, археолог может быть безусловно уверен в том, что оно произошло в результате смены населения»¹.

Переселения и завоевания играли значительную роль в образовании новых этнических общностей. Ярким примером этого являются «великие переселения народов» в Евразии, оказавшие большое влияние на этнические процессы во многих странах старого света. Примером более ограниченного значения может служить то, как венгерские племена, принадлежащие к угорской ветви финно-угорских языков, двигаясь из Северного Прикаспия, за короткий срок промчались через южнорусские степи и тысяча семьдесят лет тому назад обосновались в бассейне Дуная. Подобных примеров можно привести немало из этногенеза болгар, турок и др.

В этническом отношении завоевания влекут за собой либо ассимиляцию побежденного населения, либо растворение в нем пришлого элемента, либо, — что также бывает довольно часто, — «синтез этнического суперстрата и субстрата, в ходе которого возникает новый этнос»².

Кавказ, с этой точки зрения, занимает, можно сказать, особое положение — бесспорно, местные истоки древнейших археологических культур теснейшим обра-

¹ «Советская археология», 1, 1962, стр. 26, 28.

² В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — «СЭ», № 2, 1968, стр. 36.

зом переплетаются с различными этнокультурными инфильтрациями. «Кавказ, в частности Закавказье и Восточный берег Черного моря, — пишет Б. В. Пиотровский, — представляется нам одним из центров древнейшей человеческой культуры, связующим звеном палеолитических культур Средиземноморья с Северным Причерноморьем»³, сыгравшим роль соединительного коридора, по которому шло передвижение первобытных племен и распространение их культур.

Закавказье вместе с Малой Азией являлись составной частью средиземноморско-африканской палеолитической области⁴. Поздний палеолит Кавказа и Приазовья объединялся и С. П. Замятниным в одну культурную область с палеолитом Передней Азии, а наиболее близкие аналогии его инвентаря «могут быть указаны в стоянках Сирии, Палестины, Ирака»⁵.

Появление в верхнем палеолите вкладышевой техники и развитие в связи с этим микролитических орудий (сегментов, трапеций и др.) привело далее к их совершенствованию и широкому распространению в эпоху мезолита и раннего неолита. Материалы стоянок мезолита Кавказа ясно иллюстрируют преемственность мезолитической культуры от местного верхнего палеолита⁶. К мезолитическим памятникам Кавказа с севера примыкают соответствующие памятники Причерноморья, Приазовья, Крыма, Днепровских порогов, инвентарь которых также представлен в основном указанными микролитическими формами. Эти памятники А. А. Формозов выделяет в особую культурную область Европейской части СССР⁷, однако появление геометрических микролитов и других характерных орудий произошло там позднее, чем на Кавказе и не связано с предшествующими культурами. Это указывает на привнесение ее извне, в результате вторжения с юга, через Кавказ, мезолитических групп населения, что подтверждают и антропологические ма-

³ Б. В. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 24.

⁴ В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. — «СА», № 27, 1957, стр. 74, 87 сл.

⁵ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. Москва, 1965, стр. 51.

⁶ Его же. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. — «СА», № 4, 1963, стр. 186.

⁷ Его же. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР. — «СЭ», № 5, 1958, стр. 21.

териалы из могильников, давших выраженный средиземноморский тип⁸.

Что же касается неолита Северо-Западного Кавказа, то он не только наследовал микролитическую технику мезолита, но обогатился новым приобретением культуры — земледелием и животноводством. Если последнее здесь было освоено только в неолите, то в Передней Азии это важнейшее событие произошло еще в мезолитическую эпоху. По-видимому, навыки скотоводства были занесены сюда вместе с традицией двусторонней обработки геометрических орудий и пластинками с головкой-черешком. Эти находки тянутся узкой полосой по Кавказскому побережью Черного моря и расходятся далее по Предкавказью⁹. Орудия этого типа характерны для стоянок Ирака, натуфийских стоянок Палестины, для Ирана и Малой Азии. О тех же направлениях связей говорит и ранняя плоскодонная керамика, присутствие пращевых камней вместо стрел и др.

Таким образом, неолитическая культура Северо-Западного Кавказа, с одной стороны, унаследовала черты местного мезолита, а с другой — «черты, заимствованные у древнейших земледельческо-животноводческих культур Передней Азии»¹⁰. Эта культура была характерна для узкой полосы Черноморского побережья Кавказа и для всего Северного Предкавказья. В этой же полосе, а также в долине р. Риони (Тетрамица) находят и стоянки с мотыжками так называемого сочи-адлерского типа. Такие мотыжки появляются в переднеазиатских памятниках V—IV тысячелетия до н. э. (Хассуна, Сиалк, Сузы, Джемдет-Наср). Здесь же они в больших количествах выявлены на распаханных полях и лишь однажды в документированном слое Очамчирского селения конца III тыс. до н. э., где было найдено всего два экземпляра. Это, по-видимому, говорит об угасании производства этих орудий в период ранней бронзы. А. А. Формозов не исключает возможной принадлежности части мотыг этого типа к тому же времени, что и мотыжки, найденные в Передней Азии. За пределами

⁸ Г. Ф. Дебед. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. — «СЭ», № 3, 1955, стр. 64.

⁹ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 59—60.

¹¹ Там же, стр. 61.

Черноморского побережья они на Кавказе нигде не найдены¹¹.

Прямые связи Кавказского Причерноморья с Передней Азией прослеживаются и на многочисленных материалах меднобронзовой эпохи. Например, ярким доказательством тесной связи культуры Западного Кавказа и Малой Азии служат комплексы Очамчирского и Мачарского поселений в Абхазии; знаменитого Майкопского кургана, особенно предметы из драгоценных металлов, медные топоры и керамика (конец III тысячелетия до н. э.); материалы стоянки Воронцовской пещеры (близ гор. Сочи), а в Прикубанье, у ст. Каменноостровской, наряду с фрагментами малоазийской керамики, найдена и глиняная статуэтка человека с перевязью через плечо¹². Круглые постройки — наиболее распространенный тип жилища Закавказья в неолитическую эпоху (IV тыс. до н. э.), пережиточно сохранившиеся у абхазов до нашего времени, — близки к жилищам, обнаруженным при археологических раскопках в Малой Азии.

Карта находок предметов и орудий переднеазиатских типов показывает, что основной путь развития сношений Кавказа с Передней Азией и интенсивное культурное воздействие последней, происходившее этап за этапом, волна за волной, пролегал в эти ранние периоды истории и по Черноморскому побережью Кавказа. Этот путь был долгим и длинным — от восточных берегов Средиземного моря и Двуречья, через Малую Азию к Черному морю и, огибая Западный Кавказ, заходил на северную сторону хребта, а оттуда веерообразно разветвлялся в разных направлениях¹³. Вполне возможно, что как навыки в культуре обработки орудий труда, так и начатки животноводства и земледелия были занесены сюда непосредственными носителями этих традиций, принадлежавшими к понтийскому антропологическому типу, как предполагает В. В. Бунак, относящий это событие к эпохе позднего неолита. Вместе с тем следует иметь в виду, что культурные влияния и сношения далеко не всегда сопровождаются переселением и самих

¹¹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 61.

¹² Там же, стр. 120, 131, рис. 63, 2.

¹³ Там же, стр. 61.

носителей культур, ибо если «слово следует за вещью», то с этносом это происходит куда более реже.

Как уже указывалось, особый интерес с точки зрения этногенетических процессов представляют археологические материалы энеолита и ранней бронзы. Памятники этого периода на территории Западного Кавказа немногочисленны и, тем не менее, выделяются исследователями в особую культурную область.

В этот период в хозяйственной жизни жителей Кавказа происходят крупнейшие изменения. Суть этих изменений состоит не только в употреблении неизвестных ранее металлических изделий, но и в том, что на смену охоте и собирательству, составлявшим основу существования людей предшествующего периода, приходят земледелие и скотоводство (явные начатки которых прослеживаются уже в позднем неолите). О сочетании примитивного земледелия со скотоводством свидетельствуют находки кремневых вкладышей серпов, каменных мотыг, зернотерок, зерен пшеницы и ячменя (близких к диким видам, известным в Закавказье), керамической посуды, костей крупного и мелкого рогатого скота. Эти материалы получены при раскопках энеолитических оседлых поселений, местами с круглыми в плане жилищами. Хозяйство аборигенов из присваивающего готовые продукты природы превращается в хозяйство производящее. Это было в основном однотипное хозяйство, хотя уже в энеолитическую эпоху в развитии культуры Северного Кавказа и Закавказья намечаются и значительные различия, связанные с природно-климатическими, а также племенными особенностями.

С интенсивным развитием земледелия и скотоводства, освоением металлов в эпоху энеолита и ранней бронзы связаны переход от матриархальных отношений к патриархальным.

Соответственно шел длительный и сложный процесс социальной дифференциации общества, выделения племенной аристократии. Уже в середине III тысячелетия появляются большие курганные насыпи (т. н. «курганы вождей») с погребениями племенных предводителей, резко отличающихся своим социальным и имущественным положением¹⁴ от рядовых общинников.

¹⁴ В. М. Массон. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 104, 107 и др.

Различия в величине и убранстве дольменов, а еще больше то обстоятельство, что, по всей вероятности, не все могли построить себе такие фундаментальные усыпальницы, как дольмены, заставляют предполагать разделение общин, коллективно строивших эти памятники почти с середины III тысячелетия и до XIV в. до н. э.¹⁵, на сильных и слабых, т. е. на более бедных и более богатых. Довольно резкое социальное и имущественное расслоение населения Абхазии того времени подтверждают и материалы очень бедного инвентарем Гумистинского курганного могильника, находящегося в непосредственной близости от Эшерских дольменов. Погребения сопровождалось глиняными горшочками, и лишь в одном случае был обнаружен миниатюрный топорик с начатым сверлением и овальная подвеска в форме оленьего зуба. Гумистинский курган занимает особое положение и по обряду погребения: тела умерших укладывались в скорченном положении головой на юго-запад и обкладывались большими камнями¹⁶.

В религиозных представлениях основное место занимали тотемизм и анимизм, а также культ плодородия и семейного очага. Вместе с тем шли процессы дальнейшего этнического развития древних племен Кавказа. Образуются объединения племен. Эти долговременные сложные процессы постепенно приводят к формированию и выделению отдельных локальных этнокультурных областей. Археологи выделяют несколько таких культурно-исторических областей на Кавказе для всего периода палеометалла, что уже само по себе служит выражением далеко зашедшего процесса дифференциации древнейшего населения края.

Одной из таких «особых» культурно-исторических областей оседлых земледельцев и скотоводов является Черноморское побережье Кавказа, отличающееся от энеолитических культур Кавказа, что, может быть, объясняется ограниченностью соответствующих материалов на территории современной Западной Грузии, включая и Абхазию.

Р. М. Мунчаев, подробно рассмотревший памятники

¹⁵ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. Автореферат. М., 1975, стр. 32, 34.

¹⁶ В. В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). М., 1966, стр. 20, 21.

Кавказского Причерноморья, отмечает, что «здесь, как и в неолите, была распространена единая в своей основе культура со специфическими особенностями, отличающими ее от раннеземледельческой культуры Закавказья», что вообще энеолит Причерноморья, как и на Северном Кавказе, характеризовался уходящей корнями в местный неолит самобытностью культуры, развивавшейся «спокойно», без заметных влияний со стороны¹⁷.

Исследователи, изучая культуру эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии, констатируют отличие ее бытовых и погребальных памятников от синхронных ей культур как Северного Кавказа, так и Южного Закавказья. Характерными признаками этой культуры, например, В. В. Бжания считает массовое и длительное использование орудий из валунов и гальки, среди которых большое значение имели тяпкообразные и дискообразные мотыги, грузила для сетей, зернотерки и терочники, шары для пращи, вкладыши серпов, наконечники стрел, изготовленные высокой техникой и др., употребление проушных топоров и топоров с опущенным обухом, своеобразных крючьев и т. д. Важным атрибутом этой культуры следует считать широкое распространение обряда вторичного захоронения, сооружение кремлехов и строительство дольменов. Как указывает автор, некоторые из этих признаков были присущи и другим культурам Кавказа, но «ни одна из них не имела подобного сочетания»¹⁸. Определяя условно границы распространения и отмечая общие корни единой неолитической культуры Черноморского побережья, В. В. Бжания высказал предположение о возможном единстве культур энеолита и ранней бронзы на Черноморском побережье Кавказа. Он считает, что накопление соответствующих фактов, вероятно, позволит наметить границу этой культуры на юго-востоке в Рионской низменности, на востоке — у села Дабла-Гоми, а на севере и северо-западе — вдоль Главного Кавказского хребта¹⁹.

---

¹⁷ Р. М. Мунчаев. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы. Тбилиси, 1971, стр. 34.

¹⁸ В. В. Бжания. Указ. соч., стр. 23.

¹⁹ Там же.

Итак, не вызывают сомнения местные истоки археологических культур восточного Причерноморья с учетом большого значения культурного влияния, идущего из стран Древнего Востока на протяжении тысячелетий, начиная с каменного века. В то же время не исключается распространение некоторых культур и их носителей также с севера на юг. Например, Г. Л. Кавтарадзе недавно высказал предположение о том, что майкопская культура, которую он связывает с предками абхазо-адыгских племен, была привнесена ее носителями в Малую Азию во второй половине III тысячелетия до н. э., отождествляя тем самым хаттов с создателями майкопской культуры²⁰, с чем, однако, трудно согласиться²¹.

Выше упоминалась дольменная культура, получившая большое развитие на Западном Кавказе. Более подробное ее рассмотрение диктуется тем исключительным интересом, который она вызывает с точки зрения основной проблематики настоящей работы.

2. Дольменная культура

Из истории вопроса. О значении взаимного дополнения, пояснения и сравнения археологических материалов с данными этнографии И. И. Мещанинов писал: «Вполне учитывая то громадное расстояние, которое лежит между нами и культурой, раскапываемой лопатой археолога, все же хотелось соединить их прослеживанием общих черт, наличных как в том далеком прошлом, так и в быту современного нам населения, хотя бы в иначе осмысляемых пережитках. Много раз я оказывался менее осведомленным, чем копавший под моим руководством рабочий. Не ему у меня, а мне у него приходилось нередко искать объяснения наблюдаемой обстановки... Нередко я признавал себя безграмотным и искал помощи у неграмотного крестьянина. Челове-

---

²⁰ Г. Л. Кавтарадзе. К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа. «Все-союзная научная конференция», Тбилиси, 1975, стр. 11, 12.

²¹ Этому противоречит и то, что, как установлено, металл Большого Майкопского кургана был импортным: сосуды из Двуречья, а орудия труда, судя по составу металла, из Малой Азии (А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 139).

ство, в определенных своих стадиях развития, переходит с одной ступени культурной жизни на другую, и тут изменяющиеся внешние условия жизни, например — с переходом от веков камня к векам металлов, меняют и потребности и само мировоззрение... Эта новая обстановка иначе осмысливает и то, что перешло в нее от предшествующих периодов, и сохраняется лишь как пережиток, но уже вкладывает в него новое содержание, иначе его понимает. В основе же многое из современного быта тождественно далеко отошедшим временам»²².

Что касается конкретно абхазской этнографии, то она настолько выразительна и донесла до нас в ярких пережитках отголоски такой седой древности, что трудно переоценить ее значение не только для абхазоведения, но и для этнографической науки вообще. Г. Ф. Чурсин подчеркивал, что сохранившиеся у абхазов «пережитки пройденных ступеней культурного развития представляют драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человеческого общества»²³.

Сочетание по возможности данных археологии и этнографии, плодотворность которого может быть наглядно продемонстрирована на примере изучения таких древних и сложных памятников, как дольмены, диктуется и тем обстоятельством, что без такого взаимного пояснения в ряде случаев становится почти невозможным приписывание определенной археологической культуры тому или иному из претендующих на нее народов.

Впервые Б. А. Куфтиным был поставлен «вопрос об этническом оформлении дольменной стадии Восточного Черноморья», чтобы установить возможную «связь материальных объектов с этими этногенетическими процессами»²⁴. Он рассматривал абхазские (эшерские) дольмены как памятники родового общества, в развитии которого в продолжение около 1500 лет до эпохи греческой колонизации произошли «крупные хозяйственно-общественные сдвиги». Однако этнические процессы на

²² И. И. Мещанинов. О пользовании этнографическим материалом при археологических работах. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, 1928. Баку, стр. 80—84.

²³ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 4.

²⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 310—311.

этой стадии еще не успели привести «к обособлению более или менее крупных племен-народностей».

Не отрицая миграций населения, Б. А. Куфтин считает, однако, «более существенными для ранних стадий общественного развития автохтонные процессы» этнического развития. Изменение могильного инвентаря трех хронологически различных слоев он связывает не с последовательной сменой трех различных племен или народов, а с местной традицией, с местной «хозяйственно-общественной трансформацией»²⁵, и вместе с тем пишет, что абхазская народность проникла откуда-то в Абхазию и образовала разрыв в первоначальном чано-мегрельском населении всего Восточного Черноморья, причем абхазский элемент появился здесь только в эллинистическую эпоху²⁶. В конце концов Б. А. Куфтин приходит к выводу, что недостаточная археологическая изученность памятников и неясность многих вопросов, связанных с дольменной культурой, «не позволяют включить строителей абхазских дольменов в ту или иную определенную геэтническую среду»²⁷.

Точка зрения о приходе откуда-то абхазов на места их нынешнего обитания только в эллинистическое время не подкрепляется никакими фактами, наоборот, противоречит данным имеющихся исторических источников. Л. И. Лавров отрицает смену населения на Северо-Западном Кавказе в течение нескольких последних тысячелетий и гипотезу о том, что все вообще дольмены «построены каким-то одним народом мореплавателей, постепенно переселявшимся с востока на запад или с запада на восток», а также и точку зрения спонтанного возникновения дольменов у разных народов независимо друг от друга. По его словам, «строителями дольменов нужно считать предков адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абазин и абхазов»²⁸, которые заимствовали соответствующие «идеи» в результате торгового и военного мореплавания в страны Средиземноморского бассейна, начиная с неолитической эпохи. Это мореплавание осуществлялось сильными племенными союзами еще задолго не

²⁵ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 311.

²⁶ Там же, стр. 311.

²⁷ Там же, стр. 312, 257, 318.

²⁸ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. «Труды» АБИЯЛИ, XXXI. Сухуми, 1960, стр. 106—107.

только до греков, но и финикийн и без всякого их посредства. Кавказ не был прародиной дольменов, но местные племена научились их строить не у заезжих купцов или морских пиратов. Кавказские мастера, вложив в практику строительства дольменов «свою собственную изобретательность», утверждает Л. И. Лавров, должны были сперва сами «своими глазами видеть подобные сооружения в других странах. Появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствие дальних морских экспедиций народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи»²⁹. Автору представляется, что дольмены строились заблаговременно, точно так же, как это делали современные им египетские фараоны, еще при жизни воздвигавшие себе гигантские пирамиды для заупокойного бытия, причем и это, по Лаврову, тоже не случайное совпадение, а «результат реальных связей, существовавших между странами в далекую от нас эпоху»³⁰.

По мнению Л. И. Лаврова, дольмены Северо-Западного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины. «На всей этой территории в эпоху бронзы существовало известное единство погребального обряда, а, может быть, и этническое родство. Если брать только кавказскую часть территории, на которой существуют дольмены, то она совпадает с исторической территорией абхазо-адыгской лингвистической группы, и это является одним из важных аргументов в пользу предположения, что в эпоху бронзы народы этой группы жили общей культурной жизнью»³¹.

Правильно подчеркивая, что местные племена научились строить дольмены не у заезжих купцов, вместе с тем Л. И. Лавров преувеличивает значение заимствования «идей» дольменов и роль в этом деле древнейшего кавказского мореплавания. К точке зрения заимствования склоняется и В. В. Бжания³².

В 1955—1956 годах грузинская археологическая экспедиция во главе с О. М. Джапаридзе обследовала несколько дольменов и добыла интересный материал,

²⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 107.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 102.

³² В. В. Бжания. Указ. соч., стр. 24.

изложенный в его статье «Дольменная культура в Грузии»³³. Автор пишет, что дольмены абхазской группы одного типа и подразделяются, как и на Северном Кавказе, на маленькие, средние и большие; по инвентарю средние более архаичны (конец ранней бронзы и даже раньше), а большие относятся к более поздней эпохе (конец средней бронзы), причем некоторые из них использовались вплоть до середины первого тысячелетия до н. э. Следовательно, строительство ранних дольменов в Абхазии относится им ко второй половине III тысячелетия, а поздних — ко второй половине II тысячелетия до н. э.³⁴, причем он указывает, что на раннем этапе развития дольменная культура Абхазии «проявляет явную связь с памятниками ранней бронзы Кавказа. В период средней бронзы она приобретает несколько своеобразный характер, находит некоторые аналогии в памятниках средней бронзы, а также связывается с памятниками поздней бронзы Абхазии»³⁵. В статье мы не находим постановки этнических вопросов, хотя и указываются специфические особенности, свойственные только инвентарю абхазских дольменов (бусы с треугольными отверстиями и бронзовые булавки с головками)³⁶.

И. Адамия, присоединяясь к мнению П. Ушакова о том, что строительство кавказских дольменов принадлежит не создателям кобанской культуры, а колхам, пишет: «Мы должны называть эту культуру колхской культурой»³⁷. Однако ни датировка дольменов (рубеж V—IV тыс. до н. э.), голословно предложенная И. Адамией, ни их приписывание грузинским («колхским») племенам, ни тем более попытка протянуть какую-то связующую нить между дольменами и семейными надмогильными памятниками, встречающимися кое-где у современного населения юго-восточной Абхазии, не выдерживают критики, не говоря уже об утверждении автора о принадлежности абазгов и апсиллов к грузинским племенам.

³³ О. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии (результаты абхазской археологической экспедиции за 1955—1956 гг.). «Труды Тбилисского государственного университета им. Сталина», 77. Тбилиси, 1959 (на грузинском языке, с русским резюме).

³⁴ Там же, стр. 92.

³⁵ Там же, стр. 103.

³⁶ Там же, стр. 90—91.

³⁷ И. Адамия. Грузинское народное зодчество. Книга вторая. Тбилиси, 1968, стр. 23.

Западно-кавказские дольмены, особенно ранние, обнаруживают наибольшее сходство с соответствующими постройками Средиземноморского бассейна, включая памятники Пиренейского полуострова, Сардинии, Северной Африки, Палестины, Европейской Турции и Болгарии. Наиболее ранние дольмены находятся в Португалии, и сооружались там они в 4000—3500 годах до н. э.³⁸

Первым на связь кавказской дольменной культуры со средиземноморьем указывал Б. А. Куфтин³⁹. Наиболее же ярко эта концепция нашла свое выражение в исследованиях В. И. Марковина, согласно которому дольменная культура проникла на Кавказ из средиземноморского мира. Он связывает привнесение ее с передвижением большой группы средиземноморцев, морским путем достигших в середине III тыс. до н. э. Кавказского побережья и сыгравших значительную роль в этногенезе абхазо-адыгов. Встретившись на Северном Кавказе с населением Майкопской культуры, они оттеснили его далеко на восток, за пределы Прикубанья. Однако пришельцы сами подпали под культурное воздействие майкопцев, а примерно с середины II тысячелетия — под влияние племен уже северокавказской культуры. Что же касается южных районов распространения дольменной культуры, то там В. И. Марковин видит довольно быстрое слияние древних насельников абхазской территории со строителями дольменов, а с середины II тысячелетия это смешанное население, по его мнению, поддавалось влиянию западногрузинской археологической культуры, в результате чего дольмены якобы стали «служить своеобразными костехранилищами — оссуариями»⁴⁰.

---

³⁸ В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974, стр. 29, 43, 50.

³⁹ Он склонялся к тому, что античные насельники Кавказского побережья — гениохи — были пеласгами и что к древнейшему пеласгическому слою относится докобанская, более древняя стадия палеометаллической культуры Кавказа, в частности, ее дольменостроительная модификация (Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 322).

⁴⁰ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 46, 51; его же. Дольмены Западного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1975, стр. 27.

Следовательно, по В. И. Марковину, ранний период этногенеза абхазо-адыгов, длящийся до конца II тысячелетия до н. э., характеризуется непосредственным взаимодействием иностранной (средиземноморской) по своему генезису дольменной культуры и ее носителей с западнокавказскими аборигенами — абхазо-адыгами, которые в конце концов полностью ассимилируют пришельцев. Археологический материал, пишет В. И. Марковин, дает основание утверждать, что со второго тысячелетия до н. э. «и до самого позднего времени на территории Западного Кавказа... не ощущается существенной смены населения»⁴¹. (Замстим, что полностью отрицает смену населения на территории дольменной культуры и другой исследователь абхазских дольменов — О. М. Джапаридзе)⁴².

Вышеизложенное мнение В. И. Марковина, при всей его логичности, вызывает некоторые сомнения и возражения. Основному его тезису о приходе средиземноморцев на Кавказ противоречит прежде всего «чисто кавказский облик»⁴³ самого дольменного инвентаря, хотя В. И. Марковин, правда, приводит некоторые предметы из Сицилии, аналогичные кавказским дольменным (крюк, топор, секира и тесло)⁴⁴. Неясны, кроме того, причины, приведшие к столь длительной и значительной миграции строителей дольменов с запада на восток, а также их хотя бы предположительная этническая принадлежность. Возникает и законный вопрос, почему эти пришельцы, столь тесно связанные с морем и мореходством, на Кавказе предпочли глубинные лесистые предгорья, а не побережье — вблизи своей родной морской стихии. Далее, как такой мощный и экспансивный народ-завоеватель с относительно высокоразвитой культурой, строитель сложнейших по тому времени погребальных сооружений, оказался ассимилированным в среде окружающего местного населения, стоявшего на более низком уровне социально-экономического и культурного развития. Также неясным остается вопрос появления обряда вторичного погребения под западногрузинским

⁴¹ В. И. Марковин. Дольменная культура..., стр. 48.

⁴² О. Д. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 231, 232.

⁴³ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 46.

⁴⁴ Там же, стр. 35.

влиянием, ибо этот обряд не характерен для носителей западногрузинской допротоколхидской культуры. В изложении В. И. Марковина неясна и этническая природа носителей протоколхидской культуры, в среде которых полностью растворились южные дольменостроители, иными словами, являются ли южные дольменостроители и носители протоколхидской культуры представителями близких этнических общностей или же нет?

Я. А. Федоров, придерживающийся в основном автохтонной теории, развивает тезис З. В. Анчабадзе о том, что «эпоху процветания дольменной культуры в Абхазии следует рассматривать как начальную стадию формирования абхазского этноса»⁴⁵. Он исходит из того, что ареал расселения абхазских и адыгских племен в XIX веке отнюдь не совпадает с ареалом расселения их далеких предков, носителей дольменной культуры, и что размежевание абхазов и адыгов произошло еще до возникновения здесь дольменной культуры, а также отрицает прародину кавказских дольменов где-то в заморских дальних странах: идея дольменов могла развиваться в пределах самого анатолийско-кавказского ареала. Кроме того, Я. А. Федоров считает ошибочным представлять носителей дольменной культуры на Кавказе некоей аморфной абхазо-адыгской этнической массой, ибо «ко времени постройки ранних дольменов Абхазии, абхазские и адыгские языки должны были уже самоопределиваться»⁴⁶. Следуя Е. И. Крупнову, Я. А. Федоров доказывает, что Абхазия является основным районом, из которого распространилась дольменная культура на Кубань. Автор локализует всю дольменную культуру в протоабхазской этнокультурной среде, стремится доказать этническую принадлежность этой культуры именно предкам абхазов, причем в его аргументации немаловажное значение имеет абхазский обычай вторичного погребения, якобы чуждый адыгам. «Проникновение традиции дольменного погребения за пределы Абхазии и прилегающих к ней районов Восточного Причерноморья было связано с расселением протоабхазских групп через перевал за Кавказский хребет»⁴⁷, угасание же дольменной

⁴⁵ З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии, стр. 125.

⁴⁶ Я. А. Федоров. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях. «ВМГУ», № 4, 1974, стр. 79.

⁴⁷ Там же, стр. 86.

культуры отражало собой процесс ассимиляции абхазского этноса⁴⁸.

Если, однако, указанные ареалы позднейшего расселения абхазо-адыгов и распространения западнокавказских дольменов никак действительно не совпадают, то выходит, что находимые на этой территории археологические культуры не имеют отношения к предкам абхазо-адыгов, с чем трудно согласиться. А что касается приписывания дольменов только предкам собственно абхазов, то вряд ли последние уже в ту отдаленную эпоху имели столь широкое распространение — от Южной Абхазии до Керчи, включая весь бассейн Кубани.

Если дольмены принадлежат праотцам коренного населения нашего края, то это, несмотря на дальность расстояния, отделяющего нас от времени их создания, должно было в какой-то мере отразиться в культуре тех народов, которым эти памятники приписываются.

Сознавая слабую аргументированность каждой из охарактеризованных теорий — заимствования «идеи», миграции населения и местного (спонтанного) происхождения дольменной культуры на Кавказе, хотелось бы сопоставить археологические материалы с филолого-этнографическими, обратить внимание на некоторые факты исторической этнографии абхазо-адыгов, которые, как можно надеяться, делают более убедительной гипотезу о принадлежности дольменов предкам указанных народов.

Прежде всего сравним две карты — карту распространения дольменов по обе стороны Кавказского хребта⁴⁹ и карту расселения абхазо-адыгских родоплеменных групп в первой половине XIX в.⁵⁰. Мы видим, что эти карты почти совпадают друг с другом, занимая территорию от Пятигорья на северо-востоке и до Керченского пролива на западе, а оттуда вдоль Черноморского побережья вплоть до южных районов современной Абхазии (преимущественно горная и предгорная полоса). За пределами этого исконного обитания абхазо-адыгских племен нет нигде на Кавказе настоящих дольменов.

---

⁴⁸ Я. А. Федоров. Указ. соч., стр. 93.

⁴⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 111.

⁵⁰ Ш. Д. Ивал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 367.

Хотя этнические границы не постоянны, но все-таки в данном случае такое совпадение распространения абхазо-адыгских племен с ареалом дольменов не является случайным, оно не может, пожалуй, получить более убедительного объяснения, кроме того, что только коренные жители этих мест, то есть древние предки абхазо-адыгской группы народов, с незапамятных времен почти безраздельно господствовавшей на указанной территории, могли быть создателями кавказской дольменной культуры. Причем указанная территория характеризуется и общностью ряда других весьма архаических этнографических признаков, которые в свою очередь так же выделяют очерченную территорию как особую историко-культурную область, образование которой происходило в процессе многовекового культурного и этнического развития местных племен.

Вторичное погребение. Попытаемся протянуть и другие нити, связывающие этнографический быт абхазов с дольменной культурой.

Своеобразное расположение человеческих останков, находимых в дольменах, приводит археологов к убеждению о том, что у строителей этих сооружений существовал обычай вторичного погребения. Правда, некоторые исследователи отрицают наличие вторичного погребения в дольменах. Но пока нет убедительного опровержения этого факта, мы должны считаться с мнением тех археологов, которые сами непосредственно проводили раскопки в дольменах и подтверждают вторичность погребений в некоторых из них⁵¹. И вообще одним из характернейших признаков культуры Абхазии в эпоху энеолита и ранней бронзы является «широкое распространение обряда вторичного захоронения»⁵².

Вторичные захоронения имели в Абхазии глубокие традиции и встречались в пещерах, дольменах, кром-лехах, урнах и пр., и не только в раннебронзовую эпоху, но и в более поздние времена. По археологическим материалам прослеживается преемственная традиция погребального обряда со вторичным положением в кувшинах (или без них) вплоть до III в. до н. э. Об этом свидетельствуют пещерные захоронения в урнах и без них эпохи ранней бронзы (Гагрский, Калдахварский,

⁵¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 274—275, 278, 295.

⁵² В. В. Бжания. Указ. соч., стр. 23.

Каманский, Лавинный гроты, Воронцовская и Михайловская пещеры), захоронения в урнах в береговом валу в районе Гагр и с. Псоу, могильнике, обнаруженном в Новых Гаграх рубежа III—II тысячелетий до н. э. (из 14 захоронений 2 остались невыясненными, одно представляло трупоположение на спине, 11 погребений были вторичными, причем пять погребений представляли собой небольшие кучки костей, накрытых черепом, а в 6-ти случаях одни черепа были сложены в поставленные вверх дном горшки, окруженные остальными частями скелета). К XV—XIII векам до н. э. относятся вторичные урновые погребения из с. Н. Эшера, к эпохе поздней бронзы в сс. Приморском, Мерхеули и районе Красного Маяка, к III веку до н. э. относится захоронение в с. Н. Эшера. Южнее вторичные погребения, иногда с частичной кремацией зафиксированы в с. Палури на р. Ингури, где могильник функционировал начиная со второй половины II тысячелетия и вплоть до середины I тыс. до н. э., в сс. Мухурча и Нигвзани, а обнаруженное в Накалакеви вторичное урновое погребение относится к IV—III вв. до н. э. Что же касается дольменов, то вторичные погребения в них совершались в течение почти 2000 лет, а в кромлехах от первой половины II тысячелетия и до рубежа н. э.⁵³

Обряды вторичного погребения, датируемого рубежом II—I тысячелетий до н. э., установлены археологами и для определенного района Центрального Дагестана (сел. Чох)⁵⁴. Однако этот обычай проник в Дагестан, по-видимому, из Северо-Западного Кавказа, так как «установлено продвижение северокавказских племен

⁵³ Г. К. Шамба. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. «Известия» Абхазского института, П. Сухуми, 1973, стр. 188; Р. М. Абрамишвили, Т. К. Микеладзе, Д. П. Мухелишвили. О результатах археологических исследований на строительных площадках ИнгуриГЭС (1964—1965 годы). «Пленум ин-та археологии 1966 г. Секция археологии Кавказа. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 4; Г. К. Пхакадзе, М. В. Барамидзе. Могильник в Мерхеули. Полевые археологические исследования... в 1969 г. Тбилиси, стр. 230—231. Т. К. Микеладзе, М. В. Барамидзе и др. О работе Колхидской экспедиции... Полевые археологические исследования... в 1974 г.; Г. Григолия и др. Результаты работ 1971 г. разведочно-археологической экспедиции Западной Грузии. Археологические исследования в Грузии в 1971 году. Тбилиси, 1972, стр. 108.

⁵⁴ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 году. ҚСИИМК, вып. 71, 1958.

эпохи бронзы в северные пределы равнинных и предгорных районов Дагестана (курганы по р. Сулак)⁵⁵.

Таким образом, есть основание думать, что обычай вторичного захоронения действительно существовал в Абхазии, более того, первоначально он был, по-видимому, наиболее характерным для древнего населения этого края и смежных с ним районов, откуда впоследствии проникает на Северный Кавказ и даже в Поволжье, где он отмечен в материалах, связанных с Кавказом⁵⁶.

В связи с археологически устанавливаемым вторичным погребением особый интерес вызывает характерный похоронный обычай абхазов — «воздушное» погребение покойников, о котором имеются указания как в исторических, так и в этнографических источниках.

Разными авторами, начиная с IV в. до н. э. по XVIII в., описан обряд первичного захоронения колхских воинов, зашитых в ритуальные шкуры священных быков, причем покойников подвешивали на деревья в священной роще бога войны (заметим, что почти все «колхидки» имеют на реверсе изображение быка).

Так, Нимфодор Сиракузский (нач. III в. до н. э.), а затем Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) пишут, что у колхов считается святотатством предавать огню или зарывать в землю трупы умерших мужчин, что их заворачивают в невыдубленные бычачьи шкуры и при помощи веревок вешают на деревьях вдали от города, в то время как трупы женщин предаются земле⁵⁷. Николай Дамасский (I в. до н. э.) подтверждает, что колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях. Клавдий Элиан (III в. н. э.)⁵⁸ также отмечал, что «колхи хоронят покойников в кожах: зашивают их и вешают на деревьях»⁵⁹. Обряд этот описан в начале XVII в. Ж. Лукка. Евл. Челеби также говорит о захоронениях на деревьях, которым подвергались абхазы высшего сословия. Арк. Ламберти (XVII в.), сообщая об обычае абха-

⁵⁵ В. И. Марковин. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1968, стр. 9.

⁵⁶ А. Х. Халиков. Очерки по истории Марийского Поволжья в эпоху железа. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962.

⁵⁷ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1947, № 3, стр. 283.

⁵⁸ Там же, ВДИ, 1947, № 4, стр. 176; ВДИ, 1948, № 2, стр. 227.

⁵⁹ Обряд захоронения в целой бычьей шкуре засвидетельствован и для раннего Египта (К. С. Дикшиг. Введение в археологию. М., 1960, стр. 260).

зов вешать покойников на дереве, указывает, что они «выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне»⁶⁰. Царевич Вахушти (XVIII в.) писал, что абхазы клали мертвых одетыми и вооруженными в гробы и ставили на деревья. Как мы видим, все эти авторы пишут о «воздушном» погребении в отношении только мужчин.

Обычай «воздушного захоронения» связан, надо полагать, с тотемическими представлениями или культом божества молнии Афы⁶¹, в котором явно проявляются черты бога-воителя, покровителя мужчин-воинов, «мужчин-героев» (афырхаца).

Согласно древнему абхазскому обычаю, описанному Соломоном Званба и другими авторами, дошедшему до нашего времени, убитые молнией в течение некоторого времени действительно клались на высоких деревянных подмостках, а вокруг них устраивалось обрядовое хождение в сопровождении специальной песни в честь божества грома и молнии (Афы рашэа). И только после этого они предавались земле, причем выражать горе плачем или слезами не полагалось⁶². Соответствующий обычай засвидетельствован и у адыгских племен. Так, И. Шильтбергер, в самом начале XV в. посетивший адыгов, сообщает, что убитые молнией признаются у них святыми, гроб пораженного молнией вешают на дерево и в течение трех дней совершают обрядовые пляски и жертвоприношения, повторяемые ежегодно⁶³.

По словам 70-летнего Инуса Хуматовича Дгебиа, проживающего в сел. Багбаран, близ Сухуми, в старину абхазы клали покойников в шкуру, которую в целом виде сдирали с быка, перевязывали концы и подвешивали

⁶⁰ Арк. Ламберти. Описание Колхиды..., СМОМПК, вып. 43. Тифлис. 1913, стр. 189, 190; ЗООИД, XI. Одесса, 1879, стр. 493.

⁶¹ По описанию А. Иоакимова, «гром и молнию абхазцы приписывают божеству а-фу, почтенному старцу на крылатом коне, с извилистым мечом в правой руке (А. Иоакимов. Абхазцы. «Кавказ», № 39, 1874 г.).

⁶² С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, стр. 67—68.

⁶³ Ф. Брун. Путешествие И. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. «Записки императорского Новороссийского университета», том I, вып. 1—2. Одесса, 1867, стр. 60.

вали вьющимися лианами на дереве, вдали от населенного пункта. Об этом он слышал в детстве от старого жителя села Мерхеули Османа Кягуовича Капба. Подобные же сведения были записаны мною и от жителя сел. Куланурхва Гудаутского района Хаджарата Аргун и др. Рассказывают, в частности, что пораженного молнией человека «клали не только в цельную бычью шкуру, но также на сколоченные деревянные доски и в плетеную корзину конусообразной формы (акуцха)⁶⁴, которые также подвешивались (или устанавливались) на дереве.

Сохранились и некоторые микротопонимические названия, связанные с этим обычаем. Например, в селе Куланурхва одна местность известна под именем Ацкнахарта (Ацскнахарта), Алсца рыкнахарта (Ацсца рыкнахарта), что в дословном переводе с абхазского означает «Место подвешивания покойника (покойников)». Эта местность находится на высоком холме, богатом в прошлом дичью и сплошь покрытом высоко вздымавшейся к небу густой растительностью, среди которой особенно много было дуба. Некоторые старики — коренные жители Лыхны, помнят и такое микротопонимическое название на территории этого села: «Дуб, на котором покоится голова (череп) покойника» (Ацсы ихы ахыку ац).

Итак, в некоторых пещерных, дольменных, кувшинных и других древних захоронениях Абхазии⁶⁵ погребались человеческие кости, собранные в кучу, которые накрывались иногда черепом⁶⁶. Такие обряды трудно объяснить, не иначе как допустив существование вторичного погребения. Получается, что, согласно этому обычаю, умерших хоронили дважды: сначала на воздухе, а затем в земле. Сперва покойника отвозили подальше от жилища и помещали его на дереве (или другом недоступном для зверей месте), а потом, когда оставались

⁶⁴ Архив Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Гр. ССР, ф. 2, д. 159, стр. 124.

⁶⁵ Пещерные погребения встречаются во множестве и в средневековых могильниках верховьев Кубани, а кувшинные захоронения имели широкое распространение почти на всем Кавказе, например, в Восточной Грузии второй половины I тысячелетия до н. э. и на территории Кавказской Албании (Мингечауре) и др.

⁶⁶ А. Фадеев. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. «Труды» АБНИИКа, вып. II. Сухум, 1934, стр. 68, 69.

одни кости, перенесли их в другое место и предавали навечно земле простой ингумацией или в специальных гробницах.

Возникает вопрос об этнической принадлежности этого уникального обычая и его связи с дольменами.

Еще в недавнем прошлом у абхазов существовал обычай так называемого «снятия с доски» (абукухра). Суть его состоит в том, что человек, потерявший своего близкого друга, приходил к родственникам последнего и просил их предоставить ему право «снять покойного с доски». Это означало, что, в случае согласия близких умершего, он берет на себя все заботы по похоронам последнего. Вполне возможно, что родственники и друзья умершего приходили к тому месту, где на дереве (или высоком деревянном помосте) покоились кости сородича, снимали их оттуда и погребали в отведенном месте. Трудно найти более правдоподобное объяснение указанной обычая, чем то, которое прямо вытекает из самой этимологии его названия: «снятие с доски» (от «абу» — доска, «акухра» — снимать, спускать, поднимать).

В данной связи не лишены интереса и некоторые другие характерные древнеабхазские фразеологизмы. Например, такой: «Чтоб накинули на тебя лиану (лозу)» (Азахуа ухарцааит). Естественно думать, что это проклятие идет от времени, когда умершего, завернув в шкуру, клали на доску и при помощи лианы подвешивали на дереве, а потом снимали его оттуда для захоронения. Все знают выражение «апсылгара», что понимается как вынос мертвеца далеко за пределы поселка, очевидно, для того, чтобы запах разложения не доносился до населенного пункта. В смысле похоронить человека абхазы часто говорят и так: «Кости его предали земле» (Ибацкуа анышә иартейт). В этом выражении по духу его и букве также можно усматривать далекий отзвук тех порядков, когда погребали в землю не целое тело, а только кости покойника. После же предания земле останки предков должны, согласно обычаю, оставаться там навечно непо потревоженными.

И в эшерских кромлехах, сооруженных в первой половине II тысячелетия до н. э.⁶⁷ из четырех каменных

⁶⁷ Г. К. Шамба. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974, стр. 41, 43 и др.

кругов, связанных, очевидно, с космическими представлениями древних абхазов — культом солнца и грозовых явлений (Афы), мы встречаемся, как и в некоторых дольменах, урнах и др., с обрядом вторичного захоронения. По всей вероятности, в кромлехах, служивших священными костехранилищами, хоронились прежде всего останки пораженных молнией людей и животных — в эшерских кромлехах и дольмене были обнаружены, наряду с глиняными сосудами, бронзовыми и раннежелезными предметами, также и кости собак, которые были древнейшими боевыми друзьями и помощниками человека, почему и находим мы в архаической абхазской мифологии уникальный образ божества этих животных под именем Алышькынтыр.

Как видно, нигде, пожалуй, обряд вторичного захоронения не имел столь широкого и столь длительного по времени распространения (свыше 4000 лет) и нигде он не был так органически связан с этнографическим бытом населения, как в Абхазии. И если такой важный с этногенетической точки зрения обычай, как «воздушное погребение», был известен колхам и абхазам и, говоря словами Арк. Ламберти, нельзя больше его «найти ни у одного народа в мире», то не свидетельствует ли этот факт еще и об этническом родстве абхазов с теми колхами, которым приписывали античные авторы данный обычай, на что исследователи обращают недостаточно внимания.

Обычай вторичного погребения был известен и в некоторых странах Древнего Востока. Так, в древнем Эламе (Сузы) покойников предавали земле «лишь после полного разложения плоти». Еще в начале IV тысячелетия до н. э. в долине Сарона кости покойников гласульской культуры после разложения плоти помещали в прямоугольные керамические урны — «оссуарии», причем эти урны в точности повторяли архитектуру их жилых домов⁶⁸.

Почитание черепа. С наступлением бронзовой эпохи на территории Абхазии фиксируются с достаточной чет-

⁶⁸ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 212, 346. В Европе же вторичные погребения не имели широкого распространения. Этот обряд иногда встречался в культуре курганных погребений (1500—1200 гг. до н. э.) и в старых больших курганах Северной Европы более позднего времени (А. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. М., 1973, стр. 58, 103, 231).

костью два основных погребальных обряда: грунтовые захоронения и вторичные погребения. Последний обряд, в свою очередь, представлен четырьмя вариантами: захоронением в дольменах, в кромлехах, в пещерах и урнах. Существование обряда вторичного погребения доказывается, в частности, расположением человеческих останков в виде куч костей и отсутствием анатомической последовательности, а также некоторых костей, в том числе иногда и черепов.

Надо полагать, что древние люди при отправлении обряда вторичного погребения выделяли отдельные части скелета по их значимости. Ритуальные захоронения черепов, найденные в Гагрском и Калдахварском гротах и в с. Псоу, относятся ко второй половине III тыс. до н. э. Древние жители этих мест, которым принадлежат захоронения, по-видимому, только череп предавали земле, считая его вмещителем души, хотя в некоторых других местах, например, в Михайловской пещере и Команском гроте, встречаются захоронения костей без черепов⁶⁹.

Как указывалось выше, и в дольменном обряде погребения череп среди других человеческих останков иногда занимает особое положение: лежит сверху на куче остальных костей, прикрывая их собой и возвышаясь над ними. Характерно, что абхазы почтительно называют старейшину рода, мудрого наставника странным на первый взгляд термином «череп», дословно «головная кость» (ахыбаџ, от «ахы» — голова и «абаџ» — кость). И сейчас еще можно услышать выражение: «Клянусь нашим черепом», в смысле «Клянусь нашим предком» (Ххыбаџ намаџуп). Можно думать, что именно пожилые мужчины из числа привилегированной части населения, занимавшие руководящее положение в обществе, удостоивались прежде всего чести быть погребенными в дольменах (хотя и считают некоторые, что в них хоронились все). Древние предки абхазов, веря в загробную жизнь, считали, по-видимому, что и после смерти людям нужны не только свои жилища и другие условия материальной жизни, но и «черепа», то есть руководители в лице родовых и племенных старейшин и жрецов

---

⁶⁹ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии..., «Труды Абхазского ин-та», XXXI. Сухуми, 1960, стр. 93.

(аныхацааа), без опыта и премудростей которых никто не мыслил своей жизни ни на этом, ни на том свете.

Дольмены и анимистические представления абхазов.

Строители дольменов вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством, появление которых представляет собой целый переворот в хозяйственном развитии общества (в настоящее время уже можно считать доказанным переход племен, обитавших на юге СССР, к земледелию и скотоводству еще в эпоху неолита). В дольменах найдены части скелетов различных животных, прежде всего собаки, а также лошади, свиньи и рогатого скота, причем, возможно, что в процессе строительства дольменных сооружений применялись веревки и тягловая сила быков⁷⁰. Представления же о двойственности мира, потусторонней жизни, заботы о своих праотцах, а также знакомство с такими абстракциями, как «бессмертие», «дух», «душа» и т. д., показывают довольно высокую степень их духовного развития, ибо, говоря словами А. В. Луначарского, «кто совершенно невежествен, того не грызет бес сомнения»⁷¹. Строительство таких памятников, как дольмены, связано с определенными важными сдвигами в развитии общества и его мировоззрения. Надо полагать, что немалую роль в этом сыграли прежде всего новое религиозное осмысление загадочного для первобытного человека явления смерти, охватившие его заботы о загробной жизни. И вот на Западном Кавказе заупокойный культ получил свое конкретное проявление, в частности, в массовом строительстве герметически замкнутых погребальных камер, рассчитанных на исключительную долговечность. Встречающееся в литературе определение дольменов, как «домиков для души»⁷², вполне соответствует идущему от родового строя анимистическому воззрению о человеческой душе и ее связях с телом.

Анимизм выступает как один из существенных элементов всякой религии. Он оформился на сравнительно высокой степени общественного развития — в эпоху расцвета родового строя. Анимистические воззрения, как

⁷⁰ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа, стр. 23, 31.

⁷¹ А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога. М., 1958, стр. 48.

⁷² И. И. Мещанинов. Указ. соч., стр. 81.

своего рода «духовные силы производства», были господствующими у всех народов в течение долгих веков, а абхазы донесли их почти до наших дней в виде ярких пережитков.

Согласно верованиям абхазов, все живое является носителем души (аџсы), то есть неопределенного сверхъестественного духовного начала, которому некогда, может быть, даже приносились человеческие жертвы, о чем, возможно, свидетельствует выражение: «Да обведут меня вокруг твоей души» (Уџсы сакухшоуп)⁷³. В дословном переводе с абхазского жизнь есть то, что «содержит душу» (аџстазара, от «аџсы» — душа, «атазара» — содержать, вмещать). Следовательно, душа внутри нас. Но она может «входить» в организм (аџстала-ра) и «выходить» из него (аџсхытра, аџстытра). Тогда соответственно наступает оживление (одухотворение) или смерть. Перед смертью душа «собирается» со всего тела (аџсеизгара), наконец, покидает его (аџсыхра, аџсыхшэара) и наступает смерть (аџсра). В смысле «убью тебя» абхазы говорят: «Вытяну с тебя душу» (Уџсы ухысхып), «Выну из тебя душу» (Уџсы тысхып). Душа нужна телу везде и всюду, в том числе и на том свете. Никогда она не должна блуждать где-нибудь вдали от него, не может надолго разлучаться с телом. Поэтому, если человек погиб в горах или утонул в воде, а труп его перенесен и похоронен в родовом кладбище, то можно и даже обязательно воссоединить душу, покинувшую тело, с этим последним. Для этого абхазы совершают уникальные по своей архаичности обряды «вылавливания души», «снятия души» (аџсытгара, аџсџых-ра), то есть магическое собиране души в бурдюк на месте гибели человека и торжественное — с особыми песнями и танцами — перенесение в могилу, где покоится прах ее носителя. Так душа воссоединяется с телом и переселяется в загробный мир⁷⁴.

Необычайного развития достигли у абхазов культ предков и обычаи кормления покойников. Приносимые

⁷³ Пережиточный магический абхазский обряд обхода женщиной вокруг мужчины, приходящих на оплакивание ее мужа или родственника, восходит, вероятно, к тому времени, когда жен приносили в жертву «душе» покойного мужа (или родственника).

⁷⁴ В древнеегипетской застольной песне, восходящей к Среднему царству (около 2000 г. до н. э.) и высеченной в погребальном хра-

ним обильные жертвенные дары — пища и напитки — называются «долей души», «долей умершего» (апсху). Причем эти жертвы доставляются непосредственно и на места погребения покойников (анышэынтра, абаз. анышантара). Считалось, что все это необходимо делать потому, что «душа — двойник человека; ее потребности и привычки, условия существования те же, что и у живых людей. Души умерших составляют такие же коллективы, как у живых людей, с теми же занятиями и социальным укладом. Коллективы живых людей и души мертвых взаимно зависимы, их связь — материальная, хозяйственная»⁷⁵.

По представлениям древних, души, выйдя из тела умершего, продолжают существовать и даже могут оказывать зловредное, а иногда и благотворное влияние на человека, который поэтому старался воздействовать на них мольбой, убеждением, угощением, подарками и т. п.⁷⁶ Жан де Лука писал: «У абхазцев существовали специальные священники, не имеющие других обязанностей, кроме как хоронить мертвых и заботиться об их душе»⁷⁷.

Одним словом, с известным основанием можно сказать, что почти вся жизнь древнего абхаза была служением душам близких покойников. Клятва их именем была для него превыше всего (Сыпсцаа ирымафу), а какое бы то ни было оскорбление словом или делом памяти предков воспринималось как тяжкое преступление. «Души умерших членов семьи прародителей оставались под опекой живущих и в свою очередь должны были оказывать покровительство этим живущим во всех их предприятиях. В этом суть первобытной религии анимизма, которая и породила на высоких стадиях своего

ме царя Иниотсфа, говорится, что «души погребены в своих гробницах» (выделено мной — Ш. И.) (В. В. Струве. Хрестоматия по древней истории. Т. I. М., 1936, стр. 36).

⁷⁵ «Философская энциклопедия», 2. М., 1962, стр. 86.

⁷⁶ «После смерти человека, тень покойника (адны-игау) блуждает по домам и свистит. Адны-икоу бледен и одет в белый саван: абхазцы приносят жертву в некоторых случаях и питают к нему страх и уважение, как к божеству» (А. Иоакимов. Абхазцы, «Кавказ», № 39, 1874).

⁷⁷ Luca Jean. Relation de tatares, peropites et nogais, de cizcassiers, mingreliens et georgiens. — «Записки Одесского о-ва истории и древностей», т. XI. Одесса, 1879, стр. 493.

развития эти удивительные памятники»⁷⁸, т. е. дольмены.

Многое говорит за культовое осмысление дольменов — этих вместилищ умерших предков. В частности, почти все Кавказские дольмены снабжены отверстиями (прямоугольными, круглыми, овальными) и порталными площадками⁷⁹, причем порталные части, оформленные с особой величественностью, обращены обычно к свету⁸⁰. Солярные орнаментальные мотивы на стенах связываются с идеей плодородия. Углубления же и желобки на отдельных дольменах указывают на совершение каких-то жертвоприношений⁸¹. Дольмены встречаются довольно высоко в горах (в среднем около 300—400 м над уровнем моря), расположены на ровных полянах, среди густых лесов, образуя часто значительные группы — от нескольких до 564 (на р. Кизинке)⁸².

Особые сооружения для погребений — могильники, некрополи, кладбища и пр. — появляются в основном в период неолита, и они связаны с формированием сложных представлений о загробной жизни. И дольмены, которые выступают вечными хранилищами душ, предстают перед нами как основная часть этого древнего культа мертвых, многочисленные пережитки которого дожили у абхазов до наших дней. Культ предков является одним из распространеннейших в истории религий. Но он не везде был одинаково развит. Так, например, древние египтяне создали исключительно развитый заупокойный культ, как и абхазы на Кавказе, в то время как шумерам и их древним вавилонянам — носителям «многогранной культуры древнейшего классового общества, известного истории» — заупокойный культ был почти неведом⁸³.

Жертвенник и жертвоприношения у дольмена. У одного из передних углов некоторых дольменов заметны следы жертвенника в виде неглубокого ступообразного углубления. А боковые стены несколько сходятся квер-

⁷⁸ Л. Н. Соловьев. Указ. соч., стр. 74.

⁷⁹ В. И. Марковин. Дольмены западного Кавказа, стр. 2, 13.

⁸⁰ Там же, стр. 21, 25.

⁸¹ Там же, стр. 26.

⁸² Там же, стр. 9, 10.

⁸³ Акад. В. Струве. Предисловие к кн. С. Н. Крамера — «История начинается в Шумере». М., 1965, стр. 5, 14.

ху. «Впереди перед круглым отверстием остается ступень или небольшая платформа, которая у больших дольменов получается от того, что верхняя, нижняя и боковые стены несколько выступают перед лицевой плитой»⁸⁴. Такая передняя, покрытая сверху, была характерной частью одного из древних типов жилищ абхазов, и называлась она «абарца» (абарца, возможно, от «аба» — сухое, «аца» — дно, низ). Кроме того, следует вспомнить отмеченное Л. И. Лавровым оставление шапсугами еще в XIX в. жертвенной пищи у дольменов⁸⁵. Все это может свидетельствовать о том, что строители дольменов и их потомки, выполняя обряды, связанные с культом предков, поклонялись этим усыпальницам и выставляли непосредственно у их стен поминальные жертвенные дары, как это делают абхазы до сей поры на свежих могилах близких людей. Возможно, что в эти дни открывали входные отверстия дольменов, чтобы души мертвых могли выйти оттуда и приобщиться к жертвенной пище.

В традиционных абхазских семьях наблюдается обычай, по которому в поминальные дни в честь умерших предков делаются жертвоприношения с обильной пищей, возлияниями вина, воскурением восковых свечей и т. п. Все эти дары кладутся на стол (в старину — на длинный узкий деревянный столик на четырех низких ножках под названием «айшва»), а моельщик приглашает незримо присутствующие при этом души умерших приобщиться к принесенным в их честь дарам. Этот поминальный обряд называется «выставлением стола» (айшэартылара). По-видимому, это ведет свое начало от древнего заупокойного культа, требовавшего принесения жертв прямо к месту погребения покойников. И здесь напрашивается сопоставление с тем, что в необходимых по условиям местности случаях у фасадной стороны дольменов устраивалась, как было сказано, специальная площадка или помост на уровне пола, очевидно, для установления указанного столика с жертвоприношениями⁸⁶.

⁸⁴ К. И. Полозерский. По Черноморской губернии..., ИКОИРГО, т. XVII, № 3, 1904, с. 203.

⁸⁵ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 104.

⁸⁶ Л. И. Лавров также отмечает «обязательное наличие ровной площадки перед фасадом» дольменов. Иногда площадки искусственного происхождения и служили они местом молений и поклонений. (Там же, стр. 103—104.)

В связи с этим обращают на себя внимание каменные жертвенники, которые находятся на территории VI колхозной бригады сел. Царча Гальского района, на некотором расстоянии один от другого. Один из этих каменных столов сохранился в целом виде. Памятник представляет собой необработанную песчаниковую плиту шириной до 1 м, длиной около 2 м, неподвижно опирающуюся концами на две каменные глыбы высотой свыше 0,5 м.

По рассказам стариков, некогда местные жители приносили сюда в честь умерших вино и другое питье и пищу, а прохожие брали жертвоприношения со стола и тут же ели и пили, воздавая хвалу душам тех, которым были принесены эти дары. Говорят еще, что в глубокой древности на этом помосте покоились мертвецы. Микрорайон, где находится указанный культовый камень, называется живущими здесь теперь мегрелами словом «Абака» (Абака), «Наабакаре», что происходит от абхазского «абака» (абака), означающего собой памятник⁸⁷.

Изображения на дольменах встречаются весьма редко. Зато исключительно интересным памятником в этом отношении является передняя плита от гробницы (дольмена)⁸⁸ из ущелья реки Кефара, левого притока Б. Зеленчука. Изображения на ней — это целая сюжетная сцена.

Трудно, правда, сказать, относится ли эта картина сама по себе к эпохе строительства дольменов или же сделана позднее, при вторичном использовании плиты в качестве стены и пр. На плите в сложном сочетании изображены кресты (вероятно, астрального значения), собака с задраным хвостом и высунутым языком, три человеческие фигуры, одна из которых разливает

---

⁸⁷ О царчинском памятнике много был слышан Н. С. Джанашиа, как это видно из его этнографических очерков Абхазии, но, как ни хотел, увидеть его своими глазами ему не довелось. Следует также отметить, что подобные культовые камни встречаются и в других местах Абхазии — на одном из альпийских пастбищ Очамчирского района, в бассейне р. Кудепста, в пределах сел. Ачандара Гудаутского района, где в горном ущелье под названием Кудзхылпа (Кузхылъ⁸⁹) с незапамятных времен лежит большой плоский камень, на который прохожие клали живую ветку, сорвав ее с ближайшего дерева.

⁸⁸ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа, стр. 18.

из сосуда жидкость (вино?), другая опирается на какое-то орудие, напоминающее алебарду или, скорее, соху-кривулину (наподобие той, которая встречалась в Абхазии до недавнего времени, а третья держит в правой руке сосуд наподобие стакана⁸⁹. Нелегко разгадать смысл и содержание этой сложной композиции. Надо полагать, что перед нами ярко нарисованная картина жертвоприношения, совершаемого членами семейно-родовой общины на могиле их сородича, рельефное изображение указанного выше обряда «отправления доли души» (агъсхура), причем эта «доля» включает все, без чего, согласно верованиям, не мог существовать тогдашний земледelec или скотовод и на том свете, а именно: пищу и напитки, орудия труда и вооружение, символы астрального культа и домашние животные, нашедшие свое олицетворение в фигуре большой задиристой собаки.

Божество собак под именем Алымшькынтыр, подобного которому, пожалуй, нет в мифологии других родственных народов, является одним из колоритнейших образов абхазского языческого пантеона. В археологических материалах из Абхазии встречаются многочисленные изображения животных, прежде всего собак, относящиеся к различным историческим эпохам, а в эшерских кромлехах и дольменах собачьи кости лежали рядом с человеческими. По преданию, одна мудрая абхазка, увидев открытыми настежь врата небесные, при котором желания исполняются, попросила бога, чтобы он дал ей и ее роду четыре важнейших элемента человеческого существования: в первую очередь кобак и потомство (досл. «людей»), а также молока и хлеба (лари, уари, хызи, чхуари).

Данные филологии. В языке и фольклоре абхазов уже трудно отыскать материалы, связанные с дольменами. И все-таки имеются отдельные факты, которыми не следует пренебрегать. Дольмен обозначался абхазами словом «адамра». Не является ли «адамра» в абхазском заимствованием? Но в адыгских и картвельских языках его нет. Нет этого слова также в турецком и арабском языках, где для обозначения могилы (похоронных носилок) употребляются термины совершенно

---

⁸⁹ «Материалы по археологии Кавказа», т. IX. 1904, табл. X, рис. 20.

другого облика (табут, кабыр, макбар). Правда, в иранском мы находим широко распространенный и в других языках термин «адам», но он означает «человек», а для выражения понятий «гроб», «могила», «склеп» существуют другие слова — «дахма», «гур», «табанкук». Следовательно, для обозначения дольмена остаются только два-три коренных абхазских слова — «ахатгун», «амаша»⁹⁰ и «адамра»⁹¹. Последним иногда действительно называют дольмен. Это слово понимается теперь в народе (например, 70-летним Нестором Шат-ипа из сел. Эшера) и как гроб, морт, надмогильный, «каменный домик» (между прочим, в указанном селении кое-где строят для погребения своих покойников т. н. «каменные домики»). Адамрой, по словам некоторых, называется и доска, на которую кладут мертвеца во время его обмывания. Кроме того, существует характерное абхазское выражение: «Не заставляйте мертвеца биться головой об адамра» (Аҕсы адамра хыла дашәмырсын). Так говорят о каком-нибудь недостойном, постыдном, преступном поведении человека. Существуют и такие древние фразеологизмы: «Холодная адамра» (Адамра хьшәа-шәа) — так выражают понятие о чем-то мрачном, холодном, подземном; «Его имущество хранится в адамре» (Уи имоу адамра итоуп) — это о недоступном месте, тайнике; «Бледный, как-будто вышел из адамры» (Адамра даатыцызшәа дцәышхабиза); «Адамра — место отдохновения (успокоения) души» (Адамра — цьшьбартоуп) (такое выражение встречается, например, в одном из стихотворений турецкого абхаза, поэта Омара Бегуа) и др.

К дольменам причерноморские черкесы, как и некоторые абхазы, проявляют до сих пор благоговейное отношение, считая их могилами предков⁹². В частности, как указывалось и выше, старики-шапсуги передавали о почитании дольменов в старину, о принесении к ним

⁹⁰ Точнее, этим термином в абазинском и абхазском языках обозначается могильная яма.

⁹¹ В словаре И. Бартоломея адамра — гроб. (И. Бартоломей. Абхазский букварь. Тифлис, 1865, стр. 126).

⁹² Около середины XIX в. какой-то приезжий иностранный ученый («франк») принужден был прекратить раскопки дольмена на реке Фарсе (в 5-ти километрах от ст. Новосвободной), так как «горцы в силу страха отказались работать» (Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 126).

жертвенной плещи⁹³. По преданиям черкесов, дольмены снабжены отверстиями для того, чтобы мифические карлики, которым они приписывают строительство дольменов — этих «домов карликов» (спэ-уне), могли проникнуть внутрь верхом на зайце.

*

* *

Итак, генетическая увязка памятников культуры как следствие развития торгово-экономических связей вполне допустима⁹⁴, и все-таки утверждение Л. И. Лаврова о заимствовании дольменной культуры в результате морских походов древних кавказцев в страны Ближнего Востока представляется малоубедительным. Почему, в частности, кавказские мастера заимствовали именно «идею» дольменов, а не других культурных достижений древневосточных народов? Мы не можем с уверенностью утверждать и о том, что дольмены являются результатом миграции населения. «Культура мезолита Кавказа тесно связана с культурой кавказского верхнего палеолита... Исследование мезолитических стоянок Кавказа говорит об очень быстром темпе развития каменного производственного инвентаря в этом районе, более быстром, чем в прилегающих районах Северного Причерноморья»⁹⁵. Перед нами длительное предшествующее развитие местной культуры, непрерывная местная техническая традиция, в частности, в области обработки камня, хотя и существует мнение о том, что «дольменная культура не имеет своих генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья»⁹⁶.

Кавказские дольмены типологически в основном относятся к одной группе памятников. Эта однотипность, при некоторых локальных различиях, а также близость и оригинальность дольменного инвентаря свидетельству-

⁹³ Л. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. «Советская этнография», 4—5, 1936, стр. 126.

⁹⁴ «Мы имеем конкретные свидетельства о существовании к 2500 году до н. э. обширной торговой сети, охватывающей всю территорию от Тигра до Инда и Окса и на запад — от Евфрата до самого Инда» (Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 258).

⁹⁵ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 54—55.

⁹⁶ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа, стр. 35.

ют о том, что дольменная культура на Кавказе создавалась в местной, причем в довольно однородной этнической и культурной среде. Кавказские дольмены не могут одновременно принадлежать различным по происхождению племенам, а являются созданием ограниченного круга генетически тесно между собой связанных этнических групп, расселившихся по обеим сторонам западной оконечности Кавказских гор⁹⁷.

Как мы видим, В. И. Марковин связывает единую местную дольменную культуру, включая Абхазию, со «случайным» проникновением «отдельных» средиземноморцев в пределы Западного Кавказа, допуская лишь «предположение о весьма вероятной роли дольменной культуры в становлении абхазо-адыгского этноса на его раннем этапе», а вместе с тем не совсем понятным образом относит археологические находки из верхних дольменных слоев к «протоколхидской», или «западногрузинской», культуре. В этническом составе населения этой территории со второй половины III тысячелетия, когда здесь появились дольмены и обряд вторичного погребения, и до современной эпохи не происходило, как видно, резких изменений; сменялись, по-видимому, лишь этнические наименования⁹⁸.

На территории распространения дольменов издревле живут коренные народы абхазо-адыгской лингвистической группы. С этим же ареалом совпадает и распространение ряда других, указанных отчасти и выше, древних этнографических признаков, общих для абхазов с черкесами (круглое в плане конусообразное жилище, архаические черты брака, например, скрывание жениха, искусственное, или молочное родство, воздушное погребение убитых молнией, почитание древнейшего божества Чоп, связанного с небесным огнем и домашним очагом, двухструнные народные смычковые инструменты, песенный рефрен «уарада», легенды о карликах, героический нартский эпос и др.)⁹⁹, что свидетельствует о глубочай-

⁹⁷ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 2, 6, 28, 40—41.

⁹⁸ Л. Н. Соловьев. Указ. соч., стр. 94.

⁹⁹ Представляется весьма возможным предположение, что эта территория была населена также одним антропологическим (понтийским?) типом, продвинувшимся в глубокой древности с юга на север.

ших корнях культурной и этнической общности данной группы народов.

Но это единство не было, видимо, уже тогда, в эпоху строительства дольменов, лишено известной социальной, а также этнической дифференциации. Можно указать, например, на локальные различия в архитектуре дольменов, на то, что на территории Абхазии отсутствуют составные и цельнокаменные дольмены, которые встречаются во многих других местах Северо-Западного Кавказа, наблюдается разница и в инвентаре. Не исключено, что эти различия связаны с особенностями древнейших локальных этнических групп. В целом, однако, инвентарь древних слоев абхазских дольменов является очень близким к инвентарю Майкопского кургана (середина III тысячелетия до н. э.), в особенности же к инвентарю более позднего Новосвободненского подкурганного дольмена, что указывает на этнически однородный состав населения всего Северо-Западного Кавказа в эту эпоху.

Проблема этнической принадлежности кавказской дольменной культуры остается одной из важнейших проблем кавказоведения. И все же вряд ли следует «исключать всякую возможность искать соответствия этого древнего населения с последующими исторически действующими и в настоящее время живущими племенами и народами», как утверждал это Б. А. Куфтин¹⁰⁰. Надо полагать, что кавказские дольмены никогда не будут до конца разгаданы, если их будут изучать в отрыве от исторической этнографии абхазо-адыгских племен, этногенез которых, в свою очередь, улируется в проблему научного определения создавшего эти памятники древнего этнического оформления.

Совмещение исторической территории расселения абхазо-адыгских племен с ареалом распространения дольменов, ряд выразительных фактов исторической этнографии абхазов, связанных с дольменами, выступающих как параллели дольменного обряда погребения, а именно: вторичное захоронение через этап так называемого «воздушного погребения», отголоском чего являются, по-видимому, указанный выше обычай «снятия с доски» покойника и отдельные фразеологические окаменелости

¹⁰⁰ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 289.

{«вздернуть тебя лианами», «предать земле кости»), почитание черепа какместилища души и мудрости; со-ответствие герметически замкнутой архитектуры доль-менов древнеабхазским религиозным представлениям о безотлучной связи души с телом, о необходимости их воссоединения в случае разрыва между ними (обычай вылавливания заблудшей души и водворения ее в место погребения покойника); принесение «доли души», т. е. жертвенных даров и выставление их на столбике у мо-гилы, нашедшие, как можно предполагать, свое отра-жение на дольменной плите из Кефары, а также неко-торые языковые данные, в том числе оригинальные аб-хазские термины, обозначающие дольмен (адамра) — все это, как мне кажется, доказывает, что население, оставившее дольменную культуру, вошло и приняло ак-тивное участие в образовании древнеабхазских племен-ных союзов, которые на территории Абхазии упомина-ются в исторических источниках с I—II вв. н. э. и ко-торые являются непосредственными предками современ-ных абхазов.

Связь и сопоставление такой древней археологиче-ской культуры, как дольменная, с определенным этно-сом (или этносами) вполне допустима. Этно-лингвисти-ческая атрибуция таких культур правомерна, потому что этногенетические процессы протекают уже с конца мезолитического времени. Уже с тех пор постепенно по-являются и этнографические особенности отдельных культур. Советская археология не отрицает существова-ния археологических культур как этнокультур, то есть та или иная культура может быть по своему происхож-дению культурой отдельных групп древних племен и народностей. С другой стороны, если кавказские доль-мены действительно принадлежат предкам абхазо-адыг-ских племен¹⁰¹, то из этого напрашивается вывод о том, что последние, являясь одним из древнейших культур-ных народов Кавказа, непрерывно занимают нынешние

---

¹⁰¹ Еще А. Ф. Лещенко в своих «Материалах по орнаментике дольменов...», выводя формы дольменов из кавказских типов жи-лищ, указывал, что четырехугольный в плане «дольмен представ-ляет собою копию плетеных абхазских и мингрельских домов, с на-весом, пристроенным к передней стене... А круглые дольмены нужно считать копиями круглых плетеных хижин». (Цит. по Л. И. Лавро-ву. Указ. соч., стр. 107).

в основном места своего обитания по крайней мере с середины III тысячелетия до н. э.

Преобладание местных корней археологических культур в Абхазии и смежных с нею районах является историческим фактом не только для ранних периодов, но и для последующих периодов истории края — богатой и выразительной средней и поздней бронзы (колхидская культура), а также железного века и античной колонизации, с которой мы вступаем в период писаной истории.

Носители дольменной культуры в процессе своего географического распространения, передвижений и переселений, интеграции и дифференциации племен не могли не оказать большого влияния на сложные этнокультурные сдвиги и изменения, которые происходили на Западном Кавказе на протяжении II—I тысячелетия до н. э. Б. А. Куфтин писал: «...Весь инвентарь обоих дольменов при явной архаичности, особенно в форме клинков и топоров с круглыми отверстиями для насадки, обнаруживает загадочное соприкосновение по целому ряду составляющих его предметов со значительно более молодой кобанской культурой и... даже с ее еще более поздними дериватами... Все эти предметы, являясь прототипами кобанских, указывают на несомненную тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру, видимо уходящую, во всяком случае, одним из своих корней, на северо-восточное Черноморское побережье»¹⁰².

Эпоха бронзы представлена на Кавказе многими выдающимися памятниками. А. А. Иессеном выделяются на Кавказе три этапа медно-бронзового века: памятники раннекубанской группы, среднекубанские и, наконец, кобанская культура и все синхронные ей кавказские памятники. Причем «при выделении для этого последнего этапа отдельных районов или очагов металлургии и металлообработки район Прикубанья не был отделен от области кобанской металлургии в Центральном Кавказе и ближайшим образом с ней связанной западно-кавказской, или колхидской металлургией в Грузии». В результате дальнейших исследований им же устанавливается особый Прикубанский очаг металлообработ-

¹⁰² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 270—271.

ки — местный очаг производства медных и отчасти бронзовых изделий во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э.¹⁰³ Характеризуя этот очаг, А. А. Иссен пишет: «В целом мы имеем вполне выраженный комплекс орудий и иных предметов, распространенных только в северо-западной части Кавказа и отличающихся от продукции остальных кавказских очагов развития бронзового века полным или почти полным господством изделий из меди, а не из бронзы»¹⁰⁴.

Вместе с тем исследователи приходят к выводу, что юго-западные склоны Главного Кавказского хребта были экономически и культурно теснее связаны с Северным Кавказом, чем с более южными районами Закавказья, где была распространена совершенно иная культура. Однако, начиная с эпохи развитой бронзы (примерно с XVIII в. до н. э.), культурное единообразие сменяется чрезвычайной пестротой и многообразием, отражающим собой, очевидно, культурное своеобразие отдельных племен.

К сожалению, в данной работе не представляется возможность рассмотреть сколько-нибудь подробно вопрос культурной преемственности населения Абхазии периода средней и поздней бронзы. Укажу лишь, хотя бы в самых общих чертах, что археологами бесспорно устанавливается такая преемственность, корни которой уходят еще в V тыс. до н. э. К числу ярких памятников, говорящих о непрерывности культурного, а следовательно и этнического развития края, относятся, например, Мачарское поселение средней бронзы и Тамышское поселение поздней бронзы. Связь культур от неолита до античности, когда абхазские племена выступают уже в письменных источниках, настолько выразительна и бросается в глаза, что «границы между эпохами неолита, энеолита и бронзы улавливаются с трудом»¹⁰⁵, ибо признаки, характеризующие материальную культуру одной эпохи, путем постепенного эволюционного развития, переходят в последующую эпоху. Органически влета-

¹⁰³ А. А. Иссен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 1935, вып. 120, стр. 7—237; его же. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 18—19.

¹⁰⁴ А. А. Иссен. Прикубанский очаг..., стр. 19—20.

¹⁰⁵ В. В. Бжания. Указ. соч., стр. 24.

ются в круг местных религиозных представлений и такие уникальные памятники бронзовой эпохи, как эшерские кромлехи¹⁰⁶ и только что открытый И. И. Цвинария Отхарский курган с заключенным в него огромным дольменом, окруженным кромлехами.

Не может не обратить на себя внимание ярко выраженное культурное своеобразие восточного Причерноморья, начиная с отдаленных исторических эпох. Отмечая факт обособления Колхиды от общекавказских культур, Т. К. Микеладзе пишет: «В Колхиде засвидетельствована совершенно своеобразная материальная культура, отличающаяся от соседних культур и сохраняющая на протяжении многих столетий принципиальную однородность. Это указывает на имманентное развитие археологических культур II — I тыс. до н. э. и тем самым на возможность существования в Колхиде, во всяком случае с конца III тыс. до н. э., этнически однородного населения»¹⁰⁷.

3. Данные антропологии к проблеме происхождения абхазов

Большое значение в решении этногенетических задач имеют данные палеоантропологии. К сожалению, такие данные с территории Абхазии почти отсутствуют. Древнейший целый череп из исторической Абхазии (Навалишенская пещера в ущелье р. Хоста) относится еще ко времени верхнего палеолита и для решения проблем этногенеза абхазов значения не имеет¹⁰⁸. Практически

¹⁰⁶ Г. К. Шамба. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

¹⁰⁷ Т. К. Микеладзе, доказывая «имманентное» развитие оригинальной местной культуры с III по I тыс. до н. э. на Юго-Востоке Причерноморья и в Колхиде, приписывает ее всецело западно-грузинским (свано-занским) племенам, обходя при этом полным молчанием существующие противоположные теории о заселении указанной территории в древности абхазо-адыгскими и родственными им этническими группами (М. Т. Микеладзе. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, стр. 183, 184 сл.).

¹⁰⁸ Череп этот был найден бывшим директором Сочинского музея А. П. Красновым и краеведом Барибан (жит. Хосты). По свидетельству последнего, захоронению подвергся только череп, обнаруженный в слое с микролитами с правой стороны у входа в пещеру. Под височной костью находился клык крупного хищника. Череп

все выводы этногенетического характера, касающиеся населения Западного Кавказа, сделаны с помощью материалов, полученных исследователями при обследовании современного населения края.

На Кавказе выделяются четыре основных антропологических типа: кавкасионский (типичный для Центрального Кавказа, включая горную Грузию), каспийский (характерен для Восточного Кавказа), понтийский (представлен на Западном Кавказе) и арменондний или переднеазиатский¹⁰⁹.

В данном случае нас больше всего интересует именно понтийский тип. Адыгские народы, включая абхазов, но за исключением восточных черкесов и кабардинцев, а также аджарцы отнесены В. П. Алексеевым к этому типу. М. Г. Абдушелишвили, напротив, отмечает неоднородность абхазов: абхазы Гагрского и отчасти Гудаутского и Очамчирского районов отнесены им к колхскому или причерноморскому типу (входящему в переднеазиатскую расу), гудаутские же абхазы — к кавкасионскому. Ни одна из современных абхазских групп не классифицируется им как принадлежащая к понтийской расе. Последняя, по его мнению, представлена на Кавказе адыгским типом, включающим остальные (кроме абхазов) народы адыгской группы, а также ингушей и грузин нескольких районов Грузии.

Относя население Западной Грузии (мегрелы, имеретины, аджарцы) к колхскому варианту, со сдвигом некоторых показателей в сторону понтийского типа, М. Г. Абдушелишвили прямо пишет, что некоторые группы населения Западной Грузии, проживающие в Хашур-

---

был реставрирован и изучен Е. В. Жировым. В 1955 году он повторно изучался М. М. Герасимовым, исполнившим также его графическую реконструкцию. По его описанию, своеобразным сочетанием широкого (скуловой диаметр 137 мм) и низкого (66 мм) лица с узким носом (носовой указатель 46), довольно низким переносьем и отчетливым прогнатизмом, череп являет собой недифференцированный еще еврафриканский тип, населявший, по-видимому, данную территорию не в неолитическое или мезолитическое, а еще в верхнепалеолитическое время. Об этом можно судить по материалам раскопок М. З. Паничкиной, проводившихся в Навалишенской пещере в 40-х годах и давших материал именно верхнего палеолита. (М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия», т. XXVIII, 1955, стр. 256—259).

¹⁰⁹ В. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

ском, Чиатурском и Сачхерском районах, непосредственно могут быть причислены к адыгскому варианту понтийского типа. Таким образом, он определенно проводит антропологическую границу между абхазами и другими народами абхазо-адыгской языковой семьи. С другой стороны, из всех современных групп Грузии наиболее близкими к абхазам являются, по его данным, мегрелы Зугдидского и Цхакаевского районов, чем и определяется в основном место абхазов среди грузинского «причерноморского» варианта. Все это дало возможность М. Г. Абдушелишвили высказать предположение о том, что «грузинско-абхазское сходство носит характер генетического родства».

А вместе с тем краниологическое исследование абхазской серии XIX в. привело М. Г. Абдушелишвили к выводу, что наиболее близки к абхазам аджарцы. Следующая степень сродства, связывая абхазскую серию с адыгскими и горно-кавказскими группами, свидетельствует о наличии в абхазах понтийского субстрата, а также кавказского элемента, что довольно наглядно прослеживается и в соматологических материалах. Третья степень сродства ведет в двух направлениях: «первое — это сходство с армянскими черепами, показывающее среди абхазской серии наличие переднеазиатских элементов, а второе — это сходство с украинскими черепами», указывающее, по мнению М. Г. Абдушелишвили, на элементы антропологических черт северного происхождения¹¹⁰. В то же время абхазскую и аджарскую серии автор считает «явно относящимися к причерноморскому варианту в общем переднеазиатском субстрате».

Г. К. Джанберидзе, изучавший происхождение абхазского народа по данным антропологии, также полагает, что в составе населения Западной Грузии (куда, по его мнению, вошел один антропологический тип), абхазы антропологически наиболее сходны с мегрелами, а также с гурийской и аджарской группами. Он утверждает, что абхазы отличаются антропологически даже от ближайших своих сородичей — абазинцев, не говоря об их антропологических отличиях от адыгейской груп-

---

¹¹⁰ М. Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1963, стр. 17, 61 (автореферат).

ты. В своей диссертации «Проблема происхождения абхазского народа в свете антропологических данных» автор, расширяя и углубляя свою точку зрения на основе изучения соматологических материалов по народам Северо-Западного Кавказа, приходит в основном к тем же выводам, а именно: абхазы и мегрелы, образующие одну антропологическую группу, находятся в генетическом родстве с картвельскими группами; черкесские народы и абазинны — другой общий круг сходства генетического происхождения; следовательно, подавляющее большинство физических предков абхазского народа, выходящего из антропологической общности адыгской группы, было родственно не предкам адыгских народов, а современных грузин; дальнейшее исследование, думает он, несомненно выявит картвельский пласт в этногенезе абхазов, ибо принадлежность их к адыгской языковой группе имеет будто бы вторичное происхождение¹¹¹. По нашему же глубокому убеждению, по меньшей мере, рискованно делать столь категорические выводы по столь важному вопросу, не располагая палеоантропологическими материалами, ибо только эти последние могут помочь нам при достоверной реконструкции основных этапов антропологического, а в известной мере и этнического формирования народов. Если же исходить не из отсутствующих пока у нас палеоантропологических данных, а из более реальных историко-этнографических, языковых и других фактов, то может оказаться, что в основе очевидно бесспорного антропологического сходства абхазов с мегрелами и аджарцами лежит не картвельский пласт в этногенезе абхазов, а, наоборот, древнейший абхазский (абхазо-адыгский) этнический субстрат на территории современной Западной Грузии, как об этом свидетельствует, в частности, распространение здесь весьма показательных древнеабхазских этнографических элементов и большого слоя тоже древних абхазских названий в топонимике этого края.

В связи с этим следовало бы заняться такой, например, темой: нет ли каких-либо абхазско-западногрузинских этнографических параллелей, которые бы отсут-

---

¹¹¹ Г. К. Джанберидзе. Проблема происхождения абхазского народа в свете антропологических данных. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1963, стр. 106—106 а.

ствовали у населения Восточной Грузии. Может быть, грузинский язык образовался где-то на юго-востоке Грузии и лишь впоследствии произошла картвелизация населения современной Западной Грузии, как, например, картвелизация древнейшего местного населения Сванетии. Словом, если абхазские этнографические элементы мы найдем в Западной Грузии и не найдем их в Восточной Грузии, то тогда понятно будет и происхождение несомненного антропологического единства абхазов с мегрелами и другими западногрузинскими племенами, которые, ассимилировав древнее абхазское население, восприняли от него антропологические и этнографические черты. А таких культурно-этнографических элементов и лексических встреч, имеющих распространение в Западной Грузии и не встречающихся в Восточной Грузии, можно насчитать немало.

Новые исследования по антропологии современного населения Западного Кавказа были проведены И. П. Ладария. Ею изучены группы крови, кожный рельеф ладони и строение зубов у абхазо-адыгских народов, а также у западно- и южногрузинских групп и опубликованы результаты дерматоглифического анализа. Акцентируя внимание на абхазских популяциях, она отмечает их неоднородность по строению кисти, большую шестроту комбинаций признаков (как и у остальных изученных ею групп) и близость суммарной абхазской группы по комплексу признаков к аджарцам¹¹².

Таким образом, в антропологии не существует единого мнения о принадлежности современных абхазов к одной из ветвей южноевропейской средиземноморской расы. Но даже исследователи, не включающие абхазов в понтийский тип (как это делает, например, М. Г. Абдушелишвили), не отрицают наличия у них элементов понтийского типа. О времени и путях формирования последнего также нет общепринятой теории.

В. В. Бунак считает наиболее вероятным предположение, согласно которому понтийский тип представляет собой одну из ветвей древней группы племен Передней Азии, распространившейся вдоль Черноморского побе-

---

¹¹² И. П. Ладария. К изучению дерматоглифики населения Западного Кавказа. — «Советская этнография», № 4, 1975, стр. 121—130.

режья и проникшей на Северный Кавказ¹¹³ в донеолитическую эпоху. Г. Ф. Дебец рассматривал его как промежуточную форму, образовавшуюся в результате смешения обоих главных подразделений европейской расы — южной и северной.

М. Г. Абдушелишвили и В. П. Алексеев убеждены в том, что понтийский тип сложился на основе местных кавказских племен. М. Г. Абдушелишвили вообще считает средиземноморскую расу (в состав которой входит понтийский тип) древнейшей формацией европеоидов, отмечая при этом, что ее основные ветви сложились на территории Кавказа.

В. П. Алексеев предположительно датирует формирование понтийского типа неолитом, причем считает его вторичным, выводя путем трансформации из более древнего кавкасионского типа¹¹⁴. Всех исследователей объединяет, как видно, признание глубокой древности понтийского типа.

Касаясь большого сходства абхазов с западными грузинами, среди которых представлен какой-то «специфический вариант понтийского типа», В. П. Алексеев, приводя мнение Г. К. Джанберидзе о том, что какая-то группа западных грузин перешла на адыгскую речь, указывает на невозможность окончательного решения этого вопроса ввиду отсутствия палеоантропологического материала как по абхамам, так и по западным этнографическим группам грузинского народа. Вместе с тем он ставит вопрос, есть ли указанное сходство результат «перехода части западногрузинских этнических групп на адыгскую, в частности, абхазскую речь, или наоборот, абхазо-адыгские языки были распространены в древности значительно шире, чем теперь, и какие-то адыгские этнические группы населяли западные районы Грузии и затем вошли в состав западных грузин?»¹¹⁵. В целом же он считает, что «местные истоки этногенеза народов, населяющих западные районы Северного Кавказа и

---

¹¹³ В. В. Бувак. Череп из склепов Горного Кавказа в сравнительно-антропологическом отношении. Сб. МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953.

¹¹⁴ В. П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, стр. 133.

¹¹⁵ Там же.

Черноморское побережье и принадлежащих к понтийскому типу, устанавливаются антропологическими данными с достаточной определенностью»¹¹⁶. Рассматривая Кавказ и Закавказье как место формирования лишь одной понтийской популяции балкано-кавказской расы, исследователь подчеркивает, что народы абхазо-адыгской семьи, а также аджарцы «в подавляющем большинстве относятся к понтийской группе популяций и, следовательно, представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение»¹¹⁷.

При всем том, на основе данных антропологии однозначно решить проблему происхождения абхазов пока что не удается. Несомненно только одно: накопление новых, в первую очередь остро необходимых палеоантропологических материалов, должно внести, наконец, ясность в затронутые вопросы. И такие материалы постепенно начинают поступать. В этой связи представляет интерес череп из Цебельды, хранящийся в Абгосмузее (раскопки Л. А. Шервашидзе). Данные измерений черепа, относящегося к V—VI в. н. э., почти полностью повторяют основные показатели адыгского варианта понтийской расы.

---

¹¹⁶ В. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 193.

¹¹⁷ Там же, стр. 194.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ
ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

III — I тыс. до н. э.

Этническое развитие и преемственность — физическая, языковая, культурная — не есть величина постоянная. Она изменяется под влиянием различных факторов — тех географических, исторических и этнических действующих сил, которые в совокупности определяют собой характер истории любого народа. Важное значение среди них имеет международная и этническая обстановка, в которой протекают процессы формирования и консолидации племен и народностей.

Восточное Причерноморье находилось под значительным политическим и культурным влиянием древних крупных и более мелких политических образований, существовавших в разное время к югу, а затем и к северу от него.

Большую роль в этно-культурной истории всей Передней Азии сыграли такие державы III — I тысячелетий до н. э. как Египет, Шумер, Ассирия, Вавилонское, Ново-Вавилонское, Хеттское и Митаннийское царства, Урарту, Мидия, Персидская держава Ахеменидов, объединившая весь ближневосточный мир VI — IV вв. до н. э., еще более крупная монархия Александра Македонского, Понтийское и Боспорское царства, греческие государства, города и колонии, Римская, а впоследствии и Византийская империи, Сельджукско-Османское государство и др.

Непосредственное соприкосновение с племенами Юго-Восточного Причерноморья имели ряд государств древней Передней Азии. Такими являлись Хеттское царство, Ассирия и Урарту, в источниках которых сохранились наиболее ранние сведения о некоторых из пле-

мен Причерноморья. К таким же царствам относится и Митани и входившее временами в него Кицватна, расположенное в верховьях Евфрата. Часть исследователей локализует царство Кицватна в Понте, следовательно, его владения временами простирались и до берегов Черного моря¹.

Местные «страны» и «царства», возникая и исчезая с политической арены, играли по преимуществу роль буферных государств между великими державами. Почти все эти «страны» и «царства» находились на ранних ступенях классовой цивилизации или разложения первобытнообщинного строя, развития так называемой «военной демократии», представляющей собой переходную форму общественной организации от родового строя к возникновению классов и государства.

Среди них мы находим, например, Каскейский союз племен, игравший заметную роль в политической истории Малой Азии на протяжении всего периода существования Хеттского царства и позже. (О Каску и соседних с ними этно-политических образованиях будет сказано ниже).

В долине р. Чорох отмечается еще более значительный племенной союз Хайаса-Ацци, который прекратил свое существование к XII в. до н. э. Позднее приблизительно на его территории упоминается уже богатая «страна Дайаэни» (урарт. «Диаухи»). Царство Дайаэни, погибшее под ударами урартов, исчезает из поля зрения истории около первой четверти VIII в. до н. э. Этнический состав его был, по-видимому, хурритским, хотя высказано и другое мнение — о том, что Дайаэни и древнеперузинское царство Кулха (VIII — VI в. до н. э.) обозначают одну и ту же страну².

На указанной территории и вблизи нее источники упоминают существование целого ряда мелких «стран» («царств»). Так, например, Тиглатпаласар I под 1112 годом вблизи Великого (Верхнего) моря называет множество стран Наири и среди них — самую северную (по представлению ассирийцев) страну Хабхи, расположен-

¹ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 121, 142, 159.

² Т. К. Микеладзе. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1973, стр. 140.

ную у самого Верхнего, то есть Черного, моря. Указанное прочтение названия страны Хабхи Г. А. Меликишвили считает неправильным и предлагает свое толкование наименования этого этно-политического образования как Килхи на том, в частности, основании, что «Килхи» близко стоит к известному из урартских источников VIII в. до н. э. царству Кулха³, хотя в порядке рабочей гипотезы «Хабхи» («Хапхи») можно было бы сопоставить и с корнем названия «Абхазия», или самоназванием убухов — пёх, учитывая наличие значительного абхазо-адыгского слоя в топонимике этих мест (см. ниже).

В древней Передней Азии исследователи отмечают несколько этнических массивов — хаттский (он же, возможно, северо-западнокавказский), южнокавказский (картвельский), хуррито-урартский и, возможно, кутийско-северо-восточнокавказский, которые являются автохтонами на данной территории или, во всяком случае, обосновались здесь не позже III тыс. до н. э. и др.

Что же касается этнической ситуации на Восточном и Юго-Восточном Причерноморье в III—II тыс. до н. э., то почти вся широкая прибрежная полоса, приблизительно от современного Синопа до Абхазии и дальше на северо-запад, была населена хаттами, каско-абешлайцами и родственными, по-видимому, им протоабхазо-адыгскими племенами.

В конце III тысячелетия в силу неуставленных пока причин начинаются особенно интенсивные передвижения и переселения народов⁴. Об этих передвижениях свидетельствует, в частности, отеснение из Прикубанья к востоку носителей Майкопской культуры во второй половине III тысячелетия, прекращение приблизительно в то же время существования куро-араксской культуры на местах ее первоначального бытования (Центральное

³ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 184.

⁴ «Переселение и расселение древних племен заслуживает особого внимания... Эти передвижения начались, по-видимому, в большом масштабе уже в мезолите, но в разное время вызывались разными причинами и носили различный характер. Особенно усилились они с переходом к скотоводству, когда давление избытка населения на производительные силы вызвало передвижение больших масс населения» (А. Я. Брюсов. Передвижение племен по археологическим данным. — «Советская археология», № 27, 1957, стр. 11).

и Восточное Закавказье, Северо-Восточный Кавказ, Иранский Азербайджан, а также Восточная и, частично, Центральная Анатолия) и переселение и расселение ее носителей в разные стороны вплоть до Средней Европы⁵.

Большое значение в изменении этнической карты Малой Азии и прилегающих областей сыграло вторжение индоевропейских племен, происшедшее, как считают исследователи, на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Особая роль среди них принадлежала хеттам-неситам, покорившим и ассимилировавшим древнейшее аборигенное население в начале II тысячелетия до н. э. и создавшим здесь мощное царство.

Стабилизировавшаяся этническая картина вновь нарушается к концу XIII века до н. э. К резкому изменению этнической карты Малой Азии и Юго-Восточного Причерноморья привело падение Хеттского царства в начале XII века и в особенности движение фрако-фригийских племен, продвинувшихся с Балкан до верхнего Евфрата. Проникновение их шло с конца XIII (или начала XII) по X—VII вв. до н. э. Возможно, одновременно с ним происходило встречное движение древнегрузинских племен в Колхиду и Понт (XII (?) — VIII вв. до н. э.)⁶.

Вторжения племен имели место и из северных областей. Так, во второй половине VIII в. до н. э. киммерийские кочевники в сравнительно небольшом количестве вторглись (по-видимому, через Дарьял) в Закавказье из Северного Причерноморья. Перед тем как нанести поражение урартцам, киммерийцы обосновались в Восточной Малой Азии и Понте, а также, возможно, в некоторых районах современной Восточной или Западной Грузии (по мнению И. М. Дьяконова, киммерийская страна Гамир находилась в центральной Грузии, либо в современной Аджарии и Восточном Понте)⁷. Их быстрому продвижению способствовали подвижность и то, что они впервые ввели тактику массового кавалерийского боя с боевыми собаками. В начале VII в. до н. э.

⁵ Ш. Дедабришвили, Г. Мицигулава. Куро-Араксская культура и Центральная Европа. «Всесоюзная научная конференция». Тбилиси, 1975, стр. 7—8.

⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 122.

⁷ Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 61—62; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 169.

владычеству киммерийцев в Малой Азии был положен конец другими северными кочевниками — скифами, нахлынувшими через Дагестан и образовавшими свое «царство», по-видимому, в современном Азербайджане. Скифы и киммерийцы были родственными иранскими племенами, и оба указанные вторжения — киммерийцев и скифов в Переднюю Азию в VIII — VII вв. до н. э. — были совершены двумя племенами одного и того же этно-культурного массива⁸.

Так, с конца II и после начала I тыс. до н. э. здесь происходят заметные изменения древнейшего этнического состава — смена и смещение коренного населения с пришлыми, этнически в ряде случаев близкими им племенами. Это было связано с крупными передвижениями древних этнических групп — протогрузинских, протоармянских, киммерийско-скифских и других племен, двигавшихся в разное время в разных направлениях. Эти вторжения задерживали, а в некоторых случаях, наоборот, ускоряли, но всегда необычайно осложняли этнические процессы — формирование и консолидацию местных племен и народностей.

Таким образом, мы видим, что этническая и языковая ситуация на Ближнем Востоке претерпевала многократные сложные изменения. В Малой Азии и прилегающих с северо-востока территориях (до Армянского нагорья и Иранского Азербайджана) в III — II тысячелетиях до н. э. жили древнейшие народы и племена, говорившие на языках нескольких групп: 1) хатты (Каппадокия, то есть центральная часть Малой Азии); каски (кашка) с абешлайцами (северо-восточная Анатолия и Южное Причерноморье, Понт, от р. Галис до Верхнего Евфрата); 2) хетты (на бывшей территории хаттов); 3) хурриты и урарты (от Северной Месопотамии до центрального Закавказья); 4) кутии (от района южнее оз. Урмия — Резайе до Большого Кавказа)⁹.

История абхазов в продолжение нескольких тысячелетий нерасторжимо связана с богатейшим историческим прошлым грузинского народа.

Как полагают многие ученые, древнейшие грузиноязычные племена — Саспира (саспейры), Витеру, Лу-

⁸ И. М. Дьяконов. История Мидии. М. — Л., 1956, стр. 241; В. И. Абаев. Скифоевропейские изоглоссы. М., 1965, стр. 125, 126.

⁹ И. М. Дьяконов. Предыстория..., стр. 10—20.

ша¹⁰, Катарза, Ия (Игани), Забаха, Хуша и др. — первоначально жили в верховьях Куры и Аракса, в областях Чалдырского озера¹¹. О вероятной автохтонности группы картвельских (южнокавказских) языков, распространенной в III — II тыс. до н. э. где-то вблизи центральных районов Закавказья, пишет ряд исследователей — Г. А. Меликишвили¹², Г. А. Климов¹³ и др. Носители их, по мнению И. М. Дьяконова, «возможно, имели известные языковые связи с хаттами и тяготевшими к ним племенами, жившими к востоку от хаттов», причем существование картвельского языка-основы, занимавшего компактную гористую территорию, относится им к III тыс. до н. э.¹⁴ Распад общекартвельского языка-основы предположительно определяется началом обособления сванского в XIX в. до н. э. Выделение мегрело-чанских диалектов от собственно-грузинского датируется, по ряду соображений, VIII в. до н. э., «что, вероятно, связано с продвижением западных протогрузинских племен в Колхиду и Понт, ранее занятых племенами абхазо-адыгско-хаттской (или промежуточной) языковой группы»¹⁵.

Как было выше отмечено, к середине VIII в. до н. э. относится образование царства Кулха, расположенного, по-видимому, в верховьях р. Чорохи. Некоторые новейшие исследователи сближают его с Диаухи (XII — VIII вв. до н. э.), считая оба названия обозначениями фактически одной и той же страны, которые «отражают, как видно, два этапа политической истории этого царства, сначала с первенствующим положением южной провинции (а, быть может, и династии) Диаухи, а затем — Кулха»¹⁶. Согласно их мнению, оба эти царства относились к ранним грузинским государственным образованиям.

¹⁰ Ср. Луша с абхазским (садзским) родо-племенным названием Лушба, множественное Лушдзаа (Лушзаа); патронимальное окончание ба (-па) означает сын, потомок, значит Лушба — потомок Луша.

¹¹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 143.

¹² Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 13.

¹³ Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1962, стр. 37.

¹⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 23.

¹⁵ Там же, стр. 23, 24.

¹⁶ Т. К. Микеладзе. Указ. соч., стр. 140.

В начале XII в., то есть в период появления в Малой Азии и на Армянском нагорье фрако-фригийского этноса, «или несколько позже»¹⁷, как сказано, происходит встречное движение картвельских племен на северо-восток Малой Азии. На вопрос, когда более точно происходили указанные передвижения древнегрузинских племен, И. М. Дьяконов отвечает неуверенно и несколько даже противоречиво. Бесспорным для него является, пожалуй, только то, что в восточном Причерноморье, то есть в современной Западной Грузии, как и в Понте, грузинского этноса не было, по крайней мере, до начала XII в. до н. э., ибо наличие его уже и в составе касков «мыслимо, но не доказуемо», и что картвельское население в этом районе «может предполагаться засвидетельствованным примерно с IX в. до н. э. (приблизительно время написания «Илиады»)». Сам же факт продвижения грузинских племен на запад не подлежит никакому сомнению, причем этот факт, по его же словам, «можно было бы связать с распадом союза Асси-Хайаса в конце XIII в. до н. э. (?)»¹⁸. И, возможно, именно этим продвижением были вызваны в это же время (конец XIII — начало XII вв. до н. э.) набеги на центральную Малую Азию и долину верхнего Евфрата каскских племен (известных ассирийским источникам под синонимичными названиями то как каски «хеттской страны», то как абешлайцы). Одним словом, согласно И. М. Дьяконову, под натиском картвельских племен коренные абешла-каскайцы в свою очередь сдвинулись с места, устремляя свою военную экспансию в восточном направлении — в сторону верховьев Евфрата. «Такое смещение абхазо-адыгских племен, — снова подчеркивает он, — вполне вероятно, следует связывать именно с продвижением грузинских племен в Колхиду, а затем и в Понт», причем Колхида, охватывавшая долину Риони и восточный Понт, «несомненно, существовала в IX — VIII вв. до н. э.». Кроме того, в примечании к этому месту автор, вслед за Г. А. Меликишвили, считающий, что «грузинская принадлежность колхов вряд ли подлежит сомнению»¹⁹, указывает: «В конце II — начале

¹⁷ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 119.

¹⁸ Там же, стр. 120.

¹⁹ Там же, стр. 120, 121.

I тыс. до н. э. западногрузинский этнос можно вполне определенно связать с колхидской археологической культурой, занимавшей ареал от западно-центральной Грузии до Котиоры (совр. Орду) в Понте. Северный, кобанский вариант той же культуры, очевидно, принадлежит абхазо-адыгским племенам»²⁰.

Допустима возможность двукратного вторжения грузиноязычных племен в Понт. Первое, как отмечалось, имело место, быть может, еще в XII, а второе — в VIII в. до н. э., когда и северная часть долины Чорохи, видимо, отошла к Колхиде и туда проникли халибы-халдайцы, которые впоследствии, по Страбону, жили от верховьев Евфрата до совр. Гиресуна (Фарнакии)²¹.

Распространившись по Юго-Восточному Причерноморью (Колхида и Понт), грузинские племена создали здесь новые этническо-политические объединения, которые известны нам в основном по урартским источникам и описаниям античных авторов.

Поэтому на карте распространения грузиноязычных племен в I тыс. до н. э. мы видим не только восточно-грузинских саспиров, иберов²² центрального Закавказья, но и халдов (халдайцев), колхов, чанов, месхов (мосхов), халибов, хализонов, причем, возможно, халды-халибы-мосхи являются не разными, а тождественными племенами²³. Гомеровские хализоны, вероятно, тождественны халибам, жившим в Понте, которые позднее были известны под именем халдайцев (халдов), а последние тождественны с западногрузинскими племенами чанов (лазов), живущими и поныне в Понте²⁴.

Восточный Понт, Колхида, западное и частично центральное Закавказье, — пишет И. М. Дьяконов, — «были заняты грузиноязычными племенами — халдайцами, колхами, саспирами и другими, часть которых упоминается в урартских и греческих источниках. По-видимому,

²⁰ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 120, примеч. 106.

²¹ Там же, стр. 159.

²² Однако недавно было высказано мнение о некартской принадлежности иберов, которые, возможно, являются представителями «другого этнического потока» (Т. К. Микеладзе. К вопросу о взаимосвязи картвов и иберов. «Всесоюзная научная конференция». Тбилиси, 1975, стр. 51).

²³ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 121.

²⁴ Там же, стр. 119—120.

языки абхазо-адыгской группы были уже оттеснены на север, на территорию их нынешнего распространения, хотя не исключено, что в области Каску, в это время расположенной, видимо, в верховьях Галиса и в долине Лика (?), мог сохраняться старый каскский язык, если только каски не рассосались среди более многочисленного автохтонного элемента, а также пришлых («халибских») элементов из числа вторгавшихся в восточную Малую Азию в XII в. до н. э. вслед за касками»²⁵.

Итак, согласно новейшим исследованиям, не подлежит сомнению, что обширная территория — от центральной части Северного Кавказа до Южного Причерноморья — в продолжение III и почти всего II тысячелетия до н. э. была занята в основном абхазо-адыгскими и родственными им абешло-касскими племенами, а картвельский этнический элемент проникает в Восточное и Южное Причерноморье значительно позже касков. Не отрицая в принципе предположения Г. А. Меликишвили о том, что под собирательным названием касков хеттские источники могли подразумевать и другие этнические группы, в том числе некоторые грузинские племена, И. М. Дьяконов подчеркивает вместе с тем недоказуемость такого мнения. «Все это, однако, совершенно гадательно, — пишет он. — Собственно-грузинские племена, носители предшественника того языка этой группы, который известен нам ныне на этой территории, а именно занского (мегрело-чанского), проникли сюда, как нам представляется, позже касков. Об этом можно судить по полному несовпадению племенных названий, засвидетельствованных здесь для I тыс. — за возможным исключением одного (тибарены) — с приводимыми в хеттских источниках названиями «касских «стран» (племен)»²⁶.

Аборигенность и широкая распространенность протоабхазо-адыгских племен на восточном побережье Черного моря признается теперь почти всеми исследователями с той только разницей, что одни видят их здесь лишь до конца III тысячелетия до н. э., а другие — до конца II, а может быть, и позже. К числу первых принадлежит, например, Р. В. Гордезиани, который,

²⁵ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 192.

²⁶ Там же, стр. 13, прим. 8.

вслед за И. А. Джавахишвили, С. И. Джанашиа и А. С. Чикобава, пишет, что в Западной Грузии в эпоху энеолита и до конца III тысячелетия до н. э. «распространялись, очевидно, в основном диалекты абхазско-адыгейского типа, на что указывает наличие абхазско-адыгейских корней в древнейших картвельских географических названиях, этнических терминах Западной Грузии». И далее: «Тот факт, что древнейшим компонентом картвельских языков следует считать какой-то кавказский языковый слой абхазско-адыгейского типа, сейчас почти не вызывает сомнения»²⁷.

Одним словом, по Н. М. Дьяконову, в настоящее время можно с уверенностью утверждать только о присутствии грузиноязычных племен в Колхиде и Понте с VIII в. до н. э. и об отсутствии их на этих территориях по крайней мере до XII в. до н. э.

История грузин теснейшим образом переплетается также и с историческими судьбами армян. Древнеармянский народ сложился в верхнеевфратской долине²⁸ из трех этнических компонентов — хурритов, лувийцев и протоармян (мушков и, возможно, урумейцев). При этом хурриты составили основную массу народа и определили тем самым основную линию физической преемственности, но язык в силу ряда исторических причин все они восприняли от протоармян. «Этот процесс начался в XII в. до н. э. и завершился к VI в. до н. э., причем, возможно, в конце этого периода в древнеармянский народ вошел и еще один небольшой по численности компонент — скифы...»

Таким образом, урарты и хурриты, которые некогда — где-то, быть может, в начале III тыс. до н. э. — «представляли собой один этнос», «вошли чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа». И. М. Дьяконов утверждает, что протоармянами являлись именно мушки, которые в этническом и географическом смысле не

---

²⁷ Р. В. Гордезиани. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тбилиси, 1975, стр. 8 и 10.

²⁸ И само грузинское слово «сомехи» — «армянин» означает жителя области Сухму на верхнем Евфрате, и восходит оно к хеттскому Цухма, ассирийскому Сухму (Сохма) (И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 196, 234).

имеют отношения к грузинам. В конце VII и в VI в. до н. э., в период падения великих древневосточных держав, уже существовало Армянское царство и древнеармянский народ, родиной которого единодушно считается Малая Армения²⁹.

Грузинский народ, как это подробно показано в работах Г. А. Меликишвили, а в этом с ним согласен и И. М. Дьяконов, широко распространился в течение XII (?) — VIII вв., вобрав в себя местное автохтонное население многих областей Закавказья и Понта. С тех пор он является одним из ведущих народов изучаемой территории, занимавших весьма значительный в географическом, культурном и политическом отношениях ареал, разделяя общий культурно-исторический субстрат с армянским народом³⁰. Уточняя эти положения, И. М. Дьяконов в примечании пишет: «Юго-западная граница грузиноязычных племен к VI в. до н. э., вероятно, шла по хребту Северного Тавра и, может быть, доходила до верховьев Аракса. Следует заметить, что по лингвистическим данным о субстратной лексике, протогрузинский элемент был основным при создании грузинского народа, а племена, говорившие на каскском, хуррито-урартских и тому подобных языках, были здесь малочисленны»³¹.

Сложные этнические процессы происходили в древности и на Северо-Западном Кавказе. Об этом говорят появление и взаимодействие на указанной территории различных археологических культур, начиная с III тысячелетия до н. э., — майкопской, северокавказской и др.

Особенно большую роль в этногенезе многих народов Причерноморья в широком смысле этого слова сыграли многочисленные родственные ираноязычные кочевые и полукочевые племена: киммерийцы, вытесненные скифами из Северного Причерноморья к VII в. до н. э., скифы, как называлось основное население Северного Причерноморья VII — III вв. до н. э. — от Дуная и до Дона, включая сюда весь степной Крым, где они основали свое отдельное царство (горный же Крым был населен

---

²⁹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 17, 188, 224, 237, 239.

³⁰ Там же, стр. 241.

³¹ Там же, стр. 241—242, прим. 135.

древними племенами тавров, являющихся, по мнению некоторых авторов, потомками киммерийцев); савромато-сарматские племена, в том числе языги, аланы и др., прискакившие в степи Предкавказья с III в. до н. э. по IV в. н. э. В дельте Дона и в Прикубанье определенно прослеживаются процессы этнической и культурной ассимиляции и смешения сарматов и др. с меотами и другими местными племенами. Так, в IV в. происходит частичная смена и археологического материала на Северном Кавказе, связанная с включением сарматских элементов. Следы скифской культуры найдены также и на территории современной Абхазии, например, в с. Куланурхва Гудаутского района, как об этом свидетельствуют археологические исследования М. М. Трапш³².

Что касается тюркоязычных племен, то самая ранняя тюркская волна, коснувшаяся Кавказа, была связана с гуннским нашествием III—IV вв. В VI в. Тюркокий каганат — государство тюркоязычных кочевников — заняло все степи Восточной Европы, а Аварский каганат — территории от Каспия до Дуная. В VI—VII вв. в Приазовье создается государство так называемой Великой Болгарии, которое было разгромлено в VII в. хазарами, создавшими свой каганат и находившимся в оживленных и многосторонних взаимосвязях с Абхазией. Но обо всем этом здесь не место распространяться.

В заключение обзора следует отметить, что образование в пределах современной Западной Грузии антропологического и этнографического типа, отличного во многом от восточногрузинского, но сходного с абхазским³³, было бы совершенно необъяснимо без допущения долговременного проживания предков абхазо-адыгских племен в III—II тысячелетии до н. э. на территории всего Западного Кавказа, включая приморскую полосу современных западногрузинских областей, что можно уже считать общепризнанным положением советской исторической науки. В I томе коллективной «Всемирной истории» мы читаем: «Восточная часть Понта,

---

³² М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1961.

³³ Вопросам абхазо-грузинских этнографических параллелей автором посвящена специальная работа, подготавливаемая в настоящее время к изданию.

Колхида и Западный Кавказ были, по всей вероятности, заселены в бронзовом веке главным образом абхазо-черкесскими и, возможно, картвельскими племенами... На восточных территориях бывшего Хеттского царства играли большую роль племена каскейцев и др., относившиеся, вероятно, к абхазо-черкесским племенам кобанско-колхидской культуры»³⁴.

---

³⁴ «Всемирная история», I. М., 1956, стр. 514—515.

**ОБ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
И МАЛОЙ АЗИИ**

**1. Каски и абешла и вопрос об их этническом родстве
с абхазо-адыгскими племенами**

Как было выше указано, в Малой Азии и прилегающих областях в III—II тыс. до н. э. жили древнейшие группы: 1) хатты (Каппадокия) и абешло-кашкайцы (от р. Галис, совр. Кызыл-Ирмак, до Верхнего Евфрата); 2) хетты-неситы, которые во II тысячелетии в основном вытеснили или ассимилировали хаттов; 3) хурриты-урарты (от северной Месопотамии до центрального Закавказья) и др. Нас интересует одна группа древних малоазийских родственных народов — хатты (по-ассирийски «хатти», по-урартски «хатте»), каска, или каски (кашка, кашки) и абешла, или абешлайцы.

Этнический термин каски (kaš-kaš), встречающийся в хеттских документах XVII—XIII вв. до н. э. из Богазкейского архива, носители которого жили на южном берегу Черного моря, считают прототипом наименования «Кавказ», которое затем перешло как обозначение страны к другим народам древности. Представляет интерес и мнение о том, что страна «Гага», упоминаемая во второй половине XV в. до н. э. в письме фараона Аменхотепа III, по-видимому, является сокращенной формой хеттского kaš-kaš (егип. kš-kš)¹.

Падение Хеттского царства, ослабление Вавилонии и Египта создали условия для возвышения Ассирии в качестве единственной великой державы с середины

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1, 1947, стр. 263.

XII в. до н. э. Особое место в ее истории занимает деятельность царя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.). Им были предприняты многочисленные завоевательные походы, о которых он сам сообщает в своих анналах, относящихся к важнейшим историческим источникам по Древнему Востоку. Крупнейшим из военных акций Тиглатпаласара I был поход на Армянское нагорье в 1112 г. до н. э. в целях покорения «стран далеких царей, что на берегу Верхнего моря» — то есть Черного (в аннале говорится о разгроме «царей 23 стран»)² и другой, еще более многочисленной коалиции «60 царей Наири», которых он также «проткнул... дротиком до Верхнего моря» (то есть, по-видимому, по долине р. Чорохи в сторону совр. Батуми)³. Во время таких походов ассирийцы сталкивались с касками и абешлайцами, причем последние по более ранним (хеттским) источникам были, по-видимому, не известны.

По единодушному мнению исследователей, каски и абешлайцы относятся к древнейшему местному населению северо-восточной Малой Азии. Каски упоминаются в хеттских, ассирийских, урартских и некоторых других древневосточных исторических источниках с XVII по VIII—VII вв. до н. э. под именем каскайских племен (Ga-aš-ḡa), каскайцев, касков, кашков, кашкейцев⁴. Абешлайцы же известны в основном только по ассирийским источникам XII в. до н. э. (анналы Тиглатпаласара I).

По вопросу территориального распространения касков еще не достигнуто полного единства взглядов. А. Гётце локализует касков западнее нижнего течения р. Галис⁵ и считает, что на места их позднейшего расселения они переселились в середине II тыс. до н. э. По мнению же большинства исследователей, каски жили значительно восточнее — к северу и северо-востоку от

² И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 123—127.

³ Там же, стр. 126.

⁴ Не путать с современными тюркоязычными племенами кашкайцев, которые, называя себя «кашкаи», обитают в области Фарс на юге Ирана в количестве свыше 300 тыс. человек.

⁵ Опираясь на созвучие, некоторые авторы название р. Галис связывают с мегрельским словом «гали» (ღალი), что, правда, означает не реку, а ручеек (Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971., стр. 50).

Хеттского царства и были непосредственными соседями царства Асси-Хайаса⁶, расположенного в долине р. Чорохи.

Мятежные и воинственные каскейские племена отличались необычайной подвижностью и совершали далекие походы. Особенно часто они нападали на могущественное Хеттское царство, которому на всем протяжении своей истории — от основания и до окончательного падения около 1200 года до н. э. — приходилось вести с ними постоянную непримиримую борьбу.

В XVI—XV вв. до н. э. племена касков, воспользовавшись ослаблением Хеттского царства, продвинулись в южном направлении далеко в глубь его территории, а люди царства Асси вторглись в область верховьев р. Галис и «сделали своей границей» г. Самуху. Объединение двенадцати каскских племен и в XIV в. находилось в состоянии длительной войны с хеттами, «и борьба с ними потребовала от хеттов еще множества походов» как при Суппилулиумасе (около 1380—1340 гг. до н. э.), так и позже, вплоть до самого конца XIV в.⁷

Как ни спорны, а часто и невозможны точные локализации племен и народностей, исчезнувших во тьме веков, исследователи приблизительно намечают ту исконную территорию, где протекала ранняя историческая жизнь касков.

Территориальное содержание термина «каска», «каскайские племена» менялось в зависимости от бурных исторических событий, происходивших в Малой Азии во второй половине II и начале I тыс. до н. э. Как было отмечено, каскайский союз племен, включая абешлайцев, первоначально населял Понтийские горы к северо-востоку от Хеттского царства. В самом конце XIII в. до н. э. абешло-кашкайцы устремились на восток — в сторону верховьев Евфрата и на юг в глубь территории Хеттского царства, разгромленного нашествием «морских народов»⁸.

Не исключено, что кавказский или родственный ему элемент в виде небольших этнических островков мог

⁶ См. рец. Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргалзе, Э. А. Менабде на книгу А. Гётце «Малая Азия», ВДИ. 1961. № 3. стр. 154.

⁷ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 89—90, 95.

⁸ Там же, стр. 10—20, 120, 121.

быть занесен и в другие части древней Передней Азии. В связи с этим представляет интерес загадочный этнический термин «чекер», близкий по своему оформлению к названию «чкерес» и встречающийся в ряде древневосточных источников, в том числе в памятниках древнеегипетской письменности XI в. до н. э.⁹ Среди ученых до сих пор ведутся споры о его происхождении. Некоторые это имя считают семитическим, другие — не полностью семитическим¹⁰, третьи — яфетическим¹¹. Связь «чекера» с «кашками» тем более вероятна, что кашки попадали еще южнее¹².

По мнению австрийского семитолога А. Ирку, разделяемому в основном и Г. Ф. Турчаниновым, псевдоиероглифическое письмо принесли с собой в Библ «люди Майкопа», мигрировавшие с Кавказа в Финикию в 2000 — 1800 гг. до н. э. по сухопутному мосту из Азии в Африку (по Г. Ф. Турчанинову морским путем), и эти пришельцы на новой своей родине, пишет последний, «поначалу говорили на своем языке и писали принесенным с Кавказа письмом»¹³.

В первой половине XII в. до н. э. каски и абешлайцы прошли через территорию царства Мелид-Камману¹⁴ и с этого времени упоминаются на восточной периферии Малой Азии, по соседству с табалами и мушками. Каско-абешлайцы соседствовали и с аримами-урумейцами и действовали зачастую с ними вместе.

Так, в походе Тиглатпаласара I, предпринятом в 1114 году до н. э. против мушков, как назывались у ассирийцев фрако-фригийские племена, принимал участие 4000 отряд кашков-абешлайцев и урумейцев¹⁵. Племена мушков, урумейцев и касков-абешлайцев в начале XII в. до н. э. хотя и вторгаются с запада в долины верхнего Евфрата, но последние осели, видимо, не там, а

⁹ М. А. Коростовцев. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960, стр. 39—41.

¹⁰⁻¹¹ А по Р. Макалистеру, чекеры являлись, вероятно, одним из племен филистимлян, среди которых были карийские элементы (там же, стр. 41).

¹² Например, царь Ахийявы обещал египетскому фараону прислать ему отряд наемников-кашков.

¹³ Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, стр. 115.

¹⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 181.

¹⁵ Там же, стр. 124.

северо-западнее, в «стране» Каску (верховья Галиса)¹⁶.

Каски, обосновавшись в верховьях Галиса, основали там мощное царство Каску. Известно даже имя одного из царей этого государства — Баргайе, к которому, между прочим, обратился арпадский царь от имени всего Северносирийского союза за помощью в борьбе с грозным урартским царем Сардури II (середина VIII в. до н. э.)¹⁷.

Ассирийские источники сообщают о том, что в 712 году до н. э. Саргон II раздвинул границы своего государства вплоть до страны Каску¹⁸. Следовательно, в конце VIII в. до н. э. каски, непосредственно гранича с Ассирией, находились в многообразных и оживленных сношениях с этой державой.

В смысле общественной организации каски представляли собой большой союз племен. Хеттские источники упоминают о «двенадцати» или «девяти племенах касков», живших, по-видимому, в основном военно-демократическом строем, но с определенными начатками государственной власти. Еще хеттский царь Мурсилис I, правивший в середине XVII в. до н. э., сообщал, что у касков не было централизованной царской власти до тех пор, пока один из них, изменив ранее существовавшие порядки, не начал править единовластно¹⁹. Пиххунияс, вождь соседней с Хайасой каскской «страны» Тилия и один из непримиримых врагов хеттского могущества, «правил... не по-касски, но вдруг, тогда как в каскской общине не бывало власти одного, этот Пиххунияс стал править по обычаю царской власти»²⁰.

Хеттские источники характеризуют касков как оседлые племена с укрепленными городами и крепостями, постоянно называют их «свинопасами и ткачами», что, по И. М. Дьяконову, выражает не действительные их хозяйственные занятия, а желание хеттского писца представить враждебных хеттам касков людьми рабской природы²¹, хотя не исключена возможность толко-

¹⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 209.

¹⁷ Там же, стр. 136, 162.

¹⁸ Там же, стр. 167.

¹⁹ В. В. Иванов. Очерк истории и культуры хеттов. См. в кн.: Ж. Керама «Узкое ущелье и Черная гора». М., 1962, стр. 205.

²⁰ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 95.

²¹ Там же, стр. 78.

вания приведенных слов источника и в их прямом значении, так как каски действительно были хорошими скотоводами и земледельцами, занимаясь в то же время успешно и ткацким промыслом.

Название «каска» у хеттов употреблялось в собирательном значении, для обозначения северо-восточных горцев вообще и, по Г. А. Меликишвили, обнимало собой, наряду с протохеттскими («северокавказскими») племенами, также и жившие здесь отдельные грузинские, а также урартские и другие племена²². Собирательный характер этнического термина «каска» ярко выступает в анналах Тиглатпаласара I, где указывается, что абешлайцы входили в состав «касков»²³. Урумейцы, вошедшие в состав армянского народа, также могли быть по происхождению каскскими или же родственным каскам племенем²⁴.

Что же касается населения малоазийской области Табал (Тубал) в Киликийском Тавре и племени мушков, засвидетельствованных источниками к западу от Киликийского Тавра, а также в верховьях Евфрата и между нижним течением р. Арацани и Сасунскими горами, то обычно их отождествляют с грузиноязычными мосхами и тибаренами, населявшими Понт. Г. А. Меликишвили склоняется, например, к мысли, что табалотибарены — собирательное название народностей различного происхождения, среди которых он предполагает присутствие и западногрузинских племен, проникших сюда в XIII—XII вв. до н. э., не отрицая однако того, что здесь жили и многие другие племена, «стоявшие по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазо-адыгейских, бацбийско-кистинских) языков»²⁵. И. М. Дьяконов, не удовлетворяясь идентификацией Табала и мушков с тибаренами и мосхами, считает наиболее вероятным, что «название тибаренов тождественно с именем касского племени XIV в. до н. э. Типия (Тибия), с какими-либо местными суффиксами — например, с распространенным в ряде кавказских языков суффиксом множественного числа -ар»²⁶. «К Табалу,

²² Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 169.

²³ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 123.

²⁴ Там же, стр. 227.

²⁵ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 77—78.

²⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 193, прим. 11.

как нам кажется, они не имеют отношения»²⁷ (-ар является суффиксом множественности и в абхазском языке, например, «асыс» — ягненок, а «асар» — ягнята).

К вероятным потомкам касков относятся и пафлагоняне, жившие в начале I тыс. до н. э. в западной части Черноморского побережья Малой Азии (в районе совр. Синопа)²⁸.

В горах Киликийского Тавра находилось царство Кицватна с хурритско-лувийским населением. Обращает на себя внимание характерное для этих областей окончание географических названий на -у(ва), -уа. И. М. Дьяконов видит в этом окончании хурритский суффикс родительного падежа -ве, «и таким образом, — пишет он, — Салуа означает «(область) людей Сала»²⁹ (ср. абх. апс-уа — «люди (страны) Апс», ашьха-р-уа — «люди гор» и т. д.).

Выше говорилось о том, что к востоку от каскского племенного союза, вероятно, в долине р. Чорохи, находилась «страна» Хайаса-Ацци, о которой сообщения содержатся в хеттских источниках. Одна из ее важнейших крепостей, локализуемая на берегу Черного моря, называлась Арипса. Вопрос об этнической природе хайасцев остается нерешенным. Вряд ли они находились в родственной связи с армянами; нет достаточного основания и для причисления их к хурритам. Хотя немногочисленные дошедшие до нас собственные имена хайасцев «не могут быть с полной уверенностью отнесены ни к одному из известных нам языков»³⁰, однако, по мнению Г. А. Меликишвили³¹, поддержанному И. М. Дьяконовым³², «более вероятна была бы принадлежность хайасцев к языкам хаттской или северо-западнокавказской группы». К этой мысли склоняют некоторые особенности географической номенклатуры, «особенно название Арипса, относящееся к типу абхазо-адыгской топонимики»³³ (ср. также название самой страны Ацци с назва-

²⁷ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 214—215.

²⁸ Там же, стр. 193.

²⁹ Там же, стр. 86.

³⁰ Там же, стр. 83.

³¹ Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту, стр. 83—85.

³² И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 84.

³³ Там же.

нием одного из абхазских сел — Аацы). Объединение Аци-Хайаса, население которого говорило на языке непонятной принадлежности³⁴, распалось в XIII в. до н. э., и на его территории образовалось хурритское царство Дайаэни, северная часть которого была занята грузиноязычными племенами³⁵.

Многочисленные местные племена северо-восточной Малой Азии, по-видимому, объединялись между собой не только территориальной, но и генетической близостью. Особенно это относится к каскам и абешлайцам, названия которых в источниках не случайно выступают иногда вариантами друг друга.

И действительно, в одних надписях ассирийского царя Тиглатпаласара I говорится о племенах Хеттской страны — кашках, а в других надписях того же царя о том же самом событии вместо кашков упоминаются уже племена той же страны — абешла. Например, в тиглатпаласаровской «надписи на призме» начертано: «4 000 кашкайцев... (и) урумейцев, непокорных людей Хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту... битвы они убоились (и) обняли мои ноги»³⁶. Другая такая же хвалебная надпись царя о том же его победоносном военном походе читается уже так: «...урумейцев (и) абешлайцев ..., непокоренных людей страны Хеттской, я схватил, причислил к людям моей страны»³⁷. Таким образом, бесспорно, что этническое название «абешла» является синонимом (вариантом) этнического названия «кашка».

Кавказ и Малая Азия — два смежных очага древних цивилизаций — неразрывно связаны между собой с отдаленнейших эпох. В специальной литературе давно высказываются (правда, не всеми еще разделяемые) предположения об этнической связи древнейшего населения северо-восточной Малой Азии с кавказскими народами. В каком же взаимоотношении находятся все эти канувшие в Лету малоазийские хатты, абешла, каски с коренным населением Кавказского Причерноморья?

---

³⁴ И. М. Дьяконов, полемизируя с Г. Б. Джаукяном, отрицает индоевропейский характер хайасского языка.

³⁵ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 210—211.

³⁶ Цит. по Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 75—76.

³⁷ Там же, стр. 76.

Прежде всего обращает на себя внимание близость, а иногда и совпадение некоторых западнокавказских и малоазийских племенных названий. Так, с названием «каска» сопоставляется этноним «касоги» («косоги», «кашаги», «кешаги»), который мы встречаем в византийских, арабских, древнегрузинских, древнеармянских, древнерусских средневековых источниках как наименование адыгских племен, обитавших в Прикубанье. Впервые это название находим у византийского автора Епифания, жившего на рубеже VIII—IX вв., а в X в. — у другого византийского историка — Константина Багрянородного. В арабских источниках (например, у автора X в. Масуди) касоги известны под именем «кашак», «кешак». «За царством алан, — пишет Масуди, — находится кашак». Касоги входили в Хазарский каганат, а в 1222 году подпали под татаро-монгольское иго. Позднее часть из них продвинулась в центральные районы Северного Кавказа. И теперь еще термином «кашаг» осетины и сваны называют кабардинцев, адыгов вообще.

Этноним же «абешла» тех же ассирийских источников связывается с названием племени «апсилы», которых вполне «возможно связать с предками абхазов», причем этноним «апсилы», засвидетельствованный впервые Плинием на территории Абхазии, лег в основу и общего самоназвания абхазов — апсуа.

Заметим, что в некоторых описаниях древнегреческих авторов (например, у Ксенофонта) в качестве синонима названия «колхи» употребляется «фасианы», «фасианы», восходящее, по-видимому, к той же основе «пас» (пс), присутствующей в слове «апсилы», «апсуа». И вообще элемент «пс» (пс), являющийся одним из важнейших словообразовательных элементов абхазо-адыгских языков, широко представлен не только в этно-топонимических, но и во многих других названиях Западного Кавказа.

Племенное название абешлайцы, пишет И. М. Дьяконов, упоминаемое в ассирийских источниках конца II тыс. до н. э. в связи с касками, как и название последних (каска), «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы». Об этом свидетельствует совпадение соответствующих древних малоазийских (каска и абешлайцы) и западнокавказ-

ских (кашак-касоги и апсилы) племенных названий³⁸ «Это еще, конечно, не доказательство принадлежности касков и абешлайцев к абхазо-адыгской языковой группе», так как, во-первых, совпадение названий может быть случайным, а, во-вторых, разные племена могут называться одинаково и по сходству культуры. Тем не менее этноним абешлайцы, пишет И. М. Дьяконов, «возможно связать с предками абхазов»³⁹.

Синонимичность названий «кашка» и «абешла» — существенный факт, который также по линии племенных названий роднит малоазийских кашков и абешла с западнокавказским этническим миром. Синонимичности же, взаимная заменяемость этих названий, не вызывает сомнений.

Если «апсилы» и «абешла» действительно представляют собой одно и то же этническое название, то это может означать или то, что абешла продвигались после XII — XI вв. до н. э. из северо-восточной Малой Азии вдоль Кавказского Причерноморья (на территории нынешней Абхазии их застают греко-римские авторы под именем апсилон), или же то, что все указанное юго-восточное Черноморское побережье занимали абешло-кашко-апсилы и другие родственные племена, связанные между собой, так сказать, надэтнической общностью, из которых часть дошла до нас в составе современного абхазского и адыгского народов.

Г. А. Меликишвили, обративший внимание на близость названий «апсилы» и «абешла», дает несколько двусмысленное определение этнической природы апсильев. «Племя апсильев (апшилов), — пишет он, — является, очевидно, одним из северокавказских, черкесо-адыгейским или абхазским племенем»⁴⁰. Тезис о том, что апсилы античных писателей являются племенем северо-

---

³⁸ Национальными вариантами названий «касоги», а также «апсилы» являются: др.-армян. *гашк*, др.-груз. *кашаг*, *кашаки*, визант.-греч. *Касахия*, араб. *кашак*, др.-русск. *касог* — обозначение адыгейцев-черкесов, греч. *Αψίλοι*, лат. *Apsilae*, др.-армян. *Апшили*, др.-груз. *Апшил-ети* — обозначение древнего племени и области его обитания на территории современной южной Абхазии, ср. *а-апс-уа*, *а-апш-уа* — самоназвание абхазов (И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 12, прим. 7).

³⁹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 12—13, 120.

⁴⁰ Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту, стр. 84—85.

кавказского происхождения, повторяется им много раз⁴¹. Возникает вопрос: если апсилы у античных авторов упоминаются на восточном побережье Черного моря и нигде больше (вблизи их страны находился знаменитый город Диоскуриада) и термин «апсилы» сближается с самоназванием абхазов (апс-уа), то почему же в таком случае они причисляются к северокавказским, адыгским племенам и лишь с большой осторожностью допускается их этническая связь с абхазами?

Территория первичного расселения абхазо-адыгских племен, как видно, простиралась широко — от Северного Кавказа до Малой Азии. И. М. Дьяконов пишет: «Представляется довольно вероятным, — хотя это и не может считаться доказанным, — что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье (Понт) до р. Галис (Кызыл-Ирмак) в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена либо непосредственно принадлежавшие к северо-западнокавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказье), вероятно, на картвельских»⁴².

Широкое распространение в отдаленные времена абхазского этнического элемента на всем восточном побережье Черного моря подтверждается и фактом значительного влияния абхазского языка на грузинский, причем не только в лексике, но и в определенных областях морфологии (см. ниже). Такое влияние было бы немыслимо без наличия значительного сплошного абхазоязычного населения в далекую от нас эпоху на указанной территории, включая, по крайней мере, прибрежную часть современной Западной Грузии, где только и могли происходить — возможно, начиная со второй половины II тыс. до н. э. — интенсивные контакты двигавшихся на запад грузинских племен с проживавшими здесь древнеабхазскими племенами, которые постепенно вытеснялись на северо-запад или подвергались ассимиляции. Неспоримым доказательством того, что на землях Западной Грузии когда-то проживали абхазо-адыгские

⁴¹ Г. А. Меликишвили, Нагри-Урарту, стр. 75, 401.

⁴² И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 13.

племена, является значительный «черкесский» элемент в топонимике этого края⁴³.

В отличие от относительно стабильного в этническом отношении Кавказского Причерноморья, который продолжают занимать древнейшие аборигены края (абхазо-адыгские и картвельские народы), этническая ситуация Малой Азии не раз подвергалась резкому изменению в результате завоеваний, массовых передвижений, ассимиляций. Примером этого может служить судьба древнейших малоазийских аборигенов — хаттов и родственных им племен, связанных, как предполагают, с ранней этнической историей кавказских горских народов.

Уже с конца III тысячелетия до н. э. происходит длительный процесс просачивания и расселения по М. Азии пришлых этнических элементов среди древнейшего коренного населения, значительно превосходившего завоевателей по уровню своего культурного развития. Этими пришельцами были индоевропейские племена хеттов-неситов⁴⁴. Их появление в древней Анатолии «повлекло за собой значительные изменения в языковом составе Малой Азии, привело к распространению языков индоевропейского строя и постепенному вытеснению ими неиндоевропейских языков аборигенного населения»⁴⁵. Этими древнейшими малоазийскими аборигенами были хатты, или протохетты, которыми первоначально были заселены, как было отмечено выше, значительные малоазийские территории⁴⁶. В результате смешения пришлых индоевропейских племен с хаттским субстратом образовалась хеттская народность, которая именуется «людь-

---

⁴³ Узкая этническая принадлежность указанного топонимического элемента — действительно ли он является собственно «черкесским», или «абхазским», или же общим достоянием и абхазской, и «черкесской» топонимике — вопрос в данном случае второстепенного значения.

⁴⁴ В древневосточных памятниках письменности нередко упоминается «страна Хатти» и народ «хетта», причем термин «хетта» в этой своей форме представляет собой произвольное чтение древнеегипетского иероглифа «хт» (в древнеегипетском письме не применялись гласные звуки) (К. Керам. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962, стр. 17).

⁴⁵ Т. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 8.

⁴⁶ П. Н. Ушаков. Проблемы древнейшего населения Малой Азии. ВДй, 4, 1939, стр. 51—53.

ми страны Хатти»⁴⁷, и могущественное государство II тысячелетия до н. э. — Хеттское царство.

Уже к началу II тысячелетия до н. э. язык народа хатти, создавшего древнюю цивилизацию, воспринятую и развитую пришлыми племенами, называвшими себя неситами (по имени города Неса), присвоившими и самоназвание своих предшественников («хетты» происходит от «хатты»), был в основном вытеснен индоевропейскими хетто-лувийскими языками. Но хетты-неситы, по-видимому, долго еще продолжали говорить в определенной степени и на протохеттском языке, который, исчезнув с течением времени как живой разговорный язык (подобно шумерскому в Вавилоне), использовался при отправлении религиозных обрядов, посвященных хеттским божествам. Очевидно, не случайным является и то, что об этом языке мы находим свидетельства в Богазкёйском архиве в виде текстов ритуального характера.

Когда попытка увязать немногие дошедшие до нас памятники хаттского языка с индоевропейскими и семитическими языками не дали результатов, ученые обратились к Кавказу, в долинах и горных ущельях которого сохранилось немало интереснейшей этнокультурной архаики, в том числе связанной с Малой Азией⁴⁸.

Известный чешский ученый Б. Грозный, давший дешифровку мертвого хеттского языка, установивший, что «хеттский язык в основном является языком индогерманским», должен был в то же время признать, что последний «содержит и чужеродные, очевидно, кавказ-

⁴⁷ Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 7.

⁴⁸ Протохеттский, палайский, хурритский, урартский, эламский, шумерский языки, по А. С. Чикобава, «образуют круг самобытных языков народов, создавших одну из древнейших цивилизаций в истории человечества. Пережиток языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках, которые тоже не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими. Этим объясняется исключительный интерес к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых думают обрести ключ к разгадке древних мертвых языков Передней Азии. Сюда же, по всей видимости, относились древние иберийские языки на Пиренейском полуострове (А. С. Чикобава. Указ. соч., стр. 227). В 1916 году Н. Я. Марр предсказывал возможность истолкования памятников древнейшей и древней культуры человечества с помощью, в строго определенных случаях, абхазского языка (Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов, стр. 147).

ские, элементы»⁴⁹. Вставки и тексты на этом языке всегда сопровождалась пометкой «хаттили» (по-хаттски), то есть обозначением, которое является производным от названия страны «Хатти»⁵⁰.

Одну из главнейших тайн хаттов составляет определение того этнического круга, к которому они принадлежат. Все исследователи (за исключением разве немецкого ученого Е. Шюлера)⁵¹ племя хаттов этнически сближают с касками, причем допускается близкое родство хаттского с языком касков. Первыми на возможность такой связи указывали Э. Форрер и П. Н. Ушаков. Это положение получило свое дальнейшее развитие в исследованиях Г. А. Меликишвили, который считает, что «каска II тысячелетия говорили на протохеттском языке»⁵², Г. Г. Гиоргадзе, И. М. Дунаевской, И. М. Дьяконова и др. В особенности исследования первых двух «делают вероятным близкое родство хаттского с языком касков (или кашка)»⁵³. В частности, распространенные среди хеттов более древние хаттские имена⁵⁴ встречались и в каскской среде, а такая общность каскско-хаттской ономастики может указывать на общность их происхождения. Вряд ли в самом деле является случайным то, что в каскском языке сохранились пережитки хаттской лексики, что очень многие каскские названия состоят из хаттских слов. Например, основа хаттского слова «дару», «Тару» (*daru*), означавшего бога грома и молнии, встречается и в некоторых каскских названиях местностей с локативным суффиксом «-ка» — Дарука (Дагукка, Гагукка) (ср. абх. имя Даруква). Такая языковая общность заставляет специалистов склоняться к тому, что каскские и хаттские племена не только издревле жили на смежных территориях, занимая «область с однородной культурой», но были в то же время близко родственны между собой⁵⁵.

Догадки же о родстве некоторых древних языков Пе-

⁴⁹ Цит. по К. Керам. Указ. соч., стр. 70.

⁵⁰ Там же, стр. 74.

⁵¹ Е. В. Шюлер. Каски. Берлин, 1965 (на нем. яз.).

⁵² Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточномалоазийской этнонимии. ВДИ, 1, 1962, стр. 64.

⁵³ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 12.

⁵⁴ Там же, стр. 14.

⁵⁵ Г. Г. Гиоргадзе. К вопросу о локализации..., стр. 201, 205, 206, 209, 210.

редней Азии, прежде всего протохеттского, с языками народов Северо-Западного Кавказа (абхазского, убыхского, адыгских) высказываются уже давно, даже устанавливается ряд важных сходных черт как в грамматической структуре этих языков, прежде всего убыхского и абхазского, так и в их лексике⁵⁶, хотя лингвистическая наука далека еще от решения этой трудной проблемы.

С тех пор как ученые стали изучать хаттский язык, особенно за последние годы все чаще начинают говорить о его сходстве с языками абхазо-адыгской группы. Объяснение этого сходства некоторые склонны видеть в том, что предки абхазо-адыгских племен некогда заселяли и территорию Малой Азии, откуда они, вероятно, были впоследствии вытеснены, а другие считают, что «в III тысячелетии до н. э. туземное население Кавказа (о котором сохранились легенды в абхазском фольклоре как о народе «ацанов») подвергалось вторжению хаттов, пришедших из Малой Азии»⁵⁷.

Как бы не решались эти сложные вопросы, почти все исследователи, интересующиеся ими, сходятся в том, что между народами Западного Кавказа и Малой Азии с древнейших времен существовали не только культурно-исторические связи, но и языковая близость.

Хаттский язык характеризуется такими органическими свойственными абхазскому, а также другим языкам Западного Кавказа, чертами, как префиксальное формобразование⁵⁸. Поэтому, по мнению многих ученых, он «имеет прямое отношение к языкам адыго-абхазской группы, в частности, к убыхскому языку»⁵⁹. Месарош в убыхах склонен был видеть далеких наследников древних хеттов, а убыхский язык полагал генетически связанным с протохеттским.

Из всех попыток решения древнейших генетических связей абхазо-адыгских языков наиболее вероятной является теория родства с хаттским, получившая свое дальнейшее развитие у некоторых современных исследователей, в особенности в работах И. М. Дунаевской,

⁵⁶ О. Н. Трубачев. История сложных терминов родства. М., 1959, стр. 35.

⁵⁷ А. Кондратов, В. Шеворошкин. Откуда вставало солнце? «Знание — сила», 3, 1966, стр. 24.

⁵⁸ Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 4.

⁵⁹ П. Н. Ушаков. Указ. соч., стр. 51—53.

которой удалось показать общность префиксального строя глагола протохеттского и абхазско-адыгских языков⁶⁰.

Теперь уже многие считают, что язык хаттов принадлежит к кавказской семье языков, что он являет известные черты структурно-типологического сходства в особенности с абхазо-адыгскими языками. Установлено, что «и хаттскому, и некоторым иберо-кавказским языкам свойственно преимущественно префиксальное формообразование и словообразование, а также наличие ряда общих формообразовательных элементов и лексических совпадений» (Т. Гамкрелидзе).

В структуре хаттского глагола удалось выявить целую серию соподчиненных префиксов — из семи или даже десяти позиций⁶¹. Сходная цепочка префиксов характерна и для адыгейского и абхазского глагола. Сходство прослеживается и в наличии среди префиксальных групп префиксов объекта, места, направления и др. При выделении превербов корень хаттского глагола, как правило, оказывается одно- (дву) слоговым (Камменхубер). Аналогичная «прозрачность» корнеслова характерна и для большинства глаголов в абхазо-адыгских языках.

Сходство прослеживается и в характерном отсутствии четкой морфологической дифференциации имени существительного и прилагательного⁶². При их сочетании в хаттском и абхазо-адыгских языках относительное прилагательное может стоять перед существительным (ср. хатт. *haralkian tetekuzz-an* «железный очаг»; абх. *аба-тэ фны* «медный дом», адыгейск. *пхъэун* «деревянный дом»), а качественное — после него (ср. хатт. *pira* (?) *ʃah* «камень неблагий»; абх. *аеы бзиа* «лошадь хорошая»)⁶³.

⁶⁰ И. М. Дунаевская. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели». М.—Л., 1960, стр. 73—77.

⁶¹ Там же; ее же, «Принципы структуры хаттского глагола», «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 57—59.

⁶² К. В. Ломтатидзе. Абхазский язык. — «Языки народов СССР», т. IV. М., 1971, стр. 110; М. А. Кумахов. «Адыгейский язык», там же, стр. 151; Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточномалязийской этнонимии. ВДИ, № 1, 1962, стр. 62. 63.

⁶³ К. В. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 110; М. А. Кумахов. Указ соч., стр. 151; Lagosh, 1957, стр. 9.

Общей особенностью хаттского и абхазо-адыгских языков является и чрезвычайно широкое использование словосложения, в частности, типа существительное + существительное (ср. хатт. *katti-šapī* «царь-бог», абх. аџс-ха «царь абхазов», «царь Абхазии» и др.).

Структурно-типологическая близость дополняется рядом любопытных материальных совпадений. Кроме уже предложенных⁶⁴, можно, например, обратить внимание на совпадение префиксов *ta-* хаттского и *ta-* абхазского глаголов. Хатт. *ta-* с интранзитивными глаголами выступает в качестве показателя места (ср. данные хаттско-хеттской билингвы КИВ II, 2: (III, 53 хатт) *a-ta niwaš* (III, 56 хетт)... = *šan anda ešzi* «(Сулиякatti, царь) внутри (хатт. *ta-*, хетт. *anda*) сидит»; с транзитивными же глаголами *ta-* выступает в качестве префикса направления [КИВ II, 2: (III, 41 хатт) ...*taš-teta-puwa* (III, хетт) (43)...*anda* (44) *le pizzi* «(Неблагодой человек) внутрь (хатт. *ta-*, хетт. *anda*) да не придет!]. Причем сфера употребления *ta-* ограничена глаголом. Префикс *ta-* в абхазском также используется лишь в глаголе, при этом с интранзитивными глаголами он также указывает на место (ср. *д-та-гыл-оуп* — «он (человек) внутри (та) стоит»), а с транзитивными — на направление (ср. *а-та-ршә-ра* «бросать внутрь» (*та-*)⁶⁵).

В хаттском языке отмечается и присутствие частицы *a* перед именем, которая является постоянным элементом абхазских имен. Например, слово *пашпа*, означающее по-хаттски «мать», встречается и в имени божества, но уже в форме *Апашпа* (Амамма)⁶⁶.

Установлено, что в хаттском царь назывался *katte*, *katti*, а царица — *kattah*, где *-h* выступает в качестве суффикса, образующего имена женского рода, причем тот же суффикс в том же значении наличен, по-видимому, и в каскских именах⁶⁷. Те же функции выполняет суффикс *-h-* и в абхазском языке (*а-пъ-ха* — дочь, *Шам-ха* — женская форма фамильного имени *Шамба* и др.).

⁶⁴ И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 166—176.

⁶⁵ Эти сведения любезно сообщены хеттологом В. Г. Ардзинба, которому автор выражает свою признательность.

⁶⁶ Г. Г. Гиоргадзе. К вопросу о локализации..., стр. 206.

⁶⁷ Там же, стр. 204.

Следует отметить и то, что абхазские патронимические имена образуются обычно путем сочетания имени рода (племени) и окончания -ца, -ба, означающего «сын», «потомок» (например, Агр-ба, Шат-ица). Может быть, такого же характера и названия некоторых племен: Хутпа (Хутра), Касипа (Касира) и других, обитавших в районе нижнего течения реки Галис (вблизи совр. Мерзифона) и разгромленных хеттским царем Мурсили II⁶⁸.

Грамматический строй хаттского языка, как указывает И. М. Дьяконов, «являет черты разительного структурного сходства с северо-западными кавказскими языками (абхазо-адыгскими), что само по себе еще не доказывает родства между ними и хаттским (так как аналогичная грамматическая структура может существовать и в неродственных языках), но делает это родство вероятным. Со стороны звукового материала, грамматических показателей, как кажется, нет ничего, что говорило бы против родства хаттского с абхазо-адыгскими языками, и есть также некоторые, правда, скудные и очень спорные данные о возможной близости его и с языками южнокавказскими (картвельскими, или иберо-грузинскими). Предположительно — но без всякой гарантии в достоверности такого предположения — можно рассматривать хаттский язык либо как очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо как промежуточное звено между этими языками и языками грузинской группы»⁶⁹.

Итак, древнейшие малоазийские аборигены абешла и каски, предполагаемые родственники абхазо-адыгских племен, по всей вероятности, говорили на хаттском (или близком хаттскому) языке и, возможно, принадлежали, как и сами хатты, к абхазо-адыгской этнической группе⁷⁰, на что указывают отмеченные выше разительные сходства грамматической структуры названных языков, а также отдельные лексические встречи между ними.

Анализ этно- и топонимических данных, содержащихся в древневосточных источниках, приводит к вы-

---

⁶⁸ Г. Г. Гиоргадзе. К вопросу о локализации..., стр. 189.

⁶⁹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 11.

⁷⁰ Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточномалоазийской этнонимии, стр. 168, 169.

воду, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. древние абхазо-адыгские и чечено-лезгинские племена были распространены не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье и даже южнее. Хеттские источники сохранили нам название страны Пахува (в районе совр. Дивриги), упоминаемой в летописи Мурсили II (XIV в. до н. э.), которое сопоставляется с наименованиями пхов'ов (пшавы и хевсуры) и самоназванием убыхов — пёкхи (ср. и а-бх-аз), а имя пахувца Мита⁷¹, фигурирующее в другом хеттском документе, воспроизводит идентичное древнеабхазское мужское имя — Мита.

Не лишено интереса и то, что слово «ашьха», выражающее в абхазском понятии горы, мы встречаем также в составе одного топонимического названия древней Малой Азии. В анналах того же царя, полных описаний войн с касками, обитавшими в Восточно-Понтийских горах, упоминается горная область Ашхарпайя (Ašhar-paya), Каскская гора Асхарпа (Ашхарпа). «Ашхарпайя» выглядит почти совершенно идентичным абхазскому слову «ашьхарпы» (ашьхарпы), означающему «предгорье», «горная местность»⁷², если только считать исключенным элемент случайности.

Обращает внимание наличие общего между абхазским, каскским и хаттским языками суффикса ра для образования географических названий (ср., например, абхазские топонимы Гаг-ра, Ача-нда-ра, Ата-ра, Ачигвара и др. с названиями каскских населенных пунктов Дахара (Dahara), Парларра и др.)⁷³ и других топонимов однотипного образования (например, одной из важнейших крепостей хаттской «страны» Хайаса-Ацци, локализуемой на Черном море, вблизи р. Чорохи, — Арилса, название которой «относится к типу абхазо-адыгской топонимики»⁷⁴, как и название известной античной крепости Алсирт, Алсар, р. Акампис (Чорохи) и др.)⁷⁵.

Топонимические названия на «нда» «каппадокийских» текстов, например, Буршаханда (хетт. Пурусханда) также находят свои аналогии в ряде абхазских названий

⁷¹ Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточномалоазийской этнонимии. стр. 62—63.

⁷² Г. А. Меликишвили. Цанри-Урарту, стр. 78; В. Н. Хачатурян. Восточные провинции Хеттской империи. Ереван, 1971, стр. 88.

⁷³ Г. Г. Гиоргадзе. Указ. соч., стр. 190, 207.

⁷⁴ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. стр. 84.

⁷⁵ Г. Г. Гиоргадзе. Указ. соч., стр. 199 (1971).

местностей (Дра-нда, Ача-нда-ра, Пицу-нда и др.). Названия на -ant, -int, -unt (-anda, -inda, -inthcs), а также на -ass (-ssos) являются, по Форреру, в значительной части лувийской перестройкой хаттской номенклатуры, ибо устанавливается вторичность назализации первичных: -at, -it, -ut (например, хаттское Кабуглат более позднее — Кабуганда)⁷⁶. Ср. также хет. Аланда, Ланда⁷⁷ с Аланда в верховьях р. Кодор. Кажется допустимой и связь самого названия «Кавказ», занесенного, по-видимому, извне (впервые у Эсхила в «Прикованном Прометее», V в. до н. э.), с касками (кашками). Интересно, что одна из 23 «стран», упоминаемых Тиглатпаласаром I где-то в бассейне р. Чорох, называлась Киндари⁷⁸ (ср. с наименованием одного из больших приморских южно-абхазских селений — Киндги, по-абхазски — Кындгы). Выше было отмечено совпадение наименования страны Аци с названием местности в Абхазии — Аацы и т. д.

Подкрепляются ли догадки филологов о родстве протохеттов с горскими кавказскими (абхазо-адыгскими) народами данными этнографических и других источников?

Сравнительный анализ палеоэтнографических материалов показывает ближайшее сходство и даже тождественность в особенности в области некоторых наименее проницаемых религиозных верований, теонимии, ономастики, в специфических проявлениях некоторых других архаических форм, составляющих общую черту исторической этнографии как абхазо-адыгских племен, так и древнейших аборигенов Малой Азии.

Так, бог грозы был главным богом как абхазского, так и хеттского пантеона, в котором хаттский элемент был доминирующим⁷⁹. У хаттов это божество называлось Тару (ср. абх. Ай-Тар). Его функции и даже форма обращения к нему совпадают с соответствующими абхазскими языческими формулами. В длинной титулатуре Суппилулиумаса значились слова: «Герой, любимец бога грозы»; «Хеттский бог грозы, мой повели-

76 Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 128.

77 В. Н. Хачатрян. Указ. соч., стр. 17, 29.

78 И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 125, прим. 127.

79 В. Г. Ардзинба. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. М., 1971.

тель», — читаем мы в молитве другого хеттского царя — Мурсилиса II (1345—1315). И напрашивается сравнение с окаменевшим абхазским фразеологизмом «афырхаца», что переводится обычно словом «герой», дословно же: «герой грозных божеств», «мужчина (человек) бога молний», что в точности совпадает с хаттским титулом определенного должностного лица «человек бога грозы»⁸⁰.

Бог грозы, считавшийся у хаттов богом стихий, восседал на спине быка, потрясая молниями. В Абхазии культ быка также имел исключительное распространение, причем и в самом имени верховного бога Анцва, культ которого неразделим с культом бога грозы (Афы)⁸¹ и в котором слились воедино женское божество с мужским, присутствует, по-видимому, название быка (Ал-с^оа — Ал-ас^о — мать-бык) (?). У хаттов и касков существовал «азианического» происхождения (а не индоевропейского)⁸² небесный бог Анцили (Anzili), имя которого в своей основе полностью совпадает с вышеприведенным именем главного абхазского бога небес Анцва (Анцэа).

Можно сослаться и на такие совпадения, как хет. Адад — божество небесной стихии, восседающее на спине быка, и абхазское олицетворение грома Адыд и его святилище Дыдрыпш, переднеазиатская богиня Иштарь и абхазское божество животных Айтар, хет. бог луны Армаз и абх. Амза — луна; образы хеттско-ассирийско-шумерского пантеона Ан, Инана, Энцу и абхазского Ан, Анана, Нан — мать. Образ переднеазиатского пантеона — великой матери плодородия Ананы (Инаны) и хет. **аппаš** — мать находят свою параллель не только в названиях, но и в функциях древнейшего абхазского культа женского божества, в основе которого также лежит

---

⁸⁰ К. Керам. Указ. соч., стр. 120, 128; В. Г. Ардзинба. Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц. В кн.: «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1973, стр. 199.

⁸¹ Древнехеттский миф о борьбе бога грозы со змием, связанный с хаттской традицией — мечь змию с помощью человека по имени Хупасияс, которому богиня Инара дарит свою любовь, — заставляет вспомнить абхазское поверье о непримиримой карающей вражде бога грозы со змием.

⁸² E. Lagoch. *Recherches sur les noms des dieux hittites* Paris 1947, p. 79; Г. Г. Гиорградзе. К вопросу о локализации..., стр. 208.

«Ан», «Анана» («Нан») — мать (Нан — мать-богиня, аныха — святилище, нанхэа — языческий праздник в честь великой животворящей матери; Анана-Гунда — богиня пчеловодства и др.).

Обращает также внимание ближайшее сходство имени хеттского героя (богини) Инара (Инары) с именем абхазского божества высоких деревьев и виноградной лозы Нар, абхазским семейным именем Инарба, означающим «сын Инара», названием мифического народа Нартов из одноименного эпоса абхазов и других кавказских народов. Ближе перекликаются хаттское имя хеттского царя (бога) Телепинус⁸³, древне-абхазское мужское имя Тлапс и имя адыгского божества Тлеши. Установлена также близость Телепинуса и сванского исчезающего и возвращающегося божества Мелиа Телепиа, что свидетельствует о существовании, по меньшей мере, «непосредственных контактов в определенную эпоху между древнекавказским (в частности сванским) и хеттским мирами»⁸⁴.

Одной из самых показательных лексико-мифологических встреч или тождественных параллелей между хаттским (кашкским?) и абхазо-адыгскими языками является полное совпадение по форме и содержанию названий бога (клятвы) Уашхо, о чем подробно будет сказано ниже.

Заслуживают сопоставления и некоторые данные ономастики. Так, вышеуказанное имя владельца Баргайе соответствует абхазским лично-семейным именам Бага (Барга), Барганджия, Абрагь; имя царя страны Хатти Памба — абхазским Памба (муж.) и Пемба (жен.); имя малоазийского царя II тыс. до н. э. Раша тождественно абхазскому Рашь (Решь) (ср. также древнейший песенный рефрен «рашья», «рерашья»). Титул хеттских царей (и имя) Лабарна, происходящий от царского имени хаттского происхождения, сопоставим с абхазским именем Бърна и топонимом Лабра, а также с названием древнего родоплеменного святилища Лапр-

---

⁸³ Не является ли топор Телепинуса культовым топором, аналогичным тем топорам с бронзовыми ручками, которые выявлены при раскопках в Абхазии.

⁸⁴ Н. А. Бендукидзе. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1973, стр. 97, 98, 100.

ныха (с. Блабурхва Гудаутского района), где «ныха» означает святилище. Читая хеттское личное имя Алимарда⁸⁵, невольно вспоминается старинное лично-патронимическое имя Мард, Марда-Соу, весьма популярное в абхазском фольклоре.

Сходны проявления и древнейшего культа волка и отождествляемой с ним (напр., в эпосе абхазов) собаки на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах, обусловленные ареальными связями⁸⁶. Это в той же мере относится и к культу сосны как у хеттов, так и у абхазов.

Как указывалось выше, протохетты как самих себя, так и свою страну называли словом «Хатти». Может быть, с этим названием как-то связана древнеабхазская лексическая единица «хайт» (Хайт! Хайтамарцъа!) — боевой клич абхазов, которым сопровождается также восторг или, наоборот, негодование. Под именем Хайт, связываемым А. Н. Греном с названием «знаменитого народа хиттитов», в абхазской мифологии известно еще и злое морское божество⁸⁷. Хайт (Хайт) до сих пор встречается у абхазов в качестве мужского имени, а абазины, по словам Н. К. Шенкао, сохранили название неведомой страны Хат (Хат; «Хатынтэй уаама?» — «Из Хата прибыл?»).

Идентичны некоторые выражения, связанные с кровной мстью: хет. «дело крови» и абх. «ашъа-ус» («крови дело»), хет. «стремиться к крови» и абх. «ашъаура», где ашъа — кровь (ср. хат. ešar — кровь)⁸⁸.

Следует иметь в виду и установленное резкое отличие весьма древней абхазской народной музыки от типично восточной и наличие в ней ладов, в том числе сходство с редким малоазиатским эгинским, наряду с эолийским, гипофригийским и чистым гиполидийским⁸⁹.

В одном древнехеттском ритуале фигурирует «дом сыновей»⁹⁰, который, правда, без гарантии на достоверность, может быть сопоставлен с древнеабхазской «ам-

⁸⁵ В. Н. Хачатрян. Указ. соч., стр. 102.

⁸⁶ Вяч. Вс. Иванов. Сходные черты в культе волка... — «Всесоюзная научная конференция...». Тбилиси, 1976, стр. 9—11.

⁸⁷ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 294.

⁸⁸ В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 26.

⁸⁹ О. Тизенгаузен. Еще об абхазской музыке. — «Апсны — Страна души», № 1. Сухум, 14 января 1925.

⁹⁰ См. рец. В. Г. Ардзинба на книгу Г. Отгена и В. Соучека «Старый типичный ритуал для царей», ВДИ, 3, 1973, стр. 200.

харой» — отдельным брачным домиком для каждого женатого сына, строившимся вблизи «большого», то есть отцовского дома и отражающим собой развитие парной формы брачно-семейных отношений.

Совпадают также некоторые древнейшие орнаментальные мотивы, такие как изображение «хеттского солнца» в виде схематического круга и абхазский «образ солнца» (амрасахьа); малоазийская оттиснутая ладонь с пятью пальцами, имеющая также в абхазском свою прямую параллель (анапанцара), двуглавые орлы М. Азни и археологических материалов Кр. Маяка, Цебельды и современных абхазских настенников. Приковывает внимание и тождественность бронзовых фигурок богини-матери из Орозтепе и Бамбор и т. д.

Гипотеза о родстве горских народов Западного Кавказа — абхазского, убыхского, адыгских — с хаттами, хотя и остается пока гипотезой, но как вполне возможная находит себе все новых и новых сторонников не только среди языковедов, но и представителей других специальностей. И приведенные факты, взятые в совокупности, проливают дополнительный свет на существование древнейшей абхазо-адыго-протохеттской не просто ареальной, но и более близкой культурной, а, возможно, и языковой близости. Носители абхазо-адыго-протохеттских языков, по-видимому, некогда (почти до конца II тыс. до н. э.) были распространены на территории Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, а переселение с юга на север, если даже и имело место, то оно происходило до III тыс. до н. э.⁹¹ Внутри этого обширного и сравнительно однородного этнического массива, вытянувшегося от Понтийских пор до Прикубанья, рано стали возникать локальные особенности, связанные не только с внутренним развитием, но и с проникновением индоевропейских групп, приведшие в дальнейшем к образованию в разных местах ареала разных этнических общностей, сохранивших в отдельных случаях некоторые существенные черты былых теснейших генетических и культурных связей.

---

⁹¹ И. М. Дьяконов. Предыстория..., стр. 12, 13, 24, 25, 241; В. В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии, стр. 28; Г. А. Меликишвили. Возникновение хеттского царства, стр. 23.

2. Уашхо

Древний религиозно-мифологический образ под именем «уашхо», который, как увидим ниже, был знаком некоторым вымершим аборигенам северо-восточной Малой Азии еще за две тысячи лет до н. э., и сегодня не совсем забыт в кругу абхазо-адыгских и, частично, осетинского народов. Это уже очень стертый образ, представляющий интерес как с точки зрения общего абхазо-адыгского культурного наследия, так и в связи с гипотезой о малоазийско-кавказских этногенетических взаимоотношениях.

Представления об этом образе, не отличающиеся достаточной четкостью, являются сходными у всех его носителей на Кавказе. Правда, источников о нем у нас очень мало — всего только отдельные поверья и термины, засвидетельствованные как у некоторых современных кавказских народов, так и в древнехеттских памятниках письменности. Обратимся сперва к современным материалам и начнем с соответствующих пережитков у абхазов.

В абхазском словоупотреблении «уашхуа» и теперь часто используется как выражение самой сильной, верной клятвы и заверения, например, в случае отказа от сопротивления, признания своего поражения, безоговорочного подчинения воле победителя и т. п. Такой смысл приобретает оттенок еще большего усиления при не всем уже известном сочетании этого слова с другим термином — «макьапсыс» (макьаџсыс), которым, вообще говоря, теперь обозначается маленький точильный камень для острорезущих железных инструментов (ножей и пр.)⁹². Считалось, что при определенных обстоятельствах заклинание в форме «Уашхуа!», «Уашхуа макьапсыс!» является единственно возможной и обязательной формой зарока. Например, верили, что русалка (по-

---

⁹² По преданию, чтобы получить такие мягкие, гладкие (амакьаџ-шка) камни, нужно из сердцевины ствола ясеня (араш) выточить миниатюрные брусочки соответствующей формы, зарыть их глубоко в землю и держать там в продолжение 7 лет, после чего они готовы к употреблению как точильные камни. Замечу также, что абхазы поклонялись камню, почитали его (ахахэ рныкуан), о чем свидетельствует, например, выражение: «Не садись на камень — сердце тещи станет холодным».

абхазски «дзызлан», то есть «мать вод») в случае своей победы в единоборстве с мужчиной наводила на него всякого рода порчу или делала его послушным исполнителем своей воли. В противном же случае она сама должна была дать победителю нерушимый обет в том, что никогда больше не будет вредить ему. И вот только после того, как русалка, признавшись в своем поражении, произносила «Уашхуа макъапсыс!» победитель мог безбоязненно отпустить ее на свободу.

Значение «уашхуа» понимают совершенно одинаково как в южной (Абжуйской), так и в северной (Бзыбской) Абхазии. Так, 83-летний Синат Джениа (с. Лыхны Гудаутского района), объясняя «уашхуа», сказал в декабре 1971 года так: «Уашхуа макъапсыс» — это клятва. Такую клятву заставляли дать лесную деву или русалку, когда удавалось поймать ее. Она добровольно не соглашалась на это, к этому ее принуждали силой после того, как одерживали над ней физическую победу. Выражение это употребляется однако и в обычном разговоре. «Мы дошли до того, что чуть не сказали друг другу «уашхуа макъапсыс», — говорят люди, когда хотят выразить упорный, изнурительный характер соперничества, например, в выносливости в отношении винолития». А по словам 80-летнего потомственного пастуха из села Члоу Очамчирского района Иуаки Джатмовича Цвижба, когда хотели убедиться в правильности всех показаний человека, его заставляли подтвердить их клятвой «уашхуа» (Ауады дандырхэацэоз „уашхуа“ идырхэон).⁹³

⁹³ Вот еще два свидетельства из указанных частей Абхазии — Маадан Сакания, свыше 80 лет, с. Дурипш Гудаутского района: «Если у русалки удалось выудить слова «Уашхуа макъапсыс, отныне я не стану вредить тебе» (Уашхуа макъапсыс ваха сиушьрх-гамхо), то можно ее больше не опасаться»; Ясон Чочуа, свыше 60 лет, из с. Адзюбжа Очамчирского района: «Если хотят заставить черга раскрыть себя, надо чтобы он подтвердил свое признание клятвой «Уашхуа макъапсыс» (Ашхуа макъапсыс ирхэаши дылрхуеит). По тому же сообщению, если девушка забеременела до выхода замуж, силой погружали ее руку в горячую мамалыгу и держали там до тех пор, пока с клятвой «уашхуа» не назовет имя своего соблазнителя. В редких случаях говорят: «Клянусь именем (У)ашхуа макъапсыс» (У)ашхуа макъапсыс имаеуп: (У)ашхуа мак-апсыс иныс). При этом иногда опускают первый звук в слове «уашхуа» — выпадает фонема «у». Встретился мне и другой вариант этого выражения: «(У)ашхуа, Дамакья ипсаныс, то есть» (У)ашхуа, клянусь именем Дамакья». Но этот вариант, услышанный моим

В связи со словом «макьапсыс» приведу притчу, записанную С. Л. Зухба со слов престарелой Назии Тахировны Акаба из того же селения Члоу. Решили как-то собаки отправиться в горы. Проходит время, однако осуществить им свое намерение никак не удавалось.

— Договорились же идти в горы, лето уходит! — беспокоился один из псов.

— Где уж нам! Отправимся мы туда разве только когда камни насквозь промокнут (Амакья анып̄сасилак̄ хцап), — ответили ему удрученные собаки. Это означало, что не видать гор псовой своре, ибо камни насквозь никогда не моknут.

Словесный трафарет «уашхуа макьапсыс» мы находим также в числе стилистических приемов абхазских сказок. Например, сказочный герой по разным причинам (часто в поисках жены или сестры, а иногда целебного средства) попадает в дом великана и прячется. Хозяин в это время отсутствует. Возвратившись, великан чувствует присутствие в его доме чужого и говорит жене: «Откуда это абхазским духом пахнет?» Это неизменный вопрос, задаваемый им во всех аналогичных случаях. Жена отвечает, что пришел ее брат и просит мужа не есть его. Муж-великан (или черт) дает обещание жене, что не тронет ее брата, но она не верит его заверениям. В конце концов он дает клятву, произнеся уже знакомую нам трафаретную формулу (уашхуа макьапсыс), после чего жена выводит героя сказки из укрытия⁹⁴.

Заглянем теперь в лексику родственных абхамам народов Кавказа.

Так, в словаре абазинского языка мы читаем: «УашхIва — клятва; уашхIва хIвара — клясться, давать клятву»⁹⁵. И действительно, у старшего поколения абазин, как мне удалось установить летом 1973 года в ауле Инджик-Чукун Хабезского района, сохранились (прав-

---

информатором, ныне жителем г. Сухуми Р. К. Гулиа в детстве в его родном селе Эшера, является, по всей вероятности, явным искажением, испорченной разновидностью общепринятой фразеологической окаменелости — стандартной клятвенной формулы «уашхуа макьапсыс».

⁹⁴ С. Л. Зухба. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970, стр. 206—207.

⁹⁵ «Абазинско-русский словарь». М., 1964, стр. 377.

да, теперь уже едва уловимые) воспоминания об «уашхо». Абазины представляют мифическое «уашхо» почти точно так же, как и их южные сородичи — абхазы. Например, по словам 73-летнего инджикчукунского жителя У. К. Квалсырген, «уашхва», «уашхва татартуп» (Уашхә татартуп) представляет собой некую высшую, священную силу (уашхәа ныхахәароуп), и с этим именем в устах произносили самую сильную клятву — окончательную и нерушимую ни при каких обстоятельствах. «Уашхва» и ложная клятва несовместимы друг с другом. «Если человек сказал «Уашхва», это значит, что он говорит правду», — подчеркнул информатор. В разговоре у них можно еще услышать выражение «Уашхва, не знаю об этом ничего» (Уашхәа, ишысымдыруа), и вы можете быть уверенными, что говорящее лицо действительно в абсолютном неведении относительно того, о чем его спрашивают.

Обращает на себя внимание, что у абазин, как и у абхазов, наш термин встречается как отдельно (уашхәа), так и в неразрывном сочетании с другим выражением — «татартуп» (уашхәа татартуп), причем и у них последнее слово («татартуп») ⁹⁶, точное значение которого ими также утеряно, используется для максимального усиления клятвенного заверения. Кроме того, сравнивая абхазский и абазинский варианты слова «уашхо», мы видим, что окончания у них разные: «-хуа» в первом случае и «-хәа» — во втором. Но частица «хәа» в абазинском «уашхәа» является, как это установлено специалистами, закономерным звуковым соответствием частицы «хуа» абхазского варианта ⁹⁷, и служит, по-видимому,

⁹⁶ Одно урочище у подножия Эльбруса называется Татартуп. Туда «перед Новым годом каждый кабардинец, желая иметь удачу в течение всего года», шел молиться. В молитве произносились какие-то таинственные слова, а в знак посещения оставляли пули, ножи и др. (Л. Х. Акаба. Абхазо-адыгские мифологические параллели. «Известия» АБИЯЛИ, III. Тб., 1974, стр. 146).

⁹⁷ В абхазско-абазинских диалектах не так редко встречаются факты взаимного перехода хә в ху, и наоборот. Например, ахә (абх.) — ахәху (тап.) — камень, агуа (абх.) — агуа (тап.) — ходжа (К. В. Ломтагидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 64); ашьахәы заз (абх.), ашьахуырз'ыз', ашьахәы-рз'ыз' (абз.) — шиколотка, ахуштаара// ахәнтаара — очаг, последний пример зафиксирован М. М. Цикolia в абжуйском селении Агара (Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, стр. 109).

выражением того же значения, что «хэа» в абхазском термине «анцэа-хэ», где анцэа — бог, хэа (ахэа-ра) говорить, изрекать, то есть славословие божеству, приобщение к нему при помощи молитвенной речи, слова.

Форму, идентичную абазинской, мы находим также и в убыхском — «уашхва» (уашхэа) в значении гром, молния, бог. Так, в своем «Словаре убыхского языка» Г. Фогт, со ссылкой на Ю. Месароша⁹⁸, это слово переводит как «гром и молния», а со ссылкой на Ж. Дюмезиля — как «бог»⁹⁹. Убыхские выражения «уашхва уйáх!» (wəʒxʷa wəyax!) и «уашхва йыйан» (wəʒxʷa yəyán) означают соответственно: «Чтобы тебя ударил гром», «Чтобы тебя молния поразила!» (que la foudre t'écrase!)¹⁰⁰ и «гремит гром и сверкает молния» (il fait du tonnerre et des éclaire).¹⁰¹

Абхазо-абазинско-убыхскому «уашхва», «уашхуа», которое, как сказано, понимается в основном как клятва, по смыслу в точности соответствует и адыгское «уашхьо (уашхьор)» — небесный свод (небо по-адыгейски «уашхьо»)¹⁰² и кабардино-черкесское «уасхуа», «уашхо», «уашхо-кан». Представляют «уашхьо» как древнейшее божество неба, от которого сохранилась только окаменевшая формула самой крепкой клятвы: «Уашхо-каном клянусь» (кабард. — узфа — небо, шхо — синее)¹⁰³.

По словам сравнительно молодого черкеса, председателя Кошехабльского сельсовета Р. Р. Куршева, с которым я беседовал в том же ауле Инджик-Чукун, современные кабардино-черкесы знают и другой еще древний клятвенный фразеологизм, основным элементом которого является тот же термин «уасхуа». Он гласит «Уас'хуа нывас'хуа чана», то есть «Клянусь кусочком серого (го-

⁹⁸ Julius Mészáros. Die Pskhy-Sprache. Chicago, 1934, стр. 200

⁹⁹ G. Dumézil. Contes et Légendes des Oubykhs. Gravaux et Mémoires de l'institut d'Ethnologie, t. LX, Paris, 1957, XIII — 103 p. Его же. Etudes Oubykhs..., p. 58-59.

¹⁰⁰ Ср. совершенно идентичные абхазские фразеологизмы: «Афы усаат!» — «Молния да паразит тебя!» и «Идыды-мащысуеит!» — «Гром гремит, сверкает молния».

¹⁰¹ H. Vogt. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963, стр. 201.

¹⁰² А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960, стр. 560.

¹⁰³ «Кабардинский фольклор». М.—Л., 1936, стр. 638; П. У. Аутлев. Новые материалы по религии адыгов. «Ученые записки АдНИИЯЛИ», т. 4. Майкоп, 1965, стр. 191.

лубого) камня» (уас'хуа — клятва, нывас'хуа — серый, голубой камень (от ныва||мыва — камень), чана — маленький кусочек). «Это крепкое, нерушимое слово, клятва, как русское «ей богу», — пояснил собеседник. (Заметим в скобках, что в настоящее время понятие «бог» во всех языках адыгской группы народов — адыгейском, кабардино-черкесском и их диалектах — выражается одним словом «тха» (тхэ), параллельно используется также мусульманское «аллах» (алыхь)¹⁰⁴.

Достоин внимания и то, что сабля (шашка) — традиционное вооружение горцев — называется по-кабардински «сашхуа» (сэшхуа)¹⁰⁵, что, по Койперсу, дословно переводится как «длинный нож» и было заимствовано русским языком как «шашка» (ʃaʃx^oa-ʃa-ʃka)¹⁰⁶.

Кроме того, слово «уашхо» входит в состав кабардинского названия горы Эльбрус — Уашхо-Махо, Ошха-Махо. Значение этого названия — счастливая гора, гора дня, света, гора, где, подобно Олимпу, пребывают блаженные боги. Последнее значение подтверждается и тем, что местные жители действительно почитали Эльбрус, молились ему. Согласно преданию, Аттила, дойдя до этой величайшей вершины Кавказа и Европы — места пребывания небожителей, повернул обратно и удалился от пределов Кабарды¹⁰⁷. В связи с кабардинским названием Эльбруса (Ошха-Махо) следует иметь в виду, что по-абхазски всякая вообще гора именуется тем же почти словом — «ашьха».

Название «уашхо» в смысле клятвы встречается в системе древней номенклатуры не только абхазо-адыгской группы народов — абхазов (уашхуа), убыхов и абазин (уашхэа)¹⁰⁸, адыгов (уашхьо), но частично и у осетин-дигорцев (уассба)¹⁰⁹, то есть у той части осетинского народа, которая отличается большой этно-культур-

¹⁰⁴ Русско-адыгейский словарь. М., 1960, стр. 55; «Русско-кабардинско-черкесский словарь». М., 1955, стр. 55.

¹⁰⁵ Русско-кабардинско-черкесский словарь. М., 1955, стр. 956.

¹⁰⁶ А. Х. Койперс. Проточеркесская фонология: исследование по реконструкции. „Studia Caucasica“, I, г. Гаага, 1963, стр. 69 (на английском языке).

¹⁰⁷ «Кабардинский фольклор». М.—Л., 1936, стр. 90—93, 634.

¹⁰⁸ Ш. Д. Инал-ипа. К вопросу о древних этно-культурных связях Западного Кавказа и Малой Азии. М., 1973, стр. 9.

¹⁰⁹ Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, стр. 45.

ной близостью к абхазо-адыгским племенам¹¹⁰. Поэтому интересующий нас термин выступает в осетинском как один из субстратных элементов, а не является, как видно, исконной принадлежностью лексики ираноязычных осетин, несмотря на то, что «уассха» и связанные с ним теонимы имеют в осетинском значительное распространение¹¹¹.

Таким образом, термин «уашхо» не только по основному ареалу современного распространения, охватывающему всю историческую территорию абхазо-адыгских племен (южные и северные склоны Западного Кавказа), но и по своему первоначальному происхождению принадлежит к языковому миру этих же племен¹¹², от которых он был заимствован позднее осетинами-дигорцами, а может быть, и другими соседними народами.

Во всех абхазско-адыгских языках и дигороком диалекте осетинского языка интересующий термин — абхазск. «уашхуа», «уашхуа макъапсыс», убыхо-абазинск. «уашхва», адыгейск. «уашхъуэ», «уашхъо» («уашхъор»), кабардинск. «уашхъуэ», «уашхъо», дигорск. «уассха» — употребляется в основном как наистрожайшая клятвенная формула, реже как «бог» (убыхск.), «бог клятвы» (кабардинск.), «небесный свод» (адыгск.), «гром и молния» (убыхск.) и вообще как некая сверхъестественная, ныне не совсем ясно признаваемая священная мифическая сила. Клятве со словом «уашхо», даваемой при безвыходных обстоятельствах, не может изменить никто на земле — ни человек, ни великан, ни черт, ни дьявол. Уашхо — это божество, имя которого нельзя было произносить всуе никому. Это слабые пережитки древнего религиозно-мифологического образа, полузабытые представления о котором сохранились в народной памяти в значительно стертom, трансформированном виде.

---

¹¹⁰ «Клятва — ард, сомы; диг. уасха» (В. И. Абаев. Русско-осетинский словарь. М., 1950, стр. 195).

¹¹¹ Например, в Осетии, в местности Кани, происходило празднование Уашхо. Кроме того, «уас», «уац» у осетин имеет значение «святого», «небесного» божества вообще, присоединяясь к именам христианских божеств: «Уас Гырджи» (святой Георгий).

¹¹² В. И. Абаев, с которым я консультировался по этому вопросу, также не сомневается в том, что «уассха» в дигорском диалекте осетинского языка выступает как заимствование из абхазо-адыгских, скорее всего кабардинского языка.

Трудно сказать, завершилась ли эволюция «уашхо» превращением его в бога в обычном смысле этого слова, ибо, как известно, очень многие примитивные религии вообще не знают представления о боге или богах¹¹³. Если судить по сохранившимся пережиткам, «уашхо» отнюдь не является предметом культа: этому бледному мифическому существу не воздают особого почитания, но его очень боятся как разящую, мстительную силу.

В своем генезисе этот персонаж представляет собой, очевидно, один из элементарных религиозно-мифологических образов, в частности, древней ближневосточной религии, для которой были характерны сложные сплетения самых различных по своему характеру и происхождению верований и представлений.

Как указывает С. А. Токарев, в религии вообще мало что создается заново и «многие из религиозных форм оказываются весьма устойчивыми и удерживаются, подвергаясь разным видоизменениям, и в классовом обществе, или сохраняя, как культ семейно-родовых предков, свою обособленность, или вилетаясь, что чаще бывает, в более сложные формы религии, теряя свою первоначальную природу»¹¹⁴.

С этой точки зрения обращает на себя внимание то, что «уашхо» выступает то в виде божества, то в виде некой безличной силы. Это было единственной сверхъестественной силой, которую, по верованиям абхазов, признавала коварная и мстительная, но полная очарования древнеабхазская водяная богиня «дзызлан», клявшаяся только именем уашхо и его точильным камнем. Она боялась также удара обоюдоострого двухлезвийного железного кинжала. Это последнее обстоятельство заставляет предполагать, что в лице «уашхо», возможно, мы имеем какие-то ранние представления о гневном боге неба и грозových явлений — единственном божестве, которое, согласно тем же воззрениям, могло непосредственно и безжалостно уничтожить любое существо, оставляя при этом на месте поражения раздвоенные стрелы, символизирующие собой разящую силу грома и молнии.

---

¹¹³ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 7.

¹¹⁴ Там же, стр. 392.

В системе религиозных верований многих народов представлены божества неба и грозы. Например, сваны — непосредственные соседи абхазов, имеющие много общего с ними, — знали особого могучего владыку неба под именем Пуснабуадни. Ему посвящали священных быков и бугаев под общим названием висхв или усхвай, а также коров, именуемых мусхв, причем по своему происхождению различались тройкого рода висхвы: а) рожденные висхвами (т. е. со дня появления на свет бывшие самыми крупными животными из себе подобных); б) рожденные от священной коровы мусхв; в) лучшие быки, посвященные «великому богу»¹¹⁵. Возникает вопрос, не является ли **висхв, усхвай** сванским вариантом абхазо-адыгского уашхо, уашхуа, исходя из общности фонетического облика этих терминов. Вместе с тем в языческих верованиях абхазов отмечено существование уже совсем забытого гневного божества Ах-ду, которому также приносился в жертву исключительно бугай и обязательно в отсутствие женщин¹¹⁶.

Значение слов «уашхо», «уашхуа», «уашхуа макъап-сыс» никто из тех, кто ими еще пользуется, — а их немало как в Абхазии, так и в других частях Западного Кавказа, — объяснить не может. По мнению Б. Х. Балкарова, «уашхо» распадается на две части: **уа** и **схасе**, которые сопоставляются с кабардинским **уэ** — «град» и **шхъэу** — «голубой», «зеленый», «серый», «синий»¹¹⁷. Однако ни такое деление слова на две части, ни слишком

¹¹⁵ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 198—199.

¹¹⁶ Сведения (к сожалению, очень краткие) об этом загадочном существе сохранил нам Н. С. Джанашиа. Он переводит его название (Ах-ду) как «голова большая», хотя это и не совсем убедительно, ибо не исключается связь этого божества (и его названия) с пережитками фаллического культа. Н. С. Джанашиа далее пишет: «Этот бог у нас уже забывается; со слов матери у меня записано, что этому сильному и гневному божеству приносился в жертву исключительно бугай и то в лесу. Женскому полу запрещалось посещать это моление, данная семья выбирала красивого бычка в своем стаде или в чужом, откармливала его в течение пяти, шести лет и потом приносила в жертву. Холостить его запрещалось; при жертвоприношении к рогам его прикрепляли по одной свече. «Акваквары» должны быть непременно пшеничные. Кожа принадлежит молельщику». (Н. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, стр. 70).

¹¹⁷ Б. Х. Балкаров. Указ. соч., стр. 45.

нелогичное их толкование — «голубой град» — не являются достаточно убедительными. Надо полагать, что значение этого слова трудно понять без учета религиозно-мифологических представлений не только абхазо-адыгов, но и их этно-культурных связей на юго-западе от Кавказа.

И мы перенесемся теперь в историческую Малую Азию и заглянем в некоторые тексты на хаттском языке из Богазкёйского архива. Эти тексты (в основном ритуально-религиозного содержания) составлены хеттскими писцами после возникновения Хеттского государства на рубеже XVIII—XVII, но не позже XV в. до н. э. В некоторых из этих текстов действительно встречается знакомое нам уже из абхазо-адыгских языков слово «уашхо» в форме (a)šhaw| (a)wšhap, wa-šhaw-šhap (ед. ч. (a)šhawp, мн. ч. wa-šhew(p), с чередованием конечного согласного (W/P)¹¹⁸. Поскольку оно употребляется в сочетаниях типа (a)šhaw|p katte — «бог-царь», (a)šhaw|p kattah — «бог-царица»¹¹⁹, то есть со словами, обозначающими лиц мужского и женского пола, то можно его рассматривать как «божество», «бог» вообще. Такое значение термина wa-šhaw|p впервые было установлено Е. Форрером¹²⁰, к которому присоединились впоследствии и другие хеттологи — Е. Ларош¹²¹, А. Камменхубер¹²² и др.

Так, И. М. Дунаевская, присоединяясь к установленному лексическому значению слова wa-šhaw, переводит его также в смысле «бог»: В|(...te)s-te-gap-nu „wa-šhaw- — цц wa-šah- alip... — з «[...]пусть не говорит (??)», богам¹²³ плохое слово...»¹²⁴. Термин этот выступает в хеттских источниках иногда с присоединенными к нему показателями; засвидетельствованы, например, случаи

¹¹⁸ A. Kammenhuber. Hattisch. „Altkleinasiatische Sprachen“ (Handbuch der Orientalistik, 1, Abt., 2. Bd., 1-2 Abtsh., Lfg. 2) Leiden-Köln, 1969 стр. 441, 447.

¹¹⁹ Там же, стр. 459 сл.

¹²⁰ E. Forrer. Die Inschriften und sprachen des Hatti-Reiches, ZDMG, № 2, 1922, стр. 230.

¹²¹ E. Laroche. Etudes „protohittites“, RA, 41, 1—4, 1947, стр. 75, 77 и др.

¹²² A. Kammenhuber. Указ. соч., стр. 447, 459, 468, 473, 497.

¹²³ Или «в отношении богов», «в отношении людей» и т. д.

¹²⁴ И. М. Дунаевская. Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. — ВДИ, 1964, № 1, стр. 104—105.

агглютинации двух суффиксальных именных показателей: *ašhaw-un-at*, *wa-ašhaw-un*, *wa ašw-p*, *wa-ašw-p el*.¹²⁵

Хотя сравнительного исследования религиозных систем абхазо-адыгских и хеттского народов не проводилось, но даже поверхностное знакомство позволяет утверждать о наличии большого сходства между этими системами как в целом, так и в некоторых характерных деталях. Одним из ярких примеров этого может служить не только сопоставление хаттско-кавказского «уашхо», его функций и атрибутов, но и важнейшее значение и тут и там бога грозы, а также почитания камня. Например, у древних хеттов «царь... в храме совершает (обряд) богу гроз «пихассасис», причем последнее слово выступает как эпитет¹²⁶ бога грозы¹²⁷. Что же касается камня, наличного в абхазской формуле, то в среднехеттский период также засвидетельствованы в источниках особые предписания для служителей «каменного дома божества»¹²⁸.

Однако если толкование хаттского *uāšho* в смысле «бог» является общепринятым, то этого еще нельзя сказать в отношении его сопоставления с приведенными кавказскими лексическими материалами. Так, например, против сближения хат. *wa-ašhaw/p* с адыг. *wa-sx^oe* выступался Г. Деетерс на основании того, что в адыгском *wa-šx^e* значит «серое или голубое» небо, которое интерпретируется им как «молния», «удар грома»¹²⁹. Г. А. Климов, не прибегая к аргументации, также солидаризируется с Г. Деетерсом, отвергающим, как сказано, сопоставимость «уашхо»¹³⁰ с указанным протохеттским словом, а вместе с тем относит его, как и убыхский вариант, к числу исконных слов только адыгских языков,

¹²⁵ И. М. Дунаевская. Указ. соч., стр. 103.

¹²⁶ ВДИ, 3, 1973, стр. 201.

¹²⁷ Не является ли и слово «макбапсыс» (созвучное, между прочим, хеттскому «пихассасис») в абхазском нераздельном выражении «уашхуа макбапсыс» также какой-то образной характеристикой мифического Уашхо посредством выразительной метафоры-прилагательного.

¹²⁸ В. Г. Ардзинба. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. М., 1971, стр. 6.

¹²⁹ G. Deeters. Die kausischen Sprachen..., Leiden-Köln, 1963, стр. 76—77.

¹³⁰ У Г. А. Климова «а-уаш-хъва», практически же это слово с начальным «а» никогда не употребляется.

считая, что в абхазский лексический фонд оно проникло, наряду со многими другими адыгизмами, в порядке заимствования из феодальной Кабарды в период ее культурно-политической гегемонии на всем Северном Кавказе, когда кабардинский язык играл здесь, говоря его словами, роль *lingua franca*¹³¹.

Однако «уашхо» не всегда (например, у абхазов) означает небо и молнию, а главное, у некоторых кавказских носителей его (например, у убыхов) прямо выражает собой, как и у хаттов, понятие «бог». А что касается заимствования абхазами этого термина из Кабарды в период ее позднесредневековой политической гегемонии, то вряд ли это соответствует действительности, ибо наш термин в абхазском имеет, как видно по всему, более глубокие корни, чем позднее средневековье, и представлен он здесь в нерасторжимом и очень архаическом словосочетании (*уашхуа макьапсыс*), а такие фразеологические окаменелости, как правило, всегда относятся к исконному лексическому фонду данного языка и в таком виде почти никогда не заимствуются.

Поэтому скорее всего «уашхо» — это общее наследие праязыка абхазо-адыгских народов. Если же говорить о возможности сопоставления западнокавказского «уашхо» с протохеттским *wašḥaw*, то сторонников этой точки зрения гораздо больше, чем ее противников (Р. Блейхштейнер, Ю. Месарош, В. Георгиев, Г. Меликишвили и др.). Это объясняется тем, что сравниваемые слова полностью совпадают как по форме, так и по своему семантическому содержанию, а такая идентичность вряд ли бывает простой случайностью, если к тому же иметь в виду и другие области хаттской и абхазо-адыгской материальной и духовной культуры, где ученые находят немало разительного сходства.

В частности, Ю. Месарош, который не сомневался

---

131 Г. А. Климов пишет: «Абхаз. а-уаш-хъва — клятвенная формула, адыгейск., каб., уашхъуэ — клятвенная формула. На правах адыгизма и убых. *wašḥa* — клятвенная формула «бог». Мотивируется только на адыгейской почве: *уа* — «небо» + *шхъуэ* — «синее, голубое». Г. Деетерс, справедливо возражая Р. Блейхштейнеру, Ю. Месарошу, В. Георгиеву и др., указывает на несопоставимость абхазо-адыгских форм с протохеттским *wašḥab* «бог» (Г. А. Климов. Абхазо-адыгские этимологии. II. (Заимствованный фонд). В сб. «Этимология», 1966. М., 1968, стр. 293—294).

в родстве абхазо-адыгских языков с хаттским¹³², писал о том, что национальный бог убыхов *uāšx^oa* поразительным образом сохранил в себе с дохристианских тысячелетий до настоящего времени имя хаттского бога *ca-as-ha*¹³³.

Г. А. Меликишвили в своих исследованиях не раз ссылается на общность протохеттского *wašhav* и «черкесского» *uāšho* как на один из важных фактов, подтверждающих предположение о генетическом родстве между языками названных народов — мертвым хаттским и живыми западнокавказскими языками. Так, в «Наири-Урарту» он пишет: «Интересно отметить, что выступают даже отдельные лексические общности между протохеттским и современными северокавказскими языками: так, например, слово, обозначающее понятие «бог», очевидно, было общим между протохеттским и совр. черкесским языками (протохеттск. *wašhav* — ср. черкесск. *uāšho*)¹³⁵. Говоря о близости запро-эламской группы языков к современным кавказским языкам, тот же автор обращает внимание на отдельные точки соприкосновения также с протохеттским, например, слово, обозначающее понятие «бог», было общим между протохеттами и касситами (протохеттск. *wašhaw*, касситск. *wašhuš*. в произношении, очевидно, — *wašhuw*). Выше уже отмечалось, что это самое слово имеется и в современных северокавказских языках»¹³⁶. Эти положения развиваются автором и в других его работах¹³⁷.

Установлено, что хатты, генетически сближаемые с абхазо-адыгской группой народов, внесли огромный вклад в культурную и политическую историю пришлых индоевропейских хеттов-неситов. Некоторые исследователи придерживаются даже того мнения, что само

---

¹³² «Если сравнить вымерший ныне убыхский язык с древнеанатолийским (хаттским) языком, получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй этих языков так близок, что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков» (Месарош).

¹³³ Юлиус фон Месарош. Убыхский язык. Чикаго, 1934.

¹³⁴ Это слово мы находим не только в «черкесском», но и во всех, как мы видели, языках абхазо-адыгской группы.

¹³⁵ Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 71–72.

¹³⁶ Там же, стр. 120.

¹³⁷ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 122.

«Хеттское царство возникло в условиях политической гегемонии не неситов, а именно протохеттов»¹³⁸. Особенно значительным было протохеттское влияние в области религиозных верований пришельцев.

Хеттский пантеон из «тысячи богов» представляет собой пеструю смесь различных ассиро-вавилоно-шумерских, лувийских, хурритских и, прежде всего, хаттских мифологических элементов. В нем представлены Мать-богиня земли, высший небесный бог грозы из города Хаттусас, «от имени которого нам известно лишь окончание «унас», его жена богиня Солнца, их два сына — бог грозы из городов Нерика и Циппаланда с супругой Хепой, изображавшийся с длинным топориком (грозой ведал также бог Тесуб, Тешуб) и бог плодородия Телепинус; бог мужской силы и растительности Инар, бог огня — Агнис, богиня охоты — Рутас, бог ворот — Алулуна и т. д.¹³⁹. Каждый город, каждая местность, гора и река, каждое явление имели своего покровителя. Вот почему в договоре египетского фараона Рамсеса II с хеттским царем Хаттушилем II (около 1270 г. до н. э.) приводятся в свидетели 1 000 богов и 1 000 богинь страны Хеттов (культы носили оргиастический характер, существовала храмовая проституция, самооскопление, ритуальные пляски; не случайно, по видимому, память о царстве хеттов у греков сохранилась в виде сказания об амазонках)¹⁴⁰.

И предмет нашего рассмотрения — бог Уашхо — видимо, являлся одним из этих многочисленных хаттских элементов в хеттской мифологии, ибо многие имена хеттских богов, как и царей, были не индоевропейского, а хаттского происхождения (особенно в начальный период истории Хеттского царства); причем и сам язык хеттов — коренных жителей этого царства — широко еще употреблялся при богослужениях. Указанная выше лексическая встреча является не единственной между хеттским и абхазо-адыгскими языками. Встречаются общие элементы и в области топонимики. Дальнейшее иссле-

¹³⁸ Г. А. Меликишвили. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. ВДИ, I, 1965, стр. 3.

¹³⁹ В. Замаровский. Тайны хеттов. М., 1968, стр. 285—286.

¹⁴⁰ Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. I. Л., 1935, стр. 310—311.

дование в этом направлении может привести к установлению новых фактов, подтверждающих пока гипотетическое, но вполне возможное родство протохеттского с абхазо-адыгскими языками (в хаттско-неситских билингвах клинописного Богазкёйского архива пока выявлено значение лишь около 150 хаттских слов, а одноязычные хаттские тексты пока что вообще не поддаются толкованию).

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать наличие одной весьма примечательной западнокавказско-малоазиатской лексико-мифологической встречи. Это термин «уашхо», представленный в значении высшей клятвенной формулы, бога, некоей небесной силы как у ряда современных родственных между собой кавказских народов (абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев, кабардино-черкесов, а также у осетин-дигорцев и, может быть, у ованов), так и у протохеттов. Случайна ли такая встреча? Вряд ли, имея в виду полную идентичность как фонетического облика, так и смыслового значения «уашхо» у всех его носителей — древних и современных. Дальнейшее изучение вопроса, прежде всего по возможности полная реконструкция характера и функций образа кавказского «уашхо» путем скрупулезного собирания и сравнительного исследования всех еще не выявленных фрагментарных сведений о нем и расшифровка новых хаттско-хеттских ритуальных текстов, содержащих, по всей вероятности, прямые или косвенные данные о загадочном божестве, прольют, несомненно, дополнительный свет и сделают еще более убедительной изложенную здесь точку зрения о генетической связи рассматриваемого абхазо-адыгского мифологического персонажа с соответствующим протохеттским божеством.

Если между кавказским и малоазиатским «уашхо» существует действительно определенная связь, то это можно объяснить тем, что представления о данном божестве были в свое время заимствованы либо кавказскими горцами у хаттов, либо же, наоборот, к последним они проникли от первых, либо же, наконец, и те и другие получили их от предполагаемого общего предка.

По своему первоначальному происхождению композит «уашхо» (а что это сложное слово вряд ли можно сомневаться) принадлежит тому народу, на языке ко-

того он поддается наиболее убедительному разложению на составляющие его корневые элементы со столь же логически правильным объяснением смыслового значения каждого из них.

С этой точки зрения, на мой взгляд, заслуживают особого внимания абхазо-абазино-убыхские варианты термина «уашхо» и связанные с ними фразеологизмы — абх. «уашхуа», «уашхуа макьапсыс», абаз. «уашхва», «уашхва татартуп», убых. «уашхва», о которых говорилось выше.

Если в порядке рабочей гипотезы мы попытаемся разложить абхазское «уашхуа» на его составные части, то можно предложить как один из наиболее возможных вариантов следующий: уа-ш-хуа, где уа выражает обращение, призыв или местоимение «ты» (ср. «Уа, Анцэа улыщха сыт!», т. е. «О боже, дай ты мне свою благодать!»; уа-рада-— несенный рефрен, или припев; «Уа-мшыбзиа» — «Да будет день добрым» и др.), ш — белый свет, небесный свет (ср. а-ш-ара — светить, а-ш-куакуа — белый, светлый), а хуа — часть, доля, отпрыск, принадлежность. При таком толковании слово в целом можно было бы перевести так: «О, принадлежащий небесному свету (божеству)». Этому не противоречит, а, наоборот, как будто даже подтверждает связь и сочетание «уашхо» с небесными грозowymi явлениями и темным-серым камнем, выступающим в клятвенной формуле как земное олицетворение небесной тверди.

Существование тесных культурных взаимоотношений между Восточной Анатолией и Закавказьем с древнейших времен, особенно с периода средней бронзы, считается уже общепризнанным. Барней даже ввел в научный обиход термин «культурная зона Восточной Анатолии — Закавказья». Меллаарт же рассматривает северо-восточную Анатолию, Колхиду и Грузию как членов одной восточно-анатолийской культурной среды¹⁴¹. Таким образом, форреровское предположение о близости хаттского языка к группе кавказских языков, несмотря на его пока что гипотетический характер, «находит все более широкое признание в научной литературе»¹⁴².

¹⁴¹ J. Meliaart. The end of the Early Bronze age., стр. 9.

¹⁴² См. указ. рец. Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе, Э. А. Менабде на книгу А. Гётце, ВДИ, № 3, стр. 147.

Независимо, однако, от связей с Малой Азией, анализ термина «уашхо», восходящего, как можно думать, к абхазо-адыгскому праязыковому состоянию, представляет несомненный интерес и с точки зрения исследования генетического родства абхазского и адыгских языков, установления их исконно общего наследия¹⁴³.

3. Этногенетические предания абхазов

Едва ли не самым ранним этногенетическим преданием, записанным из уст местных жителей Колхиды, является широко известный рассказ Геродота об египетском происхождении колхов. В античной литературе довольно долго и прочно держалось это высказывание «отца истории» об одноактном переселении колхов из Египта. Например, Дм. Бакрадзе во второй половине XIX в. писал: «Абхазцы получили свое начало от египетской колонии, которую Сесострис великий в XII в. до Р. Х. водворил на берегах Понта Эвксинского, в доказательство чего некоторые из новейших авторов указывают на сходство абхазских физиономий с чертами лица, сохранившимися на египетских мумиях, на удержавшиеся в их языке коптские слова, на обычаи, общие в жизни обоих народов, и даже на некоторые древние колхидские монеты, имеющие стиль египетских монет»¹⁴⁴.

Египетский царь Сесострис, или Рамзес II, живший в XIII в. до н. э., совершая свои шумевшие в древно-

---

¹⁴³ Некоторые существенные элементы материальной и духовной культуры, отличаясь поразительной живучестью, передаются из поколения в поколение сотни и тысячи лет, иногда со времен каменного века. Например, археологу А. Деревянко, который в далеком прошлом ищет и находит связь с настоящим, удалось заметить явные следы этно-культурной преемственности между неолитическим и нынешним населением Приамурья. Оказалось, что точно такие же орнаменты, как на глиняных сосудах каменного века, извлеченных из древних амурских жилищ, имеются и в современности. Высокое искусство неолита — материнская почва, на которой выросло живое дерево художественного творчества амурских народностей — нивхов, улчей, нанайцев и других коренных поселенцев нашего Советского Дальнего Востока. И тут, и там мы видим одинаковый художественный стиль (акад. А. П. Окладников. Ученый А. Деревянко. «Комсомольская правда», 2 марта, 1974).

¹⁴⁴ Д. М. Бакрадзе. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860, № 49.

сти походы, со своим войском «прибыл, — пишет Геродот, — к реке Фасису, я не могу с точностью сказать, сам ли царь Сезострис, отделив некоторую часть своего войска, оставил там для заселения страны или же некоторые из его воинов, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе. Ведь колхи, очевидно, египтяне: я высказываю это мнение, сам пришедши к нему прежде чем слышал от других, а так как это заинтересовало меня, то я расспрашивал тех и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от Сезострисова войска. Сам я предположил это потому, что колхи темнокожи и курчавы. Впрочем это ничего не доказывает, так как есть и другие народы с подобными приметам. Гораздо важнее то обстоятельство, что колхи, египтяне и эфиопы одни из всех людей искони совершают обрезание... Сирийцы... и соседние с ними макроны говорят, что недавно научились этому у колхов. Теперь я приведу еще другое доказательство родства колхов с египтянами: они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом, и вообще весь образ жизни их и язык представляют взаимное сходство. Колхидское полотно у вельфов носит название «сардонического», а привозимое из Египта называется египетским». Однако допускаемое Геродотом отождествление «колхов с египтянами считается в науке плодом научного недоразумения»¹⁴⁵.

По истечении более двух тысячелетий турецкий путешественник XVII в. Евлия Челеби записывает другое, несравненно более позднее предание об южном (арабском) происхождении абхазов. Согласно этому преданию, предком абхазов был Абази — пятый сын некоего из арабов по имени Баша-Мелек, бывшего в 647 году (около 25 года хиджры) владельцем Ятреба, Басы и Сабы. По смерти отца сыновья по обстоятельствам вынуждены были бежать в Антиохию, затем в Албанию, оттуда в разные стороны, Конию и Константинополь. В конце концов Абази досталась страна, называемая поныне его именем, т. е. Абхазия¹⁴⁶.

¹⁴⁵ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 2, 1947, стр. 256.

¹⁴⁶ Вот соответствующий текст в полном виде. «Но пора возвратиться к преданию о происхождении абхазов. По достоверным известиям, во время халифата Омара, около 25 года геджры, некото

Яков Рейнеггс в XVIII в., а после него бар Аш в 1830 г. зафиксировали легенду об африканском происхождении абхазов. «Сами абхазцы,—писал последний,— не согласуются в своем происхождении: некоторые полагают оный от армян, другие же подтверждают, что предки их были выходцами из Египта или, может быть, из Абиссинии, ибо абхазцы себя называют Абсне»¹⁴⁷.

В первой половине XIX века увлекавшийся всякого рода фантазиями польский автор Теофил Лапинский,

---

из арабов, по имени Баша-Мелек, был владельцем Ятреба, Басы... Адена и Сабы. У него было пять сыновей: первый назывался Джебель-уль-гиммет, второй — Араб, третий — Кису имел трех сыновей: Каис, Мевали и Тай; четвертый назывался Лазки, пятый — Абазы. По смерти отца власть над коленом перешла к старшему сыну Джебель-уль-гиммет, которого Омар приговорил к лишению глаза за то, что он случайно вышиб глаз у одного араба. В ту же ночь Джебель-уль-гиммет, взяв с собою четырех братьев своих, искал убежища в Антиохии у императора Ираклия, который его наделил горами Сирийского Триполиса. Тут он построил город Джебель... который и ныне так называется. Когда он оттуда предпринял несколько грабительских набегов на окрестности Дамаска и Мекки, Халед-бен-Велид и Эсвед-вен-Мокдад, победивши его, заставили его бежать. Он сел на корабль и отправился в Албанию, где поселился в горах Авлонии, наследной ныне так называемыми корейшитскими албанцами: песни их имеют напев арабский, и они ведут свой род от Джебель-уль-гиммета, который был погребен близ Ильбессана. Его потомки отступили от ислама и обитают в горах Дукага... между Авлониею и Делониею. Они смуглого цвета, подобно арабам, имеют густые волосы. Оставим теперь Джебель-уль-гиммета. Брат его Араб с тремя племянниками Каис, Тай и Мевали, отведены были пленными Халед-бен-Велидом в Геджас, где Каис и Тай во главе колен, названных по их именам. Дядя их Араб сделался обладателем Омана, и Кису, их отец и его два брата, Лазки и Абазы, обращенные в бегство Халед-бен-Велидом, прибыли сначала в Конию, а затем в Константинополь. Услышав там, что Моавия, сын Эби-Софиана, приближался к сему городу, он искал убежище в Трапезунте. Здесь побережье Джоруга с замком Гонии было уступлено лезгам, которые также происхождения арабского. Брату Кису достались горы черкесов, которые по сему, подобно лезгам, гордятся тем, что они корейшиты. Абазы получил страну, называемую поныне его именем. Итак, черкесы, лезги, абазы, албанцы, арабские колена Тай и Кис принадлежат к фамилии Корейш. Так Бог населяет землю; Бог делает то, что ему угодно и распоряжается по своему благоусмотрению!» (Е. Челеби. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», т. 9. Одесса, 1875, стр. 161—188).

¹⁴⁷ Д-р Рейнеггс. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа, II. СПб., 1787, стр. 4—5 (на нем. яз.); Бар Аш. Военно-статистическое обозрение.., 1830, ЦГВИА, ВУА, ф. 414, № 310, л. 4.

основываясь, как подчеркивает он сам, «исключительно на народных преданиях», так рассказывает о происхождении северных (адыге) и южных абазов. По его сведениям, абазы родственны с шуханетами и осетинами, считают себя за один народ с арнаутами (албанцами), у них существует предание, что два брата со своими семьями пришли с юга к реке Евфрату, откуда один направился на северо-восток, а второй — на северо-запад. Согласно же другому преданию, абазы некогда обитали на большой реке Абаза (Алаза), впадающей в Черное море, и за несколько сот лет переселились на северо-запад, ближе к берегам Черного моря, причем при своем продвижении на север они встретили армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берегов Черного моря, смешиваясь при этом со здешними жителями¹⁴⁸.

Эти же сюжеты и версии у самих абхазо-адыгских племен также имели, говоря словами Дж. Ст. Белла, «всеобщее распространение». Белл пишет:

¹⁴⁸ Более полный текст гласит: «Абазы... принадлежат к индоевропейской расе и родственны по племени и языку с обитателями христианского княжества Абазией, шуханетами и осетинами... Абазы называют себя также адыге и так же, как и все абазы, считают себя за один народ с живущими в европейской Турции арнаутом, или албанцами, которые с своей стороны на них смотрят как на братьев. Между ними существует предание, что два брата с своими семьями пришли с юга к реке Евфрату; здесь они расстались, и один направился на северо-запад, другой — на северо-восток. Между другими преданиями есть одно, которое говорит о том, что народ этот раньше обитал на большой реке, под названием Абаза, впадающей в Черное море, но что уже за несколько сот лет тому назад переселился на северо-запад, ближе к берегам Черного моря. Действительно, на юго-востоке Кавказа протекает довольно значительная река, называемая впрочем Алаза, а не Абаза. Расположение или конфигурация равнины перед Дарьяльским ущельем, населенной абхазскими племенами, могло бы с поразительной верностью подтвердить справедливость сказаний о переселении абазов с юго-востока на северо-запад. Страну, которую по преданию населяли абазы, можно найти на старых картах под названием Албания... Название адыге, которое себе присваивают северные абазы в отличие от южных, согласно их объяснениям, составлено из слов «аде» («после» или «позднее») и «ге» («быть», «приходить») и обозначает «позднее пришедшие» или «позднее переселившиеся...». Абазы встретили при своем продвижении на север армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берегов Черного моря...» («Горные народы Кавказа и их борьба за свободу против русских. На основании личных наблюдений составил Теофил Лапинский (Тесфик-Бей), полковник и командир польского отряда в стране независимых кавказцев». Т. I. Гамбург. Перевод с немецкого Н. А. Данкевич. Рукописный отдел библиотеки Абх. ин-та, № 164, стр. 62—65).

«Князь повторил нам историю происхождения названия «черкес». История эта — скучная (или, по крайней мере, смешанная с легендами или сказками), но она имеет такое всеобщее распространение (Потоцкий в 1797 году слышал часто эти предания в Кабарде), что заслуживает некоторого внимания. Черкесы, албанцы и курды, гласит легенда, являются потомками трех братьев князей Арабистана. Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза, и последний отказался от всякого другого удовлетворения, кроме «lex talionis». Дело было представлено на суд Камефа Омара, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдение закона возмездия — «око за око». Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в Кара-Хисса (Малая Азия). Там до них дошла весть из Арабистана о том, что они могут вернуться в свою страну, так как изувеченный человек согласен на всякое возмещение причиненного ему зла, какое они предложат, но братья, однако, решили искать счастья в других местах. Когда они покидали дом, где они обрели себе убежище, каждый произнес слово, от которого и произошло имя его народа»¹⁴⁹.

А вот еще что говорит одна старая албанская легенда.

«На юге от реки Евфрат в незапамятные времена жили два семейных брата. Были они очень богаты: не было счета их коням, верблюдам, рабам. Но вот разгневался творец на ту землю и послал засуху. Погибла большая часть стад, умирали с голоду люди. И тогда братья, в поисках новых мест, пошли на север. Дошли до высоких гор, где буйные потоки мчатся по дну пропастей, а седые облака разрывают грудь свою о вершины бесплодных скал.

— Это и есть обетованная страна! — сказал один брат. — Видишь, сколько тут воды? Засухи нечего опасаться! И травы всегда хватит для наших стад!

Но другой брат не захотел оставаться здесь, и они расстались. Старший — его звали Абхазом — остался в приглянувшихся ему горах Кавказа, младший — его звали Наутом — пошел дальше, обошел Черное море, пере-

---

¹⁴⁹ Дж. Ст. Белл. Письма о пребывании в Черкесии в 1837 — 1839 гг., стр. 457—458.

сек Балканы. И, наконец, увидел горы, походившие на те, которые задержали Абхаза.

— Эти горы будут моими и детей и внуков моих! — сказал Наут. И раскинул свой стан там, где теперь стоит город Эльбаасан. От старшего, Абхаза, пошло самое воинственное племя Кавказа — абхазы, родные братья албанцев¹⁵⁰. От Наута пошли арнауты, или албанцы, — самое неукротимое племя в мире».

Абхазы с албанцами не имеют ничего общего, тем не менее Ц. Н. Бжания в ауле Псыж записано предание, согласно которому абазины когда-то жили среди арнаутов. Можно добавить, что название «Арнаут» сохранилось в Абхазии в качестве одного крестьянского фамильного имени (сел. Лыхны).

Таковы известные мне этногенетические предания, зафиксированные в разновременных письменных источниках.

А что рассказывают современные абхазы сами о своем происхождении?

Местные сказания и легенды подтверждают, что абхазская земля была населена людьми со времен глубочайшей древности. Согласно одному преданию, некогда в ущелье Бзыби жило племя могучих великанов-людоедов, с семью головами на плечах, имевших во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали в стране, наводя ужас на окрестных жителей, пока не явились сюда богатыри нарты и не победили их (между прочим, один курган в этом ущелье, снесенный во время строительства шоссе на озеро Рица, пользовался известностью у местного населения как «место гибели великана» (адауы изырда)¹⁵¹.

Существует сказание и о «лесных людях» (абна-уаа), которые изображаются чрезвычайно дикими существами, жившими охотой и обитавшими в глуши девственных лесов Абхазии. Рассказывают, например, что ущелье Абава (Абафа) являлось таким обиталищем диких людей. По народным преданиям, эти злые и страшные существа имели длинные волосы, одевались в звериные

¹⁵⁰ М. К. Первухин. Страна белых гор. (Албанские впечатления.) — «Природа и люди», № 11, 1916, стр. 172.

¹⁵¹ А. Л. Лукни. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, стр. 18.

шкуры, а на груди у них всегда висел небольшой топор, который служил им оружием в борьбе с противниками¹⁵².

Широкой известностью пользуются легенды о карликах-ацанах и сменивших их богатырях-нартах, как о древнейших человеческих родах, населявших Абхазию.

Согласно мифу, после того как ацаны, якобы с самого начала населявшие горную Абхазию, были истреблены как богохульники пожаром волею всевышнего, «явились абхазы и заняли страну»¹⁵³. Возможно, не полностью исключается, что ацанский миф является отдаленным отражением какой-то смены населения на территории древнейшей Абхазии, хотя отсутствуют какие-либо другие материалы, научно подтверждающие такую возможность.

В одном из абхазских нартских сказаний повествуется о походе нартов в страну черных «арапов» (арапкуа) с белыми зубами и о том, как они подружились с ними и как «арапы» вместе с нартами прибыли затем в Абхазию, где и осела часть из них (их потомками являются будто бы те негры, которые до недавнего времени жили в с. Адзюбжа Очамчирского района).

Выше уже указывалось об идущей от Геродота прочной античной традиции о происхождении колхов из Египта. И у современных абхазов до сих пор сохраняются подобные же легенды о их выходе из Малой Азии или Египта. Так, 145-летний Мажагв Адлейба (с. Отап) рассказывал, что в Абхазии было много арабов (возможно, негров), вышедших из Мсыра (Египта)¹⁵⁴.

Особого внимания заслуживает следующее распространенное народное предание, записанное автором:

Абхазы вышли из страны арапов (Рапстан), которые делились на две группы: черных и белых. Абхазы произошли от последних. Черные придерживались зако-

¹⁵² У Приморского черкесского племени хакучей существовали также поверья, согласно которым в лесах их страны обитают «лесные люди» (мезлануквы) с привешенными постоянно на груди маленькими топорами, которые бросаются на человека и убивают его. Абхазские «абынуазы» и черкесские «мезлануквы» почти тождественны с мегрельскими дикими людьми «очокочи» (Н. Альбов. Ботанико-географические исследования в Зап. Закавказье в 1893 году. ЗКОИРГО. Т. XVI, стр. 146).

¹⁵³ Д. Гулиа. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925, стр. 106.

¹⁵⁴ С. Басария. Редкие случаи долголетия в Абхазии, стр. 108.

на: око за око, зуб за зуб, и на этой почве между черными и белыми возникла война. Потерпев поражение и вынужденные покинуть родину, белые направились на север. Шли долго. Однажды они ночевали на большой поляне. Вдруг ночью просыпается одна старуха и, рыдая, говорит:

— Хазаратаалы преследует нас на своем коне Дулдул, перережет нас всех своей саблей (Хазаратаалы считался святым военачальником среди арапов).

— Что же нам делать? — обратились к ней тонимые.

— Принесите мешок пшеничной муки, соль и сито. Ничто, кроме хлеба-соли, нас не спасет, — сказала им вещая старуха.

Подали ей все то, что она потребовала. По ее распоряжению весь народ разместился посреди поляны, а она обошла сородичей кругом, сея через сито муку и соль. Когда же Хазаратаалы показался на горизонте, она вышла вперед и стала на колени. То же сделал и весь ее народ. Хазаратаалы на Дулдуле летел прямо на них, размахивая саблей. Но конь его вдруг остановился, как вкопанный, не смея переступить хлеб-соль. При этом старуха обнажила свою грудь и, обращаясь к преследователю, сказала:

— Сын мой, не это ли взрастило и тебя. Не убивай нас. Отпусти, мы уходим, никому зла не желаем.

Так и не удалось Хазаратаалы добраться до них. Не смея наступить на хлеб-соль, он повернул и ушел обратно, сказав:

— Сегодня, покидая нас, вы повернулись к нам спиной, но пусть со временем снова обернетесь сюда лицом!

А белые, двигаясь дальше, осели временно на земле «армян». Но последние напали на них и многих истребили. Отомстив им, когда те были собраны в большом храме, белые люди отправились дальше и достигли Кубани (в одном из вариантов — Псху). Почувствовав, однако, что не могут вынести здешнего холода, они отправили гонцов на поиски теплых мест. Последние попали в Абхазию, которая в то время была вся покрыта лесом. Они обосновались сперва на Лыхненской поляне. Затем из-за гор постепенно стали стекаться к ним и другие их сородичи. Так заселили всю страну. Но часть из них все же осталась на север — это абазинцы.

В одном из вариантов этой легенды, приводимом

Д. И. Гулиа в своей «Истории Абхазии» в записи В. Чалмаза¹⁵⁵, говорится, что абхазы в старину жили в Мысыре, то есть Египте и в окрестностях его. У них был свой царь, который взял на воспитание сына какого-то соседнего великого царя. При отсутствии царя-воспитателя мальчику во время игры выкололи глаз. Боясь гнева царей, абхазы покинули свою страну, решив поселиться где-нибудь далеко в другом месте, и двинулись на север. Дальше повествуется о погнавшемся за ними на араше пророке, о хлебе-соли, которую переступить он не смог, а затем в основном как в нашем варианте¹⁵⁶.

Кутолский старец К. У. Куталандиа рассказал такой вариант легенды.

Некогда абхазы жили у арабов. Оттуда они убсжали. За ними погнался святой и догнал их в Абхазии. Испугались абхазы, что покарает он их и, спасаясь от гибели, рассыпали на его пути раскрошенный хлеб-соль, и ни мчавшийся на араше святой, ни его конь не посмели переступить такую преграду, и святой изрек:

«Эй, тиди, умбарак! Пусть тот, кто не чтит тебя (хлеб-соль), погибнет от голода, а кто чтит тебя достойным образом, да не останется никогда без куска хлеба. И пусть эта земля будет спасительницей для каждого страдающего!»

Абхазы условили святого, дав ему прикоснуться губами к груди своих женщин. После этого он оставил их в покое и вернулся к себе.

Вот так Абхазия стала благословенной страной. Многие ее топтали, но всегда она восставала из-под сапог насильников¹⁵⁷.

Согласно другому преданию, абхазы вышли из Абиссинии. Рассказывают, что некогда жители Абиссинии, совершившие преступления, ссылались в район современной Мюсеры (по-абхазски Мера, Гудаутский район). Пункт, где их высаживали, называется «Местом наблюдения за кораблями» (Җбацшыра). Сюда раз в год прибывал корабль с новыми преступниками и увозил отбывших срок наказания. С нетерпением ждали ссыль-

¹⁵⁵ В. Чалмаз. Абхазское хлеб-соль. Газ. «Апсны», № 28, 1919 (на абх. яз.).

¹⁵⁶ Д. Гулиа. История Абхазии, стр. 103—104.

¹⁵⁷ Кадыр Урысович Куталандиа, 100 лет, с. Кутол Очамчирского района, записано автором 20 августа 1967 года.

ные прибытия корабля и перед этим посылали на высоту человека с медной трубой, чтобы он, заметив приближающийся корабль, затрубил и оповестил всех. Эту обязанность несли все по очереди, чтобы корабль не проплыл мимо. Шло время, и постепенно многие ссыльные стали привыкать к своему новому местожительству. Оно им понравилось, т. к. здесь была хорошая плодородная земля, было много лесов, полных пчел и всякой дичи. В конце концов они отказались от возвращения на родину и попросили команду очередного корабля передать царю Абиссинии их просьбу отправить к ним их жен и сестер. Царь согласился, но их жены, боясь обмана, отказались ехать. Они решили, что их отправляют не к мужьям, а на тяжелые работы. Тогда царь дал им бумагу, в которой было дано обещание, что никто их не заставит работать. Только после этого они согласились ехать к мужьям¹⁵⁸.

Высказывались мнения о греческом происхождении абхазов. Вот, например, что писал Гамба: «Искусство постройки кораблей на побережье Черкесии и Абхазии значительно более развито, чем на берегах Хопи и Фаза. В Сухум-Кале мы заметили на берегу три таких корабля, которые во времена Страбона назывались сашегая и плавали по Черному морю, нагруженные множеством пиратов. Двадцать четыре пирата свободно размещаются в своих ладьях, но т. к. в настоящее время суда эти не удаляются на большое расстояние от берега и выходят в море обычно только в хорошую погоду, то уже не ставят небольшой наклонной крыши для того, чтобы защитить себя от воли во время сильных бурь. На таких ладьях готы, основавшиеся в III веке в Крыму, причалили к берегам Азии. Эти ладьи, неизвестные в Мингрелии и сохранившиеся по традиции у черкесов и абхазов со времен самых древних, не являются ли новым доказательством греческого происхождения народов, обитающих по берегам Черного моря от Анапы до Илоры?»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Мада Хагуш. 60 лет. с. Бзыбь Гагрского района, записано автором в июне 1962 года.

¹⁵⁹ Гамба. Путешествие по Южной России и Закавказским провинциям в 1820—1824 годах. Т. I. Париж, 1826 г., стр. 89—90. (Перевод Н. А. Данкевич, рукописный фонд АБИЯЛИ, д. № 50, стр. 14—15).

Древние греки знали предание и о «пеласгийском» происхождении некоторых племен Кавказского Причерноморья — генихов и зигов («...гениохи и зигии, чада земли пеласгийской...»; «...гениохи и зигии племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов» и др.)¹⁶⁰.

Кроме общенациональных этногенетических преданий, у абхазов встречаются и локальные, а также многочисленные фамильные генеалогии, которые зачастую так же ведут происхождение тех или иных родственных групп с юга или севера, из-за гор. Вот, например, генеалогия рода Ампар. Согласно семейным преданиям, предки их рода некогда морским путем прибыли в Абхазию и обосновались на территории современного села Калдахвара. Здесь они размножились. В благодарность благополучного прибытия по морю они ежегодно совершали жертвоприношения богу моря у места высадки, на самом берегу¹⁶¹.

И у черкесов имеются предания о их южном (арабском, египетском, арнаутском, то есть албанском) происхождении.

Например, существует очень близкий черкесский (адылский) вариант вышеприведенной абхазской легенды об Хазаратаалы, переданный Н. Камелевым:

«В окрестностях Синопа и Анатолии обитало неизвестное по происхождению племя, поклонявшееся Глешу, богу огня, и Мезитху, богу лесов. Племя это не было многочисленным, но отличалось богатством и крепкою, как сталь, организацией, под управлением старейшин, которым доступны были все тайны природы. Когда в Анатолии началось распространение ислама, пророк Магомет послал своего полководца Хозрет-Али к Синопу. Здесь полководец собрал старейшин племени и предложил им принять ислам под угрозой наказания мечом и огнем. На это предложение и угрозы мудрые старейшины ответили полным молчанием. Хозрет-Али повторил свое приказание. Старейшины молчали. Взбешенный полководец, в порыве гнева, схватился за рукоять меча, чтобы тут же наказать дерзких ослушников. Меч также оказал молчаливое сопротивление и остался

¹⁶⁰ ВДИ, 1948, № 1, стр. 240, 251.

¹⁶¹ Махайд Мачагвович Ампар, 80 лет, с. Калдахвара, записано автором в июне 1962 г.

в ножнах, несмотря на все усилия могучего воина выпнуть его. Произошло нечто чудесное. Разгневанный полководец не обратил на это внимания и прищипорил своего одаренного сверхъестественными свойствами коня Дулдул, чтобы раздавить упрямых молчальников. Но и всегда послушный чудесный конь не двинулся с места. Тогда и Хозрет-Али понял, что это было чудо. Считая старейшин отверженными богом людьми, полководец Магомста оставил край, а старейшины созвали народ и воздали хвалу Мезитху, богу лесов, хранителю таинственной тишины их¹⁶².

Согласно другому преданию, правящий класс адыгов произошел от выходцев из Египта, где они княжили. Разгромленные турками, они якобы бежали оттуда и, появившись (после некоторого пребывания в Крыму) у адыгов, «навели среди них порядок» и организовали государственную власть. Шестым представителем этой династии был Инал Одноглазый, который, как полагают, являлся личностью исторической (предположительно XIV—XV вв.). От него вели свое происхождение кабардинские феодалы¹⁶³. В другой легенде, записанной Л. И. Лавровым, рассказывается, что шалсуги вместе с абадзехами, натухайцами и убыхами некогда составляли самостоятельное племя, а их общие предки пришли из Малой Азии. А до этого Черкессию населяли древние великаны и карлики, которые хитростью заставляли великанов строить им дольмены, называемые по-черкесски «домами карликов».

Наконец, вот еще одно предание. Когда-то, очень давно, где-то в Месопотамии или Аравии, было Арнаутское царство. У царя арнаутов было два сына. Однажды, играя, один царевич нечаянно выбил другому глаз. А закон требовал око за око, фуку за фуку, голову за голову. Боясь мести, царский сын сел со своими товарищами на корабль и поплыл через море. Долго плавали они по волнам, пока не пристали к берегу в том месте, где теперь г. Анапа¹⁶⁴.

---

¹⁶² Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913, стр. 16—17.

¹⁶³ «Кабардинский фольклор». М.—Л., 1936, стр. 628—629.

¹⁶⁴ Л. Лавров. Из поездки в черноморскую Шалсугию. «Советская этнография», 4—5, 1936, стр. 127—128.

В 1962 г. автором этих строк записано новое предание о двухэтапном переселении шапсугов из Бл. Востока (Шам), где будто бы находилась первая родина этого племени (Шаамцсыз), причем предводительницей переселенцев являлась молодая героиня по имени Харабз, которая, умирая, велела похоронить ее в таком месте, где вынутая земля вся бы улеглась обратно в могильную яму вместе с ее телом.

Таким образом, не только в античной литературе прочно держалось мнение, что колхи — потомки переселенцев из Египта, но и у современных черкесов и абхазов до сих пор сохраняется та же видоизмененная легенда о их выходе из Египта, вообще с юга¹⁶⁵, хотя следует помнить, что этногенетические предания о «прародине» почти всегда несут в себе очень значительную долю вымысла, а также нередко и элементы всякого рода позднейших наслоений.

Итак, в приведенных здесь абхазских и других фольклорных материалах мы встречаемся с двумя группами преданий: генеалогических и этногенетических. В генеалогиях представлены как аборигенная, так и миграционная версии происхождения отдельных родо-племенных групп. Согласно аборигенным преданиям, древнейшими, коренными жителями Абхазии являются не только легендарное карликовое племя ацанов, которым приписывается строительство сохранившихся до наших дней древних каменных оград в горах (ацангуары)¹⁶⁶, но и некоторые реально существующие поныне абхазские родовые группы, прежде всего род Ануа, а также Джопуа из сс. Тамыш и Члоу¹⁶⁷ Очамчирского района (представители рода Ануа, как гласит предание, не покинули Абхазию даже и тогда, когда средневековый «царь Абхазии» (апсха), преследуемый «северокавказскими»¹⁶⁸ князьями Ачба, ушел навсегда на восток со всем своим народом)¹⁶⁹.

¹⁶⁵ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 222.

¹⁶⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми. 1971, стр. 57 и сл.

¹⁶⁷ По преданию, Ануа первоначально обитали в Сатамашо (в 15 км юго-восточнее устья р. Кодор), а Джопуа — в районе Сочи, где занимали «великанские леса» (Адау ибнара).

¹⁶⁸ Под Северным Кавказом (Нхыц) понимаются иногда и внутренние горные области Абхазии (напр., Псху).

¹⁶⁹ Ш. Д. Инал-ипа. Указ. соч., стр. 229.

Если же исходить из традиционных рассказов миграционного содержания, то многие абхазские роды являются пришлыми, в основном из-за гор, то есть Северного Кавказа (Нхыц) — Ачба, Маршан, Калба, Адлейба, Инапшба и др. Например, представители разбросанной по Абхазии фамилии Зухба, говорят, связаны генетически с северокавказским «азаху», то есть адыгским племенем (известным в исторических источниках под именем зихов) и некогда переселились в Абхазию, как и многие другие родственные группы или их родоначальники.

Называют разные причины таких переселений, среди которых главными являются мотивы кровной мести, вынуждавшие людей, спасаясь от преследования, покидать родной уголок и искать за хребтом новые места жительства и покровительства власть имущих подальше от своих смертельных врагов.

Сравнительно немногочисленные родословные предания ведут происхождение соответствующих групп из-за моря. Ярким примером этого является предание о заморском происхождении указанной выше бзыбской фамильной группы Амлар.

К миграционным относится и приведенное выше своего рода общенациональное предание о южном происхождении предков современного абхазского народа в целом. Каково бы ни было реальное историческое содержание этого собственно этногенетического предания, оно ведет абхазов из Малой Азии, Ближнего Востока, Египта.

Сам факт наличия в традициях устного народного творчества абхазов этногенетических преданий разного содержания свидетельствует о сложном и длительном процессе формирования древнеабхазского этноса, о том, в частности, что в его образовании принимали участие различные родо-племенные группы — как местные, аборигенные, так и пришлые, причем исходные пункты переселений в родословиях и преданиях определяются, как правило, не конкретно, а широким ареалом — «с юга», «из-за моря», «со стороны гор» и т. п.

**ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

1. Мозаика племен и народностей

На Юго-Восточном Причерноморье, включая Абхазию, античными авторами засвидетельствовано существование многочисленных племен и народностей. Эти сведения рисуют нам такую пеструю и нередко противоречивую картину, что разобраться в этнической принадлежности разных племен и их локализации часто не представляется возможным. Нижеследующую краткую характеристику некоторых из этих племен мы будем вести с юго-востока на северо-запад.

Интересные сведения сообщает автор конца V в. до н. э. Ксенофонт о моссинойках, или мосиниках, которые занимали территорию к западу от Трапезунта и до Керасунта (Фарнакки). Хотя они и описываются как наиболее варварские племена, но у них было уже два крупных союза племен с «царями» во главе и одним «главным городом» (Метрополис), укрепленным деревянными башнями. Занимались мосиники обработкой металлов, на их вооружении находились железные секиры. В домах у них имелись запасы хлеба (полба), в амфорах — солонина из мяса дельфинов, на крышах лежало много плоских каштанов, употреблявшихся ими в большом количестве в пищу, отваривая и выпекая из них хлеба; они имели и вино. «Жители этих мест, — пишет Ксенофонт, — перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого»¹.

Нельзя не обратить внимание на следующее загадочное сообщение Ксенофонта: «При проходе через страну дружественных моссиников эллинам показали откорм-

¹ Ксенофонт. Анабасис. М.—Л., 1951, кн. V.

ленных сыновей богатых родителей, упитанных вареными каштанами, изнеженных, чрезвычайно белых и почти одинаковых в вышину и ширину»².

Этническая принадлежность мосиников остается невыясненной. Название мосиников по своему звуковому составу, как указывает Г. А. Меликишвили, близко стоит к названию племени санигов, локализуемого на территории современной северо-западной Абхазии, поэтому «не исключено, что в мосиниках мы имеем дело с остатками проникших с севера племен»³. При этом он связывает сан (чан) с грузинским префиксом м и суффиксом -иг, наличным в названии санигов и на этом основании склонен причислять их к грузиноязычному этническому миру. И. М. Дьяконов, возражая против этого, полагает, что в санигах мы имеем, по всей вероятности, абхазо-адыгское племя. Он пишет: «Мы не имеем основания сомневаться в сообщении Страбона (XII, 3, 18), говорящего о неместном происхождении имени мосиноиков (mosynoikoí, «живущие в башнях», где πινυν, возможно, не греческое, а первоначально фригийское слово «башня»; передача имени чанов как сан обусловлена греческой фонетикой, но не видно, почему а здесь должно перейти в у). Примесь фрако-фригийских племен к картвельским в западном Понте I тыс. до н. э. вполне возможна; быть может, все последние иногда включались в число «халибов»⁴.

Не лишено, быть может, смысла, если в связи с мосиниками мы укажем на некоторые сходные черты в быту абхазов (кроме близости племенных названий «мосиники» и «саниги»), а именно: широкое употребление в прошлом в пищу вареного в молоке каштана, ловля дельфинов, которой предавались и абхазы еще в первой половине XIX в., а также шерекрикивание как средство сообщения и связи и др.

Страбон, говоря о местном населении гористой части Юго-Восточного Причерноморья, жившем «выше Трапезунта и Фарнакии», упоминает аппаитов, «прежних керкитов», а также «крайне диких» гептакомитов. Он пишет: «Некоторые живут даже на деревьях или в баш-

² Ксенофонт. Указ. соч., стр. 31—34.

³ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 80.

⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 122, прим. 111.

нях, поэтому Древние называли их мосинеками от названия (таких) башен — мосинов. Питаются они звериным мясом и орехами, нападают и на путешественников, спускаясь с горных вершин... Некоторые из этих варваров назывались бизерами»⁵.

Племя макронов упоминается многими древними авторами, начиная с Гекатея Милетского (VI в. до н. э.) и Ксенофонта⁶. Обитали они, по-видимому, к юго-востоку от колхов. Страбон (XII, 3, 18) говорит, что в его время их называли не макронами, а санами.

У разных авторов, в том числе у Страбона, мы находим упоминания о мосхах, локализуемых обычно на стыке Колхиды, Иберии и Армении. Страбон, возможно, ошибочно локализует мосхов и где-то в современной Абхазии⁷, как и Стефан Византийский, опирающийся на сведения Геланика — автора V в. до н. э. Палефата Абидосского (IV в. до н. э.). Возможно, понтийские мосхи — вариант названия халибов-халдайцев, которых впоследствии называли лазами и чанами⁸.

В античных источниках наблюдается некоторая тенденция свести многочисленные племенные названия Юго-Восточного Причерноморья к наименованию санов, или чанов (по греческой транскрипции санов, тзанов). По Страбону, они жили «выше Трапезунта и Фарнакии» и в древности именовались макронами. По мнению Арриана, чанами являлись и воинственные дрилы, упоминавшиеся еще Ксенофонтом к югу от Трапезунта. Древнеармянские источники их отождествляют с халибами и халдами. По Прокопию Кесарийскому, «полудикие» чаны жили по соседству с армянами, причем не на берегу моря, а в горах; по словам Агафия, они населяли территорию ниже от Трапезунта. «Санника» («Тзаника», «Чаника», груз. «Чанети») становится, наряду с Тибаренией и Колхидой, собирательным названием, а союз чанских племен, непокорных врагов Рима, живших в I—II вв. н. э. в условиях родового строя («народ, не имеющий царей», по Арриану), в римскую

⁵ Страбон, XII, 3, 18.

⁶ Ксенофонт. Указ. соч., стр. 121.

⁷ Страбон, XI, 2, 22 и сл.; Н. В. Хазарадзе также отрицает северную локализацию мосхов (Н. В. Хазарадзе. Гекатеи матиены. «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1973, стр. 116, 117).

⁸ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 218.

эпоху достигает такой политической силы, что во второй половине IV в. вторгается в Каппадокию, Киликию и Сирию⁹.

Как известно, в 30-х годах II в. н. э. от Трапезунта до Севастополиса (совр. Сухуми) Арриан констатирует существование шести зависимых от Рима политических образований («царств») (с юго-востока на северо-запад): махелоны (макроны?) и гевиохи (к востоку от Трапезунта); зидриты (по Анониму V в. — от р. Архабис, или Архаве-су, до р. Апсар, или Чорохи), далее Аррианом упоминаются лазы, апсилы, абазги и саниги. Последние четыре объединения занимали прибрежную территорию от устья р. Апсар до Севастополиса, который, по его словам, находился в области санигов. Причем все имена «царей» лазов, абазгов и санигов — местные (Маласса, Ресмаг, Спадаг), за исключением римского имени «царя» апсилы (Юлиан).

Значительную этническую и политическую силу с конца I тыс. до н. э. представляли лазы. В I в. до н. э. они проникли на побережье центральной Колхиды из районов Юго-Восточного Причерноморья, оттеснив местное население (эпров) во внутренние районы Западной Грузии. Основная часть лазов обитала потом в прибрежных районах к северу от устья р. Чорохи. Путем слияния лазов, захвативших здесь гегемонию, с эгрисцами образовалось раннерабовладельческое «Лазское царство» со столицей в Археополисе («Древний город», «Цихе-Годжи» грузинских источников), лежавшем в 17 км к северо-востоку от совр. гор. Цхакая (на р. Тухури). Значительными городами были также Апсар у устья Чорохи, Фасис у совр. Поти и др. Первоначально Лазика находилась в зависимости от Рима, позднее — от Византии, которая упразднила в конце концов царскую власть в Лазике, вошедшей с VIII в. в состав Абхазского царства.

Как видно из описания Арриана, во II в. лазы жили между зидритами и апсилами, которые вместе с абазгами занимали, очевидно, юго-восточную часть совр. Абхазии, поскольку Севастополис (совр. Сухуми) лежал, как он пишет, в земле санигов — северо-западных соседей абазгов. Согласно же Анониму V в., лазы зани-

⁹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 83, 86.

мали всю территорию от р. Апсар (Чорохи) до Севастополиса, апсилы же и абазги находились между Сухуми и р. Абазгос, или Абасгос (Псоу или Мдзимта), а еще дальше, в северо-западном направлении, жили саниги — от р. Абазгос до р. Ахеунта, которая, по его же сообщению, протекала на расстоянии около 60 км от р. Абазгос.

Как мы видим, эти локализации Анонима V в. сильно противоречат сведениям Арриана. Возможно, что сообщение Анонима, если оно соответствует исторической действительности, отражает более позднее положение, т. е. изменения границ, которые произошли во II—V вв., когда локализации названных политических образований уже сильно отличались от обстановки 30-х годов II в., хотя во всем этом нет полной уверенности.

Предки лазов, по Г. А. Меликишвили, в древности жили далеко от берегов Черного моря, где-то в районе совр. Ленинакана. Там они упоминаются урартскими источниками IX—VIII вв. до н. э. под именем Луша (Лоса, Ласа). Впоследствии племена Луша, передвинувшись в северо-западном направлении, вышли на Черноморское побережье и явились этнической основой будущих лазов. Лазы и мегрелы (махелоны-макроны) этнически почти однородные племена, но лазы — это чанское племя горцев Юго-Восточного Причерноморья, которое на рубеже н. э. находилось еще на стадии первобытнообщинного строя, в то время как эгрисцы (эгры) — население низменной Колхиды — жили в условиях классового общества. Подчеркивая, что лазы являются древнейшими обитателями Зап. Грузии, прямыми потомками колхов, принадлежащими к мегрело-чанской ветви грузинских племен, Г. А. Меликишвили вместе с тем признает, что на этой территории, наряду с грузинскими племенами, в древности жили и абхазо-адыгские племена¹⁰.

Существует, однако, и другое мнение об этническом родстве лазов. Например, Киослинг полагает, что лазы являются керкетским племенем, проникшим под натиском джихов в центральную Колхиду с северо-восточного побережья Черного моря, где Аррианом отмечен пункт «Старая Лазика» (древн. Никопсия, совр. Негопсуко).

В этой связи, кроме пункта «Старая Лазика», лока-

---

¹⁰ Г. А. Меликишвили, Указ. соч., стр. 66—69, 210, 212, 374.

лизуемого северо-западнее современной Абхазии, обращают на себя внимание и некоторые факты абхазской ономастики. Так, в то время, как термин «лаз» чужд для восточногрузинской среды (в грузинских источниках Лазика носит название Эприси), в Абхазии этот термин до недавнего времени имел широкое распространение, известен он и в качестве мужского личного имени (Лаз) и одной бзыбской крестьянской фамилии (Лазба). Среди тех же северо-западных абхазов встречается по сей день и фамильное имя Губаз, которое, как известно, носили лазские цари (среди них известно и имя Дамназ). Здесь звук «з» является специфическим свистяще-шипящим звуком бзыбского диалекта, который не встречается в звуковом составе заимствованных слов. Следовательно, название Губаз, как и другие фамильные названия с подобным же оформлением (Чуаз, Чалмаз, Тхуаз и др.), является местным абхазским фамильным именем, а не заимствованием из какой-либо другой языковой среды. С точки зрения этнического взаимоотношения с чанами определенный интерес представляют также абхазские родо-племенные названия Чан-ба и Цан-ба.

Очень мало нам известно о кораксах. Гекатей Милетский, сочинения которого содержат древнейшие в античной литературе свидетельства о скифских и кавказских племенах, упоминает Кораксийскую страну в районе Диоскурии (совр. Сухуми) и горное племя кораксов, которые в более позднее время были подчинены колхам (интересно отметить, что между Драндами и р. Кодор одна местность носит название Кораси, по-абхазски Куараса, что в переводе означает горлицу), а выше по ущелью находится селение с древнеабхазским названием Наа (ср. «Наана» автора II в. н. э. Клавдия Птоломея). Гекатей называет и племя колов, локализуемых к юго-востоку от Диоскурии, у нынешнего гор. Очамчира, между кораксами и меланхленами¹¹. Скилак Карниандский (IV в. до н. э.), перечисляя племена с северо-запада на юго-восток, также упоминает кораксов: «за ахеями народ-гениохи», а за гениохами он помещает кораксов и колика — племена совр. южной Абхазии¹².

¹¹ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1947, № 1, стр. 300.

¹² Там же, № 3, стр. 241—242.

В урартских и греко-римских описаниях нередко упоминаются многочисленные гениохи. Эти могущественные племена населяли, согласно тем же сообщениям, значительные территории юго-восточного побережья Черного моря. Были две дислоцированные гениохские страны — более ранняя (урартского времени) находилась в районе Чалдырского озера, а более поздняя (античного времени) занимала современную Абхазию и прилегающие территории.

Так, в урартских источниках — надписях царя Аргишти I и его преемника Сардура II (764—735 гг. до н. э.) — фигурируют страна Иганиехи и племя гениохов у южного побережья Чалдырского озера. Иганиехи представляли собой крупное объединение племен, которые затем надолго исчезают из поля зрения истории. Некоторые авторы предполагают, что в I в. до н. э. племена гениохов проникли в прибрежную полосу (из внутренних районов Юго-Восточного Причерноморья), где они часто упоминаются в античной литературе. Так, говоря о событиях середины I в. н. э., Тацит упоминает племя инсохи, в имени которого, возможно, мы имеем искажение наименования гениохов. По Плинию, гениохи жили на р. Абсаре (Чорохи), по морскому побережью, а Флавий Арриан указывает к востоку от Трапезунта «Царство махелонов и гениохов».

Принято считать (П. Н. Ушаков, Г. А. Меликишвили и др.), что с названием иганиехи урартских надписей связано название гениохов античных источников, упоминающих гениохов как в Абхазии, так и у истоков Аракса и на юго-востоке Черного моря — в районе современных местечек Атины и Ризе, что гениохи античных источников являются потомками иганиехов урартских царских текстов¹⁸. Вместе с тем гениохов Г. А. Меликишвили рассматривает как западнорусинских горцев Юго-Восточного Причерноморья, во главе с которыми на рубеже новой эры образовалось «царство махелонов и гениохов» в районе Трапезунта. По его мнению, прибрежные махелоны («макроны») и горные гениохи — западнорусинские (мепрело-чанские) племена, однородные в этническом отношении. «Таким образом, — пишет

---

¹⁸ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 114, 213, 240.

он, — путем захвата гегемонии одной частью чанов-горцев над низменными районами Юго-Восточного Причерноморья к востоку от Трапезунта и слияния их с чанским населением низменности происходит образование раннерабовладельческого царства махелонов и гениохов»¹⁴. Не только гениохи Юго-Восточного Причерноморья, но и те гениохи, которые в источниках упоминаются в северных областях современной Абхазии, этнически принадлежат, по словам Г. А. Меликишвили, к западногрузинским племенам, с той лишь разницей, что последние, то есть «абхазские» гениохи, относятся уже не к мегрело-чанским, а к сванским племенам. Название племени санигов, часто упоминаемых авторами первых веков н. э. на территории нынешней Абхазии, по Г. А. Меликишвили, является вариантом наименования «гениохов», так как они близки друг к другу по своему звуковому составу, а чередование «h» и «s» встречается и в других племенных названиях¹⁵. Оба эти названия служили для обозначения крупных этнических группировок на восточном и юго-восточном берегу Черного моря, причем, по Артемидору, гениохи находились между современными Сочи и Сухуми, а по Арриану, ту же территорию занимали саниги. При этом, не вполне соглашаясь с мнением П. Ингороква и М. Инадзе о принадлежности санигов-гениохов к западногрузинским племенам, Г. А. Меликишвили представляет более правдоподобным предположение И. А. Орбели о том, что саниги-гениохи являлись сванскими племенами, которые в древности были распространены на большей территории, чем позже. По Страбону, они жили вблизи Диоскурии и даже господствовали над ней, а по Помпонию Меле (I в. н. э.) «Диоскуриада основана в земле гениохов»¹⁶, Гераклид же утверждает, что «по Фасису первоначально жили гениохи, а потом милетяне»¹⁷.

Но мысль о том, что саниги (гениохи) — сванское племя мало вероятная гипотеза. Г. А. Меликишвили сам ссылается на сообщение грузинского исторического сочинения XII в. «Восхваление венценосцев» о санигах,

¹⁴ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 374, 387.

¹⁵ Там же, стр. 91.

¹⁶ С, т. II, стр. 218.

¹⁷ ВДИ, 1947, № 3, стр. 304.

которое явно противоречит предположению о принадлежности санитов к сванским и вообще к пружинским племенам. В этом сочинении повествуется о том, как Вардан Дадиани, подняв восстание, собрал войско из Сванетии, Абхазии, Саегро с Гурией и привлек на свою сторону также санитов и кашагов. Приведя это сообщение, Г. А. Меликишвили указывает, что в упомянутых здесь санитах следует подразумевать какое-либо северокавказское племя¹⁸, хотя именно абхазское их происхождение представляется наиболее бесспорным. Античные авторы обычно не смешивали гениохские и колхские племена, они упоминаются как два различных народа. В источниках гениохи, как и саниты, выступают как неколхские племена, например, Иосиф Флавий среди других народов называет колхов и гениохов¹⁹.

Как уже говорилось выше, Г. А. Меликишвили вообще придает большое значение проникновению горцев на Черноморское побережье, натиску их на прибрежную полосу Северной Колхиды, «стихии горцев», живших в условиях военно-демократического строя, связанной с падением местной государственности и установлением слабого господства Понтийского царства на рубеже н. э.

При этом автор не указывает, где, более конкретно, жили неугомонные горцы до своего выхода на равнину, но из контекста его работ вытекает, что они занимали горные области северо-западной части Главного Кавказского хребта. Но как же в таком случае следует понимать то обстоятельство, что гениохов, которые, по Г. А. Меликишвили, также пришли из-за гор²⁰, источники рисуют как искусных мореплывателей и страшных морских пиратов, совершавших на своих знаменитых «камарах» нападения не только на корабли в открытом море, но даже и на города? Откуда они так хорошо знали море и как могли так далеко пойти вперед в сложнейшем деле мореходства, требующего для своего развития наличие накопленных веками знаний, навыков и традиций, если они сами не были аборигенными приморскими жителями, имевшими, по словам Н. Я. Марра, интимное сношение с морем с древнейших времен?

---

¹⁸ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 92—93.

¹⁹ Иосиф Флавий. Иудейская война, II, 16, 4.

²⁰ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 90, 364.

Несомненно, что гениохи с ахейцами были прибрежными жителями и искусными мореходами, славившимися своим пиратством не только у берегов Кавказа, но и по всему Черному морю. Об этом сохранились сведения начиная с IV в. до н. э. Так, Диодор Сицилийский, опираясь на современника событий, сообщает о борьбе боспорского царя IV в. до н. э. Эвмела не только с пиратством тавров, но и ахейцев и гениохов. О масштабах бедствия дает представление свидетельство Диодора о том, что Эвмел «получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как купцы повсюду разнесли молву о его великодушии»²¹. Сведения о разбойничьем образе жизни гениохов и ахейцев содержатся также в «Политике» Аристотеля. Широко известны Страбонское описание пиратства гениохов, ахеев и зигов, свидетельства Тацита и других. Можно сослаться и на Овидия, который в одном из своих «Писем с Понта» пишет, что эти пираты не оставляют в безопасности и западные берега Черного моря (I в. н. э.)²².

Если, как полагает Г. А. Меликишвили, гениохи также сваны, то получается большая по тому времени сванская страна, простирающаяся от верховьев Ингури и вплоть до Сочи. Но каким образом удалось абхазским племенам ассимилировать или даже вытеснить столь значительный и могучий народ за такой короткий срок: ведь еще в 66 г. до н. э. Митридат проходил по гениохским землям, а Плиний в начале I в. н. э. и Арриан в первой половине II в. в тех же местах упоминают уже апсилов и абазгов? И почему гениохи-сваны, живя здесь с древнейших времен и до начала н. э., не оставили, можно сказать, никаких следов в местной топонимике?

По-видимому, «гениохи» — собирательное название, включавшее целый ряд более мелких этнических групп, локализовавшихся в различных пунктах северо-восточного побережья Черного моря, в том числе на территории совр. Абхазии. Так, Плиний говорит о соседях Диос-

²¹ В. В. Струвс. Эпюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, стр. 188.

²² И. Б. Брашинский. Понтийское пиратство. ВДИ, 1973, 3, стр. 126.

курии: «племена гениохов под разными названиями», явно подчеркивая этим самым условность и объемность названия «гениохи» («иниохи»); «позади сванских племен вплоть до Понта живет много гениохийских, затем ахейских племен»²³. «Славные племена колхов, гениохов, абасгов», — указывает автор IV в. Псевдо-Орфей²⁴. Псевдо-Арриан прямо пишет: «Народ же гениохов — смешанный».

И у ряда других древних авторов встречаются сведения о гениохах как о причерноморском кавказском племени, причем часто они упоминаются рядом с ахейцами, с которыми, вероятно, находились в генетическом родстве. Так, в одном письме античного времени [Диоген, IV в. до н. э.] читаем: «...вы будете жить в Синопе, а я в Афинах... вы будете иметь общение с гениохами и ахейцами, людьми из враждебного панэллинам племени...»²⁵. Иосиф Флавий (I в. н. э.), говоря о гениохах, указывает, что они «раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами голплитов»²⁶. По Дионисию Периегету (начало II в. н. э.), на Черноморском берегу Кавказа рядом жили ахейцы, гениохи, зиги.

Страбон, описывая в начале I в. н. э. Азовское и Черное моря, упоминает и гениохов, за которыми находится Колхида. Он пишет, что за областью синдов на юге «идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов», причем порядок расселения племен за Синдикой и Горгиппией, данный в § 12 книги XI страбоновской «Географии» (ахейцы, зиги, гениохи), повторен без всякого нарушения и в § 13 в обратном направлении, то есть с юго-востока на северо-запад (гениохи, зиги, ахейцы)²⁷.

По этому описанию, в первом веке до н. э. у гениохов было четыре царя. Эти «четыре царя», вероятно, соответствуют основным этническим делениям внутри гениохов, которые, по Страбону, населяли Черноморское побережье «в тысячу стадиев», в непосредственной близости от «великого Питуунта».

23 «Античная география». М., 1953, стр. 261.

24 В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, № 3, стр. 268.

25 Там же, 1948, № 4, стр. 298.

26 Там же, стр. 276.

27 Там же, 1948, № 3, стр. 298.

Страбон сообщает о необычайном многоязычии Кавказа, который древние недаром называли «горою языков»²⁸, о наличии множества затерявшихся в диких ущельях родоплеменных групп и мелких народностей. Диоскурия, помещаемая им южнее Питуунта, служила торговым центром для многих народов. «Во всяком случае в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто...»²⁹. Полигентильность гениохов, вероятно, немало способствовала созданию впечатления такого этнического многообразия вокруг Диоскурии.

Вопрос о гениохах, которых отождествляют с абхазами (Д. Гулиа)³⁰, санигами (И. Орбели), сванами (Г. Меликишвили), профессиональными возчиками (Н. Квезерели-Копадзе), христианами, уничтоженными императором-язычником Диоклетианом (Селсзнев), не получил еще своего окончательного разрешения³¹.

В пользу сближения гениохов с предками абхазов говорит засвидетельствованная археологами общность материальной культуры на всей территории исторической Гениохии, совпадающей с расселением древнеабхазских племен, а также отмеченное в источниках деле-

---

²⁸ Еще Геродот отмечал, что в кавказских горах живет множество различных народов («Античная география», 1953, стр. 28).

²⁹ Страбон. География. М., 1964, стр. 472.

³⁰ Д. Гулиа. История Абхазии, стр. 42.

³¹ Дело осложняется также и тем, что еще одна Махелония, связанная с гениохами, существовала, оказывается, на берегах Каспия. Вот что об этом мы читаем у С. Т. Еремяна: «Как на кавказском побережье Черного моря, так и на прикаспийском побережье с древнейших времен жили родственные между собою племена и народности: «сарматские» — черкесо-абхазские, лезгинские и мегрело-чанские племена и «скифские», т. е. скифо-иранские племена и народности, из которых наиболее значительными были массатеты, имевшие свое государство. Дошедшие до нас данные этнонимики показывают, что прикаспийское побережье являлось зоной смешения «сарматско-кавказских» и «скифо-иранских» этнических миров. К этой зоне относится прежде всего интересующая нас страна «Махелония» греческой версии трехязычной надписи Кааба-и-Зардушт. Наши разыскания, таким образом, показывают, что, наряду с «царством махелонов и гениохов» на Черноморском побережье, существовало другое одноименное политическое образование — «Махелония» на прикаспийском побережье». (С. Т. Еремян. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 58).

ние гениохов на «четыре царства», соответствующее, надо полагать, четырем основным этническим группам древнеабхазского этноса: саниги (с ахейцами), абазги, апсилы и мисимияне. Древнеабхазской этнической принадлежности гениохов придерживается и Ю. Н. Воронов, взявший эпиграфом своей статьи слова Д. И. Гулиа «...предками нынешних абхазов являются гениохи...», причем пределы распространения гениохов, по его мнению, до рубежа нашей эры охватывали территорию от современного Сочи́нского района до р. Фасиса (Риони)³², З. В. Анчабадзе отождествляет их с абхазским племенем санигов.

Об ахейцах, неразрывно связанных с западнокавказскими гениохами, оставили нам некоторые сведения автор IV в. до н. э. Скилак Кариандский, помещающий ахеев между торетами и гениохами³³, и греко-римский историк II в. Аппиан в своих «Митридатых войнах». Последний рассказывает, что ахейцы жили севернее колхов, что понтийский царь Митридат, напав на них, потерял две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад. Приводится и легендарная версия о том, что ахейцы являются древними преками, заблудившимися при возвращении из Трои. «Говорят, — пишет Аппиан, — что они, возвращаясь из-под Трои, бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины»³⁴. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что «скифские» (по выражению Аппиана) ахейцы, не имеющие, конечно, ничего общего с гомеровскими ахейцами (эллинами), являются одной из прибрежных древнеабхазских родоплеменных групп. Это подтверждается, в частности, данными абхазской топонимики. Так, почти все побережье от Гагры до Адлера старые абхазы и по сей день называют Ахá. Недалеко отсюда, в верховьях р. Бзыбь, имеется и местность под именем «селища (рода) Ахба», а одна из впадающих в нее речек известна под названием Ахей³⁵. Военственные ахейцы, локализуемые в северо-западной части Абхазии, многими исследо-

³² Ю. Н. Воронов. Материальная культура гениохийских племен в VI—I вв. до н. э. «Сб. работ молодых ученых-историков Абхазии». Сухуми, 1974, стр. 74, 84.

³³ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1947, № 3, стр. 241—242.

³⁴ Аппиан. Митридатовы войны. ВДИ, 1948, № 1, стр. 285.

³⁵ К. И. Подозерский. Сапчарская через Главный хребет тропа..., ИКОИРГО, т. 16, 1903, стр. 231.

вателями сопоставляются с одним из древнеабхазских племен (ср. абхазские родо-племенные названия Хиба и Ахба, распространенные до сих пор в указанной части Абхазии).

Далее на северо-западе обитали в древности керкетские племена. Скилак Кариандский, перечисляя различные западнокавказские племена с севера на юг, указывает, что за Синдской гаванью (в районе Анапы) живет народ керкеты — горное племя, упоминаемое многими древними авторами и отождествляемое с позднейшими черкесами. За керкетами он упоминает торетов, за ними — ахеев (между нынешними Туапсе и Сочи), а «за ахейми народ гениохи». За гениохами — кораксы и колика³⁶.

Керкеты — это оседлое население приморской низменной части, занимавшееся земледелием, мореходством, ремеслами. Название «керкеты» связывается с названием «черкесы» (у греков не было «ч» и соответствующий звук передали через «к»). Картвельские же элементы могли получить здесь распространение лишь в эпоху политического влияния колхов, с чем Г. А. Меликишвили связывает наличие на керкетском побережье пункта «Старая Лазика».

На Черноморском побережье Кавказа в античное время проживало также племя агры, которое Страбон причислял к синдским³⁷ племенам (ср. абхазское родо-племенное название Агрба).

Земли от Новороссийска через южную часть Таманского полуострова до Приазовья занимали синдо-меотские племена. При этом, однако, основная масса археологических памятников, которые считаются принадлежащими меотам, находятся в бассейне р. Кубань и ее притоков³⁸. В районе совр. Анапы находился греко-синдский эмпорий и порт Синдика. Образование Синдского рабовладельческого государства относится к V в. до н. э. Синдика уже с VI в. до н. э. находилась под сильным эллинским влиянием, а в V в. была включена в состав Боспорского царства. Приазовские и прикубанские местные синдо-меотские племена вместе с ассимилировавшими

³⁶ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, № 3, 1947, стр. 241—242.

³⁷ ВДИ, 1947, № 4, стр. 212 (271).

³⁸ И. С. Каменецкий. Новый меотский могильник в Приазовье. «Советская археология», 2, 1968, стр. 264.

мися сарматскими и другими племенами являются непосредственными предками современных адыгских народов³⁹.

Таков неполный перечень сложного племенного состава населения Кавказского Причерноморья в античную эпоху, где так нередки совпадения или близость названий некоторых племен, локализуемых античными авторами в пределах нынешней Абхазии и в северо-восточных областях Малой Азии. Так, керкеты упоминаются как на северо-кавказском, так и вблизи малоазиатского побережья Черного моря (страбоновские «апаиты — древние керкеты» в горах Скидиса и Париадра, XII, 3, 18). Тот же Страбон упоминает где-то на границе Колхиды и Трапезундской области город Зигополь, связываемый с абхазо-черкесским племенным названием джиков-зигов. Допустимо, что и название «мосиники» связано с наименованием северного абхазского племени санигов. Вблизи Трапезунда и в районе устья р. Апсара Плинием и Аррианом упоминаются племена гениохов, которые были засвидетельствованы и на территории современной Абхазии и сопредельных с нею с северо-запада областях с IV в. до н. э. и до первых веков н. э.

Племенная раздробленность и разобщенность, подвижность населения, непрочность родо-племенных объединений, отсутствие централизованного политического объединения ограничивали не только возможности сопротивления внешним нашествиям, но мешали и консолидации местных племен в единую народность с постоянной территорией и прочной государственной организацией. С другой стороны, продолжительные интенсивные связи разного характера, взаимодействие с культурными центрами античного мира опосредствовали общему их подъему, ускорению их социально-экономического и этно-культурного развития.

Взаимодействие местной и эллинской культур на абхазской почве прослеживается с середины I тыс. до н. э. Так, например, на Эшерском городище близ Сухуми, занимающем 3 гектара и окруженном мощной каменной крепостной стеной, еще в VIII—VII вв. до н. э. прожи-

³⁹ Ю. С. Крушкoл. К вопросу об этногенезе скидов. «Античное общество». М., 1967, стр. 161.

вало местное земледельческое население, обрабатывавшее свои поля железными мотыгами и пользовавшееся в своем хозяйстве ручными зернотерками. Форма мотыг близко напоминает собой форму предшествовавших им на этой территории бронзовых мотыг, что свидетельствует об этнической и культурной преемственности на данной территории, начиная с эпохи бронзы, о длительной живучести традиционных форм орудий труда. Ведущие здесь археологические раскопки выявили в целом материалы VI—II вв. до н. э., в том числе и привозные, которые, однако, представлены в небольшом сравнительно количестве. В их числе амфоры, чернолаковая посуда, черепица и др. Привозили их сюда греческие купцы из разных античных центров для продажи как греческим колонистам, так и представителям местной знати. Найдены и могилы с западной и другой ориентацией, в отличие от обычая античных греков, которые своих покойников хоронили головой на восток. Местной является и большая часть могильного инвентаря: железное оружие, наконечники стрел, ножи, кувшины, кольца, браслеты, бусы и др. Все это говорит о большом значении местного этно-культурного элемента в жизни античной Эшеры.

Вместе с тем тезису исследователя городища Г. К. Шамба о древнеабхазской этнической принадлежности захоронений противоречат, по его же словам, две серебряные монеты, вложенные в уста двух покойников — мужчины и женщины. А это известный древнегреческий обряд (умершие должны были иметь при себе деньги, чтобы заплатить за переход через мифическую реку Стикс на пути в потусторонний мир). Если приписывать этот обычай только грекам (и никому другому), то все раскопанные Эшерские захоронения, относящиеся к III—II вв. до н. э., являются греческими, а предки абхазов отношения к ним не имеют⁴⁰. Надо полагать, что в греческих колониях вообще, в том числе таких пригородах (хора), как Эшерское городище, проживало немало представителей и местного населения, особенно знати, которая могла заимствовать у греков отдельные элементы как материальной, так и духовной

---

⁴⁰ Г. Шамба. Секрет одного древнего городища. «Алашара», 1973, № 11, стр. 100—103 (на абх. яз.).

культуры, обычаи и традиции, включая религиозные (похоронные и пр.) обряды. Жители таких городищ по существу должны были представлять собой смешанное греко-местное эллинизированное население с преобладанием в одних случаях греческих, а в других — местных элементов культуры в зависимости от того, в расцвете ли находилась греческая колония или клонилась к упадку.

Эшерское городище является, может быть, одним из наиболее ярких объектов, на примере которого может быть прослежено взаимопроникновение местной и греческой культур. Но это не единственный пример взаимодействия. Близкую картину мы наблюдаем также по материалам раскопок ряда населенных пунктов и могильников Абхазии античного времени (могильники и поселения Гуад-иху, Красный Маяк, Сухумская гора, башня Одынец, Шубара в верховьях р. Гумиста и др.).

Вообще «интернациональность» — характерная черта населения Абхазии с отдаленных эпох, особенно со времени античной колонизации. Это и не удивительно: кавказское побережье Черного моря служило мостом, связывающим юг нашей страны с Передней Азией. Представители многих народов, которым приходилось продвигаться по этому «мосту», частично оседали на пути своего следования, умножая тем самым пестроту и сложность этнической карты края. Что касается античного периода, то существуют прямые указания историков о многоплеменности населения приморской Абхазии этого времени. Вспомним, например, страбоновскую характеристику Диоскурии, как торгового центра для народов, «живущих выше ее и вблизи», а также известные слова Плиния о том, что в ней собиралось до 300 представителей разноязычных племен. Ярким свидетельством племенной неоднородности края, наличия, прежде всего, греческого этнического элемента в составе населения главного города древней Абхазии является замечательная мраморная стела V века до н. э., найденная на дне Сухумской бухты, но изготовленная в древней Греции⁴¹. Это надгробие представляет собой не только художественный, но и большой культурно-исторический

---

⁴¹ М. М. Трапш. Труды, т. 2. Сухуми, 1969, стр. 229, 231.

интерес, в частности, оно говорит нам о существовании на территории древнего Сухуми греческого некрополя, исчезнувшего со временем в морской пучине. Иноземный элемент населения был представлен не только в городах (Питиунт, Гюэнос и др.), но, как уже говорилось, и в пригородах Диоскурии — в районе совр. Н. Эшеры, в сел. Гвандра и других местах Абхазии той эпохи.

Однако, разумеется, греческий слой является не единственным этническим элементом, принимавшим определенное участие в этногенезе абхазов. Как известно, весьма выразительные, хотя и немногочисленные, памятники скифской культуры были выявлены в ряде пунктов Абхазии, из которых наиболее значительным является Куланурхвинский могильник⁴². Кроме того, как выясняется новейшими исследованиями, на абхазском побережье мы находим следы пребывания даже карийцев. Ю. В. Откупщиков, например, связывает происхождение топонима Пицунда с догреческой (карийской) топонимикой (между прочим, древнейшее название Милета, основанного греками в Кarii, было Питиусса, а сама Кария называлась Питиа)⁴³. Подобные в целом немногочисленные иноплеменные инфильтрации со временем обычно растворялись в местной этнической среде.

2. Колхида и колхи

Одним из важных вопросов, возникающих при исследовании этногенеза древнеабхазских племен, является вопрос о взаимоотношениях Абхазии и овеянной легендами Колхиды, абхазов и колхов.

Истории известны две Колхиды, два колхидских царства — одно раннее, Южно-колхидское, другое — более позднее, Северо-колхидское (Колхида древнегреческих источников).

В конце II и в первых веках I тысячелетия до н. э.

---

⁴² М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. «Труды», т. I. Сухуми, 1970, стр. 162, 168.

⁴³ Ю. В. Откупщиков. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. «Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов». Тбилиси, 1975, стр. 18, 19, 20.

урартскими источниками в Юго-Восточном Причерноморье засвидетельствовано крупное объединение племен. Это южно-колхидское царство Кулха (Колха). Оно возникло в начале VIII в. до н. э., а, может быть, и значительно раньше (Г. А. Меликишвили и И. М. Дьяконов допускают возможность его образования еще в XII в. до н. э.)⁴⁴, в основном на бывшей территории разрушенного урартами царства Дайаэни и его северо-восточных областей (долина р. Чорохи). В 20-х гг. VIII в. до н. э., разгромленная скифо-киммерийцами, вторгшимися вдоль восточного побережья Черного моря⁴⁵ или через Дарьяльское ущелье и прикаспийские степи, Кулха прекратила свое существование.

Исходя из той большой роли, которую играли в ближневосточных делах колхидские правители, имевшие в Малой Азии и свои «царские города», Г. А. Меликишвили предполагает, что политический центр «Царства Кулха» находился, вероятно, не на р. Риони, а гораздо южнее — в среднем или южном течении р. Чорохи, которая первоначально также называлась «Фазисом» (на р. Риони это название, по его мнению и по мнению других исследователей, было перенесено позднее).

Южноколхидское царство представляло собой не простой союз племен, а являлось уже государственным образованием раннерабовладельческого типа, находившимся в окружении племен, живших еще в условиях первобытнообщинного строя. Население этого царства, пишет Г. А. Меликишвили, этнически было западно-грузинского происхождения⁴⁶.

Североколхидское царство, или просто Колхида, выступает как бы преемником Южноколхидского (Кулха). Оно сложилось в VI в. до н. э. на территории современной Западной Грузии, включая юго-восточную Абхазию, и простиралось от устья р. Чорохи до р. Кодор или совр. Сухуми, а, может быть, еще далее на северо-запад с центром на р. Фазис (Риони)⁴⁷. Эта область позднеколхидского царства (в основном Колхидская низменность)

⁴⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 138.

⁴⁵ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 115.

⁴⁶ Там же, стр. 218, 219, 223 и др.

⁴⁷ М. П. Инадзе. О времени образования колхидского царства по данным древнегреческих авторов. «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1973, стр. 168.

у восточногрузинских племен была известна под именем Эгриси. Но в древнегреческих описаниях (например, у Ксенофонта) употребляются и названия «фаззианы», «фасианы» в качестве синонима наименования «колхов». «Колхида», «колхи» — это общие, неопределенные, собирательные термины, употреблявшиеся для обозначения, говоря словами Г. А. Меликишвили, «любого из племен», населявших территорию исторической Колхиды.

Политическая гегемония этого образования охватывала обширную территорию. Как сказано, на севере и северо-западе его границы географически (а не этнически) доходили до Главного Кавказского хребта и совр. Сухуми, но некоторым же данным и до Пицунды (согласно Геродоту, они проходили где-то около Фазиса). Выше обитали уже неколхские племена гениохов и других, а южная граница Колхиды достигала Трапезунда или устья р. Алсар (совр. Чорохи).

На этой территории население было пестрым, неоднородным по своему этническому составу, причем в южных и северных частях очерченного пространства пестрота населения, его многоплеменность была, по-видимому, более заметной. Основную часть этой территории (Колхидская низменность) занимало западногрузинское (мегрело-чанское) племя лазов, которых принято считать идентичными древним колхам⁴⁸.

В римскую эпоху Колхида в административном отношении была связана с Понтийским царством — позже вассалом римлян, хотя римско-понтийское господство в Колхиде было довольно поверхностным. Главным опорным пунктом римского могущества на востоке Черноморского бассейна являлся Трапезунд; были у них и другие опорные пункты, в том числе Севастополис (совр. Сухуми), Фасис и др.

По вопросу уровня социально-экономического развития Колхиды еще нет единства взглядов. По мнению некоторых исследователей, Колхида, как и Кулха, была раннерабовладельческим государственным образованием, хотя вокруг жили горные племена с родовым общественным устройством. В отличие от центральной Колхиды, — пишет, например, Г. А. Меликишвили, — жившей,

⁴⁸ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 62—66, 78.

по крайней мере с VI в. до н. э., «в условиях классового общества и государства, население южных и северных горных областей Колхиды все еще находилось в условиях родового строя с присущей ему политической раздробленностью на отдельные родоплеменные единицы»⁴⁹. Строй центральной Колхиды был, по-видимому, сходен с социальным укладом Иберии.

Большинство исследователей, вопреки утверждениям Г. К. Соселиа⁵⁰, придерживается того мнения, что общество Иберии в описании Страбона — это не родовое общество, а сравнительно развитое классовое общество с государственной организацией, возникновение которой в Грузии падает на конец IV и начало III вв. до н. э.⁵¹

Доказательством наличия классового общества в Колхиде считают интенсивное обращение в ней монет, ибо родовой строй несовместим, как указывает Ф. Энгельс, с денежным хозяйством. Колхидские серебряные монеты (так называемые «колхидки») с бычьей головой (тавропола?)⁵², изображениями человеческой головы и головы быка, а также в редких случаях с не совсем понятными буквенными начертаниями на них чеканились в VI—IV вв. до н. э., вероятнее всего, местными властями, а также, может быть, вначале и причерноморскими преческими городами. Основная масса их найдена на территории Западной Грузии, отдельные экземпляры встречались и в районе гор. Сочи. «Колхидки» в колхидских же пифосах найдены и в Крыму, в археологическом слое второй половины VI в. до н. э., что говорит об интенсивных торговых связях Колхиды с Боспорским царством. В период владычества Митридата, на рубеже II—I вв. до н. э. появляются медные монеты города Диоскурии, которые, по словам Д. Г. Капанадзе, представляют собой «типичную городскую чеканку»⁵³.

⁴⁹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 252; см. также стр. 18, 69.

⁵⁰ См. «Вопросы истории», 1956, № 10.

⁵¹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); А. И. Болтунова. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. ВДИ, 1956, № 2; см. ее же в ВДИ. № 4, 1973.

⁵² В «Одиссее» говорится, что в Колхиде царствовала богиня Кирка, которая владела священной пещерой под названием Огигин (ср. пещеру абхазов с мифическим белым быком Оггин, упоминаемым Я. Рейнегсом).

⁵³ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 40.

На аверсе монет изображены две шапки Диоскуров с шести- или восьмилучевыми звездами над ними, а на реверсе — жезл, по сторонам которого греческая надпись в три строки — «Диоскуриадос»⁵⁴. Были выпущены и серебряные монеты, приписываемые колхскому басилевсу Савлаку (а иногда боспорскому вождю восставших рабов скифу Савмаку, который в 108 году до н. э. на короткий срок овладел Боспорским царством). Эти монеты датируются II в. до н. э. Их принадлежность к нумизматическим памятникам Колхиды подтверждается, в частности, тем, что эти редчайшие монеты — их всего несколько экземпляров — найдены в районе Сухуми, причем совместно с колхидками; обращает внимание и сходство оборотной стороны монет с изображением быка на колхидках, а лицевой — с изображением на драхме Аристарха Колхидского; наконец, следует иметь в виду, что, согласно Плинию, в Колхиде существовал царь под именем Савлак, а это имя в форме Саулах (Саулахэ) сохранялось в среде абхазской высшей знати вплоть до XX в.⁵⁵ Интересны также статеры колхидского царя Аки III—II вв. до н. э., имя которого связывают с абхазским названием г. Сухуми (Акуа).

Под влиянием различных внутренних и внешних сил, характер которых остается пока не совсем ясным, Колхида приходит в упадок, распадается на составные части, которые становятся в известной степени самостоятельными политическими единицами.

Новые политические образования — «царства» махелонов, гениохов, лазов, апсилов, абазгов, санитов и др. — сложились в I—II вв. н. э. на территории исторической Колхиды, по мнению С. Н. Джанашиа, в результате распада единого Колхидского государства на отдельные «скептухии», переросшие затем в названные «царства» или «княжества» с суверенными правителями, а по Г. А. Меликишвили под влиянием процесса «варваризации» всего Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, связанной с массовым проникновением стоявших на ступени «военной демократии» горских племен в прибрежные районы Колхиды, натиском северокавказских племен, захватом ими политической гегемонии в Колхи-

⁵⁴ Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., стр. 40—41.

⁵⁵ Там же, стр. 41.

де и образованием вследствие этого новых союзов племен, «царств» и «княжеств»⁵⁶.

Основу колхидской экономики составляли продукты земледелия (вино, хлеб, фрукты, лен, конопля), скотоводство, корабельный лес, воск, смола, а также золотой песок.

Колхида — крупная область однородной в основных чертах материальной культуры, отличной от синхронной ей культуры Восточной Грузии, для которой характерна другая археологическая культура со своеобразными топорами, мечами с тупым концом и др. Как известно, колхидская культура — это археологическая культура переходного периода от бронзы к железу (конец II — середина I тыс. до н. э.). Она синхронна и очень близка кобанской культуре Северного Кавказа, представлена кладами, могильниками (с грунтовыми и кувшинными захоронениями) и поселениями, во время раскопок которых выявлены замечательные бронзовые топоры, кинжалы, подвески, бусы, мотыжки и др.

Все это, однако, не означает, что Колхида отличалась и полным этническим единством. Некоторые авторы придерживаются, правда, того мнения, что население как Кулхи, так и Колхиды этнически было целиком западно-грузинского происхождения.

Положение об исключительно грузинском характере этно-культурной истории Колхиды развивается, в частности, Г. А. Меликишвили в его книге «К истории древней Грузии». Это положение основано отчасти на том, что область Колхидской низменности у восточных грузин в древности была известна под именем Эгриси, а этот последний термин обычно понимается как этническое наименование населения указанной области — «егры» или «мегры», «мегрелы». Но, во-первых, как указывает И. М. Дьяконов, эти термины — «егры», «мегры» — не являются этническими названиями, а происходят от имени страны, а, во-вторых, в древнегреческих описаниях (например, у Ксенофонта) в качестве синонима названия «колхи», как было сказано, часто употребляется и название «фасианы», «фасианы», восходящее, вероятно, к древнему абхазо-адыгскому этно-топониму.

Во всяком случае, этнический состав населения юж-

---

⁵⁶ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 375.

ной и северной части Колхидского царства, этническая территория которого доходила, по Г. А. Меликишвили, до устья р. Кодор, отличалась необычайной многоплеменностью⁵⁷. Большую часть этой территории затем занимало западногрузинское (мегрело-чанское) племя лазов, идентифицируемых древним колхам⁵⁸.

Впервые упоминание о лазах, наряду с апсилами, мы находим в «Естественной истории» Плиния. «В 140 000 шагов от Трапезунта река Абсар с соименной крепостью при устье, — читаем мы у Плиния. — В этой местности за горами лежит Иберия, по берегу живут гениохи, ампревты, лазы, текут реки Акампсеон, Исис, Могр, Батис (Глубокая), потом племена колхов, город Матий, река Гераклея с мысом того же имени и славнейшая из понтийских рек Фасис»⁵⁹. О лазах затем мы находим сведения у Арриана и у других авторов, причем позднее имя этого племени было постепенно распространено на всю Колхиду.

В прибрежных районах Центральной Колхиды лазы появляются на рубеже новой эры. По Г. Меликишвили, лазы, вероятно, были чанским племенем, проникшим сюда из Юго-Восточного Причерноморья, из урартской области Луша, с названием которой связывают этноним «лазы». Под натиском проникших с юга лазов, как пишет далее Г. Меликишвили, древнее население Центральной Колхиды — эгры были оттеснены, вероятно, во внутренние области Западной Грузии⁶⁰. Происходит слияние лазов с почти однородными с ними этнически «эграми» (мегрелами) — «древнейшим» населением центральной Колхиды⁶¹.

С Колхидой связан миф об аргонавтах, сложившийся еще в догомеровское время, но дошедший до нас в поэтической обработке Пиндара (V в. до н. э.), а также и в более поздних вариантах. По мифу события в нем происходят за одно поколение до Троянской войны — войны древних греков против города Трои (Илиона) на малоазийском берегу Геллеспонта (конец XIII или на-

57 Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 86.

58 Там же, стр. 62—66, 78.

59 В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1949, 2, стр. 288—289.

60 Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 366.

61 Там же, стр. 374.

чало XII века до н. э.). Далекую страну Эю, куда совершили свое плавание аргонавты, Пиндар отождествил с Колхидой⁶².

Итак, Колхида — это греческое название исторической области совр. Западной Грузии (в грузинских источниках известна под названием Эгриси). В VI—IV вв. до н. э. здесь возникли греческие колонии Фасис на р. Риони, Гиен (Гуэнос) у совр. Очамчира, Диоскуриада на месте совр. Сухуми и др., которые, в частности, широко занимались работоторговлей⁶³. Жители раннерабовладельческого Колхидского царства, существовавшего в VI—II вв. до н. э., занимались земледелием с использованием сохи с железным наконечником, обработкой льна, железа и другими ремеслами; чеканились серебряные монеты («колхидки»). В конце VI—первой половине V в. до н. э. Колхида подпала под власть Персии, в конце II в. была подчинена Понтийским царством, а в I в. до н. э. — Римом. На рубеже I—II вв. н. э., когда Колхидское царство окончательно распалось, к северу от устья р. Чорохи возникло Лазское царство. Племя лазов отождествлялось у авторов ранневизантийского времени с именем колхов, а Лазика — с Колхидой.

Название «Диоскурия» («Диоскуриада») — прославленного античного города на месте совр. Сухум — древние греки связывали с именем участников мифического похода аргонавтов — братьев-близнецов («диоскуров») Кастора и Полидевка. И. А. Орбели полагал, что оно восходит к грузинскому слову «ткупи» — близнец; С. Н. Джанашиа и другие считают его составным термином, состоящим из двух грузинских слов: «диа» — мать (между прочим, и в абхазском древнее слово «ди» также означает мать) и «скури» — источник, то есть «мать вод». Однако ни одно из пока что предложенных толкований термина «Диоскурия» не является убедительным.

В настоящее время термин «колхи» понимается как

---

⁶² Между прочим, Медея говорила и на таврском языке с таврами, сторожившими золотое руно Аэга — царя Колхиды.

⁶³ Например, колхи упоминаются в числе рабов, составлявших часть конфискованного в 414 году до н. э. и проданного с торгового имущества осужденных афинских граждан (И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 188). Рабы — уроженцы Колхиды представлены и на древнегреческих стелах того же V в. до н. э. (ВДИ, 1966, 3, стр. 127).

собираетелное название древнегрузинских племен, принадлежащих к мегрело-чанской ветви, и больше принято считать, что собственно абхазские племена почти не имели прямого отношения к Колхиде ни в этническом, ни в территориальном, ни в культурно-политическом отношениях. Однако такой вывод можно считать убедительным лишь в том случае, если будет доказано, что к VI в. до н. э., то есть ко времени возникновения Колхидского царства абхазский этнический элемент не был представлен юго-восточнее современного Сухуми (или Кодора); что, следовательно, все топонимические названия абхазо-адыгского облика, находимые в Западной Грузии, появились там до или после возникновения указанного царства; что имя колхидского правителя IV в. до н. э. Куджи, которое до сих пор встречается у абхазов и связано с их древними тотемическими воззрениями (акуцьма по-абхазски означает волк), как и имя героя Аргонавтики Апсирта, неабхазского происхождения; что описанный выше обряд «воздушного погребения», засвидетельствованный античными авторами у колхов и известный в прошлом также только абхазам, последними не унаследован непосредственно от первых; что и ряд других показательных элементов культуры (например, мореходство и льноводство с их божествами-покровителями, элементы народного искусства и орнамента, гиппократовские «деревянные или тростниковые хижипы»⁶⁴ и т. д.) также не являются общим достоянием абхазов и колхов; что в именах некоторых из основных образов мифа об аргонавтах (Апсирт, Аэт и др.) не слышно отзвуков абхазской ономастики и мифологии; что изображение быка на колхидских монетах («колхидки») не связано с древнеабхазским культом быка, отразившимся и в названии главного божества абхазов — «анцва», вторая часть которого (цэа), по-видимому, выражает собой понятие «бык» (ацэ). Следует также принять во внимание сообщение Плиния о существовании в Колхиде царя (басилевса) под именем Савлак, которое, как сказано, в форме Саулах (Саулахэ) встречалось среди имен абхазских дворян и князей до начала XX в., равно как и совпадение имен абхазского

---

⁶⁴ ВДИ, 1947, № 2, стр. 295.

грозного морского божества Хайт (Хант, Аит)⁶⁵ с именем мифического царя Колхиды Айэт, а также имени Аки с Акуа.

В июне 1952 года в сел. Эшера со слов 70-летнего Дахаира Гедлачовича Хибба мною записано следующее предание. Все кавказское побережье Черного моря называлось Калха. Население Калхи говорило на абхазском языке. Границы ее простирались далеко на юг и север, и правил этим царством абхазский царь, у которого была сильная армия и 360 крепостей.

А. Глейе еще в начале XX в. отмечал, что колхи были не картвельского племени, а «туземными» жителями, которых застали картвельские пришельцы при своем вторжении, а территория колхов распространялась далеко на юг, до пределов египетского влияния, причем и сами колхи в одно время могли быть вассальным государством египтян. Язык колхов он характеризует как праязык абхазов и родственных им племен (убыхов и черкесских народностей), а самих абхазов как «прямых потомков колхидцев». В подтверждение этого он ссылается, прежде всего, на название реки Фасис, которая протекает через территорию колхидцев и которая «может получить свое этимологическое объяснение не из мингрело-лазского языка, но скорее из черкесского», в котором «река» и «вода» передаются словом «псы»⁶⁶.

Из новейших исследователей Г. Ф. Турчанинов также идентифицирует колхов с древними абхазами, что видно из таких его определений, как «памятники колх(ид)ского (древнеабхазского) письма», «древние абхазы-колхи», «абхазский, он же колх(ид)ский, царь Мрн» (Мрн-Мран — «Солнце-бог») и т. п., причем к территории Колхиды XIII — XII вв. до н. э. он относит и район современного Майкопа⁶⁷.

---

⁶⁵ И. Левин и У. Мазинг в своем типологическом анализе сюжета этой волшебной сказки, имеющей многочисленные варианты, в том числе мингрельские, пишут: «Во всяком случае, та редакция сюжета, к которой восходят все версии известных ныне вариантов, сложилась на Ближнем Востоке до нашей эры» («Абхазские народные сказки». Составитель и автор примечаний К. С. Шакрыл. М., 1975, стр. 449).

⁶⁶ А. Глейе. К праистории северо-кавказских языков. СМОМПК, вып. 37. Тифлис, 1907, стр. 49, 50.

⁶⁷ Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 3, 6, 11, 26 и др.

Одним словом, если в новых и старых высказываниях подобного рода мы имеем определенное преувеличение роли абхазского элемента, то, как мне кажется, не менее ошибочным является и полное его игнорирование в этнокультурной истории загадочной Колхиды⁶⁸. Даже такой сторонник картвельской принадлежности колхидской культуры, как И. М. Дьяконов, предпочитает однако более осторожную, чем его единомышленники в этом вопросе, формулировку («по-видимому»).

---

⁶⁸ Выше упоминалось имя колхидского царя Аки, встречающееся на золотых подражаниях статерам Лисимаха III—II вв. до н. э.; это же имя выбито и на черепке из античной Пицунды (см. ВДИ, 1966, 4). Считается общепризнанным негреческое происхождение указанного имени, связываемого исследователями с западно-грузинской или абхазской этнической средой. В пользу абхазского происхождения Аки говорит его близость с абхазским названием г. Сухуми — Акуа (Акуа). Д. Г. Капанадзе, со ссылкой на З. В. Анчабадзе, пишет, что «создается возможность дать наиболее приемлемую этимологию голонимического термина Акуа с помощью абхазских морфологических норм»: Акуа — «люди Аки», «место, где пребывают люди Аки». Далее мы там читаем: «...допустимо предположить, что Акуа—Сухуми в древности был либо столицей колхидского царя Аки, либо местопребыванием его наместника». (Д. Капанадзе. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки. ВДИ, 1949, 1, стр. 164—165).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДРЕВНЕАБХАЗСКИЕ ПЛЕМЕНА

І А п с и л ы

1. Территория

Задолго до того, как стали в источниках фигурировать абазги, апсилы и другие племена, Восточное Причерноморье в описаниях античных авторов выступает населенным племенами под разными другими названиями. Это связано не столько с изменением этнического состава или же перемещениями населения, сколько с уточнением сведений греко-римских писателей, с постепенным переходом ко все более точному и подлинному знанию историко-этнографической обстановки. Об этом свидетельствуют изменения этнической номенклатуры на территории исторической Апсильи (совр. Южная Абхазия и прилегающие с юга районы).

Так, в «Одиссее» мы находим упоминания об Эйском острове, где «обитала славнокудрая Кирка, сильная богиня, говорящая человеческим языком, родная сестра коварного Ээта»¹. В древних охологиях к «Одиссее» говорится об Эйской Кирке из Эйского острова в Колхиде, об Ээе — городе Колхиды, Ээте — царе колхов, отце Медеи, брате Кирки²; указывается, что герой Ээт получил имя от Эи³; упоминается и река Психр (локализуют ее на Сев. Кавказе)⁴.

В VI в. до н. э. Гекатей Милетский упоминает западно-закавказское горное племя кораксов, крепость и

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 1, стр. 281.

² Там же, стр. 285.

³ Там же, стр. 291.

⁴ Там же, стр. 294.

страну под этим же названием: в районе Диоскурии, а также племена колхов и колов, последних — к юго-востоку от Диоскурии, возможно, у нынешней Очамчыры, между кораксами и меланхленами⁵ («горы Коракса» упоминаются и у Кл. Птолемея во II в. н. э., но у него Коракс, по-видимому, северокавказское предгорье⁶; кораксы как скифский род помещены и в «Лексиконе» александрийского грамматика V в. Гесихия)⁷.

У Скилака Кариандского (IV в. до н. э.) также встречаются названия кораксы и колы, причем приблизительно в тех же местах. По его словам, «за гениохами — народ кораксы», «за кораксами — народ колика», а «за коликою — народ меланхлены»⁸.

Кораксов одни исследователи отождествляют с апсилами и санигами⁹, а другие, возражая против отождествления названных племен друг с другом (на основе несходства апсильской и т. н. пацхирской, т. е. коракской керамики), локализуют первых в среднем течении р. Кодор, где находится крепость, сопоставляемая с Кораксийской и где будто бы на рубеже нашей эры произошла смена культуры кораксов культурой апсил¹⁰. Но различия в керамике, пожалуй, не являются столь резкими, а главное они могут быть объяснены одновременностью ее производства (тем более, что археологический материал представляет собой поверхностный сбор), а вместе с тем и локальными особенностями разного этнического происхождения.

Страбон на рубеже н. э. рисует следующий порядок расселения племен северо-восточного побережья Черного моря: синды, за ними на юг, вдоль моря, идет побережье ахеев, зигов, гениохов, прославленных своими «крытыми лодками» (камарами), колхов, а над Диоскуриадой, на высотах Кавказа, им упоминаются также «фтироваги» и соаны, отождествляемые с позднейшими сванами.

Таким образом, Страбон, живший лишь несколькими

5 В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1, 1947, стр. 300.

6 Там же, ВДИ, 1948, 2, стр. 248.

7 Там же, ВДИ, 1948, 4, стр. 269.

8 Там же, ВДИ, 1947, 3, стр. 241—242.

9 З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии, стр. 134.

10 Ю. Н. Воронов. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ, 1968, 3, стр. 141.

десятилетиями ранее Плиния, не упоминает ни апсилов, ни абазгов.

Много ценного для историка содержит работа римского писателя I в. н. э. Плиния Старшего, ибо автор «лучше многих других информирован о географии и этнографии внутреннего Кавказа»¹¹. Для описания Черноморского побережья он пользовался периплами и дорожниками, составленными Артемидором Эфесским и Исидором Харакским, а также официальными римскими дорожниками, бывшими в ходу в I в. н. э.¹² Вот почему мы находим у него много новых географических описаний и этнических названий, в том числе и на нашем побережье.

Именно у Плиния впервые встречается прямое упоминание двух древнеабхазских племен на территории собственно Абхазии — «абсилов» и саников. Ведя свое перечисление с юго-востока в северо-западном направлении, он называет реки Фазис и Харинт и народы: салтии («У древнейших называвшийся фтирофагами») и санны; дальше идет р. Хоб, текущая с Кавказа через область суанов (сванов), затем р. Риан (может быть, неподалеку от левого устья р. Ингури), область Кегритика, реки Сигания, Терс, Астелеф, Хриссорой, племя абсилов, крепость Себастополь, племя саников, город Киги, река и город Пеней и, наконец, племена гениюхов, различающиеся многими названиями. Говоря о «диких» прибрежных племенах, Плиний немного останавливается на кораксах с «колхидским городом Диоскуриадой». По этому описанию, г. Диоскурия в то время находилась в запустении, «но некогда был до того славен, что, по словам Тимосфена¹³, туда сходилось 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши (римляне) вели здесь дела при посредстве 130 толмачей». От Диоскуриады до р. Гераклея Плиний упоминает ахейцев, мардов, керкетов, серров, кефалотомов («головорезов»), а внутри этого пространства — «богатейший» город Питиунт¹⁴.

Вот в каком контексте Плиний пишет непосредствен-

¹¹ Л. А. Ельницкий. Из исторической этнография древней Колхиды. ВДИ, 1938, 2, стр. 315.

¹² ВДИ, 1949, 2, стр. 272.

¹³ Александрийский географ III в. до н. э.

¹⁴ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1949, 2, стр. 290—292.

но об апсилах: «...В 100 000 шагов от Фарнакеи свободный город Трапезунт¹⁵, окруженный огромными горами. За ними живет племя армено-халибов, и лежит Великая Армения на расстоянии 30 000 шагов. Не доходя Трапезунта, — по берегу — река Пиксит, а за ней племя саннов-генихов. В 140 000 шагов от Трапезунта река Абсарр с соименной крепостью при устье. В этой местности за горами лежит Иберия, по берегу живут генихои, ампревты, лазы¹⁶, текут реки Акампеон, Исис, Могр, Батис (Глубокая), потом племена колхов, город Матий¹⁷, река Гераклея с мысом того же имени и славнейшая из понтийских рек — Фасис... в устье его (р. Сурий)¹⁸ безымянные острова. От Абсарра он отстоит на 70 000 шагов. Затем другая река Хариент, народ салтин, у древнейших называвшийся фтирофагами (вшедами), и другой народ — санны; через область суанов с Кавказа течет река Хоб. Далее — Роан, область Кегритика, реки: Сигания, Терс, Астелф, Хрисоррой, племя абсиллов (Absilae), крепость Себастополь в 100 000 шагов от Фасиса, племя саников, город Кипи, река и город Пенний, наконец, племена генихов, различающиеся многими названиями»¹⁹.

Итак, Плиний локализует апсиллов значительно севернее — не где-то северо-западнее совр. г. Поты, как Арриан, а в непосредственной близости от Диоскуриады — Севастополя (совр. Сухуми), вблизи тех самых мест, где у Арриана проходит граница между абасками и санигами, в земле которых, как пишет Арриан, лежит Севастополь.

Дионисий Периегет (нач. II в. н. э.) так перечисляет кавказские причерноморские племена (с северо-запада на юго-восток): синды, киммерийцы, керкетии («живущие вблизи Эвксина»), тореты и «сильные ахейцы... За ними живут, владея соседней землей, генихои и зигии», а по берегам «самой дальней части Понта», за Диоскурией, — колхи²⁰.

В своем географическом компендиуме Клавдий Пто-

¹⁵ Свободным городом Трапезунт стал в 70 гг. I в. н. э.

¹⁶ Древнейшее упоминание и этого племени.

¹⁷ Каппадокийская Комана, совр. Токапса в восточной Анатолии.

¹⁸ Пункт и р. Сурий отождествляют с р. Гипп (Цхенис-Цкали).

¹⁹ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1949, 2, стр. 288—291.

²⁰ Там же, стр. 245, 248—249.

ломей, автор II в. н. э., писал: «А вдоль Понта — ахеи, керкеты, геинохи и сванно-колхи»²¹; за Албанией — санарей»²². Называются города и деревни: по малому Ромбиту — Азараба²³, по р. Псатию — Авхида²⁴, по р. Вардану — Скопел, Суруба, Корусия, Эбриапа, Серака; по р. Бурке — Кукунда²⁵, по р. Тессирию — Батраха, по р. Кораку — Наана²⁶. Далее, описывая положение Колхиды, Птоломей от г. Диоскуриады до г. Фасис называет среди других реки Гипп, Кианей (ср. арриановск. Тарсура?), Неаполь, Хариуста (ср. арриановск. Хариунта), а в конце пишет: «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышедшие местности — манралы²⁷ и народы, живущие в стране²⁸ Экретике»²⁹.

Особого внимания заслуживают сведения древнегреческого историка Флавия Арриана, жившего в конце I — первой половине II в. н. э. Он родился в непосредственной близости от западного Закавказья — в малоазийском городе Никомедии и в течение ряда лет (131 — 137 гг.) являлся римским наместником Каппадокии. Арриану, писавшему, примерно, спустя полстолетия после Плиния, принадлежит историко-географическое описание юго-восточного побережья Черного моря — «Объезд Евксинского Понта». Эта работа особенно ценна тем, что автор лично совершил в 134 году путешествие вдоль Черного моря. Арриан и его спутники осуществили свое плавание на весельных парусных судах от Трапезунта до крепости Диоскуриады, «ныне называемой Севасто-

21 Отождествляют со страбоновскими соанами (соседями колхов), предками позднейших сванов.

22 Некоторыми авторами локализируются на Сев. Кавказе.

23 Это и близкое ему наименование Азара, встречающееся у того же автора, локализации не поддаются (ср. Азра, как называли Абхазию некоторые авторы XIX в.).

24 По Томашеку, Авхида — это черкесская крепость Аух на р. Фари (притоке Лабы). Ср. абх. названия типа Адзхыда, т. е. подземная река (досл. «река без головы»).

25 Локализируют близ Адлера (ср. абх. Кукун — название божества льна и ткацкого ремесла, а Вардан — с абхазо-убыхским родоплеменным названием Вардан).

26 Локализуется на р. Кодор (ср. абх. Наа — село на той же реке).

27 Сопоставляется с позднейшими мегрелами.

28 Упоминается и у Плиния, локализуется по течению р. Сингам (Ингур).

29 В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 2, стр. 249—251.

полем», то есть, как пишет он, до «конечного пункта» римского владычества на правой стороне от входа в Понт», покрыв, по его подсчетам, расстояние 82 260 стадиев (в среднем около 380 км)³⁰. Они плыли в основном днем вдоль самого берега Черного моря, к вечеру заходили по пути на стоянку судов или вытаскивали свои корабли на сушу, если погода не позволяла им оставаться в открытом море на якоре (например, Арриан зашел и по каким-то делам задержался в устье р. Хобос (совр. Ингури или Хопи, древний Харисент).

Главной целью поездки было иноспектирование римских войск, расквартированных в прибрежных крепостях, а также «точное знакомство с этим путем», географическое описание края — характер Черного моря, направление господствующих ветров, реки, их судоходность и расстояния между ними, укрепления и их оснащение «военными машинами». Вместе с тем автор включил в свое описание, сделанное в форме письма императору Адриану³¹, также немало историко-этнографических и мифологических сведений, почерпнутых как из непосредственного личного наблюдения, так и из известной ему древней литературы.

На этнографической карте, нарисованной Аррианом, мы находим ряд новых названий. Его список народов включает (с юга на северо-запад): зидритов, лазов, апсилов, абасгов, санигов («в земле которых лежит Севастополис»). Еще далее на северо-запад он упоминает «стоянку Питиунт», Нитику (вероятно, совр. Гапра), где в древности жили фтирофаги, и р. Абаск.

Вот контекст главного сообщения Арриана об апсилах: «Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дритами, а по моему мнению, это санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных

³⁰ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ. 1948. 1. стр. 271—272.

³¹ При Адриане проводились большие мероприятия по усилению обороны восточного берега Черного моря, где осуществлялось форсированное строительство крепостных сооружений. Поэтому не исключено, что сооружение наиболее ранних частей Великой Абхазской (Келасурской) стены, начинающейся у «конечного пункта римского владычества», было начато еще во времена Адриана.

местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут макроны и гениохи; у них царь Анхиал. С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарасману. Рядом с зидритами — лазы; царем у лазов — Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы, у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками — саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»³² (выделено мной. — Ш. И.).

Таким образом, согласно Арриану, территория колхов на юге простиралась от Трапезунта. Однако, перечисляя один за другим мелкие «народы» Рюнской низменности и даже шире — от Трапезунта до Севастополя (трапезунтцы, дрилы-санны, макроны-махелоны, гениохи, зидриты, лазы, апсилы, абаски и саниги), Арриан нигде не отмечает, что все они или часть из них принадлежат к колхам. Вместе с тем между ними упоминается и неколхское племя гениохов — по соседству с трапезунтцами. Все перечисленные народы объединены в полусамостоятельные «царства» с подвластными Риму местными царями во главе. В основе образования этих «царств» лежат этно-политические объединения. Не все они были созданы одновременно. Например, «царство» апсилов образовалось (вернее, подпало под римское владычество) раньше абазгского, поскольку, по словам Арриана, апсильский «царь» Юлиан получил свое «царство» от отца римского императора Адриана, в то время как «царь» абазгов Ресмаг, подобно «царю» санигов Спадагу, получил власть позже — от самого Адриана.

Римский историк III в. н. э. Элий Геродиан только упоминает в своем перечне названия Апсил и Апсиртиду, равно как «остров» Севастополь в Понте (он же Диоскуриада, а раньше Эя)³³ и Саннит³⁴.

³² В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 1, стр. 270.

³³ Ни у кого из других античных авторов мы не находим указаний об островном положении Севастополя — Диоскуриады.

³⁴ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 2, стр. 258, 259.

Безымянный автор V в. н. э., известный под именем Псевдо-Арриана, составил описание побережья Черного моря по разным известным нам и неизвестным историческим источникам (периплы Арриана, Скилака Кариандского и др.). Отрывки из них приводятся им почти без изменений (вплоть до имен отдельных кавказских народов в отрывках из Арриана) и мало или вовсе не связываются между собой. Тем не менее этот источник представляет определенный интерес. В нем мы находим более поздние сведения, соответствующие этно-топонимической ситуации IV—V вв. н. э.

Согласно Псевдо-Арриану, рядом с трапезунтцами живут колхи и ксенофонтовские дриллы, отождествляемые им, как и Аррианом, с саннами, а за колхами — махлоны и гениохи с царем Анхиалом во главе; народ же гениохов — смешанный, а выше за гениохами лежит Каспийское море. После этого у него идет параграф (51), в котором содержится сообщение об апсилах. В нем сказано: «Рядом с махелонами и гениохами живут зидриты; они подвластны Фарасману; рядом с зидритами живут лазы, а царь лазов — Маласса, который получил престол от тебя. Рядом с лазами живут апсилы³⁵, а царь апсильев — Юлиан; этот получил престол от твоего отца. С апсилами граничат абасги, и царь у абасгов — Рисмага, и этот получил престол от тебя. С абасгами рядом живут санниги; в их области и находится Севастополь. Царь саннигов Следага получил престол от тебя»³⁶.

Там же мы находим такое описание реки и города Фасис: «Эта река Фасис течет из Армении, вблизи нее живут переселившиеся из Иберии в Армению иберы. При входе в реку на левой стороне Фасиса лежит основанный милетянами преческий город, называемый Фасисом, в который, как говорят, сходятся шестьдесят племен, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксика, к которой примыкает

---

³⁵ В тексте ВДИ, откуда взята эта цитата, дважды ошибочно написано «апоилы», в третий раз уже правильно — «апсилы».

³⁶ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 4, стр. 230.

так называемая Колика, где ныне народ меланхленов и колхов»³⁷.

Стефан Византийский (VI в. н. э.) также знает апсидов (Ἀψίδαι), причем называет их (со ссылкой на Арриана) скифским племенем. «Апсилы, — читаем мы в его обширном компилятивном географическом словаре, — скифское племя, соседнее с лазами, как свидетельствует Арриан в «Объезде Эвксинского Понта»³⁸. Повторно описывает он, полностью опираясь на своих предшественников, и другие местности, например, Апсиртидовы острова на Адриатическом море (совр. острова Херо и Осеро близ Иллирийского побережья), получившие свое название «от Этова сына Апсирта, убитого на одном из них сестрой Медейей... Есть и на Эвксинском Понте местность Апсар, прежде называвшаяся Апсиртом. Артемидор в «Сокращенной географии» рассказывает и про город и остров «Апсирт»³⁹. Упоминает автор также народ у Кавказа колы, «скифское» племя лазы, народ близ колхов макрокефалы (длинноголовые) и пигмеи⁴⁰, Фасис — город Эн⁴¹ и т. д.

Крупнейший византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский, говоря, что река Фазис служит границей между Азией и Европой, пишет: «В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов... Фазис впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива — полумесяца; на одной его стороне, принадлежащей Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсидиев...» «За апси-

³⁷ По мнению Мюллера, источником этого параграфа псевдо-арриановского «Объезда Понта Эвксинского» является ямбическая перизгеса, стихи которой он восстанавливает так: «Фасис река имеет течение, несущееся из Армении, вблизи него теперь живут иберы, некогда вышедшие из Иберии. Подходящему к реке слева от Фасиса встречается лежащий тут город милетцев, по-гречески называемый Фасисом, куда собирались шестьдесят племен, различных по языкам. В числе их, говорят, собирались некоторые варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксия, земля, примыкающая к ней, называемая Колика, теперь племя меланхленов и колхов» (В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 4, стр. 229).

³⁸ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 3, стр. 316.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 322.

⁴¹ Там же, стр. 328.

льями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта». Абхазия, по Прокопию, состояла из двух основных частей — восточной (Апсилия) и западной (Абазгия). Правда, как восточные пределы апсиллов, отодвигаемые до устья р. Фазис (совр. Риони), так и намеченная им же граница между двумя указанными частями страны — где-то в районе Трахен (вероятно, совр. Н. Афон), вызывают сомнения. По соседству с Абазгией Прокопий называет брухов, помещаемых между абазгами и аланами (у Псевдо-Арриана р. Брухонта, «ныне называемая Мизигом»⁴², — современная Мзымта); зехи же, говорит Прокопий, утвердились по берегу Черного моря, а за ними — сагины⁴³ — саниги («санихи» Псевдо-Арриана, занимавшие, по его словам, территорию от р. Ахеунта до р. Абаск)⁴⁴.

Агафий — византийский историк того же века — также помещает апсиллов по соседству с лазами. Немного северо-западнее от апсиллов и в непосредственном соседстве с ними, по верхнему течению р. Кодор жили мисимяне, на востоке от них — сваны, за хребтом — аланы⁴⁵.

Едва ли не последним упоминанием апсиллов в греко-римской литературе является сообщение Феофана Хронографа во второй половине VIII в. о «первейшем среди апсиллов» деятеле по имени Маринос⁴⁶.

В грузинских средневековых летописях, наряду с общим названием «абхазы», встречаются и названия отдельных абхазских племен, в том числе собственно апсиллов и их страны (აფსილეთი). Так, касаясь событий VII — VIII вв., грузинский историк XI в. Джуаншер пишет, что арабский военачальник Мурван Глухой разрушил Цхум — город Абхазии (აფხაზეთისა) и Апшили (აფშოლეთისა). Но в XI в. термином «апсилы», кроме Джуаншера, уже почти никто не пользовался. «Город Апсилии Цхум (ქალაქი აფსილეთისა (აფში)), — так фигурирует Сухуми почти во всех вариантах грузинского летописного свода «Картлис цховбера» («Жизнь Грузии»)⁴⁷.

⁴² В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 4, стр. 230, 231.

⁴³ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 380, 382, 383.

⁴⁴ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 4, стр. 231.

⁴⁵ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 115—124.

⁴⁶ «Георгика», т. IV, вып. 1. Тбилиси, 1941, стр. 112.

⁴⁷ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, стр. 8.

Народ апсаров со своим особым языком упоминается в грузинском агиографическом сочинении XIII в. «История и восхваление венценосцев». В нем, в частности, говорится о том, что имя сына царицы Тамары Лаша апсарское и в переводе означает просветитель вселенной (Лаша и в современном абхазском языке означает свет, светоч).

В «Армянской географии» VII в. Анания Ширакаци, после перечисления четырех ветвей кавказских болгар, написано: «Между болгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты⁴⁸ и Сваны до г. Питиунта на морском берегу страны Авазов (Абазгов), где живут апшилы и абхазы до приморского **своего** (выделено мной.— Ш. И.) города Севастополя и далее до реки Дракона, текущей из Агван (не Албании) и отделяющей Абхазию от страны Егер»⁴⁹. Как мы видим, этот текст страдает не поддающимися объяснению противоречиями: то сваны доходят до Питиунта (Пицунды), то земли абазгов и апсиллов простираются до страны Егер (Мегрелия).

Турецкий ученый первой половины XIX в. Фераизи, опираясь на свидетельства своих предшественников, пишет о разгроме абхазов и апшилов турками в 1440 году⁵⁰.

Как мы видим, в описаниях древних и средневековых авторов имеются, наряду с ценнейшими сведениями, немало недостоверных и даже просто невероятных, сказочных сообщений. (Например, Элий Геродиан и Стефан Византийский с серьезным видом пишут о якобы существовавшем где-то вблизи наших краев племени гемикитов, то есть долупсов)⁵¹.

Безусловно заслуживают внимания, но, надо полагать, чрезмерно преувеличены свидетельства греко-римских писателей о необычайном многоязычии Западного Кавказа. Так, Страбон писал о 70-ти народностях, схо-

---

⁴⁸ Ср. древнеабхазское родовое имя Киут, представители которого проживают и ныне в Южной Абхазии.

⁴⁹ К. П. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, март 1883, стр. 29.

⁵⁰ Н. Н. Шенгелия. Османские источники истории Грузии XV—XIX вв. Тбилиси, 1974, стр. 126, 251 (на груз. яз. с русск. и англ. резюме).

⁵¹ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 2, стр. 258.

дящихся в Диоскуриаду, а Арриан и Псевдо-Арриан — о городе Фазисе, в котором сходятся 60 племен, говорящих на разных языках, в том числе из Индии и Бактрианы⁵².

В несколько затруднительное положение ставят исследователя параллельное употребление разных названий одного и того же племени, их различное написание у разных авторов или перенос имени одной этнической группы на другую и т. п. Так, встречается идентификация этнического содержания таких племенных названий, как санны (саниги) — макроны (отделенных от генихов территорией племени колхов); махороны (у Плиния)⁵³ — махелоны (у Арриана) — махли (у Лукяна) — меланхлены и др., не говоря о путанице с локализациями отдельных племен и с пониманием таких понятий, как «племя», «народ» (например, колхи, как и лазы, называются то племенем, то народом) и т. п.

Некоторые не соответствующие исторической действительности сведения древних, ставшие своего рода традиционными шаблонами, переходят из источника в источник и до сих пор могут вводить в заблуждение читателей. Например, кого только не причисляют к скифам (в том числе апсилы и лазы), к чанам и т. д.

Итак, впервые апсилы, как и лазы, мы встречаем у Плиния (I в.). Потом они фигурируют довольно часто до VI в. (Арриан, Агафий, Пр. Кесарийский и др.), а со второй половины VI в. встречаются реже, в основном в грузинских и отчасти армянских описаниях. Последний раз сведения об апсилах мы находим у грузинских авторов XI—XIII вв. (если не считать приведенное выше свидетельство Фераизи).

Политическая и этнографическая карта восточного побережья Черного моря первой половины I тыс., рисуемая имеющимися источниками, представляется следующим образом. С первых веков н. э. на этой территории появляются названия новых этнических и политических образований (называемых Страбоном «скептухиями»). Вместо встречающихся ранее в основном двух общих названий — «колхи» и «гениохи» («иниохи»), появляются несколько новых названий. Если, например,

⁵² В. В. Латышев, Указ. соч., ВДИ, 1948, 4, стр. 229.

⁵³ Там же, ВДИ, 1949, 2, стр. 287.

Аппиан еще пользуется терминами «ахейяне» и «гениохи», то у Арриана название «ахейцы» совершенно исчезает, уступив место «санигам», «абасгам», «апсилам», «лазам» и др., возникшим, как некоторые полагают, в пределах разноплеменного Колхидского царства, распавшегося на отдельные политические объединения с собственными «царями» во главе, после завоевания его Римом в 65 году до н. э., опиравшимся на свои прибрежные крепости (Апсар, Фазис, Севастополь и др.).

В 30-х гг. II в. н. э. от Трапезунта до Севастополиса (Сухуми) Арриан констатирует существование шести зависимых от Рима политических образований («царств»): махелоны (макроны?), гениохи (к востоку от Трапезунта), зидриты, лазы, апсилы, абазги и саниги. Причем, по Арриану, последние четыре объединения занимали прибрежную территорию от устья р. Апсар (Чорохи) до Севастополиса (совр. Сухуми), который, по его же словам, находился в области санигов. Согласно же Анониму (V в.), лазы уже занимали всю территорию от р. Апсар до Севастополиса, апсилы же и абазги находились между Сухуми и р. Абасгос (Псоу или Мдзимта), а еще дальше в северо-западном направлении жили саниги (от р. Абасгос до р. Ахеунта, которая, по его сообщению, протекала на расстоянии около 60 км от р. Абасгос).

Как уже говорилось, локализации Анонима сильно противоречат сведениям Арриана. Принято считать, что сообщения последнего отражают те изменения границ указанных объединений, которые произошли во II—V вв. Даже в конце II в., когда жил продолжатель Арриана, давший описание пути от Севастополиса до Боспора, границы вышеназванных политических образований уже сильно отличались от обстановки 30-х гг. того же столетия, когда писал Арриан (в этот промежуток времени распространились абазги на территорию от р. Псоу до Сухуми, занятую при Арриане санигами).

В IV—VI вв. апсилы были распространены к югу от района совр. Сухуми. Об этом говорят, например, сообщения Анонима и Прокопия Кесарийского о том, что Трахея (Н. Афон) находится на границе Абазгии и Апсильи, а также то место «Матиане Картлиса», где сказано о Сухуми (Цхуми) как апсильском городе. Принято считать (Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе,

М. Бердзенишвили, Н. Ломоури и др.), что под натиском лазов апсилы и абазги были отодвинуты на север, и не только политическая, но также этнографическая граница абхазов стала проходить где-то около Сухуми.

Некоторые исследователи (М. П. Инадзе и др.) причину указанного выше изменения этнической номенклатуры на восточном побережье Черного моря усматривают в усилении роли новых «княжеств», образовавшихся в результате распада Колхидского царства, их военно-политической экспансии, приведшей к значительным перемещениям населения, к захватам одними племенами земель соседних племен⁵⁴. По мнению же Г. А. Меликишвили, как указывалось выше, в эллинистическое время на территории современной Абхазии и прилегающих с северо-запада областях произошло слияние пришлых абхазо-адыгских горских племен с местным западногрузинским населением.

Пределы распространения апсидов, по-видимому, менялись, чем и объясняются неясности и противоречивые показания источников по этому вопросу.

Ссылаясь на Прокопия Кесарийского, З. В. Анчабадзе считает, что в VI в. южная этническая граница Апсидии проходила по р. Галидзга⁵⁵. На мой взгляд, автор, следуя М. Иващенко, не совсем, быть может, правильно толкует приводимую им цитату из Прокопия. Что же говорит нам эта цитата? Она говорит, что Риони (Фазис) — пограничная между Азией и Европой река — впадает в конечную часть Черного моря на краях залива — полумесяца, причем на одной стороне берега этой реки находится город Петра (совр. Цихисдзири), а на противоположной, т. е. европейской стороне — область апсидов. Из описания вытекает, что именно бассейн Фазиса является, по Прокопию, границей между Азией и Европой. Это вполне естественно и логично, ибо иначе трудно допустить, чтобы глубину самой пограничной полосы он определял в 100 км, т. е. чтобы вся территория между Риони и Галидзга представлялась бы Прокопию пограничной областью между указанными частями света. Но если правильно, что, по Прокопию, р. Риони и есть граница между Азией и Европой,

⁵⁴ М. П. Инадзе. Указ. соч., стр. 17—18.

⁵⁵ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 6—7.

то южная граница апсиров — целиком «европейских» жителей — проходила не по Галидзге, а недалеко от правого берега р. Риони (Фазиса).

З. В. Анчабадзе неоднократно подчеркивает, что южная этническая и политическая граница Абхазии проходила по р. Кодору (например, для большей части XVII в.). Говоря о территории междуречья Кодор — Ингури, на основании сообщений разных писателей, прежде всего Арк. Ламберти, автор утверждает, что только с «конца XVII в. здесь появилось постоянное абхазское население»⁵⁶. Имеется, однако, один серьезный источник, который свидетельствует о том, что и территорию значительно южнее Кодорского бассейна населяли также и абхазы. Этот источник — топонимика. Такие абхазские названия современной южной Абхазии, как Апсха идзихь (Ап̄сха изыхь), то есть «Источник царя Абхазии» и Ачигвара (А̄егуара), то есть «Конная ограда», не говоря о множестве других древних абхазских микротопонимических фактах и сплошных абхазских наименованиях горных местностей вплоть до р. Ингури, свидетельствуют о том, что абхазы населяли указанную часть страны задолго до второй половины XVII в., еще в эпоху Абхазского царства и значительно раньше.

Подводя итоги той части своей книги, которая посвящена этно-политическим образованиям Абхазии в первой половине VI в., З. В. Анчабадзе рисует следующую картину географического положения абхазских племен этого времени: «юго-западную (? — Ш. И.) приморскую часть современной Абхазии (приблизительно до р. Галидзги) населяли лазы; к северу и северо-востоку от них (до Цебельды) проживали апсилы; юго-восточную, нагорную часть Абхазии занимали мисимияне; к северо-западу от Апсилии, от побережья до Кавказского хребта, вплоть до р. Бзыбь жили абазги; к северо-западу от последних, на территории нынешнего Гагрского района — саниги»⁵⁷. Апсилы — одно из основных приморских абхазских племен — помещаются автором «к северу и северо-востоку от лазов (до Цебельды)». Он хотел, видимо, сказать к северо-западу от лазов. Иначе

⁵⁶ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 295, 297.

⁵⁷ Там же, стр. 16.

получается, будто бы апсилы населяли только узкую горную полосу от Цебельды и до верховьев Ингура, что, разумеется, неправильно.

Как мы видели, в летописи «Жизнь Грузии» (свод царцы Анны, XV в.) говорится о Сухуми как о «городе Абхазии и Апсильи» (ქალაქი აფხაზეთისა და აფსილეთისა ცუჴბი). З. В. Анчабадзе считает, что в данном случае под «Абхазией» разумеется вся Абхазия в целом, включая и Абазгию и Апсилью. Если бы, однако, в приведенной фразе под «Абхазией» понимался весь край, с включением и «Апсильи», то незачем было бы автору летописи упоминать вообще Апсилью, называть рядом их и противопоставлять Апсилью и Абхазию. Поэтому указанное место источника правильное, может быть, понимать в прямом смысле, то есть в том смысле, что летописец называет Сухуми общим городом Абазгии и Апсильи, то есть «всеабхазским» городом. Это в точности соответствует и географическому положению самого города.

2. Этническая характеристика

Еще с эпохи развитой бронзы существование племенной организации на Кавказе являлось уже историческим фактом. А там, где мы имеем ранний расцвет племенного строя, можно ожидать и раннее обособление этнических групп, о чем нередко свидетельствуют локальные археологические культуры. Этническая и, тем более, языковая однородность населения Закавказья, вопреки утверждению отдельных авторов, была пройденным этапом задолго до середины I тыс. до н. э.

По-видимому, одной из древнейших частей племенной структуры абхазов являются апсилы. Апсилы, крепость Апсар античных авторов, герой аргонавтики Апсирт — легендарный сын колхидского царя, апшеги армянской географии VII в., этническое название апсары, Апшилети древнегрузинских источников, самоназвание абхазов апсуа, вероятно, восходят к одному и тому же племенному названию «апс» (абс), получившему в различных языках разное суффиксальное оформление: «уа», «ги» в абхазско-адыгских, «ар» в мегрело-чанском языке и др. Если все названия на или (ели) грузинского

происхождения, как склонны думать некоторые авторы, тогда к грузинским племенам пришлось бы отнести такие этнические группы, как стафилы⁵⁸, валлы (валы)⁵⁹, осилы⁶⁰, апсилы⁶¹, виктуалы⁶², идактилы⁶³ и многие другие. Дело в основе названия, а не в суффиксальном оформлении, которое, естественно, бывает разным в разных языковых средах. А вместе с тем, по сообщению хеттолога В. Г. Ардзинба, «апсил» может быть сопоставлен с хеттскими названиями с суффиксом происхождения «ил», например, нерикил — «тот, который из города Нерик» (ср. абх. род Таркил). Апсил — древнейшее (после абешла и Апсирт) абхазское слово, закрепленное в письменных документах почти две тысячи лет тому назад.

Существует мнение, что эпонимом абхазов (апсиров) является Апсирт⁶⁴ — один из главных героев мифа об аргонавтах, сын колхидского царя Аэта, имя которого впервые было засвидетельствовано Софоклом и Ферекидом в V веке до н. э. Имя Апсирт, по А. П. Ельницкому, «являлось, быть может, и в действительности местным, кавказским по происхождению, поскольку в других версиях имя этого персонажа засвидетельствовано как Фазтон или Агиалей. Имя Апсирт сопоставляется с наименованием важного торгового пункта и гавани Апсар., которое уже древними толкователями производилось от имени Апсирт»⁶⁵. Возможно, что в имени Апсирт первая часть (апс) является племенным названием, р — абхазским показателем множественности, а последняя частица -т — абхазским локативным суффиксом (ты). В таком случае слово Апсирт первоначально обозначало буквально «место обитания апсов» (ср. Апсирт и с именем апсильского и лазского князя Опсита).

При всем том отсутствие какого бы то ни было предания или другого указания, кроме сходства имен, об эпонимом происхождения названия «апсуа» заставляет

58 ВДИ, 1947, XXII, стр. 289.

59 ВДИ, 1948, XXIV, стр. 248, 1949, XXVIII, стр. 299.

60 Там же, стр. 237.

61 Там же, стр. 230.

62 ВДИ, 1949, XXIX, стр. 257.

63 ВДИ, 1948, XXIV, стр. 281.

64 З. В. Анчабадзе. Страницы истории Абхазии. См. в кн.: «50 лет Советской Абхазии». Сухуми, 1971, стр. 9.

65 А. П. Ельницкий. Указ. соч., стр. 14.

с осторожностью относиться к этой гипотезе. Причем аналогичное имя пользовалось почетом и в верхах лазского общества. Царь лазов носил имя Опсит, он был, видимо, братом царя Цате I, дядей царя Губаза.

Каково бы ни было первоначальное происхождение основы *пс-* совершенно ясно, что в названиях апсилы (апшилы, абшилы, афшилы), апсар и Апшилети представлял один и тот же корень (*пс-*, *пш-*), являющийся одним из древнейших словообразовательных элементов абхазского языка, причем племенное название «апсилы» в форме «абешла» встречается и за пределами Кавказа.

Существуют разные мнения по вопросу о происхождении и этнической природе апсиров. Исследователи, которые занимались выяснением этого вопроса, могут быть подразделены в основном на три группы: сторонников абхазской, картвельской и северо-кавказской (адыгской) этнической принадлежности апсиров.

Древнеабхазским племя апсиров признают авторы «Очерков истории Абхазской АССР», вышедших под редакцией Г. А. Дзидзария⁶⁶, З. В. Анчабадзе в книге «История и культура древней Абхазии» и других своих работах⁶⁷, автор этих строк⁶⁸ и другие этнографы, историки, археологи, филологи (М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев, Х. С. Бгажба и др.). С. Н. Джанашиа, хотя и осторожно, но в целом; судя по контексту соответствующих его трудов, также относил апсиров, как и абазгов, к абхазским племенам и связывал историю возникновения Абхазского царства в конце VIII в. непосредственно с историей их (апсиров и абазгов) «раннефеодальных» княжеств⁶⁹. В книге И. М. Дьяконова «Предыстория армянского народа», а также в энциклопедической статье «Абхазы», написанной Я. С. Смирновой, абазги и апсилы, как и абешла ассирийских источников XI в. до н. э., определяются как предки современных абхазов и древ-

---

⁶⁶ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I. Сухуми, 1960, стр. 34—36 и сл.

⁶⁷ З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, стр. 123 и др.

⁶⁸ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, стр. 93 сл.

⁶⁹ С. Н. Джанашиа. Труды. Т. II. Тбилиси, 1952, стр. 306, 322, 341 и др.

нейшие обитатели Черноморского побережья Кавказа⁷⁰.

Но вместе с тем в историко-этнографической и прочей литературе, главным образом грузинской, встречаются высказывания, отрицающие или ставящие под сомнение абхазское происхождение апсильов (а иногда и абазгов), которые сторонниками этой точки зрения объявляются одним из древних западногрузинских племен.

Так, С. Г. Каухчишвили, комментируя сообщения анонимного автора V в. о племенах Юго-Восточного и Восточного Причерноморья (гениохи, махелоны, бизеры, зидриты, колхи, лазы, дрилы, апсилы, абазги, саниги, тибарены, саники, зихи-джики, кораксы, меланхлены, ахайи, керкеты, тореты, евдусианы, синды, мосиники, макроны), объявляет все эти племена (за исключением разве торетов и евдусианов) грузинскими, в том числе также апсильов, абазгов и санигов. Он не соглашается с З. В. Анчабадзе, который в своей «Истории и культуре древней Абхазии» отрицает грузинское происхождение абазгов, гениохов и санигов. Суффиксы **-ги**, **-ки**, **-хи**, присутствующие в некоторых из приведенных этнонимов (абаз-ги, сани-ки, зи-хи), автор считает принадлежностью только грузинского языка, и на этом основании он пишет: «Ведь несомненно, что Таохоі относится к грузинским племенам, и это племенное название такого же образования, как и остальные (Невиохи, Колхоі, Авзхоі и др.). Поэтому нет никаких оснований для поисков происхождения этих племен вне пределов грузинского этнического окружения. Достойно сожаления, что книга З. Анчабадзе, в других отношениях интересная для чтения, содержит такой существенный (основной) недостаток»⁷¹.

К. И. Бердзенишвили, ссылаясь на П. Ингороква, мимоходом, как само собой разумеющееся, отмечает, что в области средней Абхазии, на территории исторической Цебельды (правобережье среднего течения р. Кодор) в позднеантичную эпоху (I—V вв.) проживало два древнегрузинских племени: корахи (кораксы), отождествляемые с колхами, и абсилы (абшилы), что последнее этническое название языческих наследников древнегру-

⁷⁰ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. стр. 120 и др.; СИЭ, т. I. М., 1961, стр. 59.

⁷¹ С. Г. Каухчишвили. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. II. Тбилиси, 1965, стр. 28.

зинского населения района Цебельды и ее окрестностей (абсилы — бас-ил-ы) тотемического происхождения и связано будто бы оно с грузинским наименованием хлеба (босели)⁷².

По мнению М. П. Инадзе, все или почти все племена, упоминаемые в «Перипле» Арриана, — и смешавшиеся с колхами геннохи, и лазы, и апсилы, и абазги, и саниги — принадлежали к колхскому этническому конгломерату, являлись картвельскими (главным образом, лазско-чанскими) племенами. Автор утверждает, в частности, что не только апсилы, но и абазги «происходят из центральных районов Колхиды и связаны по своему происхождению с проживавшими здесь грузинскими племенами», что «княжества апсиров и абазгов возникли на территории Колхиды в результате распада последнего на отдельные княжества»⁷³.

Более сложными представляются Г. А. Меликишвили запутанные страницы этнической истории кавказского Причерноморья. В разных работах, особенно в своей обширной монографии «К истории древней Грузии» он не мало пишет об апсилах, абазгах и других племенах исторической Абхазии. Но не всегда этническая характеристика этих племен отличается достаточной ясностью и четкостью. В целом он склоняется к тому, что апсилы, как и абазги, принадлежат к абхазо-адыгскому этническому миру. Правда, редко и не совсем уверенно он отмечает, что апсилы и абазги этнически относятся к собственно абхазским племенам, хотя и не отрицает, что с первых веков н. э. они жили на территории совр. Абхазии. Племенное название «апсилы» («апшилы»), встречаемое у античных авторов, Г. А. Меликишвили, в отличие от некоторых своих коллег, непосредственно связывает с самоназванием абхазов (абс-уа)⁷⁴. Но из этого он не всегда делает соответствующие этногенетические выводы, а, напротив, в других местах этой и других работ прибегает к таким осторожным формулировкам, которые иной раз ставят под сомнение его же

⁷² К. И. Бердзенишвили. Позднеантичная керамика из Цебельды. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», II. Тбилиси, 1959, стр. 106—108 (русское резюме).

⁷³ М. П. Инадзе. К истории Грузии античного периода. (Фл. Арриан и его сведения о Грузии). Тбилиси, 1953, стр. 18, 20.

⁷⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 168.

предыдущие утверждения. «Племя апшилов, засвидетельствованное на территории Абхазии уже в античное время, возможно, являлось племенем абхазо-адыгского происхождения», — пишет он, ссылаясь при этом и на попытку Томашека дать этимологию названия «апсилы» на основе материалов абхазо-адыгских языков⁷⁵. Но при этом тут же добавляет, что «имеется и грузинская фамилия Апшилава»⁷⁶ (эта фамилия, представители которой — абхазы — живут и сейчас в Абхазии, генетически связана с апсилами). Г. А. Меликишвили, сильно сомневаясь и в отношении древнейшей аборигенности апсилов в Абхазии, больше склонен думать, что они в составе других горцев вторглись сюда с севера, но не по Военно-грузинской дороге, как в свое время предполагал Кисслинг, а через горы Западного Кавказа и продвинулись далеко на юго-восток, к центральной Колхиде. Апсилы, абазги, саниги и др. до того, как они появляются в поле зрения истории, пишет он, «несомненно, находились в составе той грозной стихии, которая под названием джиков, ахейцев и гениохов, по сообщению Страбона, господствовали в Северной Колхиде и соседних областях»⁷⁷. Впоследствии, к середине I тысячелетия, выдвинувшиеся на юг апсилы и абазги были, по Г. Меликишвили, обратно оттеснены на север, за р. Кодор, до которой доходила этнографическая граница лазов⁷⁸.

Знакомые уже нам утверждения Г. А. Меликишвили о массовом вторжении горцев в Закавказье не согласуются с его же тезисом о том, что «нет оснований предполагать проникновение крупных масс народа с севера на рубеже н. э.»⁷⁹, находятся в противоречии с его же общей концепцией процессов этногенеза на Кавказе, согласно которой в глубокой древности абхазо-адыго-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее⁸⁰. Возражая М. Кисслингу, Г. А. Меликишвили указывает:

⁷⁵ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 120, 168.

⁷⁶ Там же, стр. 168.

⁷⁷ Там же, стр. 365.

⁷⁸ Там же, стр. 371.

⁷⁹ Там же, стр. 66.

⁸⁰ Там же, стр. 120.

«Однако, у нас нет никаких оснований постулировать движение апсилов и абазгов по Военно-грузинской дороге; если оно и имело место (в этом у нас нет полной уверенности), то оно шло скорее в том же направлении, в каком происходило проникновение джиков»⁸¹. Характерна оговорка, сделанная автором в этой цитате: «Если оно и имело место (в этом у нас нет полной уверенности)».

В коллективной «Истории Грузии», в главе II, написанной Г. А. Меликишвили, говорится о том, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. основное ядро населения Северного Кавказа составляли североиранские (кимвро-скифские) и другие родственные грузинам племена — предки современных абхазо-адыгских и дагестанских народов⁸². (Апсилы как северокавказское племя выступают и в другой работе Г. А. Меликишвили — «Наири-Урарту». Название этого племени, апсилы, как пишет он там, «весьма близко стоит к названию «абешла», встречающемуся в ассирийских источниках в качестве варианта названия «кашка»). Следовательно, по мнению авторов указанного учебного пособия, апсилы не грузины, а близкие к ним жители Северного Кавказа, до I тысячелетия до н. э. включительно не имевшие отношения к собственно Абхазии. Древнейшими абorigенами последней называются (или подразумеваются) только колхские, то есть западногрузинские племена.

Если говорить о научно-популярной литературе, то в целом ряде изданий (справочного характера и др.) коренными, абorigенными жителями Абхазии называются грузинские племена или, изредка, грузинские наряду с абхазскими⁸³.

Таким образом, в историографии Абхазии по вопросам этногенеза сталкиваются теории одного (абхазы или грузины) и двух абorigенов (абхазы и грузины) (последней точки зрения придерживался, например, проф. Г. Соселия), миграционная теория и автохтонизм, а также «средняя» между ними — миграционно-автохтон-

⁸¹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 88—89.

⁸² Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхиа, П. Ратиани. История Грузии. Кн. I. С древнейших времен до конца XIX в. Тбилиси, 1958, стр. 19 и сл. (на груз. языке).

⁸³ См., например, «Народное хозяйство Абхазской АССР». Тбилиси, 1967, стр. 6; буклет «Бичвинта». Тбилиси, 1969, стр. 1 и др.

ная теория, которые нашли свое отражение и в области изучения этнокультурной природы и территориального распространения древних племен Абхазии.

Что касается конкретно апсиллов, то, безусловно, правы те ученые, которые, говоря словами Г. А. Меликишвили, рассматривают их как «одно из абхазо-адыгейских племен»⁸⁴, точнее как один из основных компонентов древнеабхазского этноса, что вытекает также из всего содержания настоящей работы.

3. Апсилы и мисимияне

Если не считать абазгов и лазов, то ближайшим к апсилам горским племенем являлись мисимияне и сваны, обитавшие в верховьях Кодора и Ингури. На мисимиянах следует остановиться несколько подробнее, потому что они являлись ближайшим к апсилам племенем, а, быть может, даже в известном смысле частью апсильской этнической группы.

Мисимияне занимали всю территорию верховьев реки Кодор, а, возможно, и прилегающие земли за Кавказским хребтом. «Живут же они, — пишет Агафий, — севернее народа апсиллов и несколько восточнее»⁸⁵. В другом месте он говорит, что укрепление Тибелии (очевидно, Цибилей — Цебельда) отделяло страну мисимиян от апсиллов⁸⁶. Прокопий Кесарийский пишет, что в Апсилье есть крепость «в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибиллой (Тсибиллой)»⁸⁷. На севере от мисимиян, за Главным Кавказским хребтом жили аланы, а на востоке соседнили с ними сваны.

Мисимияне являлись подданными царя колхов, как и апсилы, но язык у них и нравы были разные с колхами (т. е. лазами)⁸⁸. Когда византийский отряд, напав внезапно ночью на укрепленное поселение, поджег жилища мисимийцев, «пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народе апсильцев» — на-

⁸⁴ Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточномалоазийской этнонимии. ВДИ, 1962, 1, стр. 62.

⁸⁵ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 87.

⁸⁶ Там же, стр. 118.

⁸⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 403, 432.

⁸⁸ Агафий. Указ. соч., стр. 87.

столько близко жили они друг от друга⁸⁹. Но мисимияне были не только непосредственными соседями апсиров, но и «близкими им по образу жизни».

В 555 году мисимияне восстали против византийцев⁹⁰. Византийский военачальник Сотерих прибыл к мисимиянам для очередной раздачи субсидий аланам и другим союзникам. На требование мисимиян перенести свое местопребывание в другое место он ответил тем, что приказал избить палками пришедших к нему посланцев местного населения. Мстя за обиду, мисимияне в ту же ночь персбили вражеский отряд во главе с Сотерихом, а сами вынуждены были перейти на сторону персов. Было очевидно, что византийцы не могут примириться с отпадением мисимиян. Поэтому последние, стремясь обезопасить себя, обратились за защитой к персам. Представители мисимиян, имевшие у них «наибольшую власть», отправились в Иверию, к персидскому военачальнику Нахогарану, предложили ему свой союз в борьбе с византийцами и просили: «не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо, — продолжали посланцы мисимиян, — вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытни и, по заключении с вами союза, будем

---

⁸⁹ Агафий. Указ. соч., стр. 119, 122.

⁹⁰ В середине VI в. по всей Абхазии прокатилась мощная волна возмущения против византийского и персидского господства. Одной из ярких страниц этой мужественной борьбы абхазских племен является восстание и в Аpsилии против персидских завоевателей, имевшее место в начале второй половины VI в. По сообщению современника событий Прокопия Кесарийского, в стране апсиров, явившихся подданными лазов, была неприступная крепость Тзибила. Знатный лаз Тердет, поссорившись со своим царем Губазом, вошел в тайное соглашение с персами, что передаст им названное укрепление. С этой целью он, пользуясь доверием апсиров, ввел в Тзибилу персидское войско, которое замышляло захват «не только Лазики, но и Аpsилии». У местного начальника крепости была красивая жена, к которой предводитель персидского войска применил грубое насилие. Разгневанный муж убил наглого перса и всех тех, которые вошли с ним в укрепление, и сам вновь завладел Тзибиллой, причем апсилы отпали от лазов, упрекая их в нежелании оказать им помощь, когда они подвергались насилию со стороны персов. Тогда Губаз послал к ним тысячу римлян под командованием Иоанна, которому удалось привлечь апсиров на свою сторону без кровопролития и вновь сделать их подданными лазов. (Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 403).

сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, — безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов»⁹¹.

Персы, которые являлись соперниками византийцев в борьбе за Абхазию, не преминули воспользоваться представившимся случаем и, обещая мисимиянам помощь, ввели свои войска на их территорию. Одни завоеватели сменились другими.

О могуществе мисимиян и трудности завоевания их страны свидетельствует тот факт, что весной 556 года для их покорения были двинуты византийцами через территорию апсиллов около четырех тысяч отборной пехоты и конницы, «среди которых были и мужи, пользующиеся величайшей известностью»⁹². Кроме того, у мисимиян, живших в недоступных горах, было много укреплений. Среди них наиболее мощным считалось укрепление, которое «с древних времен называется Тцахар; называют его железным за его неприступность и крепость»⁹³.

И все же силы были слишком неравные, а персидские «союзники» покинули их в самое опасное время. В результате византийские войска, с звериной яростью подавляя восстание мисимиян, истребили большую часть этого племени, причем не щадили даже детей: одних сбрасывали со скал, других поднимали на копья.

Из того же описания Агафия видно, что мисимияне строили жилища из дерева и соломы⁹⁴ и часто окружали их стеной⁹⁵, занимались возделыванием полей⁹⁶, на вооружении у них были мечи⁹⁷, но в случае нападения на их поселения, находившиеся в скалистых местах, они также оборонялись, сбрасывая на неприятеля огромные камни, причем ночью женщины выходили с зажженными факелами в руках⁹⁸. Как сказано, у них было много

---

91 Агафий. Указ. соч., стр. 115.

92 Там же, стр. 116.

93 Там же, стр. 119.

94 Там же, стр. 122.

95 Там же, стр. 120.

96 Там же, стр. 124.

97 Там же, стр. 121.

98 Там же, стр. 122.

крепостных стен со рвами⁹⁹. Интересно, что мисимияне во время наступательных военных операций прикрывались особым, по-видимому, деревянным приспособлением, которое Агафий называет «черепашей»¹⁰⁰.

Если верить словам Агафия, сочинение которого является важнейшим источником по истории мисимиян, то во время жестокого поражения в битве с византийцами погибло не менее пяти тысяч мужчин и в два раза больше женщин и детей, «так что немного не достаёт, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен»¹⁰¹. Исходя из этих указаний, можно предполагать, что общее количество всех мисимиян могло превышать 20 000 человек. Мисимияне уже во времена Агафия были с давних пор «одной с римлянами религии», т. е. христианами¹⁰².

Агафий, описывая бесчинства византийской администрации в Лазике, критикует «великого» Юстиниана за спекуляцию, возмущается жестокостью византийских войск, потопивших в крови мисимианских женщин и детей, доброжелательно лишет о мужестве и высокой культуре местного населения¹⁰³.

По вопросу об этнической принадлежности мисимиян также существуют разные точки зрения. В. Пфаф, например, склонен был видеть в них осетин. С. Н. Джанашиа предпочитал более осторожную характеристику мисимиян как особого племени со своим языком и обычаями. Некоторые же другие исследователи — С. Г. Каухчишвили, а вслед за ним Г. А. Меликишвили и др. — мисимиян идентифицируют со сванами, основываясь, главным образом, на созвучии названия «мисимияне» и самоназвания сванов «мушвен».

С. Г. Каухчишвили, отвечая на вопрос об этнической принадлежности мисимиян, устанавливает разные формы написания названия этого племени у Агафия и Меландра и их позднейших толкователей. В итоге он приходит к выводу (на основе малоубедительного лингвистического анализа), что мисимияне — это одно из сван-

⁹⁹ Агафий. Указ. соч., стр. 123.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, стр. 124.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ З. В. Удальцова. Мирозрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского. «Византийский временник», XXIX. М., 1968, стр. 157, 160, 168.

ских племен, занимавшее, как он пишет; «современную провинцию Дал», причем, по мнению автора, даже в XX в. существовали различные сванские племена, о чем будто бы свидетельствует существование «Свободной Сванетии», «Дадешкелиановской Сванетии», «Верхней Сванетии», «Нижней Сванетии»¹⁰⁴.

Г. А. Меликишвили также пишет, что мисимияне — сванское объединение, одно из сванских племен¹⁰⁵. Вместе с тем, не привлекая абхазских языковых и иных данных для объяснения названия Цебельды, по-абхазски Цабал (Цабал), название крепости «Цибела» византийских источников автором связывается теперь уже не со сванским, а с грузинским словом «ципели» — бук, хотя не совсем понятно, почему каменное крепостное сооружение стали бы называть буком¹⁰⁶.

Вместо этого, вероятно, случайного созвучия, мне представляется более правдоподобным выводить название Цабал — Тзибила от абхазского (точнее абазинского) родоплеменного имени вымерших Цыблы, представители которого были, возможно, аборигенами Цебельды, оставившими свое название этому подрайону. У абхазов встречалось и личное мужское имя в форме Цибла (Цыбла), а, кроме того, вальдшнеп по-абхазски именуется «ацыблык».

Вряд ли можно считать, что категорическое отождествление мисимиян и сванов имеет достаточно убедительное научное обоснование. Имеется гораздо больше оснований для того, чтобы утверждать, что в лице мисимиян мы имеем не сванское, а одно из горных абхазских племен, которые издавна и вплоть до середины XIX в. населяли эту территорию, хранящую многочисленные следы их древней материнской и духовной культуры.

Сваны же, как особое самостоятельное племя и под этим же названием, а не каким-нибудь другим, хорошо известны по античным, византийским и другим источникам, которые и локализуют их одинаково в основном

---

¹⁰⁴ С. Каухчишвили. Племя мисимиян. «Труды» Тбилисского государственного университета, 1936, 1, стр. 279—280 (на груз. яз.).

¹⁰⁵ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 65, 100, 384 и др.

¹⁰⁶ Там же, стр. 90.

в местах их нынешнего обитания. Так, например, термин «сваны» мы находим в качестве племенного названия у Страбона («соаны») и у того же Агафия. Возникает вопрос, почему бы Агафий стал именовать хорошо знакомых ему сванов в одном и том же сочинении двумя названиями — одну часть общепринятым в литературе именем «сваны», а другую — по самоназванию племени «мушвен», откуда будто бы происходит «мисимияне». А что касается внутреннего племенного, а не территориального деления сванов, то источники об этом хранят полное молчание.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные сообщения свидетельствуют не только о том, что мисимияне, живя в верховьях р. Кодор, являлись непосредственными соседями абхазского племени апсиллов, но и о том, что этнически были близки к ним. Так, Максим Исповедник (VII в.) упоминает укрепление Фустас, пограничное с Апсалией и Месимиамой, а по Менандру Мисиминия граничила со Сванетией. По описанию Феофана Византийского посольства Льва Исавра, путь этого посла в Аланию в 703 г. пролегал через Абхазию, причем никакие другие промежуточные области или же племена на этом пути не упоминаются. Иными словами, аланы и абхазы жили в непосредственном соседстве друг с другом, без иноплеменного населения между ними.

В VI в. византийский чиновник Земарк шел из Алании в Византию через территорию Абазгии и Апсалии «Даринским путем», оставив «Мисимийский путь» слева, чтобы не попасть в плен к персам, войска которых находились в то время в соседней Сванетии. Оставляя в стороне вопрос о том, где именно проходил «Даринский путь» — через Марухский перевал и ущелье р. Амткел, как думает З. В. Анчабадзе, или через Санчара — Псху — Гумиста — Сухуми, надо отметить, что персы, находясь в соседней Сванетии, действительно могли контролировать и «Мисимийский путь». Речь идет, очевидно, о соседней (по отношению к «Мисимийскому пути») Сванетии, а следовательно в районе трассы самого пути не должно было быть ни сванов, ни собственно Сванетии.

Наиболее веские доказательства ближайшего этнического родства мисимиян с апсилами содержатся в со-

чинения того же Агафия. По его описанию, византийцы для переговоров с восставшими мисимиянами послали представителей апсилон. Почему именно апсилон? Очевидно, потому, что апсилон были родственны мисимиянам и особенно не отличались от них по языку и обычаям. Соответствующий контекст сочинения Агафия, как мне кажется, указывает на то, что мисимияне и апсилон говорили на общем языке и в общении между собой не нуждались в переводчиках, чего нельзя сказать как в отношении сванов к апсилам, так и мисимиян с апсилами к колхам (лазам). Ожесточившиеся мисимияне убили апсилонских посланцев, пришедших к ним по велению византийских угнетателей, и это вызвало возмущение византийцев: какие, мол, мисимияне варвары — убивают людей, столь близких им «по образу жизни». Агафий, подчеркивая отличия мисимиян от лазов, — «язык у них разный, также как и нравы»¹⁰⁷, — ничего подобного не говорит относительно этнических взаимоотношений между мисимиянами и апсилами, считая их, очевидно, по существу одним народом.

Черты хозяйства и материальной культуры также говорят об единстве мисимиян с другими абхазскими племенами. В этой связи обращает на себя внимание характер жилищной архитектуры мисимиян. По словам Агафия, они проводили свою жизнь в жилищах из дерева и соломы, как и абазги, дома которых кратко описаны Проконием Кесарийским. Сваны же, как известно, издавна строят большие массивные каменные дома с высокими боевыми башнями, но обо всем этом ни единым словом не упоминается в описании мисимиян Агафием.

Наконец, археологические раскопки и разыскания, проведенные в ущелье р. Кодор и давшие богатый материал, также подтверждают, что население верховьев Кодора первой половины I тысячелетия н. э., как и последующих веков, жило в основном одной хозяйственной и культурной жизнью с другими абхазскими племенами — апсилами, абазгами и др.

У нас нет также никаких логических аргументов в пользу того, что мисимияне — сваны, занимавшие до VI в. ущелье Кодора, были потом вытеснены из этих

---

¹⁰⁷ Агафий. Указ. соч., стр. 87.

мест или ассимилированы абхазами — позднейшим будто бы населением этого края. Мисимияне представляли собой многочисленное и необычно воинственное племя. Опираясь на мощные укрепления в неприступных горах, они противостояли войскам Византийской империи. И совершенно невероятно, чтобы такой значительный и сильный народ мог быть согнан с насиженных мест абхазами. Никто из сторонников вытеснения или ассимиляции мисимиян-сванов абхазами не отвечает на вопрос о том, когда и под влиянием каких причин происходили передвижения племен, приведшие к такой резкой смене населения — замене сванского населения абхазским? Во всяком случае, такое большое событие, как коренное изменение этнического состава населения, если бы таковое действительно имело место, должно было бы отразиться так или иначе в каких-нибудь письменных, а также сванских или абхазских фольклорных и языковых памятниках. Но последние хранят полное молчание о такого рода перемене населения на указанной территории.

Все это, мне кажется, позволяет думать, что здесь не происходило каких-либо заметных изменений в этническом составе. Население, которое здесь находилось вплоть до XIX в., было и оставалось абхазским.

Вместе с тем, есть некоторые основания предполагать, что в лице мисимиян мы имеем известную абхазскую родоплеменную группу Маршанов (по-абхазски Маршьан). Не исключено, что в основе этнического названия мисимиян лежит искаженное название этого племени (по своему звуковому составу «Маршьан» не намного отстоит дальше от названия «мисимиян», чем «мушвен»). Хорошо известно, что издревле и вплоть до середины XIX в. весь район верховьев р. Кодор до самого хребта был занят исключительно воинственным абхазским племенем (с особым цебельдинским говором) во главе с многочисленным родом Маршан. Маршаны господствовали не только в Дале и Цебельде, но и в Медовее и некоторых других горных обществах (среди абазин известны под именем Марчан). Шапсугские старики приписывают и убыхам дворянский род Мершье или Мершьенэ¹⁰⁸. Во всех источниках подчеркивается

¹⁰⁸ Л. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию... «Сов. этнография», 4—5, 1936, стр. 130.

многочисленность, воинственность и независимость Маршанов. Такой знаток Абхазии первой половины XIX в., как Ф. Ф. Торнау, писал: «Цебельдинский округ... состоит из одной фамилии Маршаниев, чрезвычайно многочисленной, члены которой правят каждый своим участком... Никогда не повиновались в полном смысле слова владетелю»¹⁰⁹.

У абхазов сохранились предания, согласно которым Маршаны являлись первыми князьями Абхазии по своей неукротимости и рыцарскому образу жизни. Согласно этим преданиям, именно Маршаны представлялись подлинно абхазскими князьями. «Фамилия Маршани считается природною абхазскою», — писала гр. Уварова. Следует также заметить, что мисимианское имя Туана, встречающееся в источниках, легко связывается с другим древним абхазским родовым именем — Туан-ба (Тэанба), представители которого и сейчас живут в разных местах Абхазии, а имя Хада — с абхазским Хада (Хада).

Вся древняя топонимика указанного района и смежных с ним земель точно также связана только с абхазскими аборигенами. «Горы принадлежали Маршанам», — гласят предания. Под именем «Абхазских гор» (Аџсуа шьхакуа) известны были именно те горы, которые расположены у верховьев Кодора. Название горы Марьху объясняется как «гора Маршанов». Гора с подобным же названием известна и в районе соседнего горного общества Псху (Маршьан-шьха). А название горы Мсыбыста в верхнем течении Кодора близко к названию племени мисимиян. Представляет немалый интерес и наличие у абазин патронимического названия Мыслбай. Х. С. Бгажба устанавливает существование в прошлом особого древнеабхазского племени Мыс (Мысраа)¹¹⁰. В связи с этим необходимо отметить и название одного из подразделений абазин-тапантовцев — клыч, что бесспорно связано с одноименной рекой верховьев Кодора (Клыч).

Что касается сванов, то в настоящее время признанным является своего рода «двуприродность» сванской этнической среды. В Сванетии отмечается, наряду с

¹⁰⁹ Ф. Ф. Торнау. Записки кавказского офицера. М., 1864, стр.

¹¹⁰ Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, стр. 268—269.

картвельским, значительный абхазо-черкесский элемент в этике, языке и культуре. При этом в специальной литературе обычно больше подчеркивается значение именно черкесского, а не абхазского элемента в языке, а также в этнографическом быту и традиционной идеологии сванов. «В сванском языке, — пишет А. С. Чикобава, — констатируется наличие, по меньшей мере, трех лингвистических слоев: один из них обнаруживает закономерные соответствия с грузинскими корнями или же совпадает с одним из слоев, фиксируемых в древнегрузинском литературном языке; другой слой восходит к мингрельскому и чанскому диалектам занского языка; третий — к абхазско-адыгейской группе языков»¹¹¹.

Ш. В. Дзидзигури, касаясь старого вопроса о смешанном характере сванского языка, вместе с тем справедливо выдвигает на передний план значение вопроса о характере компонентов сванского языка и их хронологической последовательности. «Весь вопрос лишь в том, — подчеркивает он, — каковы компоненты, участвовавшие в образовании сванского языка, когда, в какой последовательности они насаивались в языке, известном под именем сванского»¹¹². По мнению Ш. В. Дзидзигури, «сванский язык не представляет самостоятельного лингвистического образования в составе картвельских языков: он порождение сложного исторического процесса скрещивания картвельских и абхазо-адыгейских диалектов»¹¹³.

В сванском языке наличествует в основном два лингвистических слоя. Первый слой — это слой картвельских языков (грузино-мегрело-чанский), а второй слой восходит к абхазо-адыгской группе языков. Но абхазо-адыгская группа состоит из нескольких языков: абхазского с абазинским, убыхского, адыгейского с его диалектами и кабардино-черкесского. Трудно вообразить, чтобы во втором слое, вскрываемом при анализе сванского, в одинаковой степени были бы представлены одновременно элементы и абхазского, и адыгских языков или же древнейшие пережитки, восходящие к об-

¹¹¹ Арн. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

¹¹² Ш. В. Дзидзигури. Грузинский язык. Краткий обзор. Тбилиси, 1968, стр. 34.

¹¹³ Там же.

зему праязыку этих народов. Скорее всего то, что называется абхазо-черкесским элементом в сванском языке является, по всей вероятности, или абхазским, или же черкесским (адыгским), а не смешанным, аморфным абхазо-черкесским. Но какое же из этих решений может быть правильным?

Окончательное решение этого вопроса зависит от дальнейших специальных исследований, и здесь мы позволим себе высказать лишь некоторые свои предварительные соображения.

Если в каком-нибудь языке действительно представлен другой иноязычный элемент в виде целого слоя, то это может быть объяснено, как правило, только двумя основными причинами. Иноязычный слой в языке бывает связан или с соответствующими субстратными явлениями, или же с непосредственными и долговременными интенсивнейшими контактами между носителями данных языков. Но можем ли мы сейчас безошибочно утверждать, что на сванской почве мы имеем именно субстрат и именно собственно «черкесского» (адыгского) происхождения? Обратимся ко второму из указанных выше возможных решений — контактному. Простая логика подсказывает, что длительные непосредственные контакты возможны только между народами, постоянно живущими на смежных территориях, не оторванных друг от друга какими-нибудь непреодолимыми естественными преградами.

Сваны живут в своей зажатой между гор стране Сванетии, находящейся у самого южного подножия Главного Кавказского хребта, в верховьях р. Ингури, уже в течение не одного тысячелетия. В глубине этих закавказских вершин они упоминаются в сочинениях ряда античных авторов.

Из народов абхазо-адыгской группы со сванами в настоящее время граничат абхазы на западе и кабардинцы на севере. Кабардинцы живут на Сев. Кавказе, в Кабардино-Балкарской АССР, причем тюркоязычные балкарцы, которые образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными группами, живут главным образом в южной и юго-западной частях Кабардино-Балкарии, то есть ближе всего к сванам. Что же касается кабардинцев, этногенез которых неразрывно связан с этногенезом дру-

гих адыгов, то они первоначально, вместе с другими адыгскими племенами, жили вдали от их современных мест обитания, в западной части Кавказа, на Кубани и в Причерноморье, а продвинулись же на восток, в бассейн р. Терек, где они находятся теперь, не ранее XIII—XIV вв., частично вытеснив или ассимилировав местное население — потомков ираноязычных алан. «Черкесский» же слой сванского языка датируется несравненно более древним временем, чем XIII—XIV вв. Иначе говоря, если исходить из исторического контекста, то получается, что черкесские племена, в том числе кабардинцы и их предки, в силу своей значительной географической удаленности от места обитания сванов, не могли вплоть до позднего средневековья иметь с последними никаких непосредственных контактов.

Если, таким образом, в древности за хребтом вблизи сванов не было никаких адыгов, то, следовательно, нам остается допустить лишь одно: то, что принято считать «черкесским», или «абхазо-черкесским» слоем в сванском языке на самом деле является не чем иным, как вкладом языка абхазов, точнее апсилов, которые в течение не одного тысячелетия живут со сванами бок о бок, в непосредственном ближайшем соседстве, в условиях многообразных интенсивнейших взаимосвязей и взаимовлияний.

Об особо близкой связи «скрещенного» сванского языка с абхазским много писал Н. Я. Марр¹¹⁴. Наличие значительного абхазского элемента и даже субстрата в сванском языке не выглядит чем-то непонятным или невероятным, имея в виду установленное специалистами-лингвистами (Н. Я. Марр, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе и др.) влияние в глубокой древности абхазского языка на грузинский язык, что наблюдается также и в отношении топонимики, материальной и духовной культуры. Древние абхазо-сванские языковые взаимоотношения не стоят изолированно, особняком. Они получают внушительное дополнение и подтверждение и в данных этнографии. Очень важная тема об абхазо-сванских этнографических параллелях все еще, к сожалению, остается не исследованной. Но то, что нам уже известно на сегодняшний день, дает все основания кон-

¹¹⁴ Н. Я. Марр. Из поездки в Сванетию. «Христианский Восток», т. II, вып. 1.

статировать поразительные совпадения, доходящие нередко до полного тождества.

Так, общими или даже почти идентичными являются такие, например, формы и отношения из области современной или исторической этнографии, как некоторые элементы обряда оплакивания, траурно-торжественный гимн под общим названием «зар» (абх. «азар»), жертвоприношение коня покойнику, поиски души умершего, бросание пули невесте как способ ее обручения, сходство обычая похищения невест и кровной мести до мельчайших подробностей и т. д. В сванском варианте грузинского эпоса об Амирани встречается имя древнего языческого божества Енча-Ненча¹¹⁵, которое легко может быть сопоставлено с именем главного бога абхазов Анца. В сванских фрагментарных вариантах нартского эпоса общими с абхазскими являются некоторые собственные имена: Сатанай (абх. Сатаней, Сатаниа-Гуашья), Сосруква (абх. Сасрыква), Хабиж, Хабджа (абх. Хабаджа), а, кроме того, часто говорится вообще об «абхазском нарте» и т. п.¹¹⁶

Таковы некоторые факты и соображения, заставляющие думать, что одним из древнейших компонентов «двуприродной» сванской этнической группы является, после картвельского, именно абхазский, а еще точнее апсильский этно-культурный элемент.

4. Об апсильской культуре

Хозяйственная жизнь апсильов, как и их непосредственных соседей позднеантичного времени, характеризуется широким развитием скотоводства (в основном мелкий рогатый скот и коровы), охоты, мотыжного и тяглого земледелия, виноградарства, ремесел (в особенности гончарного, металлургии, связанной прежде всего с производством разнообразного оружия). Немаловажное значение имели также торгово-экономические связи не только с прибрежными пунктами Абхазии, но

¹¹⁵ М. Я. Чиковани. Амираниани (грузинский эпос). Тбилиси, 1960, стр. 248, 299.

¹¹⁶ Ш. В. Дзидзури. Грузинские варианты нартского эпоса. (Исследования, тексты). Тбилиси, 1971, стр. 6.

и с Северным Кавказом. В социальном аспекте апсильское общество было уже довольно резко дифференцированным на бедных и богатых, а в религиозном отношении здесь были представлены как язычество (культ животных, священных деревьев и др.), так и неофициальное христианство¹¹⁷.

Существование резкого имущественного неравенства в апсильском обществе позднеантичного времени, выделение из него привилегированной знати подтверждаются как письменными историческими источниками (сообщения греко-римских авторов о работорговле, знати, царях и т. п.), так и археологическими материалами. Обнаруженная в устье р. Ингури археологическая находка конца I—начала II вв. н. э. — богатый набор золотых и серебряных вещей, — представляет собой, по мнению А. Амиранашвили-Болтуновой, остатки мужского погребения одного из таких царьков или князей¹¹⁸. Представляет большой интерес и найденная в 1888 году в устье р. Келасури сердоликовая III—IV вв. н. э. инталия в золотой оправе, с тремя поперудными изображениями (женщины, мужчины и юноши), с надписью греческими буквами, которую Г. Ф. Турчанинов пытался прочесть на древнеосетинском (аланском) языке. Ярко выраженный «варварский» характер ее исполнения¹¹⁹ дает основание предполагать, что эта гемма также принадлежала какому-нибудь местному князьку.

Апсильская позднеантичная культура изучалась в бассейне реки Кодор И. Г. Гзелишвили, К. И. Бердзенишвили, М. М. Трапш, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, Ю. Н. Вороновым и др. Раскопками М. М. Трапш и других археологов в Цебельде, главным образом в пос. Мрамба, находящемся в районе среднего правобережья р. Кодор, выявлено большое количество оригинальных материалов. Значительное количество однородных предметов было собрано краеведом В. Воротниковым в 50-х и 60-х годах и в с. Атара, расположенном на левой сто-

---

¹¹⁷ Г. К. Шамба. Ахаччараху — древний могильник нагорной Абхазии. Сукуми, 1970, стр. 69 сл.

¹¹⁸ А. Амиранашвили. Новая находка в низовьях р. Ингури. Тифлис, 1935, стр. 71.

¹¹⁹ Р. В. Кинжалов. Резной сердолик Государственного эрмитажа. В кн. «Исследование по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960, стр. 100.

роне р. Кодор, у выхода его на приморскую равнину. Материалы эти происходили из многочисленных разрушающихся могильников позднеантичного и раннесредневекового времени. В 1970—1971 годах раскопки этих могильников, произведенные М. М. Гунба, дали большой и ценный материал¹²⁰. Обнаруженные предметы как по составу, так и по форме относятся к той же цебельдинской культуре, названной так по месту своего первого обнаружения. Датируется эта культура I—V вв. н. э. (по Ю. Н. Воронову, II—VII вв.)¹²¹.

Цебельдинская культура имеет некоторые самобытные черты (в основном в керамике), не столь характерные для других районов Абхазии. Главнейшими признаками ее являются прежде всего чашеобразные венчики двуручных сосудов, глиняных кувшинчиков и амфор, серьги и фибулы, а также особенности некоторых предметов вооружения и набор женских и мужских украшений из бронзы, серебра и железа.

На основе проведенных исследований можно полагать, что границы цебельдинской археологической культуры простираются примерно от р. Келасури на северо-западе, доходя на юго-востоке до глубин Колхиды (археологические материалы, в том числе керамические изделия I—III вв. н. э. из Чхороцку, находят здесь свои аналогии). В то же время эта культура имеет глубокие местные корни, так как органически пресмысленно связана с культурами предшествующих эпох¹²².

Имеющиеся исторические источники (Арриан, Псевдо-Арриан, Агафий, Прокопий Кесарийский и др.) не оставляют сомнения в том, что в первой половине I тыс. на указанном пространстве и смежных территориях жили апсилы, мисимияне, абазги, саниги, то есть ближайшим образом родственные между собой абхазские племена. Апсилы, представлявшие собой сравнительно большой

¹²⁰ М. М. Гунба. Некоторые новые вопросы этнографии Абхазии. «Алашара», 4, 1971, стр. 95—96 (на абх. яз.).

¹²¹ Ю. Н. Воронов. Тайна цебельдинской долины. М., 1975, стр. 140, 143.

¹²² Н. В. Хоштария. Чхороцку — могильник с трупосожжением. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», II, 1941, стр. 71 и сл. М. М. Трапш. Труды, 3, 1971, стр. 138 и др.; Ю. Н. Воронов. Указ. соч., стр. 135, 136.

племенной союз, занимали вместе со своими ближайшими сородичами (мисимияне и др.) широкую территорию, включающую юго-восточную часть современной Абхазской АССР.

Составной частью цебельдинской культуры являлась и знаменитая мисимианская крепость Цахара (Тцахара), которая, по Агафию, была осаждена византийцами в 555 году. Вряд ли, однако, соответствует действительности встречающееся в литературе отождествление Тцахары с Пскальской крепостью¹²³, находящейся на среднем левобережье р. Кодор. Более вероятным представляется мне, как и Ц. Н. Бжания, отождествление Тцахары с абхазским названием реки, источника и селения Адзгара (Азгара) в верховьях р. Кодор, где сейчас живут десятка два сванских семейств, переселившихся сюда в XIX в. из Сванетии (после махаджирского выселения коренных абхазских жителей в Турцию). Причем и реку Чхалта, правый приток Кодора, также иногда называют тем же словом Адзгара, что в переводе с абхазского означает «мелководье». У слияния Адзгары с р. Сакен в сел. Чхалта находятся на утесе развалины древней двухъярусной крепости, известной абхазам под двумя названиями — не только как Чхалтинская, но и как крепость (женщины) Чыртса (Чыртса лбаа).

В самой Цебельде, над высокой пропастью у реки Кодор, существовало древнее городище, которое было окружено большой крепостной стеной, сохранившейся большей частью в развалинах. Стены Цебельдинской крепости относятся к различным периодам, начиная с позднеантичного времени. Вполне возможно, что Цебельдинское городище и есть то укрепление апсильцев, о котором пишет Прокопий под именем Тзибила (Цибиллий). В этом нас убеждает как совпадение локализаций, так и схожесть названий крепости: совершенно очевидно, что «Тибелия» (Цибиллий) Агафия и «Тзибила» Прокопия есть не что иное как греческая транскрипция местного (абхазского) наименования Цебельды — Цабал (Щабал). Прокопий Кесарийский определяет эту крепость как апсильскую, которую, по его словам, местные жители называют Тзибиллой (Тсибиллой).

К. И. Бердзенишвили, изучая позднеантичную кера-

123 Ю. Н. Воронов. Указ. соч., стр. 27.

мику из Цебельды (быв. селение Ольгинское Гульрипшского района Абхазской АССР), пришла к выводу, что большая часть этой керамики, восходящей по мотивам декора к эпохе средней бронзы, «стоит совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии». И вместе с тем часть ольгинской керамики по параллельным этнографическим материалам автор пытается увязать с «общегрузинским» религиозным культом. Резюмируя все сказанное, она пишет: «Среди керамических изделий особое внимание привлекает сосуд с рельефным изображением головы свиньи, семантика которого, по параллельным этнографическим данным, связывается с общегрузинским божеством «Босели-Босла» и с культом луны»¹²⁴. К. И. Бердзенишвили, ссылаясь на П. Ингорква, также отмечает, что в районе исторической Цебельды в позднеантичную эпоху проживало два древнегрузинских племени: корахи, или кораксы, отождествляемые с колхами, и абсилы, или абшилы, что последнее название языческих наследников древнегрузинского населения Цебельды и ее окрестностей (абсилы — бас-ил-ы) тотемического происхождения и связано оно с хлебом (босели)¹²⁵. Остается, однако, непонятным, почему же все-таки создатели керамики из центральной Абхазии, стоящей, по словам самого автора, «совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии», объявляются автором грузинскими племенами.

Самым величественным памятником южной Абхазии является 160-километровая Келасурская, или Великая Абхазская стена — крупнейшее фортификационное сооружение не только Абхазии, но и всего Кавказа. Келасурская стена, внушительные остатки которой сохранились особенно в западной ее части, изучена пока очень слабо. Она начинается у левого приустья р. Келасури и по подгорью выходит к р. Ингури. Надо полагать, что стена защищала южную часть Абхазии от возможных нашествий со стороны гор, по ущельям рек (главным образом по Военно-Сухумской дороге, проходившей

¹²⁴ К. И. Бердзенишвили. Позднеантичная керамика из Цебельды. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», II. Тбилиси. 1959, стр. 108 (русское резюме).

¹²⁵ Там же, стр. 106—108.

здоль р. Кодор), хотя, по мнению некоторых исследователей (Л. А. Шервашидзе, М. М. Гунба), положению о защите от северных врагов противоречит южная ориентация башен крепости, что, однако, еще нуждается в дополнительных доказательствах и согласовании с конкретными историческими условиями того времени.

Отмечая, что крупное военное строительство в области горного Крыма (а не только в Херсонесе) начинается еще в V веке, т. е. до Юстиниана, на что указывают остатки эски-керменских фортификационных сооружений, А. Л. Якобсон создание длинных стен связывает не только с внешней опасностью, он подчеркивает, что «столько же несомненно, что этой внешней опасностью не исчерпывается суть дела»¹²⁶, о чем свидетельствует, по его мнению, южная ориентация башен.

Каменные оборонительные сооружения известны в Абхазии с первых веков н. э. (Гюэнос был окружен еще деревянной стеной и рвом)¹²⁷. Можно предполагать, что самые ранние строительные слои Келасурской стены, все еще почти совершенно неизученной археологически, относятся к периоду позднеримского времени или ранневизантийского (VI в.) владычества в Абхазии. Скорее всего ее строительство было начато Византией для защиты от крупных сил горцев (гуннов, хазар и др.), вторгавшихся, главным образом по «Военной дороге» (Ар-рымса), через Клухорский перевал и далее по ущелью Кодора.

Строительство Келасурской стены, охватывающей всю юго-восточную половину Абхазии, нельзя рассматривать вне общен исторических условий и международного положения в середине I тысячелетия н. э. Это положение определяется прежде всего соперничеством двух крупных держав — Ирана и Византии — и все более усиливавшимся натиском славян и «варваров» на пограничные балканские и закавказские области Византийской империи, вынужденной в связи с этим применить чрезвычайные меры, чтобы обезопасить себя от врагов, наседавших со всех сторон.

---

¹²⁶ А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры Крыма. СА, VI, 1940, стр. 221, 223.

¹²⁷ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Севастополиса. — «СА». 1960. стр. 177 и сл.

Среди этих мер едва ли не самым главным являлось развертывание широкого фортификационного строительства, в том числе «длинных стен» в наиболее уязвимых и важных со стратегической точки зрения плацдармах империи. Например, варварские нашествия заставили императора Анастасия «завершить постройку Длинных стен, которые должны были защищать Константинополь приблизительно на протяженности 100 км»¹²⁸.

В VI в. начался первый этап наступления «варваров» на империю. Юстиниан, отдавая себе ясный отчет в том, какая опасность грозила империи, заявлял, что «для того, чтобы остановить движение варваров, нужно сопротивление, и притом серьезное». Как только он вступил на престол, были начаты грандиозные по своему размаху работы по укреплению дунайской границы. Прокопий называет несколько сотен укрепленных пунктов в Дакии, Эпире, Фессалии, Македонии, растянувшихся на многие десятки километров¹²⁹.

Византийские крепостные стены известны в Херсонесе, на Мангупе, Эски-Кермен, Сюрени и др. Из всех этих укреплений определение «длинные стены» более всего подходит к Сюреньскому укреплению, где ранне-средневековая стена тянется по прямой линии от одного края мыса до другого.

«Длинные стены» Юстиниан строил не только в Крыму, но и в юго-восточном Причерноморье — в Лазике, в том числе на территории современной Абхазии. Прокопий так рассказывает о строительстве Юстинианом крупных крепостных сооружений на территории Лазики: «В Лазике он выстроил укрепление по имени Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют Клисурями («замками»), чтобы, таким образом, перед врагами были заперты все пути в Лазик. Бывшую у лазов христианскую церковь, древнюю и уже с разваливающейся стройкой, он перестроил и сделал как новую. Равным образом он выстроил в стране лазов замечательный город Петру¹³⁰, который лазы по собственному неразумению передали персам,

¹²⁸ «История Византии», т. I. М., 1967, стр. 216.

¹²⁹ Там же, стр. 340—341.

¹³⁰ Крепостью Петра на месте совр. Цихисдзири командовал византийский военачальник Иоанн по прозвищу Цибо.

привлекши к себе сюда Хозроя с огромным войском; но, когда римляне одержали верх над персами в этой войне и одних из них убили, других сделали военнопленными, они своими руками уничтожили его до основания, чтобы варвары, вторично придя сюда, не могли совершить какого-либо коварства... На противоположной стороне, если идти по направлению к Меотидскому болоту, напротив Лазики были два укрепления — Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хозрой смело посылает сюда войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления. Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»¹³¹. В грузинской летописи рассказывается, что арабский полководец Мерван Глухой прорвал Абхазскую стену, имея, вероятно, в виду келасурские укрепления. А это было, как известно, в 736 — 738 годах.

Отсутствие в оригинале приведенной из Прокопия цитаты слова «стена», которое послужило для В. А. Левкинадзе одним из основных доводов для отрицания существования стены как таковой¹³², не должно нас особенно смущать, ибо выражения **«укрепил все ущелья в этой стране», «перед врагами были заперты все пути в Лазику»** (выделено мной. — Ш. И.) можно, как мне кажется, понимать в смысле наличия настоящей крепостной стены. Без наличия такой стены никак нельзя было бы считать **«запертыми все пути в Лазику»**. Что же касается отсутствия слова «стена» в прокопиевском описании, то это, вероятно, связано с дефектом (пропуском) или стиливыми особенностями оригинала, что было восполнено, **исходя из контекста**, тонким знатоком классических языков С. П. Кондратьевым в своем вполне заслуживающем доверия переводе.

С внутренней, южной стороны Абхазской стены, на некотором расстоянии параллельно ей проходит как бы

¹³¹ Прокопий. О постройках, III, 7 — ВДИ, 1939, 4.

¹³² В. А. Левкинадзе. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — «Византийский временник», 1973, 34, стр. 169.

вторая линия обороны, состоящая из отдельных мощных стратегических узлов — обширных, сильно укрепленных средневековых феодальных городищ (Герзеул, Цибилеум, Ачапара, Нарчхьоу-Абаа и др.), в которых, вероятно, находились гарнизоны, обслуживавшие и определенные участки стены.

Кавказский хребет никогда не служил непреодолимым препятствием для общений между жителями северного и южного склонов хребта. И Келасурская стена была построена, по всей вероятности, для защиты горных проходов, через которые северные орды совершали опустошительные набеги на прибрежную Аписилию, в целом Лазику, находившуюся в вассальной зависимости от Византии. Главным и наиболее удобным из этих проходов было Кодорское ущелье с относительно легко доступным Клухорским перевалом, по которому проходил путь, называемый издревле абхазами Военной дорогой (досл. «Войсковой дорогой»), откуда и происходит наименование Военно-Сухумской дороги. Вот почему система укреплений именно на участке от Келасури до Кодора отличается наибольшей своей неприступностью и мощностью. Надо полагать, что не соображения этнополитической границы между Аписилией (Лазикой) и Абазгией, а прежде всего мотивы военно-стратегического характера руководили и направляли помыслы и действия строителей оборонительного сооружения, когда они выбирали линию прохождения будущей грандиозной системы укреплений, ибо стена делит и самую Аписилию на две неравные части: одна ее половина, включая всю Мисиминию, остается за пределами Келасурской стены.

Исторические предания абхазов строительство Келасурской стены также единодушно приписывают византийским грекам. «Эти крепости воздвигнуты греком», — говорят они (Бырзенул абарт абаакуа казцаз). Некоторые варианты преданий стену связывают с деятельностью «абхазских царей» (апсха), под которым подразумеваются первые правители Абхазского царства (VIII—IX вв.). Иногда говорят: «Стена построена греками по поручению «абхазского царя». Называют ее нередко «Великой крепостью абхазов» (Апсуаа рбаа-ду). Строительный раствор, гласит одно предание, готовили не на воде, а на молоке. Вдоль стены шла дорога, и ее защитники сообщались между собой знаками, переда-

ваемыми по проволоке от башни к башне. Историческая память народа не сохранила никаких других воспоминаний, которые позволяли бы нам говорить о позднесредневековой датировке памятника.

Итак, многих ученых интересовала загадка Великой Абхазской стены, но она продолжает все еще хранить тайны своей древней большой истории. Одни явно ошибочно полагали, что это сооружение сравнительно недавнего времени и предназначалось для защиты Мегрелии от абхазов (Шарден), другие, сравнивая «несобъятную стену» с подобными же постройками Херсонеса и Босфора, слишком архаизировали памятник, относя его начало к рубежу нашей эры (Фр. Дюбуа). Пожалуй, ближе всех подошел к истине русский археолог конца XIX века В. Сизов, который, опираясь на сообщения о походе арабского полководца Мервана ибн-Мухаммеда (Мурвана Кру грузинской летописи), где упоминается пограничная стена между владениями Греции и Грузии, связывает строительство келасурских фортификаций с владычеством здесь византийцев. Вспомним еще раз и прямое указание автора VI в. Пр. Кесарийского о том, что современник его Юстиниан Великий окружил Себастиполис (совр. Сухуми) «такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным» (слова об «окружении» Себастиполиса стеной, правда, дают некоторое основание локализовать его **внутри** Келасурской стены, т. е. в устье Кодора, где существование такого города не может, однако, быть доказанным до соответствующего археологического исследования). Создается впечатление, что стена, преграждавшая главный путь нашествия северных орд, была построена Византией (с участием абазгов и апсидов) в период усиления натиска восточных завоевателей и других «варваров», начиная с царствования Юстиниана, а не служила для «защиты местных жителей», как считает М. Гунба (предлагающий также и дату построения крепости «не позднее начала VIII в. н. э.»)¹³³, хотя такому впечатлению, повторяю, противоречит южная ориентация башен крепости.

Как бы то ни было, наша стена, по всей вероятности, была построена в эпоху Юстиниана, во всяком случае

¹³³ М. Гунба. Келасурская стена: когда и для чего ее построили? «Советская Абхазия», 20 сентября 1975 года.

в ранний период византийской истории, когда «некоторые крепости, имевшие особое стратегическое значение, составляли небольшие управления, называвшиеся **клисурами**... Они управлялись командиром с титулом **клисурарха**»¹³⁴.

Представлены здесь и замечательные памятники христианского зодчества. В частности, на территории исторической Аписилии находится и такой выдающийся памятник типа грузинского Джвари и армянского Рипсиме, как Драндский храм, являющийся одним из древнейших на всем Кавказе (VI век).

В обзоре памятников Аписилии нельзя обойти молчанием и Тамышский канал, представлявший собой, по-видимому, уникальное гидротехническое сооружение древности на всем Черноморском побережье Кавказа. В топонимике изучаемой территории мы находим названия ряда местностей, связанные с судоходством. Например, «Место тесания судов» (Ашхуацэърта), «Место хождения судов» (Ашхуатаныкуарта) — так называют местные жители трассу бывшего канала и др. О мореходстве древнего населения Тамыша говорят свидетельства местных старожилов, их предания, связанные со строительством и спуском на воду судов, а также воспоминания о соответствующем религиозном культе, в частности, о специальном «корабельном молении» (ашхуаныхэара) и соседнем храме божества морского побережья Ага-Ныха в с. Адзюбжа (Мармал-Абаа)¹³⁵.

К числу наиболее веских фактов относятся сохранившиеся следы самого канала, еще заметные на отдельных его участках (особенно в зимнее время). Наиболее четко эти следы прослеживаются между усадьбами Л. Барганджия и С. Квициния на левом берегу р. Бзана^{135а}. По прямой линии между этими пунктами можно заметить понижение, имеющее поперек около 5—6 метров при нынешней глубине 0,30—0,40 м. Выброс земли при рытье канала делался в основном на север

¹³⁴ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 97.

¹³⁵ В. Пачулиа. В краю золотого руна. М., 1964, стр. 51.

^{135а} Пожалуй, еще более отчетливо видны следы прохождения канала на противоположном его конце, вблизи правого берега р. Дгамыш, около усадьбы А. Р. Шария, выходящей на дорогу к морю (центральные участки канала остаются не обследованными).

ную сторону, где имеется небольшое повышение (около 0,30 м). Выгребная насыпь с южной стороны заметна слабо. В результате такого выброса земли обе стороны оказались покрытыми белым галечником (довольно широкой полосой). Судя по тому, что выброс состоит главным образом из белого галечника, залегающего в этом районе до 1,60—1,80 м, глубина канала должна была быть не менее 2—2,5 м.

Существование канала было подтверждено двумя большими раскопками, заложенными до 1 м глубины в 10 метрах друг от друга, на пересечении канала и современной шоссеиной дороги, ведущей от средней школы к ж.-д. станции Тамыш. В то время, как северная траншея показала естественный разрез почвы, типичный для этой местности, южная траншея (длиной 3 м, шириной 0,6 м, глубиной 1 м) обнаружила резко отличный от первой траншеи разрез заполнения искусственной выемки, что объясняется тем, что последняя траншея оказалась заложенной прямо на трассе канала. Канал заполнен в основном аллювиальным галечником р. Бзана. Иными словами, некогда по каналу текла вода этой реки, что было бы невысказимо без прорытия сравнительно большого водосточного канала, пригодного для хождения по нему лодок.

Так, исследования, проведенные в 1964 году, подтвердили рассказы стариков о существовании в центре современного села Тамыш — одного из крупных населенных пунктов исторической Апсидии — канала и выявили в общих чертах характер этого сооружения. Изучение его должно быть продолжено для выяснения датировки памятника и других вопросов, связанных с историей его создания и назначения¹³⁶.

Крупнейшим памятником духовной культуры коренного населения южной Абхазии является прометеевская легенда об Абрскиле, которую в других частях Абхазии знают более слабо.

Филострат Афинский (род. около 170 г. н. э.) в своем сочинении об Аполлонии Тианском приводит «варварское», то есть местное, кавказское (а не только греческое) предание о Прометее, прикованном к Кавказу,

---

¹³⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, стр. 189—212.

вершины которого «поднимаются так высоко, что о них разрезаются лучи солнца». Филострат пишет: «Об этой горе у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, именно, что к ней был прикован Прометей за свое человеколюбие, а Геракл (другой, не фиванский, которого они не хотят разуместь) не стерпел этого и застрелил из лука птицу, которая клевала внутренности Прометея; прикован он был, по словам одних, в пещере, которая и показывается у подошвы горы. Дамис говорит даже, что там повешены на скале цепи, громадность которых нелегко и представить себе, — а по словам других — на вершине горы. Вершина эта двуглавая и говорят, что он был прикован руками к этим отрогам, между которыми не меньше стадия расстояния: так громаден будто бы был он. А птицу орла обитатели Кавказа считают врагом, и гнезда, которые орлы устраивают на скалах, сожигают посредством огненных стрел, ставят также и западни на них, объясняя все это мстью за Прометея: до такой степени уверены они в справедливости предания»¹³⁷.

Содержание этого предания, записанного, вероятно, по весьма доброкачественному местному первоисточнику, в ряде моментов удивительно точно совпадает с соответствующей абхазской (апсильской) легендой об Абрскиле. Например, Прометей прикован был в пещере, которая и показывается у подошвы горы (ср. видный с берега Панавский хребет, у подножия которого находится Абрскилова пещера); там повешены громадные цепи на скале (ср. гигантские железные цепи, которыми абхазский герой был будто бы привязан к железному столбу); мотив мести за Прометея и абсолютная уверенность в подлинности предания (не раз, по преданиям, абхазы пытались добраться до своего благодетеля Абрскила, чтобы освободить его из плена) и др. Кроме того, обращает внимание знакомство местного населения, а не только эллинов, с преданием и то, что Геракл не фиванский, которого они, то есть коренные жители, «не хотят разуместь», а свой, кавказский.

На пути плавания «от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады» Арриану и его спутникам все время были видны Кавказские горы. «Нам показывали, — расска-

¹³⁷ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 2, стр. 293—294.

зывает он, — одну вершину Кавказа — имя вершины Стробил, — на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса»¹³⁸. Хотя и отождествляют арриановскую вершину Стробил с Эльбрусом¹³⁹, но не исключено, по моему мнению, что на самом деле мы здесь имеем дело, правда, с более скромной, но значительно лучше видной с моря при каботажном плавании и воспетой в легендах абхазской вершиной Ерцаху или Панавским хребтом — одним из южных отрогов Большого Кавказа, находящимся на территории исторической Апсилии. У подножия Панавского хребта расположена пещера, где, согласно легенде, был заточен по велению бога абхазский двойник Прометея — великий друг народа Абрскил. Созвучие топонимического названия Стробил с именем Абрскил также, быть может, является не случайным.

Значение имени Абрскил остается непонятным. В разное время предлагались различные толкования. Можно предложить еще одну рабочую гипотезу. Не связано ли имя этого героя с названием того племени (апсилы), среди которого возникла и сама легенда. Может быть, не случайным является созвучие имен «Абрскил» и «апсил». Возможно, они как-то связаны друг с другом. Если бы эта догадка подтвердилась, то тогда абрскиловская легенда сказала бы принадлежащей по своему происхождению не только к определенной территории, но бесспорно и к определенному этническому коллективу — абхазскому племени апсиров.

Существуют многочисленные варианты выдающегося исторического предания о бурной многогранной деятельности «апсха» (ап̄сха), то есть «царя Абхазии» (или Апсилии). Это предание, с содержанием которого можно познакомиться в другой работе автора этих строк¹⁴⁰, известно прежде всего абжуйцам, т. е. на территории исторической Апсилии, что объясняется, вероятно, тем, что Апсилия на первых порах сыграла, по-видимому, большую роль в образовании объединенного Абхазского княжества, а затем и царства. Во всяком случае, перед нами редкий фольклорный памятник эпохи раннего

¹³⁸ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 1, стр. 270—271.

¹³⁹ См. об этом ВДИ, 1938, 2, стр. 316.

¹⁴⁰ Ш. Д. Инал-ипа. Указ. соч., стр. 212 и сл.

средневековья, так сказать, чисто абхазского происхождения, приуроченный территориально больше к современной южной Абхазии, принадлежащий только проживавшим здесь аборигенам-абхазам, точнее одному из их этнических подразделений, то есть апсилам.

II Абазги

1. Локализация абазгов

В предыдущей главе, изучая апсиров, мы говорили о том, какие можно почерпнуть сведения о племенах восточного побережья Черного моря в сочинениях древних авторов. Стараясь, по возможности, не повторяться, то же самое приходится сделать в хронологическом порядке и в отношении абазгов, не претендуя, однако, на полноту приводимой сводки сведений о них.

Абазги — одно из основных древнеабхазских племен (или племенных союзов). Вместе с апсилами они являются прямыми предками абхазов. Впервые упоминаются у Флавия Арриана (II в.) и Элия Геродиана (II—III вв.)¹, сведения о них сообщают также Феодорит — епископ Кирский (IV в.), Стефан Византийский (середина I тыс. н. э.), Псевдо-Орфей (IV в.), Псевдо-Арриан (V в.), Прокопий Кесарийский (VI в.), Николай Мистик (X в.), Иоанн Итал (XI в.), Михаил Атталиат (XI в.), Иоанн Зонар (XI—XII вв.), Иоанн Цец (XII в.) и др. Они занимали северо-западную территорию современной Абхазской АССР — примерно от совр. Сухуми до р. Бзыбь, давшей им их второе племенное название — бзыбцы (абзыцькуа).

Диодором Сицилийским, автором частично сохранившейся истории Боспорского царства конца IV в. до н. э., упоминается страна «Псоя» («Псоу»), которую царь Эвмел разделил на участки. «Где находилась эта страна до сих пор не выяснено. Между тем, согласно тому же Диодору, Эвмел (боспорский царь Спартакид) вое-

¹ Э. Геродиан говорит об «абасгском народе в Скифии», об Апсаре и Апсиле (соответствующий отрывок находится у Ст. Византийского) (ВДИ, 1948, 2, стр. 259—261).

вал с племенами генихов и ахеян, территория которых простиралась от Новороссийска и далес к югу, видимо, до племени абазгов или апсуа (современных абхазцев). Следовательно, страна Псоу находилась около современной Абхазии, что соответствует реке Псоу и местности Псоу (совр. Пиленково). Представляется, что приурочить эту страну к современному Псоу, сохранившему это название и в настоящее время, вполне резонно². Возможно, что название этой загадочной страны, если она действительно существовала, имеет этническое происхождение и что дальнейшим видоизменением его являются названия абазги и апсилы: в основе всех этих наименований — Псоу, апсилы, абасги — лежит по существу один и тот же корень «пс», «бз».

Плиний, автор I в., которому принадлежит первое упоминание об апсилах, не знает еще абазгов, хотя, возможно, они и подразумеваются у него, когда пишет о «племенах инихов под разными названиями»³.

Зато во II в., у Арриана, мы находим ряд новых этнических названий, в том числе абазгов. Приведем соответствующее место арриановского описания с сокращениями (перечисление — с юга на север): «...Рядом с зидритами — лазы... за лазами следуют апсилы, у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца; с апсилами граничат абасги, у абасгов царь Рисмаг⁴, этот

² В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, № 4, 1947, стр. 266; Ю. С. Крушкoл. Древняя Синдика, М., 1971, стр. 120.

³ В. В. Латышев. Указ. соч., т. II, в. 1, стр. 178—179.

⁴ Не исключено, что Рисмаг — имя абазгского «царя» II в. — представляет собой сложное слово, состоящее из двух местных (древнеабхазских) ономастических частей: личного (Рес) и родового (Маг) имен. Мужские имена Решь и Рашь нередко встречаются до сей поры у абхазов (Рашь Цышзба, с. Отхара; Рашь Хутаба, с. Блабурхва и др.). Представители же старинной абхазской дворянской фамилии Магъ (с лабиализованным г в конце) живут до сих пор в сел. Аацы того же Гудаутского района (вблизи Анакопийской цитадели абазгов), а некогда населяли и прилегающую часть соседнего села Ачандара, как об этом свидетельствует ряд микротопонимических названий: холм Маговцев (Магъаа рху) (в поселке Чбалдыху), источник Маговцев (Магъаа рзыхъ), место гибели Маговцев (Магъаа ахыкунцааз), селище Маговцев (Магърыста) (рядом с этой широкой ровной поляной находится местность с загадочным названием Дука и др. Кроме того, сохранилось характерное выражение, связанное с использованием тупого, изношенного ножа или другого режущего инструмента: «Что за тупой нож, не им ли истребили Маговцев?» (Магъаа бџууыџыџ бџма хџџ)

также получил власть от тебя; рядом с абасгами — санниги (выделено мной. — Ш. И.), в земле которых лежит Севастополь, царь саннигов — Спадат, получил царство от тебя»⁵.

У того же автора приводится название реки Абаск, связанное, несомненно, с тем же этнонимом абазг (абасг, абаск). «Наименование этой реки не может быть оторвано от имени племени абасков или абасгов»⁶. Локализуется эта река, согласно Арриану, где-то северозападнее современной Гагры. Возможно, что пределы распространения абазгского племени (или какой-то его части) простирались до р. Абаск, без допущения чего трудно было бы объяснить появление на этом месте топонима абазгского этнического происхождения. Приведем это описание в контексте: «Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики⁷, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени. От Нитики до реки Абаска девяносто стадиев»⁸.

Забегая вперед, можно отметить, что та же река Абаск приблизительно в том же районе упоминается и у другого позднеантичного автора — Псевдо-Арриана: «От Стеннитики до реки Абаска... 12 миль. От реки Абаска до реки Брухонта (ныне называемого Мизигом)⁹... Итак, от реки Ахеунта до реки Абаска живут санниги»¹⁰.

Следует сказать несколько слов об упомянутых здесь «фтирофагах» («фтейрофагах») — племени, которое античными авторами — Геродотом, Страбоном, Плинием, Аррианом и др. — всегда приурочивается к восточному берегу Черного моря. Древнегреческое «фтирофаги» понималось уже в древности и как «поедающие сосновые

⁵ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 223.

⁶ ВДИ, 1948, № 1, стр. 271.

⁷ Пункт из других источников неизвестный, находившийся, судя по указанному расстоянию, где-то в районе современной Гагры (ВДИ, 1948, № 1, стр. 271).

⁸ В. В. Латышев. Известия древних... — ВДИ, 1941, № 1, стр. 271.

⁹ Современная р. Мдзымта (?).

¹⁰ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, № 4, стр. 231.

(пихтовые) шишки (или побеги)». В районе современной Гагры, указывает Л. А. Ельницкий, известна сосна особой породы, шишки которой, по словам Теофраста, были съедобны¹¹. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем далекий отголосок ритуального приобщения к тотемному дереву, тем более, что абхазское название пихты (аҭса) и автоном абхазов (аҭсуа) имеют общую основу. Следовательно, если первая часть термина «аҭсуа» означает пихту, то слово в целом переводится как «люди пихты», «Пихтовы». Вместе с тем Л. А. Ельницкий, отождествляя гелонов (будинов) с фтирофагами, пишет, что «те черты их культуры и обычаев, которые приводит Геродот — греческий язык и городской образ жизни, — свидетельствуют о том, что речь идет о племени, находящемся в сфере влияния эллинской цивилизации»¹².

У Псевдо-Орфея, автора «Аргонавтики» (IV в.), читаем: «Там крутая гора Синд¹³ и цветущие луга и поток многошумной реки Аракса, из которой текут Термодонт, Фасис и Танаис. Там славные племена колхов, гениохов и абасгов» (выделено мной. — Ш. И.)¹⁴. В этом суммарном сообщении наше внимание привлекает то обстоятельство, что абагги названы рядом с двумя другими крупнейшими древними этно-политическими объединениями всего Кавказского побережья Черного моря позднеантичного времени — колхами и гениохами, причем, вполне вероятно, абазги составляли часть гениохов.

Феодоритом, епископом сирийского города Кира (V в.), абазги, как и упомянутые вместе с ними лазы, санны и др., охарактеризованы как племя, живущее не согласно «римским», а своим «варварским» обычаям. Феодорит пишет: «...Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих порабощителей. Ведь ни пограничные с египетскими Фивами эфиопы, ни многочисленные племена измаильские, ни лазы, ни санны, ни абазги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам»¹⁵.

¹¹ Л. А. Ельницкий. Указ. соч., стр. 93.

¹² Там же, стр. 72.

¹³ Отождествляют по положению своему с Кавказом.

¹⁴ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, № 3, стр. 268.

¹⁵ Там же, стр. 300.

Прокопий Кесарийский, локализуя абазгов, пишет: «За Аписилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, граница которых простирается до гор Кавказского хребта... За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон»¹⁶ (как отметил З. В. Анчабадзе, названные в этой цитате брухи — это, вероятно, позднейшие убыхи).

Другой византийский историк — Агафий Миринейский, современник Прокопия — хорошо знал апсиллов и мисимиян. Об абазгах же он сообщает слишком мало и в самых общих чертах. По его словам, территория современной юго-восточной Абхазии была населена апсилами, вверх по ущелью Кодора жили мисимияне, а северо-западную часть страны занимали абазги. Агафий указывает, что Абазгия служила местом ссылки преступников. «Бесса, — пишет он, — был выслан в страну абасгов, а имущество было¹⁷ конфисковано»¹⁸.

Стефан Византийский (VI в.) помещает абазгов рядом с санигами («саннигами»). «Санниги — скифское

¹⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 382, 383.

¹⁷ Агафий. Указ. соч., стр. 70.

¹⁸ Местом ссылки служили иногда и некоторые отдаленные от побережья, труднодоступные пункты Абхазии. Так, например, в местности Пустус или Пуста (по-грузински — აფსტუსი), по сообщению некоторых авторов, находилась одноименная крепость, в которую в 663 году был заключен инок Анастасий. Существуют разные мнения по вопросу ее локализации. Мне кажется, что Пустус находился не в самой Аписилии, как думает З. В. Анчабадзе, а в Мисимии, но не в районе с. Александровское, как считает Г. С. Каухчишвили, а в междуречье рр. Амкел и Джампал, в местности Алушта, название которой так близко по своему оформлению к термину «Пуста» Феодосия (З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 64).

племя¹⁹, живущее в соседстве с абасгами»²⁰, — пишет он.

Анонимный автор одной сирийской исторической хроники (середина VI в.), выделяя в особую группу пять народов, живущих «на севере», называет Армению, Грузию («Гурзан»), Албанию («Аран»), Сисган (Сиуник — область Армении) и, наконец, «землю Базгун, со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые (находятся) в пределах гуннских».

Н. В. Пигулевская под упомянутыми здесь Каспийскими воротами подразумевает проход у Дербента, отрицая всякую возможность применения названия Каспийских ворот к Дарьяльскому ущелью, а «моря» — к Черному морю, как западной границе Базгун. Она пишет: «Как ни соблазнительно сблизить имя Базгун с именем народа *Абазгои*, под которым можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию, Сванетию²¹, все же приходится отказаться отнести эту «землю» в Западный Кавказ... Сирийский текст не допускает такого чтения, чтобы последняя часть фразы, «которые (находятся) в пределах гуннских», была отнесена не к Каспийским воротам и морю, а к последующему перечню народов. Поэтому возможно только одно понимание текста, по которому и Каспийские ворота и море определяются, как находящиеся в «гуннских пределах». О Черном море это никак не могло быть сказано. Таким образом, если имя Базгун и отвечает имени абазгов, во всяком случае их нельзя искать в VI в. у побережья Черного моря. Их местонахождению в восточной части Закавказья до Дербентского прохода не противоречит и свидетельство Масуди, считающего их соседями аланов и грузин, «мощного народа *Guzg*»²².

Но локализация абазгов где-либо в Прикаспийских областях, по-видимому, исключается, так как она нахо-

¹⁹ Это племя у Арриана и Анонима, как мы видели, локализуется в районе современного Сухуми; с ним сопоставляют и населенный пункт Стелитику, к северу от Питиунта (Нитика аррианова «Перипла»). ВДИ, 1948, № 3, стр. 325.

²⁰ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, № 3, стр. 325. 1903, стр. 174 (-174).

²¹ *Minquart Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge Leipzig 1903*, стр. 174 (-174).

²² Н. В. Пигулевская, Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. ВДИ, 1939, 1, стр. 108—109.

дится в резком противоречии со всеми другими историческими источниками, согласно которым абазги являются исконными жителями Кавказского побережья Черного моря. Вместе с тем следует отметить, что Н. В. Пигулевская, ссылаясь на Маркварта, справедливо допускает возможность очень широкого понимания этнического названия абазги, под которым «можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию и Сванетию».

В этой связи представляется не лишним интереса сообщение о том, что и само Черное море в далеком прошлом называлось иногда Абхазским (Абазинским). Мина Медичи «очевидно, располагал сведением о том, что Черное море называлось также Абазинским: «Чопсунырмаг — знаменитая река, которая, вытекая из гор Абазы, впадает в Абазинское море»²³.

С VII—VIII вв. название «абазги» (или его вариации) постепенно вытесняет «апсилы» и начинает выступать как общее обозначение всех (или почти всех) абхазов. Так, в вышеуказанной анонимной армянской «Географии» VII в. написано: «На морском (Понтийском) берегу — страна авазгов, где живут апсилы и авазги до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона., отделяющего Абхазию от Егер» (Егер — это, вероятно, Лазика). Как мы видим, «страной авазгов» в этой цитате именуется вся территория Абхазии, включая и земли апсолов.

В Житии просветителя славян Константина (Кирилла), относящемся к IX веку, сказано, что когда он был в Венеции, его спрашивали: «Какое ты имеешь право создавать славянам письменность, когда богослужение дозволено только на еврейском, греческом и латинском языках?» На это Константин ответил: «Мы же народ много знаем, книги сумьяюще и богу слово въездающе кждо своим езыкомъ: яве же соуть си: армены, перси, авазгы (выделено мной. — Ш. И.), ивери, соулды, готи, обри, турьси, козари, аравляне, египты ины мнози»²⁴. В этом перечислении мы находим только авазгов (абазгов), которые, надо полагать, покрывают собой всех абхазов вообще, воздающих слово богу на своем языке.

²³ Л. М. Меликсет-Бек. По следам перипла Арриана. «Труды» Абхазского института, т. XXX. Сухуми, 1959, стр. 109.

²⁴ Ш. В. Дзидзигури. Грузинский язык. Тбилиси, 1968, стр. 52.

У византийского императора первой половины X в. Константина Порфирородного упоминаются торговые связи Абазгии с иберийской крепостью Ардануци²⁵.

После того, как через грузинский язык широкое распространение получило общее название «абхаз», «Абхазия», постепенно сходят племенные названия — саниги, мисимияне, апсилы, абазги и др. Автор XII в. н. э. Иоанн Цец, комментатор древних писателей, пишет: «Колхи суть индийские скифы, они называются также лазами и живут вблизи абасгов, прежних массагетов». Это одно из последних упоминаний абазгов как таковых. В другом месте он пишет опять, что абазги называются также массагетами, однако массагетов принято считать кочевниками казахских степей, и трудно сказать, на каком основании Цец упорно производит абазгов от них²⁶. По-видимому, фраза Цеца означает, что «абазги раньше были массагетами, т. е. скифами, а скифами для авторов его времени были и колхи, и макроны, и другие племена (по существу не скифского происхождения)»²⁷.

Севернее Гагры, где-то, может быть, в районе современного Гантиади (по-абхазски Цандриш), средневековые итальянские карты помещают пункт *Avcasia*²⁸, с которым отождествляется, возможно, «город Абхаз», упоминаемый в начале XV в. в арабской энциклопедии Шихабеддина Элькалькашанди²⁹. *Auogassia* как пункт и страна обозначена на французской карте 1497 года, составленной Фредуче Анконским.

Как мы видели, этническое и территориальное содержание термина «абазги», «Абазгия» с течением времени меняются. В течение первой половины I тыс. н. э. абазги с санигами занимают среднюю полосу современной Абхазии (хотя в локализациях Арриана и Анонима можно сомневаться). В раннесредневековое время (VI в.) граница между главнейшими абхазскими при-

²⁵ Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961, стр. 95.

²⁶ ВДИ, 1947, № 2, стр. 251; № 3, стр. 180, 266, 268.

²⁷ Т. С. Каухчишвили. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов. «Всесоюзная научная конференция». Тбилиси, 1975, стр. 47.

²⁸ Ф. Брун. Указ. соч., II, табл. III.

²⁹ В. Тизенгаузен. Заметка Элькалькашанди о грузинах. ЗВОРАО, т. I, 1886, 1887, стр. 208.

морскими племенами (апсилами и абазгами) проходила где-то в районе совр. Сухуми (может быть, по р. Гумисте или Келасури), а с северо-запада абазги соседнили с санигами (садзами), их отделяла друг от друга, может быть, р. Бзыбь. Но с течением времени «абазги», «Абазгия» из узко-локальных этно-территориальных наименований приобретают постепенно все более широкое значение, они распространяются на другие родственные группы. Так, в VI—VII вв. «абазг» — это еще племенное название, а Абазгия — это пока лишь часть современной Абхазии, хотя в некоторых источниках (Проклий, армянская «География») иногда «Абасгия» уже покрывает собой Апсилию. Примерно же с 30-х годов VIII в., то есть после образования объединенного Абхазского княжества, «абазги» в византийских источниках все больше означают всех абхазов, соответственно Абазгия (груз. Апхазети) — это уже территория всего княжества от Келасури (Галидзги?) до Никопсии. Ее население получает общее название «абхазы» (греч. «абазги», «абасги», «авагазы» и др., груз. «апхазни», арм. «апхазк») ³⁰.

Из письма константинопольского патриарха начала X в. Николая Мистика мы узнаем о Григории — управителе Абазгии, который «приложил много труда, чтобы просветить правителя Алании». Под «Абазгией» понимается здесь Абхазия в целом. Со времени образования Абхазского царства в конце VIII века (70-е годы) Абхазией стала называться вся Западная Грузия, вытеснив почти не только название «Абазгии», но и «Эгриси». Одновременно встречаются иногда и упоминания «абхазов» и «Абхазии» также и в узком их понимании ³¹.

В средневековых восточных (арабских) исторических источниках довольно часто встречается термин «абхаз». Ибн Руста (конец IX в.) определяет местонахождение Аугаз (Awghas) рядом с владениями хазар. Здесь, оче-

³⁰ По мнению И. А. Джавахишвили, в 30-х годах VIII в. Апслия уже входила в состав объединенной Абхазии, ибо в своде Анны грузинской летописи «Картлис цховреба» (XV в.) сказано: «город Абхазии и Апсильи — Цхуми».

³¹ Термин «Авазгия» встречается, например, еще в XI в. у грузинского автора Ефрема Мцире, а в форме «афгазы» у автора XVI в. С. Герберштейна, локализирующего их в низовьях Кубани, а в горах — черкесов. (С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 159—160).

видно, мы имеем использование этнонима «абхаз» в его узком значении — как обозначение собственно Абхазии. Но чаще (особенно в более поздних описаниях) «абхаз» выступает в смысле всей Грузии. Ибн Исфандиар упоминает Тамару то как «царицу Тбилиси и Абхазии», то как «царицу Абхазии». Письмо Тамары к одному из мусульманских монархов, написанное в 1185 (1190?) году, характеризуется как «абхазская клятвенная книга». По Якуту (нач. XIII в.), Абхазия — страна, населенная христианским людом, которых называют курджами. Низами Гянджеви (XII в.) сообщает, что местом охоты Атабега Ильдегиза были «Абхазия и Дербенд». У Хакани сказано: «От любви к прекрасноволосой и румиликой (женщине) я стал жителем Абхазии, говорящим на грузинском языке»³².

Таким образом, в X — XII вв. «Абхазия» и «абхазы», связанные по своему генезису с этнонимом «абаза», «абазг», выступают в трех смыслах — собственно абхазы и Абхазия, Западная Грузия и вся Грузия³³. В последующем «абазг» выходит из употребления, как и «апсилы», а «абаза», широко используемая для обозначения всего абхазоязычного населения и даже шире (особенно у русских авторов XVIII—XIX вв.)³⁴, закреп-

³² Эти сведения с благодарностью заимствованы из статьи Д. Ш. Гиунашвили «Абхазы», написанной им для «Энциклопедия Персика», стр. 4 (рукопись).

³³ И. А. Джавахишвили, говоря о соперниках царя объединенной Грузии Баграта IV, пишет (с цитацией источников, но без ссылки на них): «Кроме Липарита у царя Баграта были и другие противники, именно пять известных сыновей Абазы, один из них был и эриставом Картли. Эти сыновья Абазы люди сильные и представительные, помимо богатства похвалявшиеся могуществом (досл. «денницей») своей и многочисленной ратью возгордившиеся, настолько осмелели, что «намеревались взять в руки царя». Приведенную здесь фразу «пять известных сыновей Абазы» следует, возможно, понимать как «пять известных сыновей (страны) Абаза», то есть собственно Абхазии, хотя «Абаза» здесь может выступать и как фамильное имя абхазского этнического происхождения (И. Джавахишвили. История грузинского народа. Книга вторая. Тбилиси, 1948, стр. 165 (на груз. яз.).

³⁴ Термин «абаза» с его производными в применении ко всему абхазскому населению встречается нередко в литературе XIX в. Так, Торнау указывал, что «абадза» слишком общее название, что оно принадлежит «всему» абхазскому племени от Черного моря до Кубани (ЦГВИА, ВУА, № 18510). Гамба на своей карте 1819 г. написал «Абазия», поэт моряк Е. П. Зайцевский в 1823 г. сочинил посвященное Абхазии стихотворение под названием «Абазия». Аба-

ляется в конце концов только за северокавказскими абазинами, которые и сегодня сами себя называют «абазой».

2. Были ли абазги бинарным племенем?

В изучении истории и этнографии всякого народа одним из важных, несомненно, является вопрос об его этнических компонентах и их исторических взаимоотношениях. Этим определяется значение исследования двух основных частей абхазского этноса — апсилы и абазгов³⁵. Тема данного параграфа — внутреннее устройство абазгов VI века н. э. и их отношение к апсилам — является только небольшой частью проблемы о племенной структуре и обществено-политическом строе населения позднеантичной и раннесредневековой Абхазии. Для решения этой проблемы важное значение имеет сопоставление имеющихся источников, новое прочтение и тексто-

---

за, абазинцы назывались у черкесов басхег или куш-хазиб-абазы, от «куш» — горный хребет и «хазиб» — по ту сторону, то есть абазы, живущие по ту сторону Главного хребта (СМОМПК, в. 40, 1909). Вместе с тем, указанный термин в том или ином оформлении применялся и к отдельным этнически не абхазским группам. Например, Белл, имея в виду одну часть Черкесии, говорит об «Абазаккиа», «абхазаках» (указ. соч., стр. 136). То же имя мы находим в названии «абадзех». Л. Люлье писал: «Абадзех в буквальном переводе значит: «ниже абазцев». Название это некоторым образом доказывает, что абадзехи жили в соседстве с абазцами и, не составляя самостоятельного племени, получили это название от своих соседей» (Л. Люлье. О натухажцах, шапсугах и абадзехах. ЗКОИРГО, кн. V. Тифлис, 1857, стр. 228—229). Карачаево-балкарское название сванов — эбзе, возможно, тоже связано с интересующим нас термином. Встречается и фамилия Абаза (например, Н. Абаза — член государственного совета России).

³⁵ Специальных работ и даже отдельной статьи по этим племенам до сих пор, к сожалению, написано не было, если не считать кратеньких справок в общих курсах по истории Абхазии, Грузии и разных энциклопедических изданиях. Так, например, только совсем недавно, в одном из самых первых томов Большого лексикона по византиноведению, издаваемого в голландском издательстве А. Хаккерта, помещены статьи А. Коллауца по исторической географии. Две из них посвящены абазгам и их стране («Авастия», «Авастия»). Статьи эти, как отмечает в своей рецензии А. П. Каждан, написаны как специальные исследования с прямыми ссылками на литературу, с широким привлечением трудов советских ученых, с цитатами из источников («Византийский вестник», 33, 1972, стр. 235).

логический анализ сведений древних — грекоримских и византийских — авторов. Здесь же пойдет речь по одному конкретному вопросу в основном по данным одного источника.

У Прокопия Кесарийского (490—562), наряду с ценнейшими сведениями о древнеабхазских племенах, особенно абазгах — территории их расселения («за апселиями... по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта»), социально-экономическом и политическом развитии (наличие «царей»), торговле невольниками, языческих верованиях («еще в мое время почитали рощи и деревья»), распространении христианства («Юстиниан воздвиг у абазгов храм богородицы и назначил им священников»), борьбе против внутренних («низложили своих властителей») и внешних поработителей (Трахейская битва) и др. — встречаются также противоречивые и сомнительные утверждения по некоторым важнейшим вопросам, требующие критического к себе отношения и специального исследования.

К числу не совсем понятных и не бесспорных относятся, например, утверждения Прокопия о двух традиционных («исконных») правителях («начальниках», «царях», «царьках») у абазгов — одного для западной, другого — для восточной половины края. Это утверждение встречается в двух местах его сочинения «Война с готами».

Знаменитый историк, упоминая о том, что абазги «низложили своих царей» (выделено здесь и далее мной. — Ш. И.)³⁶, довольно подробно описывает те причины и обстоятельства, которые заставили абазгов упразднить своих властителей. Этими обстоятельствами являлись, в частности, жадность и корыстолюбие абазгских правителей, из-за которых, указывает Прокопий, «эти племена испытывали неслыханные вещи»³⁷: отнимали у родителей красивых мальчиков и, превратив их в евнухов, продавали в римские земли за большие деньги, а самих родителей, боясь мести с их стороны, убивали. Юстиниан, по словам Прокопия, запретил царям Абазгии кастрировать мальчиков, после чего абазги, воодушев-

³⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 383, 400.

³⁷ Там же, стр. 382.

ленные приказом императора, решительно выступили против указанного варварского обычая, а вскоре вообще низложили своих царей и «решили жить на свободе»³⁸. Здесь прозрачно выступает вероломная политика Юстиниана, первого покупателя кастрированных абазгских юношей, которыми был полон его двор.

И в ряде других мест прокопиевского текста мы встречаемся с такими выражениями, как «властители абазгов», «оба эти царя», Юстиниан «решительно запретил их (абазгов. — Ш. И.) царям оскопление юношей», абазги «решительно воспротивились таким действиям своих властителей», «абазги низложили своих царей»³⁹, «один из царьков абазгов»⁴⁰ и др.

Вот цитата, в которой, казалось бы, предельно ясно и недвусмысленно говорится о двух традиционных правителях абазгов. «Эти абазги, — читаем мы у Прокопия Кесарийского, — издревле были подданными лазов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»⁴¹. Более того, историк называет по имени абазгских царей: абазги, рассказывает он, «снова выбрали себе царьков — по имени Опситу для восточной стороны и Скепарну для западной»⁴². Очень интересными и показательными, хотя и не бесспорными, являются все эти упорно повторяемые Прокопием сообщения о двух царьках абазгов, в то время как ничего подобного мы не находим у него при характеристике общественно-политической жизни апсиллов, которые, по его словам, также «издревле были подданными лазов». Прокопий, кажется, нигде прямо не упоминает отдельно о правителях апсиллов, у которых еще во II в. Аррианом было засвидетельствовано наличие царя по имени Юлиан.

Прежде всего следует отметить, что, если говорить вообще, структурное строение одного отдельно взятого племени не представляет собой чего-то неизвестного или невероятного явления. Напротив, исследователи, изучая вопрос о возникновении рода и племени, приходят к вы-

³⁸ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 383.

³⁹ Там же, стр. 382.

⁴⁰ Там же, стр. 400.

⁴¹ Там же, стр. 382.

⁴² Там же.

воду, что, по-видимому, «родовое общество уже в самом раннем своем состоянии имело особенную структуру, представлявшую собой два рода, связанные между собой в различных отношениях и составляющие вместе одно племя в его зародышевом виде»⁴³.

Ярким примером этого является хорошо известное этнографам разделение австралийских племен на две «половины» или на два «брачных класса» (например, кроки и кумите). Такую структуру раннего родового общества принято называть дуальной организацией. Следующей стадией развития этой организации считается более сложная система фратий, при которой племя распадается тоже на две «половины», каждая из которых в свою очередь состоит из двух, четырех и т. д., во всяком случае четного числа подразделений — родов (например, индийское племя сенека-ирокезов распалось на две фратрии по четыре рода с особыми тотемическими названиями в каждой).

С развитием общества это начальное примитивное деление племени на две брачные «половины» и его дальнейшее развитие в виде фратриальной системы с ярко выраженной структурой из четного числа подразделений нарушается и отмирает. Но следы такой древнейшей организации сохраняются надолго, пережитки ее отражаются в исторической традиции многих и высоко развитых народов. Таковы, например, предания о древнееврейских двенадцати «коленах», о четырех филах древних афинян и т. д.⁴⁴. «Дуальная организация оказывает глубокое влияние на управление раннеклассовых обществ, повсеместно носившее дуалистическую форму или, по крайней мере, следы былой двойственности (два царя в Спарте, двойственность всех должностей в Риме...)»⁴⁵.

Древнеабхазское общество также распалось на четное число племенных подразделений — первоначально, по-видимому, на два, а потом, в результате процесса филиации, на четыре и шесть основных племен, каждое со своим особым названием, диалектом, территорией и

⁴³ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 105.

⁴⁴ Там же, стр. 106.

⁴⁵ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 291.

другими локальными особенностями. Для позднеантичного времени это были апсилы, мисимияне, абазги, предки современных абазин, саниги и, возможно, потомки ахейцев. Основное ядро абхазской народности составляли апсилы и абазги. Но вряд ли эти сравнительно поздние объединения — античная эпоха и период развития раннефеодальных классовых отношений — связаны непосредственно с древнейшей дуально-фратриальной организацией.

Как в таком случае нам следует понимать приведенные выше показания важного исторического источника о внутреннем двуедином членении абазгского племени?

Здесь возможны два решения: либо абазги, представляя собой двухплеменный союз, бинарную этническую единицу, действительно «ископи веков» имели двух «царьков» с двумя политическими центрами, один из которых, возможно, сидел в Пицунде, а другой — в Анакопии; либо же изучаемое племя было не раздробленным на части, а, напротив, довольно монолитным, консолидированным и сравнительно сильным объединением, а у Прокопия мы имеем нередкие в исторических источниках ошибки, пробелы, путаницу. В этом последнем случае под прокопиевскими абазгами (когда речь идет о их «царях») следует, очевидно, понимать не только собственно абазгов, а более широкое этно-политическое объединение, то есть оба основных, ближайших между собой и потому смешиваемых иногда абхазских племен, одно из которых (абазги) действительно населяло северную, а второе (апсилы) южную часть тогдашней Абхазии.

Конечно, недоразумения, связанные с характером источника, не могут считаться исключенными. Соблюдая осторожность, мы должны иметь в виду возможные ошибки и искажения у нашего основного информатора и тех, кто снабжал его сведениями. Но, вместе с тем, мы не можем недооценивать и значение неоднократного повторения одного и того же четко выраженного положения о наличии двух царей и двух половин страны абазгов в разных контекстах прокопиевского описания. Прокопий хорошо знал апсилов и абазгов как два соседние и ближайшим образом связанные между собой объединения, хотя, как видно, все же был намного больше осведомлен о положении дел в Абазгии. Определенные не-

яности его трактовки некоторых вопросов связаны, надо полагать, с территориальной близостью и этно-культурной общностью этих племен, близостью, которая была настолько значительной, что оба они уже тогда могли восприниматься в известном смысле как единый этно-политический организм.

Сравним, например, некоторые стороны хозяйства и материальной культуры абазгов и мисимиян — ближайших сородичей апсиллов, живших в верховьях Кодора. По сообщению Агафия, мисимияне строили свои жилища из дерева и соломы, часто окружали их стеной, сбрасывали огромные камни со скалы при обороне от неприятеля, крепости свои строили со рвами, мужчины (в том числе и посланцы с дипломатическими поручениями) ходили с особыми палками (вероятно, прототипы современного абхазского посоха «алабапша», металлические наконечники от которых встречаются в археологических материалах того времени как в той, так и другой части Абхазии)⁴⁶. Всю эту характеристику можно целиком отнести и к абазгам. В частности, согласно Прокопию, дома абазгов, живших в Трахее, отстояли друг от друга на близком расстоянии и были, как и у мисимиян, окружены со всех сторон своего рода стеною (ср. традиционное абхазское выражение — «аани агуареи», то есть «дом с оградой»).

Если исключить дуальную организацию в Абхазии середины I тысячелетия, а информации Прокопия в основном заслуживают доверия, требуя только правильного истолкования, то остается признать верным вольное или невольное распространение Прокопием названия «абазги» и на их непосредственных юго-восточных соседей и сородичей — апсиллов.

И, действительно, мы не располагаем ровно никакими убедительными данными в пользу собственно абазгской племенной бинарности, кроме нередко противоречивых сведений самого Прокопия: об абазгах он говорит то в единственном числе, как об одном племени, то во множественном — как о двух племенах, не приводя, одна-

---

⁴⁶ Знатные мисимияне по имени Хада (ср. старинное абхазское мужское имя Хада) и Туана (ср. абх. фамильное имя Тванба), посланные для переговоров с командованием византийского отряда, были, по приказанию Сотериха, избиты палками, которые они сами держали в руках (Агафий. Указ. соч., стр. 87).

ко, их названий, которые должны были существовать и которые, казалось бы, он должен был знать⁴⁷. Вместе с тем отсутствие каких бы то ни было существенных языковых или культурных различий внутри современных бзыбцев, являющихся несомненно прямыми потомками исторических абазгов, различий, которые бы восходили к их ранним внутриплеменным подразделениям, также представляется одним из аргументов в пользу этнической спаянности абазгов, их однородности и внутреннего единства в отмеченный период времени.

В дополнение ко всему этому необходимо подчеркнуть, что у самого Прокопия мы встречаемся с распространением обобщенного этнического названия «абазги» и на апсилы. Названия «абазги», «абасги» у него иногда по существу покрывают собой название «апсилы», и тогда под абазгами фактически подразумевается также население юго-восточной Абхазии, то есть апсилы. Только так, очевидно, можно понимать то место из книги Прокопия, где говорится о нападении персидских войск под командованием Мермероса со стороны Лазики непосредственно на абазгов в районе апсильской крепости Тсибилы. Но хорошо известно, что с Лазикой непосредственно граничили именно апсилы, а не абазги, и только пройдя территорию первых, можно было добраться до вторых. Да и упоминание апсильской крепости Тсибилы (совр. Цебельда, от абх. Цабал) не оставляет сомнения в том, что персы вторглись именно в пределы апсиль, которых Прокопий или по ошибке, или в порядке обобщения термина «абазги» (как бы в смысле совр. «абхазы», «Абхазия») называет абазгами⁴⁸.

⁴⁷ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 382, 383.

⁴⁸ Приведем в контексте указанное место из Прокопия: «Прежде всего, узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, Мермерос повел туда войско с тем, чтобы каким бы то ни было способом взять ее. Как как находящиеся там в гарнизоне защищались очень решительно и так как сама природа помогала им неприступностью положения, то варвары должны были удалиться, ничего не сделав. После этого персы со всем своим рвением устремились на абасгов. Но римляне, занимавшие гарнизоном Тсибилу, захватили проход, бывший очень узким и окруженный отвесными горами, как я говорил об этом раньше (гл. 10), и при таких обстоятельствах совершенно непроходимый, и остановили дальнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоящих против него врагов, Мермерос повел назад войско и тот час же направился к Археополю с целью его осадить» (Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 432).

Апсилы в древних описаниях нередко вообще фигурируют в составе Абазгии в связи с тем, как отмечает В. А. Леквинадзе, что «они были родственны абазгам и жили возле (южнее) них». Абазгия и Апсилия рассматриваются как нечто единое целое, например, в „Notitia episcopatum“, где говорится о том, что Севастополь является кафедрой архиепископа Абазгии, подразумевая под Абазгией и Апсилью⁴⁹⁻⁵⁰. Страна абазгов, населенная и апшилами, упоминается в указанной «Армянской географии» VII в.

Вопреки утверждению Прокопия, в VI в. у собственно абазгов, как, впрочем, и у апсиллов и др., было не два князя, а один («царь», «царек»), выбиравшийся ими из своей же среды⁵¹. Так было в этом крае по крайней мере с начала II века, когда Флавий Арриан, инспектируя расквартированные в прибрежных крепостях римские военные гарнизоны, доехал до Диоскурии (совр. Сухуми) (134 г.). Если же, таким образом, еще во II в. у абазгов был один «царь», то тем более мы имеем основание предполагать наличие у них единого общего правителя в VI в., ибо за прошедшие с тех пор четыреста с лишним лет произошел дальнейший прогресс общества, в частности, далеко зашли процессы этнической консолидации и раннефеодальной политической централизации княжеской власти.

В связи с этим представляет большой интерес наличие двух царей и в Лазике, хотя это и считалось, по словам Приска, противоречащим «старинному уставу»⁵². Когда влиятельный византийский вельможа Евфимий-магистр оффиций при императоре Маркиане — по поручению последнего в 456 году вел переговоры (возможно, совместно со своим советником, известным историком Приском Панийским) с царем лазов Губазом (Гу-

⁴⁹⁻⁵⁰ В. А. Леквинадзе. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — «Византийский временник», 34, 1973, стр. 180.

⁵¹ Это, конечно, не исключает вообще возможности объединения двух (и более) этнических групп под эгидой одного правителя. Например, древние авторы (в том числе Арриан) часто упоминают племя санов и их страну Саннику (Тианика Арриана) под разными именами: саны (санны) — макроны — макрокефалы — махелонны — манралы. Их помещают между Трапезунтом и Колхидой. И жили они, по Арриану, рядом с гениохами, причём у макронов (санов) и гениохов был один общий царь по имени Анхиал (В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, № 1, стр. 267, 270).

⁵² ВДИ, 1948, № 4, стр. 263.

вазом, Говазом) о заключении мира с Византией, условиями прекращения военных действий в Лазике Константинополь ставил отказ лазов иметь «в качестве правителей двух царей, причем Губаз, не получивший ожидавшейся им помощи от персов, отказался от престола в пользу своего сына, и мирный договор был подписан»⁵³. Лазский обычай иметь двух царей связан, очевидно, с традициями внутри одной правящей династии, а не с наличием двух «половин» страны Лазики (как это было, по Прокопию, в отношении Абазгии), он объясняется требованиями преемственности власти (через сына или брата). Об этом мы имеем прямое указание, например, у Агафий. Агафий пишет, что византийский император «царем им не назначил какого-нибудь чужеземца и иностранца, но Цате, младшего брата Губаза, который в то время находился в Византии, так чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы и непрерывная, нерушимая с древности последовательность царского престолонаследия»⁵⁴.

Прокопий пишет, что абазги, низложив своих жестоких властителей, стали опасаться порабощения со стороны византийцев и решили «снова выбрать себе царьков — по имени Опситу для восточной стороны и Скепарну для западной»⁵⁵. Надо думать, что Опсит был не «правителем абазгов» вообще и не «царем» восточных абазгов, как об этом пишет Прокопий, а являлся князем «восточной стороны» Абхазии, то есть Апсилии, пределы которой во времена Прокопия простирались, по видимому, до самого района Сухуми. Князем же «западной стороны» тогдашней Абхазии, то есть всех собственно абазгов, был, в таком случае, Скепарна.

Что же касается того, что в отсутствие абазгского князя Скепарны, задержанного Хозроем в Персии, обороной Трахен руководил апсильский князь Опсит, то это не должно нас особенно удивлять, тем более что и сама Апсилия, где также были сильны сепаратистские тенденции, отпала в это же время как от лазов, так и от римлян, ориентируясь, как и абазги, на персов. В пе-

---

⁵³ З. В. Удальцова. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского. «Византийский временник», 1972, № 33, стр. 50.

⁵⁴ Агафий. Указ. соч., стр. 85—86.

⁵⁵ Прокопий. Указ. соч., стр. 400.

реломные моменты своей исторической жизни апсилы и абазги выступали естественно нередко как один народ, совершали согласованные политические акции. Возможно, что временами даже созывался какой-то общенародный совет для совместного решения некоторых важнейших вопросов внутренней и внешней политики, таких, как изложение своих ненавистных «властителей» и выборы новых правителей, как это имело место, например, во время возмущения против торговли евнухами, послужившей причиной свержения «абазгских» князей. С точки зрения единства интересов и взаимопомощи особого внимания заслуживает своего рода взаимозаменяемость «царей» в случаях крайней необходимости. Ярчайшим примером этого является то, что, как было сказано, в отсутствие абазгского правителя Скепарны Трахейской битвой руководил «апсильский» князь Олсит.

Абазги впервые упоминаются во II в. н. э. Локализуются они всегда рядом с апсилами с северной стороны, между апсилами и санигами, причем апсилы, как и саниги, с середины I тыс. постепенно сходят со страниц исторических источников, в то время как название «абазги» в разных его формах (абазги, абасги, авогазы, обезы, абези, обежанин, абаз, абаза и др.), обнимающих собой иногда всех абхазов, продолжает встречаться у разных авторов вплоть до зрелого средневековья. Например, известный грузинский философ XI—XII вв. Иоани Петрици был известен под именем «Грамматика Абазга (Авазга)». В адресованном ему письме Иоанна Итала трижды встречается этноним «абазг». Нередки упоминания об «обезах» в средневековых русских летописях, в которых иногда имются в виду, возможно, и собственно абазги. В некоторых случаях термины «абазг», «абазгский» понимались не только в смысле всех абхазов, но даже и всей средневековой Грузии в целом. Так, очевидно, следует понимать вызывающую много споров среди специалистов приписку конца XI века (1048 г.) к неаполитанскому латинскому тексту греческого романа «Варлам и Иоасаф», гласящую о том, что этот текст «переведен с абхазского (абасгского) языка» (Translata abasgo genere stilo).⁵⁶

---

⁵⁶ Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии. Тбилиси, 1960, стр. 16—17, 247.

Итак, подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что создается определенное впечатление о том, что уже к середине VI в. н. э., то есть значительно раньше, чем у многих других народов Кавказа, намечаются первые, не всегда достаточно четко уловимые признаки консолидации двух основных древнеабхазских племен — апсилов и абазгов. Они (особенно абазги) сыграли большую роль в дальнейших судьбах всего края и явились тем притягательным ядром, к которому тянулись другие родственные племена. Вокруг этого крупного по тому времени и сильного ядра происходило постепенное возникновение Абхазии (Апсны), формирование единой феодальной абхазской народности, собирание и сплочение ее сил на путях создания Абхазского царства в конце VIII в. с центром в главной в тот период военно-политической цитадели страны — Анакопии.

3. Трахейская битва

В VI—VII вв. Абхагия, находившаяся в непосредственной зависимости от Византийской империи, являлась относительно самостоятельной политической единицей, в то время как два другие этно-политические образования, расположенные на территории современной Абхазии (Апсилия и Мисиминия), были самоуправляющимися вассалами Лазики. В течение длительного времени Византия и Персия оспаривали друг у друга господство на восточном побережье Черного моря. Один завоеватель сменялся другим. Местное население, вовлеченное в борьбу двух соперничавших друг с другом государств, стремилось к полному освобождению от всякой зависимости, хотя им это обходилось нередко очень дорого.

Так, в середине VI в. по всей Абхазии прокатилась мощная волна возмущения против иноземного ига. Одной из блестящих страниц мужественной борьбы абхазского народа за свою свободу и независимость является Трахейская битва 551 года.

Главнейшим источником по Трахейскому сражению являются сведения, сообщаемые Прокопием Кесарийским. Хотя последний не был участником событий, не бывал в Абхазии и вообще на Кавказе, но будучи круп-

нейшим историком своего времени, современником событий, долговременным секретарем известного византийского полководца Велизария — сподвижника «великого автократора» Юстиниана I, имел возможность широко пользоваться услугами разных осведомителей, донесениями военачальников, секретными материалами, перепиской и пр. Все это делает описание Прокопия основным источником по истории Абхазии VI в., несмотря на их ограниченность, ошибки и другие недостатки объективного и субъективного характера.

Основная внешнеполитическая причина трахейской трагедии заключалась в том, что в Абхазии столкнулись интересы двух держав — Византии и Персии. Трахейская битва явилась одним из значительных эпизодов в сложном переплетении византийско-персидских противоречий, их гегемонистского военного соперничества на Кавказе. Обе державы, не желая уступать заманчивый кусок благодатной земли, представлявшей в то же время важный стратегический плацдарм на пути между Азией и Европой, силой оружия оспаривали друг у друга право своего владычества в Абхазии.

Византия, которая официально называлась империей римлян и считала себя наследницей Римской империи на Востоке, не останавливалась ни перед чем, чтобы сохранить свои позиции в Абхазии. Она широко использовала экономические, политические, идеологические средства воздействия в целях укрепления и расширения своего влияния. Когда же мирные методы оказывались недостаточными и местное население начинало выходить из повиновения, Византия, не задумываясь, применяла насилие. «Метод кнута» выражался не только в усилении социально-экономического гнета, но также в посылке значительных вооруженных сил под командованием опытных военачальников для беспощадного подавления восставших. Так было и в случае с абазгами, оказавшимися у стен Трахей лицом к лицу с отборными линейными византийскими войсками⁵⁷.

Повод для военной акции не заставил себя долго ждать: абазги отпали от Византии, а персидские войска во главе с военачальником Набедом вошли в Лазику.

⁵⁷ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 82 сл.

Вскоре Набед, продолжая свое продвижение на северо-запад и воспользовавшись отпадением абазгов от византийцев и лазов, вторгся со своей армией в Абазгию. При этом он «взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»⁵⁸. А в Апислии (очевидно, на обратном пути) он встретил жену лазского царя Опсита («который был дядей Губаза и царем лазов»). Ее звали Феодорой, и она была «родом римлянка». Набед взял ее в плен и увез в Персию⁵⁹.

По-видимому, персидские войска, не сумев обосноваться в Абазгии, недолго оставались в этой стране, потому что появившиеся вслед за ними византийские отряды, не встретив никого из иноземцев, воевали здесь только с абазгами. Кратковременность «военного присутствия» персов в Абазгии объясняется, вероятно, не только боязнью скорого появления византийцев, но и тем обстоятельством, что сами абазги, «в полной тайне перешедшие на сторону персов»⁶⁰, ненавидели последних не меньше, а, может быть, даже еще больше.

О причинах того, «почему абазги решились на отпадение»⁶¹ от Византийской империи, что привело к трахейскому кровавому побоищу, Прокопий рассказывает нам довольно отрывочно и туманно. Но даже из его фрагментарного описания становится совершенно ясным, что абазги в течение первой половины VI века по крайней мере дважды, включая Трахею, выступали с оружием в руках в защиту своих законных прав и интересов: первый раз против собственных «царьков» и других местных угнетателей, а второй раз — вместе с вновь избранными своими «царьками» против вооруженной интервенции общего врага — заморских захватчиков.

Непосредственной причиной негодования абазгов, заставившей их решиться на отделение от империи и приведшей к трахейской катастрофе, было то, что византийцы, присоединив Абазгию к своим владениям, насильственно ввели у них новые, еще более тяжелые, чем при местных царях, порядки. Даже Прокопий не может скрыть этого факта. Он рассказывает, что, по приказа-

⁵⁸ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 400.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 399, 400.

⁶¹ Там же, стр. 400.

нию Юстиниана в Абазгию давно посылались византийские войны, которые к середине VI в. наводнили всю страну. Они, «уже давно расселившиеся среди них (абазгов. — Ш. И.) во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки. Ввиду более насильственного проявления власти абазги... пришли в негодование (выделено мной. — Ш. И.). Боясь, как бы в дальнейшем им не стать рабами римлян, они снова выбрали себе царьков... Впав в отчаяние, что они лишились прежних благ, они, естественно, восстановили то, что раньше им казалось тяжким, так как то, что последовало затем, им показалось еще более плохим; боясь силы римлян, они в полной тайне перешли на сторону персов»⁶².

Перед лицом реальной опасности потери Абазгии и ослабления позиций империи на всем восточном побережье Черного моря Юстиниан приказал двинуть отборные части регулярной армии на восставших абазгов. Но привести абазгов к повиновению было бы невозможно без сокрушения их главной твердыни под названием Трахея, у стен которой и произошла одна из крупнейших схваток абхазского народа с иноземными поработителями.

Не углубляясь в историю вопроса, следует отметить, что честь своего происхождения от Трахеи давно оспаривают два пункта: одни авторы высказываются в пользу отождествления прокопиевской Трахеи с современной Старой Гагрой, другие — с Новым Афоном, Анакопией.

Гагрскую локализацию впервые предложил С. Н. Джанашиа⁶³. Недавно в лице В. А. Леквинадзе, который неточно причисляет «большинство исследователей» к сторонникам этой локализации, джанашиевская точка зрения приобрела своего нового сторонника. Отождествляя гагрскую крепость, внушительные развалины которой сохранились до наших дней, с прокопиевской Трахеей, В. А. Леквинадзе пишет: «Таким образом, Трахей в действительности являлась Гагра, к северу от которой и должны были жить абазги. К северу от Гагры, разумеется, нужно искать и храм, построенный

⁶² Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 400.

⁶³ С. Джанашиа. Труды, т. I. Тбилиси. 1949, стр. 71 (на груз. яз.).

Юстинианом для абазгов»⁶⁴, причем этот храм, отождествляемый с цандрипшским базиличным храмом, он локализует на территории совр. Гантиади (по-абхазски Цандрипш). С такой локализацией как абазгов, так и храма для них, как увидим ниже, трудно согласиться.

Автор этих строк в свое время также в целом больше склонялся к гагрской версии. Трахея, писал я в скобках, это «совр. Гагра или, может быть, Анакопия у совр. Нового Афона, хотя, как можно судить по данным археологических раскопок, вряд ли Анакопия в качестве такой мощной крепости тогда уже существовала»⁶⁵.

Крайняя опраниченность источников — единственное описание того же Прокопия — исключает возможность сопоставления показаний разных авторов. В силу этого особое значение приобретает всесторонний анализ того материала, т. е. сведений Прокопия, которыми мы располагаем. Надо полагать, что таким путем мы все же сможем кое-что выудить из нашего источника и даже найти в нем ответ на интересующий нас вопрос.

Приведем те выдержки из сочинения Прокопия, которые касаются — прямо или косвенно — локализации абазгов и их крепости Трахеи. «За пределами апсилиев, — пишет он, — при входе в пределы абасгов (выделено мной. — Ш. И.) есть место следующего рода: высокая гора, начинающая от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта». Говоря о неприступности этого места, где абасты еще в древности построили свою крепость, Прокопий далее продолжает: «Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и прозня в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» — суровокремнистым. И вот римское войско пристало к берегу между пределами абасгов и апсилиев...»⁶⁶.

⁶⁴ В. А. Левкинадзе. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. ВВ, 34, 1973, стр. 181, 185.

⁶⁵ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, стр. 125.

⁶⁶ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 401.

Приведенная цитата и другие места из сочинения Прокопия, взятые в совокупности, не оставляют, по моему мнению, сомнения в том, что Трахея находилась именно в районе современного Нового Афона⁶⁷. Правда, по внешнему характеру местности, как она описана у Прокопия, Трахея как будто больше напоминает собой Гагру. Однако, во-первых, нельзя слишком прямолинейно, буквально понимать фигуральные выражения Прокопия об «отвесной скале», об обрыве, где будто бы нельзя было идти по двое в ряд; во-вторых, проход, где находится Гагрская крепость, конечно, очень узкий, но не в такой степени, как об этом сказано у Прокопия; в-третьих, Афон почти не уступает Гагре в отношении неприступной гористости, также его окружают отвесные высокие горы, тянущиеся ступенчатой «лестницей» от Кавказского хребта до самого моря; в-четвертых, неприступными гагрские ворота могли показаться только тому, кто двигался бы по побережью в страну абазгов с северо-запада, а не наоборот — с юго-востока, ибо с этой последней стороны подступы к Гагре и для того времени называть «неприступными» было бы неправдоподобно.

Главное заключается, однако, в другом: как определяет Прокопий взаимное расположение апсидов и абазгов, с одной стороны, и в какой части страны абазгов — восточной или западной — локализует он Трахею. Из его описания с несомненностью вытекает, что византийский военный флот двигался из Лазики в сторону Трахеи, что апсиды обитали в юго-восточной, а абазги — северо-западной части современной Абхазии, что абазги жили непосредственно «за апсидиями»⁶⁸, но пределы их распространения не шли на запад дальше Гагр; что Трахея находилась «за пределами апсидиев»⁶⁹, но сразу же «при входе в пределы абазгов», а именно в «проходе, ведущем в остальную страну абазгов» (выделено мной. — Ш. И.). Для человека, ориентирующегося при своем описании с юго-восточной стороны, как это имеет место у Прокопия, Гагру никак не назовешь «вхо-

⁶⁷ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 382.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Центр апсидов находился, возможно, на месте нынешнего Сухуми («город Абшилетин — Цхуми», — сказано в грузинской летописи «Картлис Цховреба»).

дом в пределы абасгов», в то время как Афон в целом вполне соответствует «проходу, ведущему в остальную страну абасгов», ибо основная часть Абазгии действительно находилась дальше за Афоном в северо-западном направлении, почти до самой Гагры включительно, а дальше начиналась уже область санитгов (садзов).

Представляется также несомненным и то, что римские войска высадились, в полном согласии с Прокопием, именно «между пределами абасгов и апсиллиев»⁷⁰, то есть где-то в районе современного Сухуми (Севастополиса), чтобы под его стенами дать отдых воинам и провести последние приготовления перед ответственным сражением, затем уже двигались дальше к Трахее по суше, а флот следовал за войском вдоль берега Черного моря.

Таким образом, на мой взгляд, со всей очевидностью выясняется, что Трахейская битва разыгралась не случайно именно в тех же самых местах, где спустя сто восемьдесят с лишним лет нашим предкам удалось разгромить других восточных завоевателей — арабские полчища Мервана Глухого.

Выясняется также, что прокопиевская Трахея — это лишь второе, греческое название еще более ранней здешней крепости, позднеантичного (III в.?) укрепления, строительство которого приписывалось римскому императору Траяну. У разных авторов она называлась по-разному: Апсарой (Аспара), Псиртом, Анакопней (Фанакопия), Никопсией (Никофия)⁷¹ или прямо Абазгской крепостью. Находилась Апсара на территории современного Нового Афона, на берегу моря, у реки Псырдза, с которой связано, возможно, и само название Апсары. Здесь были засвидетельствованы ее остатки разными авторами еще в XIX столетии.

Вот, например, какое описание Анакопии и ее древних развалин мы находим у Фр. Дюбуа, наблюдавшего

---

⁷⁰ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 401.

⁷¹ Никопсию локализуют обычно в Шапсугии (Нечепсухо), а древнюю крепость Апсар — на одноименной реке в районе совр. Батуми, и трудно сказать, почему эти названия появляются также на месте древней Анакопии — в центре совр. Абхазии. Возможно, здесь мы имеем дело с нередким в топонимике повторением одного и того же названия, перенесением его для обозначения другой местности.

эту местность со стороны моря в 1833 году: «На вершине покрытого прекрасными деревьями холма, который вздымается в виде усеченного конуса у левого угла устья Псирсты, торчит старая круглая башня, окруженная полуразрушенными строениями; нельзя проследить взглядом скрытую под листвою стену, соединяющую эту башню с другой, белой башней, на половине склона; но, начиная отсюда, можно хорошо различить остатки стены, которая, спускаясь до самого берега моря, закрывала в былые времена проход по берегу. Это — руины Анакопии, или Никофии древних карт. Напротив Анакопии, в углу, образуемом Псирстой и морским берегом, отделенный от нее только этой рекой, стоял замок Псирст. Прислоненный к отвесной горе, вздымающейся за ним, этот замок занимал всю ширину дефиле и защищая его...» (выделено мной. — Ш. И.)⁷². Графиня Уварова также говорит о «нижней крепости на реке Апсаре или Псырте»⁷³.

В сочинении другого автора XIX в. сказано так: «Вправо от храма углубляется в горы знаменитое Трахейское ущелье, и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи, который греки отняли у абазгов (абхазцев) в VI веке при Юстиниане, после кровопролитной осады. На самом берегу моря сохранилась древняя массивная круглая башня (теперь возобновленная) и развалины обширных каменных стен. Это была Анакопия, древняя греческая Никопсия, основанная греками до Р. X.»⁷⁴.

А в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь», вышедшей в 1898 году, мы читаем: «6 сентября (1875 г. — Ш. И.) последовал осмотр и выбор места на развалинах Анакопии, у древнего храма св. Апостола Симона-Канонита (где, по древнему преданию абхазцев и грузин, он и был погребен), на берегу реки Псыртсхи (др. Аспара, Апсара), в виду дикого и живописного ущелья и развалин крепости Апсары, которая, по преданию, была основана еще в III веке по Р. X. римским императором Траяном и имено-

⁷² Фр. Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, стр. 129.

⁷³ Гр. П. С. Уварова. Кавказ (Абхазия...), МАК, IV, стр. 30.

⁷⁴ «Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афонской». М., 1886, стр. 191.

валась древними церковными писателями IV века: св. епископами Дорофеем и Софронием по реке — крепостью Аспара, Апсара, императором Константином Порфирососцем по городу — Никопсиею (Анакопия), а Кедрином — просто Абхазской крепостью (Abasgae Arx)⁷⁵. Тот же автор рассказывает о «развалинах древней греческой крепости» на берегу моря, к которым монахами были пристроены четыре новых каменных здания, а также о генуэзской башне XIII в., стоявшей там же вблизи и обращенной теми же новоафонскими монахами «в гостиницу для почетных гостей»⁷⁶.

Есть основание предполагать, что часть древнейшей абазгской крепости Апсара на р. Псырдзха была поглощена морскими волнами. По сведениям полковника Введенского, сообщает Н. А. Владимиров, в Новом Афоне «у моря есть развалины стен, следы которых видны уходящими от берега далеко в море»⁷⁷.

З. В. Анчабадзе считает, что «Анакопия — это именно тот пункт, который Прокопий в VI веке назвал «Трахеей»⁷⁸, а М. М. Гунба, посвятивший отдельную статью локализации Трахен, также приходит к выводу, что «крепость Трахейя Прокопия Кесарийского соответствует крепости Анакопии Джуаншера и «Матиане Картлиса» и находилась на вершине Иверской горы в Новом Афоне»⁷⁹.

Прокопиевская Трахейя, однако, находилась, по всей видимости, не на вершине Анакопии, оборонительные сооружения которой в целом относятся к сравнительно более позднему времени, а у ее подножия, в непосредственной близости от берега. Недаром сам Прокопий недвусмысленно подчеркивает, что «Трахейя подходит к берегу», что «у подножия этой горы абазги выстроили очень сильное укрепление... Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов». Таким образом, в начале именно на побережье абазги еще в древности (а не в

---

⁷⁵ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Сямоно-Канонитский монастырь. М., 1898, стр. 200.

⁷⁶ Там же, стр. 203.

⁷⁷ Н. А. Владимиров. Древности Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1900, стр. 16.

⁷⁸ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, стр. 9.

⁷⁹ М. М. Гунба. К вопросу о локализации крепости Трахейя. «Труды» АБИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963, стр. 167.

его, Прокопия, время) построили свою крепость, которая потом, видимо, не раз разрушалась, перестраивалась и перемещалась, удаляясь, очевидно, подальше от досягаемости действий вражеского морского флота.

Анакопийская цитадель, расположенная на самой вершине горы, датируется, как принято считать, IV—VI вв. Однако если даже эта датировка соответствует действительности, то все равно отождествлению цитадели Анакопийской крепости прокопиевской Трахеи противоречит, кроме всего прочего, ясное указание того же источника о том, что Трахея, в отличие от цитадели, занимала большую площадь. Прокопий пишет, что византийцы наступали на Трахею «с двух сторон», а место расположения цитадели исключает возможность ее штурма одновременно с двух сторон, ибо она доступна только с южной стороны (со стороны моря). Прокопий далее указывает, что «дома абазгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною». Вот почему «здесь», то есть внутри Трахеи, римляне «оказались перед еще большей трудностью». Ничего подобного — ни многочисленных домов, ни стен вокруг них не было и не могло быть в цитадели по ограниченности ее площади.

Итак, Абазгия защищалась с двух сторон — с северо-запада и с юго-востока. Гагрская твердыня должна была обезопасить край от нашествия северных орд, а Трахейско-Анакопийская — от вражеских вторжений с юга. Оба этих пункта и, особенно Пицунда, одновременно являлись также и религиозными центрами. Но Анакопия, владению которой такое большое значение придавали Византия и Персия, постепенно становится общим политическим центром не только Абазгии, но на некоторое время также всей Абхазии и даже всего Абхазского царства.

Мы подходим к кульминационной точке «попытки абазгов отпасть»⁸⁰ от Византии. Но прежде чем перейти к описанию хода битвы, следует определить поле боевых действий. Допустим, что афонская локализация Трахеи соответствует действительности. Но где в точности

⁸⁰ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 402.

находилась крепость абазгов, у стен которой разыгрался главный акт кровавой драмы защитников родины.

Обратимся опять к Прокопию. У «**подножия** (выделено мной. — Ш. И.) описанной выше горы, тянущейся вплоть до самого моря, — пишет Прокопий, — **еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное.** Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места»⁸¹.

В этой цитате мы должны обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, согласно Прокопию, Трахейская крепость являлась древнейшим и сильнейшим укреплением с мощными стенами и воротами; во-вторых, у стен этой твердыни еще задолго до Трахейской войны абазгам «всегда удавалось отражать нападение врагов», в-третьих, крепость находилась непосредственно вблизи морского побережья, что вытекает также из того, что византийская морская пехота, обогнув место крепости и зайдя в тыл ее защитников, высадилась на берег и тут же пошла на штурм укрепления, двигаясь по берегу уже с северо-западной стороны навстречу остальным частям отряда византийцев, продолжавших свое наступление с юго-востока. Именно то обстоятельство, что Трахея стояла у самого моря, помешало византийскому военачальнику Иоанну просто выйти по берегу с отрядом в тыл трахейцев, не прибегая к сложной операции — погрузке и выгрузке морской пехоты на виду у неприятеля, ибо, как сказано у Прокопия, «Трахея **подходит к берегу**» (выделено мной. — Ш. И.)⁸².

Итак, Трахейская крепость абазгов находилась в центральной части современного курорта Новый Афон, непосредственно у морского побережья, вероятно, против нынешней причальной пристани, где видны еще остатки поздней крепостной стены, составляющей часть основания жилого дома у самого шоссе Сухуми — Гагра, которая, вполне возможно, сложена из камней Трахен, разрушенной византийцами до основания.

По приказанию императора Юстиниана, византийский полководец Бесса был отозван из Италии и назна-

---

⁸¹ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 401.

⁸² Там же.

чен начальником византийских войск в Армении, а оттуда был послан в Лазик, чтобы стать во главе римских отрядов, расквартированных в Лазике, где уже находились еще два видных византийских военачальника — Иоанн и Улигаг. Это было уже тогда, когда, выбрав себе вновь двух «царей», абазги решились на полное отпадение от всякой — не только лазской, но и византийской — зависимости и, «боясь силы римлян, в полной тайне перешли на сторону персов». Когда это стало известно Юстиниану, «он велел Бессу послать против них **значительное войско**» (выделено мной. — Ш. И.)⁸³. Бесс отобрал из римского войска **очень многих**⁸⁴ и под командованием Улигага и Иоанна отправил на кораблях в область абазгов. В это время один из абазгских царьков (по имени Скепарна), вызванный Хосроем I Ануширваном, находился в Персии, но другой «князь» — Опсит, «узнав о походе римлян, собрал всех абазгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними»⁸⁵.

И вот, как было сказано, византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсилиев», то есть, следовательно, в районе современного Сухуми. Отсюда, «высадив воинов на сушу, Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем» в сторону Трахеи, «а моряки на легких судах всем флотом следовали за войском вдоль берега. Когда же они подошли очень близко к Трахее и увидали над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов», стоявших вдоль всего обрыва над единственной узкой тропой, они остановились в недоумении. Чтобы выйти из этого «бедственного положения», Иоанн, оставив тут Улигага с половиной войска, сам с остальными войсками вновь сел на корабли. «На веслах они обогнули место, где Трахея подходит к берегу, и тем самым оказались в тылу» у защитников крепости, которую пошли штурмовать с «поднятыми знаменами»⁸⁶. Абазги, оказавшись между двух огней, стали отступать. «Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открыты-

---

⁸³ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 400.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 401.

⁸⁶ Там же.

ми. Сторожа не решались заложить ворота, принимая еще своих, убежавших сюда. И вот, преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота... Таким образом, абасги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову... пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, подложив огонь со всех сторон, они, наконец, одержали победу. Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным досталось на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятеля. Римляне взяли в плен **жен начальников со всем их потомством**; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась попытка абасгов отпасть⁸⁷.

Жестокое поражение, понесенное абазгами, несмотря на их отчаянное сопротивление и мужество, объясняется, по-видимому, не столько превосходством византийского военного искусства, сколько численным превосходством врага и полным отсутствием у трахейцев военно-морского флота, который мог бы преградить путь вражеским кораблям, вышедшим в тыл защитников крепости. Не будь бы этого «второго фронта» с тыльной стороны Трахеи, победа абазгов, по всей вероятности, была бы обеспечена⁸⁸. Сам Прокопий подчеркивает, что «Иоанн, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти из этого бедственного положения» только тем, что, посадив половину войска на корабли, он обогнул Трахею и тем самым неожиданно оказался в тылу у ее защитников.

---

⁸⁷ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 402.

⁸⁸ Как это, вообще говоря, бывало не раз. Например, в IX в. при Феофиле и сыне его Михаиле «византийские армии трижды терпят от абазгов жестокие поражения» (В. В. Латышев. К истории христианства на Кавказе. СПб., 1911, стр. 180).

4. О некоторых чертах социально-экономической и культурно-политической жизни абазгов

а. Анакопия — столица абазгов

Позднеантичное и раннесредневековое время является одним из важнейших периодов в истории Абхазии. Это было время образования крупных племенных союзов, главнейшими из которых были апсилы на юге и абазги на севере страны, вызревания и укрепления феодальных отношений, постепенного формирования единой абхазской народности, создания и расцвета большого и сильного по тому времени Абхазского царства, период непрерывной борьбы с вражескими нашествиями, за свободу и независимость своих земель.

В этих условиях, естественно, большое развитие получает строительство оборонительных сооружений. На относительно ограниченной территории за сравнительно короткий промежуток времени были возведены десятки малых и больших фортификационных объектов — башен, замков, крепостных стен и т. д.

Исключения не составляла и Абазгия с прилегающими территориями, где до сих пор сохранились остатки ряда мощных каменных оборонительных сооружений. Они построены в основном римлянами и византийцами для закрепления своего владычества в крае, а также местными феодалами и правителями для защиты во время бесконечных набегов и вторжений из-за гор и со стороны моря. Ограничимся здесь перечнем некоторых из них: Первая и Вторая Бжилвинские крепости (около рубежа нашей эры), крепость Абаарук в сел. Анхуа того же примерно времени, Анакопийский комплекс (IV—VII вв.), позднеантичные крепости в Хашупсе (в устье реки Лапста, у поселка Ачмарда), крепость в Старой Гагре (называемая абхазами Абаата), башня и остатки стен на берегу озера Инкит⁸⁹, мощная крепость Хасант-Абаа⁹⁰ в труднодоступном ущелье левобережья р. Бзыбь

⁸⁹ Ю. И. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 43—48.

⁹⁰ Название Хасант (Хэсан), на мой взгляд, представляет собой лишь позднейшее видоизменение древнеабхазского топонима Азантха (Азантха), встречающегося и в других местах Абхазии, например, в верховьях р. Кодор, а «абаа» — означает крепость, башню.

(на расстоянии около 15 км от берега моря), крепость Уаз-Абаа с трехэтажной башней, у выхода из Гумистинского ущелья и многие другие.

Самыми выдающимися раннеоредневековыми оборонительными сооружениями Абхазии являются Анакопия, расположенная в юго-восточной части исторической Абазгии, и указанная выше Великая Абхазская стена.

Анакопия находится на высокой (345 м) отвесной Иверской горе, у Нового Афона. Первоначально называлась Накопсией или Аспарой (Апсара), очевидно, по древнему названию омывающей ее речки Псырдаха.

Анакопия включает цитадель и крепостную стену. Цитадель, основанная, по-видимому, еще в IV—V вв. на вершине Иверской горы, первое в системе анакопийских сооружений и сравнительно небольшое укрепление. Храм внутри цитадели, воздвигнутый, вероятно, на месте языческого святилища, датируется VI—VIII вв. Примыкающая к храму цистерна для воды построена одновременно с цитаделью, а видная издали высокая четырехэтажная восточная башня — в более поздний период. К стене цитадели монахами Новоафонского монастыря, основанного в конце XIX в., пристроены новые сооружения из строительных материалов древних развалин. В VI—VIII вв. крепостные сооружения цитадели были усилены второй линией обороны. Ее основная часть проходит посередине южного склона Иверской горы, откуда можно было ожидать нападение неприятеля. В X—XII вв., в период существования объединенного Грузинского государства, куда входила и Абхазия, Анакопийская крепость подверглась капитальной реставрации.

Вторая линия представляет собой мощную каменную крепостную стену с башнями, построенную с максимальным учетом условий местности. Западный участок линии, проходящий по узкому пребню, соединяет юго-западную угловую башню у главных ворот с цитаделью. Ввиду труднодоступности местности, на этом участке нет башен, а стена, остатки которой заметны в ряде мест, также не отличалась своими размерами. Более сильные укрепления были возведены на восточном участке, потому что здесь нет такого отвесного обрыва. Эта стена также соединяется с цитаделью с восточной стороны.

Самая же мощная стена была построена на южной стороне. Высота ее достигает 5—10 метров, толщина —

до 1,5 м, а общая протяженность участка 600 метров. Здесь сосредоточены семь боевых башен, самая мощная из которых возвышается у главного входа. Эта башня, как и соседние, представляет собой круглое в плане, не доступное для тарана мощное сооружение, воздвигнутое непосредственно на скале. В основном все башни трехъярусные. По мере удаления от угла они становятся сравнительно менее значительными; меняются они и в плане — из круглых делаются четырехугольными, поставленными частично на грунте. Расстояние между башнями до 100 м⁹¹.

Большие крепостные сооружения, подобные Анакопийским, представляют собой результат деятельности сравнительно крупных государственных объединений дофеодалного или раннефеодалного периода. В эпоху же зрелого феодализма появляются отдельные замки

---

⁹¹ Раскопки Анакопии, проведенные в 1958 году под руководством М. М. Трапш, выявили значительное количество археологических материалов, помогающих осветить историю крепости и края в целом. Однако до сих пор не все материалы опубликованы. Например, в раскопанных автором этих строк слоях башни № 6 найдены многочисленные черепки от местной и отчасти привозной (амфоры и др.) мелкой и крупной гончарной кухонной и прочей посуды (кувшины, пифосы, чашки, горшки, миски и др.), кровельная черепица и кирпичи, железные предметы (далды с длинным загибающимся острым концом, шило, ребристые гвозди, ножи, ромбический дротик, наконечники стрел), орудия из камня (шлифованный каменный топорик, пряслица со следами сверления, в том числе одно глиняное грузило из гальки, круглые метательные пращевые ядра, жернова ручной мельницы, массивная ступа для очищения зерна объемом около 3000 куб. см, стеклянные сосудики, кости и зубы мелкого и крупного рогатого скота (домашней птицы и дичи, в том числе клык кабана), костяные изделия (пряслице?), бронзовые монеты (шило?), колечко, цепочки (от ножа?), пластиночка с ушком, медное кольцо и др. По характеру керамики нижний слой в общем резко отличается от предыдущих. Все находки очень фрагментированные (ручки сосудов, закраины, доньшки, крышки, стенки, черепица и кирпичи, а также каменные орудия и разбитые кости). Большинство керамических изделий этого слоя являются привозными. В том числе имеются импортные чернолаковые сосуды античного времени. Вместе с тем, в слое найдена интересная миниатюрная глиняная головка барана со спирально завитыми большими рогами. К наиболее интересным находкам относятся две литые бронзовые «варварские» (?) монеты круглой формы диаметром 18 и 35 мм, найденные на глубине 2,56 и 2,67 м. На обеих монетах имелись надписи, одна из них сохранилась плохо, а другая содержала четыре строки (читается по-гречески): «Иисус Христос — царь царей» (?).

разрозненных владетельных князей и феодалов. Археологический материал свидетельствует о наличии в Анакопии поселения в античную и даже неолитическую эпоху. Что же касается крепости, то разные ее части строились в разное время — цитадель раньше (возможно, с IV в.), вторая линия обороны — позже, а в целом в пределах второй половины первого тысячелетия н. э.

По мнению некоторых авторов, в архитектуре и способе строительства Анакопийских сооружений мало местного элемента (впрочем, точно также обстоит дело и с синхронными лазскими памятниками VI—VII вв.). Возможно, что Анакопия была построена самими абазгами при содействии Византии для обороны от нашествий с севера в Малую Азию через абхазское побережье. В этом в основном выражалось участие местных племен в военно-оборонительных мероприятиях империи, если не считать, видимо, относительно небольших контингентов войск, нерегулярно поставлявшихся ими Византии.

Таким образом, Анакопия становится известной уже в первые века нашей эры. Цитадель датируется IV—V вв. н. э. В V в. — это резиденция епископа, а в VII—VIII вв. — столица Абхазского княжества, причем в древнегрузинской летописи фигурирует как «главная крепость Абхазии». В 738 г. Анакопия, в которой укрепились владетель Абхазии Леон и грузинские цари Арчил и Мир, была осаждена арабскими войсками во главе с Мурваном-ибн-Мухаммедом («Глухим»). Однако, вследствие упорного сопротивления защитников крепости, овладеть Анакопией арабам не удалось. К этому периоду относится значительная часть крепостных сооружений на Иверской горе. В частности, VII—VIII вв. датируется нижняя кладка крупнейшей угловой башни, которая была началом второй линии обороны. Внутри цитадели сохранились развалины церкви VIII века, где, по сообщению грузинского летописца, хранилась икона «божьей матери». У русских монахов икона получила название «Иверской (Грузинской) божьей матери», откуда и произошло современное название горы (Иверская). После образования в конце VIII в. Абхазского царства Анакопия становится столицей этого государства до перенесения ее в Кутаиси. И потом Анакопия продолжает играть роль приморского порта и крупного город-

ского центра Абхазии⁹². В XI в. (1032—1073 гг.) Анакопией владели византийцы. К этому времени относится ряд эпиграфических памятников на греческом языке, обнаруженных в ее развалинах. Грузинские цари (в частности, Баграт IV) неоднократно предпринимали попытки освободить ее. О Георгии II грузинский летописец сообщает, что он «отнял у греков Анакопию, главную крепость Абхазии, и много других крепостей». В XII—XIII вв. были реконструированы и укреплены сооружения анакопийской цитадели. Жилые дома анакопийцев и другие городские строения простирались от этих стен вплоть до морского берега.

В период распада единого грузинского царства постепенно падает экономическое и политическое значение Анакопии. В XVIII в. Вахушти отмечал, что Анакопия, которая ранее представляла собой «город благоустроенный и прекрасный, построенный над берегом моря и особенно возвеличенный (царями) Багратионами, теперь запущен». На карте, составленной им, развалины Анакопии отмечены как место, которое полностью покинуто населением.

Анакопия овеяна легендарной славой. Историческая память народа сохранила воспоминания о событиях, разыгравшихся у ее стен в давно минувшие времена.

Одно абхазское предание записано не так давно со слов сказителя Катаны Таркил из села Анхуа близ Афона. Согласно этому преданию, на Иверской горе жил некогда один крупный владетель. К нему прибыла однажды «из Турции» какая-то важная женщина. Она призналась князю, что ей здесь очень понравилось и что она желала бы приехать к нему на постоянное жительство, если только хозяин не возражает. Хозяин дал согласие. Вскоре она выехала «в Турцию». Через неско-

---

⁹² В 1032 году Анакопия оказалась центром крупного заговора, направленного против центральной царской власти в лице Баграта IV. В это время здесь находились грузинский царевич Дмитрий и его мать осетинская царевна Алда. Однако грузинские феодалы, сплотившиеся вокруг Дмитрия, потерпели поражение. Дмитрий бежал в Византию, а Алда — в Осетию. Анакопия была занята византийцами. Баграт IV в 1046 году приступил к осаде города, но был вызван для занятия Тбилиси (умер эмир Джафар) и оставил для продолжения осады «абхазские войска» во главе с эриставом Квабулели Отаго Чачасдзе. Это первое упоминание абхазского княжеского рода Чачба.

торое время вернулась обратно на большом корабле. На корабле везла она большое количество огромных забитых ящиков, наполненных вооруженными солдатами— по 7 человек в каждом ящике. По ее просьбе владетель Анакопийский велел своим подчиненным внести весь этот багаж в крепость. Оказавшись внутри крепости, солдаты неожиданно вышли из ящиков, напали на гарнизон, разгромили его и захватили всю крепость.

В этом предании сохранились какие-то отзвуки сложной и до конца еще не разгаданной истории Анакопии.

Второе предание, записанное мною в 1951 году у другого анухвского сказителя — 84-летнего Кансоу Таркил, гласит так.

Когда-то в очень давние времена персы (ацхам)⁹³ пошли войной на грузин и армян, и многочисленный враг стал их уничтожать. Тогда грузины и армяне обратились к абхазам с просьбой о помощи. «Нас мало, — общались они, — враг погубит нас, не могли бы вы нас поддержать». Идя им навстречу, князь абхазов собрал большое конное войско и послал им на помощь и тем самым спас их от поражения.

Это предание, мне кажется, с большей уверенностью можно отнести к успешному выступлению абхазов и грузин против арабского нашествия, когда совместными усилиями им удалось разгромить у стен Анакопии полчища Мервана Глухого, что имело место почти на два века позже Трахейского сражения — в 736—738 годах. Но может быть и так, что предание связано с временным взятием Анакопийской крепости Византией в XI в., хотя этому противоречит упоминание в нем иранцев (ацхам).

Так или иначе, память народа донесла до нас сведения о важнейшем значении Анакопийского опорного пункта и тех кровавых событиях, которые неоднократно разыгрывались вокруг него в продолжение всей средневековой истории Абхазии.

---

⁹³ По-видимому, имеются в виду в действительности не персы (иранцы), а, скорее всего, арабы.

б. Об абазго-византийских связях

Взаимоотношения с Византией составляют одну из важнейших страниц социально-экономической и культурно-политической истории абхазов. Эти взаимоотношения были длительными и весьма интенсивными, охватывая самые различные стороны жизни почти всех слоев абхазского общества — от крестьянских общин до вассальных и независимых князей. В течение второй половины VI и всего VII века абазги находились в непосредственной зависимости от Византии, в то время как апсилы с мисимиянами входили в состав Лазики на вассальных началах.

Вассальные феодалы получали от византийских императоров субсидии, почетные титулы и придворные звания, а сами вассалы, сверх поставок военных континентов, оказывали императору все положенные почести (внешним выражением вассальной зависимости от империи было, в частности, соблюдение сложного византийского придворного этикета).

При всем том, однако, абхазские правители пользовались в значительной степени суверенитетом в своей внешней и внутренней политике. Об этом свидетельствуют, например, их внешние знаки отличия и свинцовые печати, привешивавшиеся к документам, исходящим от императора, патриарха и разных должностных лиц Византийской империи. В связи с этим особый интерес представляет найденная в Пицунде вислая печать (моливдовул) VIII в. с греческой надписью: «Константин Абазгский»⁹⁴. Так мог именоваться только достаточно суверенный владетель, пользовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями, на которых было высечено его собственное имя (возможно, что подобные печати использовались также и в качестве денежного знака)⁹⁵.

⁹⁴ Позднее же правители Абхазии получали от византийского императора золотую буллу (кольцо с изображением императора) весом в 2 солида, а официальное обращение к ее царю, согласно автору X века К. Багрянородному, гласило: «Христолюбивому, божьей милостью блистательному жеуснасту (владетелю) Абазгии» («Георгика», т. IV, ч. II, стр. 292).

⁹⁵ В. А. Леквинадзе. Вислая печать Константина Абхазского. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. XVI, № 5. Тбилиси, 1955, стр. 494.

По всей вероятности, абхазские князья не только следовали византийскому обычаю, но и заказывали в Византии сами по своему вкусу печати для скрепления официальных бумаг, о чем говорит и новый экземпляр из Анакопии.

В известном корпусе Шлюмбергера, как и в другой соответствующей научной литературе, полной аналогии к печати абхазского князя не встречается. Следовательно, лицундская печать Константина, исследованная В. Леквинадзе, местного, абхазского происхождения не столько, может быть, в том смысле, что она не лишена оригинальности своей формы, сколько в том, что она принадлежала только Константину и никому другому, отражая тем самым его суверенные в известной мере прерогативы, то есть исключительные права и преимущества, связанные с занимаемым положением.

В самой Византии, как известно, пользование подобными же печатями было широко распространено среди самых высокопоставленных должностных лиц (ср., например, печать Константина Абазгского с печатями Трибониана, квестора священных палат, начальника канцелярии и министра юстиции в правительстве Юстиниана⁹⁶, свинцовыми буллами Иоанна апоэларха⁹⁷, военачальника Иоанна⁹⁸ и консула Павла⁹⁹, свинцовой буллой самого Юстиниана¹⁰⁰ и др.).

Как сказано, Апсилия была наиболее тесно связана с Лазикой¹⁰¹, а Мисиминия находилась в номинальной от нее зависимости, в то время как Абазгия во времена греко-персидских войн была по существу почти не-

---

⁹⁶ Ш. Диль. Юстиниан... СПб., 1908, стр. 105—106.

⁹⁷ Там же, стр. 57.

⁹⁸ Там же, стр. 184.

⁹⁹ Там же, стр. 125.

¹⁰⁰ Там же, стр. 9.

¹⁰¹ В свою очередь, лазские цари как вассалы Византийского императора из рук последнего получали корону и другие знаки царской власти. Например, Цате в 523 году принял в Константинополе христианство и был утверждён на престоле Лазского царства. В том же году он возвратился в Лазикку с большой торжественностью, украшенный короной, с золотой царской нашивкой на одежде, в сапогах под названием «цага» (на языке греческого источника «пангва»), усыянных жемчугами (ср. груз. ჯემუგა и абх. აჭაგა, что в переводе означает «тонкий») («История Грузии», I. Тбилиси, 1962, стр. 102).

зависима¹⁰². Правда, эта независимость была весьма относительной, она часто грубо нарушалась со стороны Византии и других захватчиков. При всем том несомненным является тот факт, что Абхазия в целом, а в особенности Абазгия находилась в особо тесных взаимоотношениях с Византийской империей — торгово-экономических, военно-политических, культурных — вплоть до родственных, династических и прочих отношений.

Так, например, абхазы входили в личную охрану императора Юстиниана. Значительные абхазские (абазгские) армейские отряды, называемые иногда «союзниками», состояли в императорских войсках. Так было, скажем, во время византийско-иранской войны в Армении в 571 году: в составе византийских войск находились и абхазские части.

Воинские соединения из Абхазии на определенном этапе принимали активное участие и в восточных походах Ираклия (20-е годы VII в.). Касаясь неповиновения союзников византийскому императору, который в 622 году совершил поход против Ирана, Феофан Летописец писал: «...Но армия не поддержала его в этом, особенно не согласились его союзники из лазов, абазгов, иверийцев» и «вернулись на родину»¹⁰³. Весьма показательным, что абазгские «союзники» могли позволить себе не соглашаться с действиями императора и даже возвращаться по своему усмотрению на родину. Поставляли эти контингенты императорам местные, абхазские феодалы и князья.

Абхазские отряды под названием «Первое крыло абазгов» (Αἰα πρῶτη ἄβασγοῦμη) составляли нередко особую часть византийской армии¹⁰⁴ и принимали активное участие во многих крупных военных операциях, которые приходилось осуществлять Византии.

Вооружение и внешний облик абхазских войсковых соединений часто ничем особенным не отличались от византийских. Так, перед вторжением арабов абхазское войско было перевооружено по византийскому обычаю в сплошные латы (в то время как другие кавказские

¹⁰² М. М. Ивашенко. Великая Абхазская стена. — «Известия Абхазского научного общества». Вып. IV, Сухум, 1926, стр. 85.

¹⁰³ «География», т. IV, ч. I, стр. 45.

¹⁰⁴ А. Грен. Династия Багратидов в Армении. ЖМНП, 1893, № 11, стр. 94.

народы носили кольчужные доспехи) и на него «кругом смотрели со страхом и трепетом»¹⁰⁵.

Абхазы сплошь и рядом принимали самое непосредственное и самое активное участие в ожесточенных закулисных и открытых политических схватках, которые так часто сотрясали до основания стены византийского двора. При этом немаловажную роль играли и династические связи, браки абхазских, в частности, абазгских принцесс с византийскими кесаревичами, сыновьями византийских императоров.

Так, говоря об участии сторонников еретического движения павликиан в крупнейшем народном восстании в Византии IX века под руководством Фомы Славянина, объявившего себя императором и осадившего Константинополь (821—823 гг.), византийский историк Генесий пишет, что Фома «заключил союз с агарянами, индами, египтянами, ассирийцами, мидиянами, абасгами (выделено мной.— Ш. И.), зехами¹⁰⁶, иберами¹⁰⁷, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, готами и теми, кто разделял позорное заблуждение ману, лазами»¹⁰⁸.

Это сообщение находит свое подтверждение и в официальном письме византийского императора Михаила II (820—829 гг.) франкскому императору, сыну Карла Великого Людовика Благочестивому (778—840 гг.), где также среди главнейших сторонников Фомы, — наряду с арабами, персами, иберами, армянами — названы опять-таки абазги¹⁰⁹.

Согласно сообщениям византийской принцессы Анны Комнины, автора мемуаров «Алексиада»¹¹⁰, а также других византийских писателей, главным образом Зонары и Никиты Хониаты, в первой четверти XII в., к концу царствования отца Анны — Алексея I Комнина (1081—1118 гг.) в Византии разгорелась отчаянная борьба за верховную власть в стране. При дворе действовали в это время две непримиримые партии: императрицы Ири-

¹⁰⁵ «Георгика», т. I, Тбилиси, 1961, стр. 171.

¹⁰⁶ Зехи — от абхазского «казаху» — названия одного из средневековых адыгских племен.

¹⁰⁷ Иберами назывались в то время грузины (восточные).

¹⁰⁸ Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961, стр. 154—155.

¹⁰⁹ Там же, стр. 218.

¹¹⁰ Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 431 и сл.

ны, стремившейся передать власть дочери Анне, и партия кесаревича Иоанна, которому помогал брат Иссак. Решающая битва разыгралась в покоях умирающего Алексея I. Враждующие стороны буквально вырывали друг у друга корону. В этой борьбе определенное участие принимали и абхазы, как об этом свидетельствуют византийские хроники.

Вот что сообщают Зонар и Никита Хонята о том, что в действительности происходило в те дни при византийском дворе в связи с вопросом наследования власти Алексея: «...Сына императора ставят в известность, что его отец испускает дух. Он является в дом, где лежит умирающий, не с целью оплакать отходящего, а с целью лично убедиться в том, что он умирает. Удостоверившись в этом, он сразу же вышел, вскочил на коня и со своей свитой выехал из Манган. Многие ушли вместе с ним. У самой ограды Манган его встретили авасги, они были присланы из Авасгии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря (выделено мной. — Ш. И.)¹¹¹. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена...»¹¹².

Это произошло 15 августа, а в ночь с 15 на 16 августа 1118 года умер Алексей, процарствовав более 37 лет.

Таким образом, в сложных условиях византийских дворцовых интриг, в накаленной атмосфере междоусобной борьбы за власть, вооруженные абхазы, родственники будущего властелина великой державы, «присланные из Авасгии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря», оказались, видимо, одной из тех сил, которые в решительный час помогли Иоанну взойти на императорский трон¹¹³. У императора Иоанна II —

¹¹¹ У абхазов еще в XIX в. сохранялись пережитки древнего обычая, согласно которому представители высшего сословия своим дочерям при выходе замуж давали иногда в приданое крепостных крестьян и слуг (анабзыт, агандал).

¹¹² Анна Комнина. Указ. соч., стр. 627.

¹¹³ Иоанн II Комнин, или Каланоанн, прозванный так за якобы душевную красоту, занимал византийский императорский трон свыше 25 лет (1118—1143 гг.). Подавив вспыхнувший сразу же после воцарения дворцовый заговор, душой которого была сестра Анна, он вел успешную борьбу с внешними врагами — турками-сельджуками, крестоносцами, печенегами, Венецией, Антиохией, признавшей в 1137 г. свою вассальную зависимость от Византии, и др. Жизнь его прошла в непрерывных походах, но умер он случайно на охоте от раны, нанесенной отравленной стрелой.

абхазского зятя было два сына — севастократор Исаак и Мануил — известный византийский император с 1143 до 1180 года. Не исключено, что среди сторонников Иоанна были и другие люди абхазского происхождения, в том числе и такие, которые занимали видные государственные посты в Константинополе.

Константинополь рано стал интернациональным городом с многочисленными национальными колониями в нем. Например, русские жили в Константинополе по крайней мере с X в. (см. договоры Руси с греками)¹¹⁴. Мы имеем основание сказать то же самое и в отношении абхазов. Более того, абхазо-византийские взаимосвязи, в том числе «обмен» населением, начинается гораздо раньше X в. Как видно из сообщения Прокопия Кесарийского и других авторов, византийцы (в частности, воины-акриты)¹¹⁵ давно расселялись среди абазгов в разных пунктах страны, а некоторое количество самих абазгов: евнухов, учащейся молодежи, воинских подразделений и др., проживало в Константинополе и других частях империи.

в. Работоторговля

Император Юстиниан I открыл в Константинополе школу для абхазских детей, чтобы готовить в христианском духе послушные ему кадры «рабов божьих», а в районе Пицунды построил для абазгов храм богородицы, назначил к ним священников и добился того, чтобы они приняли христианский образ жизни. Он использовал для этой цели, в частности, и одного из своих евнухов по имени Ефрат, родом абхаза (абазга)¹¹⁶, который с 523 года через Пицунду усиленно распространял христианство среди своих соплеменников.

Присутствие абазгского евнуха при дворе «великого самодержца» не было неожиданной случайностью. Аб-

¹¹⁴ Акад. М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, стр. 85.

¹¹⁵ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 82 сл.

¹¹⁶ Евнух, надзиравший за гаремом, назывался по-абхазски «ауа-далыг», что в переводе означает домашний (досл. комнатный) мужчина (от «ауада» — комната и «алыг» — слабоумный человек, мужчина).

хазские феодалы, и прежде всего владетельные князья, превратили свой край в один из основных рынков по поставке невольников в Византию. У Прокопия Кесарийского прямо сказано, что большинство евнухов у римлян, и главным образом в византийском царском дворе, были родом абазги¹¹⁷. Он же пишет далее о «неслыханных вещах», которые испытывали абасги из-за «корыстолюбия» их начальников. Мы сошлемся на его описание, которое частично приводилось и выше. «Дело в том, — рассказывает Прокопий, — что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тот час же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей обрекала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смертоносной красотой»¹¹⁸.

Прокопий, говоря об абазгах, пожалуй, более всего останавливается на вопросе об евнухах. По его словам, Юстиниан, при котором «все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы», запретил абазгским правителям «лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу». Абазги, по тому же сообщению, с радостью встретили этот императорский приказ, и «они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына»¹¹⁹.

Евнухи играли важную роль не только в сугубо личной жизни и домашнем быту византийских вельмож и властителей, но и в осуществлении ими своей государственной и общественной деятельности, как их ближайшие помощники и советники, как непременная составная часть многочисленной и помпезной императорской

---

¹¹⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 383.

¹¹⁸ Там же, стр. 382—383.

¹¹⁹ Там же, стр. 383.

свиты. Евнухи входили в состав свиты императоров особенно во время их торжественных выездов. Например, на ипподром Юстиниан являлся не иначе, как окруженный прежде всего евнухами, а потом уже придворными и высшими сановниками¹²⁰. Однако евнухи прежде всего должны были прислуживать и следить за женами своих хозяев; это была их главная функция.

Обычай поручать оскопленным слугам надзор за гаремами, возникший в Малой Азии, получил затем широкое распространение в ряде стран Ближнего Востока. Еще Геродот писал, что на Востоке было в обычае кастрировать пленных. Евнухи упоминаются в Древней Греции и Риме, но, как предполагают, оскотление их совершалось только в странах Ближнего Востока. Широкую известность получили скупость, жадность, жестокость, ханжество, интриги и могущество евнухов при дворах восточных монархий. Через своих властителей и их жен и наложниц евнухи нередко приобретали большое влияние на ход государственных дел. Византия унаследовала их от Востока, а ислам с дозволенным им многоженством резко увеличил потребность в черных и белых евнухах, причем последние, в отличие от первых, совершенно лишались признаков мужского пола.

Истории известны имена ряда знаменитых евнухов: философ Фафорин, полководец Птоломеев Аристоник, сподвижник Юстиниана Нарзес, произведенный императрицей Феодорой в генералы¹²¹, визирь Али при султани Сулеймане II и др. Едва ли однако не самым крупным из евнухов был Евтропий — первый министр императора Аркадия (395—407 гг.). Варвар по происхождению, пленный раб, перепроданный несколько раз, он вошел в доверие к бесхарактерному Аркадию, устроил ему брак с дочерью бедного франка — Евдокней, а Иоанна Златоуста возвел на Константинопольскую архиепископскую кафедру. Так он достиг самых высших должностей. Получив звание патриция и консула, он сделался фактическим правителем всего римского Востока. Однако императрица добилась, чтобы временщика лишили власти

¹²⁰ Ш. Диль. Юстиниан. СПб., 1908, стр. 460.

¹²¹ Нарзес «был евнухом и хранил императорских сокровищ; вообще человек острого ума и энергичный более, чем это свойственно евнухам» (Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 205).

и осудили на казнь. Не помог ему и Златоуст. В конце концов Евтропия сослали на о. Кипр, а оттуда — на Халкедон, где по новым обвинениям предали его смерти путем отсечения головы.

Среди подобных деятелей в Константинополе — «царственном граде», который византийские ораторы величали «око и сердце земли», не мало было и таких, которые мечом и золотом были в свое время оторваны от родных берегов Абхазии.

г. Христианство и языческие верования

По вопросу культурно-исторических связей Абхазии, в том числе конкретно территории исторической Абазгии с Византией и вообще с средиземноморским культурным миром, значительный интерес представляют абхазские памятники христианского зодчества. Юстиниан, следуя своему правилу: «единое государство, единый закон, единая вера», развернул колоссальное церковное строительство во всех тех зависимых странах, где его государству надо было укреплять свои позиции, в том числе и среди абазгов, которым он уделял большое внимание. Исключительный интерес в этом отношении представляют ранние храмы Абхазии, особенно Драндский храм и разновременные Пицундские христианские памятники. Среди последних особое значение имеет, например, пицундская мозаическая вымостка. Мозаики эти, выполненные в IV—V вв. в Пицундском храме, «свидетельствуют о ближайшем родстве их со средиземноморским искусством»¹²², конкретно с мозаикой Бир-аль-Кута близ Вифлеема (монастырь Феодора Тирона). Историко-художественное сближение Пицунды с Вифлеемом, выходя из рамок общих гипотез, все более становится на вполне реальную почву конкретных связей. Как показали специальные исследования, мозаика пицундской базилики, сохранившиеся ее части относятся к нескольким строительным периодам. «Настил крещальни и повышенной части мартырия принадлежит ко времени не

¹²² Л. А. Мацулевич. Мозаики Бир-аль-Кута и Пицунды. «Византийский временник», XIX, 1961, стр. 143.

позднее второй половины IV в. Он характеризуется живым эллинистическим наследием и столь тесной связью с местными народными художественными образами, что закономерно ставить вопрос о местных предшественниках новооткрытых (т. е. пицундских. — Ш. И.) мозаик... Нельзя не признать, насколько жизнедеятельны в Пицунде были художественные силы и местные культурные связи»¹²³.

В декоре пицундского мозаичного пола мы находим яркое изображение коровы с телком. Как справедливо подчеркивает Л. А. Шервашидзе, особого внимания заслуживает то, что выбор безымянного художника пал именно на этот сюжет из разнообразного репертуара эллинистического наследия. Надо полагать, что такая акцентация художника является не случайной, не произвольной, а, напротив, она диктовалась естественным и разумным желанием декоратора воспользоваться не любым пришедшим на ум мотивом, а сделать свое произведение как-то близким и понятным тому населению, для которого собственно оно создавалось, связав его с соответствующими местными традициями. Поэтому есть все основания предполагать, что выбор указанного сюжета, «по-видимому, связан с исторической этнографией абхазского народа, с местными верованиями и преданиями, в частности, с культом коровы и быка» (ср. также божество Жвабран — «Мать коров», Илорский бык, Пицундское святилище Лдзаа-ных и др.)¹²⁴.

Положение об определенной связи отдельных элементов Пицундской мозаики с местными древнеабхазскими традициями подкрепляется и тем, что стилистические особенности рассматриваемого памятника не стоят в полной изоляции, а, напротив, находят себе сходные черты еще в некоторых других местных памятниках искусства, например, в цебельдинских барельефах VII в., где эти особенности выражены в еще большей степени¹²⁵. Все это убеждает нас в том, что специфические черты пицундской мозаики, которые отличают ее от синхронных мозаик в других странах, «не являются следствием

¹²³ Л. А. Мацулевич. Указ. соч., стр. 140—141.

¹²⁴ Л. А. Шервашидзе. Монуументальная средневековая живопись на территории Абхазии. Автореферат. Тбилиси, 1971, стр. 8.

¹²⁵ Там же, стр. 8—9.

индивидуальных особенностей создавших эту мозаику мастеров, но обусловлены местной спецификой искусства и его общим ходом развития»¹²⁶.

Ко всему этому следует добавить весьма существенные с точки зрения местного центра мозаичного искусства сообщение «Патерика Киевско-Печерской Лавры» о том, что смальту¹²⁷ для мозаик в Киевскую Русь доставляли именно обезы, т. е. абхазы¹²⁸. Реальность этого сообщения и вообще длительного развития мозаичного дела в Абхазии подкрепляются и остатками стеной мозаики V—VI вв. в районе Сухумской крепости, найденный в 1959 году¹²⁹, и из храма у р. Беслетки.

Религиозное состояние абазгов в середине VI в. характеризуется почти полным еще господством языческих верований. «Эти варвары, — пишет Прокопий Кесарийский об абазгах, — еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»¹³⁰.

Хотя именно на абазгской территории впервые начинает распространяться христианство в Абхазии (пицундский епископ принимал участие в I Никейском соборе 325 года), но официальная христианская религия так и не смогла искоренить среди них древние местные воззрения. Более того, у населения северо-западной и центральной Абхазии оказались наиболее развитыми и живучими языческие представления. Об этом можно судить и по тем многочисленным языческим божествам и святилищам, пережитки которых до недавнего времени широко были распространены среди абхазов — прямых наследников тех, кого Прокопий характеризовал как почитателей рощ и деревьев. В этой связи мы составили примерную сравнительную таблицу, которая приводится ниже.

---

¹²⁶ Л. А. Шервашидзе. Указ. соч., стр. 9.

¹²⁷ Изготовление смальты, то есть цветного непрозрачного стекла, представляет собой, как известно, сложный производственный процесс: сплавление стекла, олова, сурьмы, мышьяка и минеральных красок для переработки этой стекломассы в кубики, пластинки и пр.

¹²⁸ «Патерик Киево-Печерского монастыря», под ред. Д. И. Абрамовича, СПб., 1911, стр. 8.

¹²⁹ Л. А. Шервашидзе. Указ. соч., стр. 10.

¹³⁰ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 382.

Порайонный список

древнеабхазских языческих святилищ (аныха)

Район Сочи — Гагра:

Названия святилищ:	Местонахождение:
1. Аублаа рных (святилище рода Аублаа)	на территории г. Сочи.
2. Цаных	между Мацестой и Сочи.
3. Лацунуха	в верховьях р. Кудепста.
4. Лиашв-ных (Лиашэ-ных)	вблизи Адлера.
5. Ах-ных	„
6. Чыгу-рных	в 15 км с.-з. г. Гагра.
7. Анахомста (Аныха ѓста)	между совр. Гребешком и Бегерпестой.
8. Гагра инхуу	в районе гор. Гагра.
9. Ахаш-ных (Аҳаш-ных)	в районе Алахадзы.
10. Лдзаа-ных (Льдзаа-ных, Анан-Лдзаа-ных) (Лзаа-ных, Лызаа-ных, Анан-Лзаа-ных).	в Пицунде.
11. Айтарных	„

Гудаутский район (Бзыбская Абхазия):

1. Ет-ных — Аг-ных (Ет-ных-Аг-ных)	святилище рода Ампар в с. Калдахвара.
2. Хуапшыа-ныха (Хуаҭшыа-ныха)	свят. рода Абиа в с. Блабырхва.
3. Лап-рных (Лаҭ-рных)	с. Блабырхва.
4. Аныха	на горн. тропе из с. Блабырхва, у лихты.
5. Леиаа рныха	свят. рода Лейба в с. Мгудзырхва.
6. Джирху-ных (Цьырху-ных)	свят. Джирхвинской общины.
7. Ху-ных	с. Хуап.
8. Лых-ных	свят. Лыхненской общины.

9. Мтаргелаз (Мтаргьалаз) с. Лыхны (свящ. вековые дубы).
10. Гумбаа рныха свят. рода Гумба в с. Куланурхва.
11. Хбы-иных свят. рода Ахба в с. Ачандара.
12. Дыдрыпш (Дыдрыпшь-Аныпс-ных) (Дыдрыпшь, Дыдрыпшь-Аныпс-ных) с. Ачандара.
13. Аац-ных (Айрых-Аац-ных) свят. Аацинской общины.
14. Аныхамца (Аныхамца) с. Анухва.
15. Ебырныха
16. Олинуха
17. Ахуаных с. Калдахвара.
18. Лваханых (Лваханых) с. Отхара.

Сухумский район:

1. Пеху-ных (Пъсхэы-ных) с. Пеху.
2. Инал-Куба (Инал-Куба) с. Пеху.
3. Амзыха (Амызнеха) с. Пеху¹³¹
4. Ешыр-ных с. Эшера.
5. Аныха-паара (Аныхапъара) у правого приустья р. Келасури.

Гульрипшский район:

1. Тгылаху (Тгылаху?) басс. р. Малая Мачара.
2. Джахашькар (Цъахашькьар) с. Цебельда.

Очамчирский район (Абжуа):

1. Къач-ных (Къач-ных) с. Джгерда.
2. Елыр-ныха. с. Илори.
3. Лашкендар (Лашькьындар) с. Ткварчели.
4. Джахашькар Цъахашькьар) с. Члоу (Аймара).
5. Аныхамца (Аныхамца) с. Джгерда (центр).
6. Пскал (Пъскал) в р-не с. Джгерда.
7. Ага-ныха с. Адзюбжа

¹³¹ Гос. б-ка в Ленинграде, архивный № 553, с. 2

Гальский район:

1. Швджина-ныха (Шэцъына-ныха) с. Окуми (Одышь?).
2. Шьагунаха (Зхуаа рныха) свят. (рода) Зухба, с. Окуми.

«Родственные», или разделившиеся аныха:

1. Аныха — Лапырных (с. Блабурхва).
2. Дыдрыпш (мужское) — Лдзаа-ных (женское).
3. Инал-куба — Дыдрыпш (брат и сестра).
4. Псху-ных — Лашкендар.
5. Псху-ных — Елыр-ныха.
6. Джахашькар (Цебельда) — Джахашькар (Члоу).

Таким образом, по имеющимся описаниям и нашим полевым материалам, на сегодня можно еще обнаружить следы или воспоминания о древних языческих святилищах Абхазии количеством до 30 и выше. Этот перечень достаточно велик для такой маленькой территории, как Абхазия. К тому же, по-видимому, он является далеко не полным, так как многие, очевидно, наиболее древние святилища исчезли с лица земли, не оставив о себе никаких воспоминаний у населения.

О чем говорит нам приведенный список? Прежде всего о резком преобладании количества языческих молитвенных мест в северо-западной части Абхазии (территория исторической Абазгии) по сравнению с южной — около двадцати у бзыбцев вместо пяти-шести в Абжуа. Объяснить этот факт можно по-разному: и большим влиянием на юге страны христианской культуры, безжалостно уничтожавшей всякие следы язычества, и сравнительно более редким ее населением, затерявшимся в дремучих лесах, и сменой населения, в результате которой местные обычаи, обряды и верования были преданы забвению, а может быть, и тем, что здесь просто от времени, естественно, выветрились воспоминания о древних культах тогда, как божества другого района имеют более позднее происхождение и потому больше сохранилось сведений о них. Вряд ли, однако, можно говорить о какой-то смене населения, которая повлекла бы за собой какие-либо глубокие изменения.

Во-вторых, мы видим нередко территориальную разобщенность почитателей и почитаемых (например, Гумбовцы живут в сс. Лыхны и Дурипш, а их «аныха» — на священной горе соседней деревни Куланурхва), что связано с передвижениями населения (иногда целыми родами) и поступлением в «подданство» чужой «аныха». Обращает также внимание наличие значительного числа общинно-родовых божеств и святилищ (св. Лейбовых, св. Гумбовых, св. Джопуа — Джахашькар и др.), что свидетельствует о значительной живучести вплоть до недавнего времени пережитков патриархального родового общества, которые задерживали процесс консолидации замкнутых в себе сельских общин — в более монолитное целое.

Но вместе с тем, в-третьих, характерно, что, как мы видели, важнейшие абхазские святилища (аныха) выглядят не узколокальными божествами, а, напротив, сила их и сфера влияния большая, причем у них установлены тесные связи с родственными божествами, которые когда-то отделились друг от друга, но продолжают общаться между собой, время от времени совершая «визиты» друг к другу, и т. д. При этом одни из них выступают как мужские божества, другие — как женские, иногда же как брат и сестра (Дыдрыпш-Лдзаа, Инал-Куба — Лашкендар, Псху — Елыр-ныха и др.). Вероятно, все это является косвенным отражением процессов превращения родовых божеств в племенных богов, образования древних союзов племен.

Все это, однако, были в основном местные божества, пусть и перераставшие иногда свои узкие локальные рамки, но все же «земные» (адэны икоу) сверхъестественные силы, находившиеся, или «восседавшие», пребывавшие (аныха-тэарта) постоянно в своих определенных местах — где-нибудь на высокой горе или в священной роще.

Христианство, борясь с язычеством, не упускало случая оторвать население от его древних верований, разрушая для этой цели все наиболее почитаемые святилища, используя их как освященное традицией место для строительства своих храмов. Вот почему возле почти каждого древнеабхазского «аныха», в том числе и на территории исторической Абазгии, мы находим христианские храмы или их развалины.

д. Грамматик Абазг

Одно из последних упоминаний племенного названия «абазг» встречается у известного византийского философа XI в. Иоанна Итала, написавшего письмо «Грамматику Абазгу».

В этой связи мы должны вспомнить имя грузинского философа Иоанна Петрици, который, по мнению некоторых исследователей, идентифицируется с личностью упомянутого «грамматика».

Иоанн Петрици — средневековый грузинский философ — неоплатоник и просветитель (XI—XII вв.). Он перевел на грузинский язык трактат Прокла Диадоха¹³² «Элементы теологии» и снабдил его обширными комментариями. Подвергался гонениям со стороны церковников за свои передовые для того времени пантеистические воззрения. Его идеи оказали влияние, в частности, на мировоззрение гениального Шота Руставели. Этот выдающийся грузинский мыслитель-энциклопедист XI в. был известен под именем «Грамматика Абазга» (Авазга)¹³³.

Грамматик Абазг упоминается в одном из грамматико-логических трактатов Иоанна Итала. Этот трактат называется «К грамматику Авазгу. О затруднениях в некоторых вопросах «грамматики»¹³⁴. В этом письме не раз встречается этноним «абазг». В частности, обращение гласит: «Мой великолепный абазг!», а надпись — «Абазскому ученому» (*Προσὸν ἀβαζώῳ γραμματικῷ*)¹³⁵.

¹³² Прокл Диадох (410—485 гг.) — греческий философ V в., выдающийся неоплатоник афинской школы, названный Гегелем «вершиной неоплатонизма», последний крупный представитель античной философии, автор «Элементов теологии», «О теологии Платона» и ряда произведений о провидении.

¹³³ Под именем «грамматика» были известны некоторые деятели и византийской культуры, например, поэт и филолог первой половины VI в. Иоанн Грамматик («История Византии», т. I, М., 1967, стр. 426).

¹³⁴ Иоанн Итал — передовой деятель Византии XI в., по происхождению грек, родом из Италии, ректор Константинопольской высшей школы, ученик Пселла, толкователь Платона, Аристотеля и неоплатоников. В начале царствования императора Алексея Комнина, когда была ограничена свобода философского мышления авторитетом священного писания, И. Итала и его учеников предали анафеме и над ним был организован судебный процесс (1082). Так он стал мучеником науки.

¹³⁵ Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии. Тбилиси, 1960, стр. 247; Ф. Успенский. Синодик в неделю православия. Одесса, стр. 65.

Одна из лучших знатоков жизни и творчества И. Итала Н. Н. Кечакмадзе придерживается того мнения, что указанный трактат «был адресован известному грузинскому философу и ученому XI в. Иоанну Петрици в ответ на его вопросы касательно спорных проблем грамматики, обращенные к Италу (в трактате излагаются мысли Итала о языке)»¹³⁶.

До недавнего времени оставалась неизвестной личность «Грамматика Абазга», которому было адресовано письмо И. Итала. Н. Кечакмадзе считает, что «Грамматик Абазг» и Иоанн Петрици — одно и то же лицо. Этот факт она устанавливает путем сравнительного анализа текста письма и философских и грамматических сочинений самого И. Петрици.

О жизни И. Петрици известно, к сожалению, слишком мало. В Константинополь он попал, вероятно, в числе той молодежи, которая стремилась приобщиться к столичному византийскому образованию и культуре. Там он примкнул к группе популярных мыслителей во главе с Италом и получил ученую степень «философа», затем двадцать лет пробыл в грузинском Петрицонском монастыре в Болгарии, в связи с чем и закрепилось за ним имя Петрици (Иоанна Петрицонского)¹³⁷. В конце XI в. И. Петрици вернулся к себе на родину и работал до конца жизни в грузинской Академии при Гелатском монастыре. О себе он пишет: «Я занятый философией рассыпался в огне зависти, вражды, отчужденности и даже коварства как среди греков, так и грузин». Поддержку и понимание он находил только у известного

¹³⁶ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 274.

¹³⁷ Петрицонский грузинский монастырь в Болгарии, называемый ныне Бачковским (Бачково, на р. Чая), был основан грузинским деятелем Григолом Бакуриани в 1083 году. Здесь же жил и творил, до своего приглашения Давидом Строителем в Гелатский монастырь, Иоанн Петрици — крупнейший представитель средневековой грузинской философии. Там хранятся грузинские рукописи, грузинская надпись имеется, в частности, на иконе богородицы. На одной фреске изображены братья Григол и Абаз Бакуриановичи, причем Григол здесь представлен как строитель монастыря, с моделью церкви в руках. Надписи на этой фреске сделаны на греческом, а не на грузинском языке. Но там имеется крест с надписью на древнегрузинском языке «ჰელოვოძ», что в переводе означает «Победа». Сохранился и оригинальный памятник грузинской письменности XI в. — устав Петрицонского монастыря.

грузинского царя Давида Строителя, пригласившего Петрици в основанную им близ Кутаиси Гелатскую Академию.

Иоанн Абазг был учеником и последователем Иоанна Итала. Это прямо вытекает из текста письма Итала к Абазгу. Так, И. Итал, восхваляя И. Абазга, пишет, что последний, не взирая на преследования византийских властей, остался до конца верен его (И. Итала) идеям. Более того, И. Абазг, который образование свое получил, надо полагать, в самом Константинополе, как и некоторые другие представители абхазской знати, был не только выучеником, но и сотрудником и соавтором И. Итала в написании и составлении некоторых ученых трактатов. Сама работа И. Итала содержит указания о том, что она составлена им совместно с И. Абазгом. В одном месте указанного письма И. Итала прямо сказано, что до определенного места работы текст принадлежит Италу, а дальше уже идет текст его сотрудника И. Абазга¹³⁸. Они были настолько близки и преданы друг другу, что и тогда, когда И. Итал, преследуемый императором Ал. Комниным, находился в заключении, не терял связи со своим «великолепным» другом И. Абазгом.

Таким образом, Иоанн Итал и Грамматик Абазг были не только единомышленниками, но и близкими друзьями, сотрудниками и даже соавторами при составлении некоторых работ. Само собой разумеется, что они прекрасно знали друг друга, в том числе, конечно, и в отношении этнической (племенной) принадлежности. Поэтому, когда И. Итал называл своего ближайшего друга Абазгом, то это можно понимать единственно в его прямом смысле, то есть в смысле собственно абхазского, а еще точнее абазгского этнического происхождения его сподвижника.

Как известно, в средние века часто было принято называть человека по личному имени с прибавлением его племенной принадлежности или места происхождения. Так было и в Грузии. Например: Иоанн Лаз (он же Иоанн Евнух и Иеротеос) — мыслитель V в., из племени лазов¹³⁹, учитель и друг Петра Ивсра (автора т. н. ареопагитских книг), Иоанн Месх — грузинский дву-

¹³⁸ Ш. Нуцубидзе. Указ. соч., стр. 247.

¹³⁹ Там же, стр. 581, 583.

язычный писатель из племени мосхов-месхов (VI—VII вв.), автор «Балавариани» и «Лимонария» на грузинском и греческом языках; Евфимий Ивер — грузинский философ X—XI вв., автор греческого метафраса «Мудрости Балавара»¹⁴⁰. Родиной известного византийского историка V в. Приска Панийского был город Панийон, от названия которого «писатель получил, по существовавшему тогда обычаю, свое прозвище — Приск Панийский» и др.¹⁴¹.

Принимая все это во внимание, трудно сомневаться в том, что Грамматик Абазг, которого Н. Кечакмадзе отождествляет с грузинским философом И. Петрици, является по своему этническому происхождению, по своей племенной принадлежности абхазом, что корни его родословной ведут к западноабхазскому племени абазгов. Это обстоятельство нисколько не противоречит тому, что он писал по-грузински, являлся грузинским философом. Однако некоторые исследователи придерживаются другой точки зрения. Например, Ш. Нуцубидзе пишет: «...абхазский в тогдашнем греческом понимании равнозначен грузинскому, так как имеются доказательства тому, что в то время греки грузин называли «абхазами»¹⁴².

Но, во-первых, далеко не всегда в имеющихся исторических источниках «абхазский» равнозначен «грузинскому», а во-вторых, что в данном случае особенно важно отметить, нигде, насколько известно, в греческих или других источниках грузины **абхазами** не называются. Параллельное упоминание самостоятельных этнонимов «абазг» и «ивер» в XI—XII вв. (например, Грамматик Абазг и Евфимий Ивер) не оставляет сомнения в том, что в современной им литературе хорошо различали иверов и абазгов. Эти названия не покрывали собой друг друга в византийских ученых кругах, где прекрасно разбирались в особой этнической принадлежности тех и других.

Когда же в некоторых средневековых исторических источниках содержится отождествление или смешение

¹⁴⁰ Ш. Нуцубидзе. Указ. соч., стр. 247.

¹⁴¹ З. В. Удальцова. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского, стр. 47.

¹⁴² Ш. Нуцубидзе. Указ. соч., стр. 247.

абхазов с грузинами, то это нередко может означать либо широкое распространение абхазского элемента на восточном побережье Черного моря и его большое политическое и культурное значение в крае, либо лучшее знакомство автора соответствующего текста с собственно Абхазией и абхазами, чем с Грузией и грузинами. С этой точки зрения следует подходить и к неополитанскому латинскому тексту преческого романа «Варлаам и Иоасаф», где имеется отмеченная выше приписка, говорящая о том, что текст его «переведен с абхазского (абасгского) языка» (*Translata abasgo genere stilo*) (в 1048 г.). Все это стало предметом целой дискуссии между специалистами (Фр. Дельгером, Д. Лэнгом и др.)¹⁴³.

Не распространяясь, однако, больше вокруг всех этих вопросов, ограничусь только одной цитатой из работы Н. Я. Марра «Кавказоведение и абхазский язык». Там мы читаем: «Абхазский народ заслуживает, однако, самого серьезного внимания и историка христианской культуры на Кавказе. Абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедников в соседних странах. Языческим племенам христианизованная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточно-христианской культурой — греческое просвещение. С этой точки зрения требует пересмотра и намечавшееся мною освещение личности абхаза Иоанна, «весьма близкого человека и стойкого единомышленника греческого философа Иоанна Итала». Пересмотр требуется в сторону прямого этнического толкования термина «абхаз» (а не культурно-исторического взамен «грузин») в устах И. Итала, называющего именно абхаза Иоанна ученым. Мы раньше как-будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа как проводника византийско-христианских начал в кавказский мир, используя и это столь ясное упоминание в пользу грузинского народа»¹⁴⁴.

Таким образом, по мнению Н. Я. Марра, Ш. Нуцубидзе, Н. А. Кечакмадзе и др. Грамматик Абазг и гру-

¹⁴³ Ш. Нуцубидзе. Указ. соч., стр. 16—17, 247.

¹⁴⁴ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, стр. 126—127.

зинский философ Иоанн Петрици одно и то же лицо. Правда, некоторые другие специалисты это положение считают сомнительным. Я имею в виду мнение А. Каждан о том, что безоговорочная идентификация вышеупомянутых лиц «остаётся чисто гипотетической — тем более, что современником Итала был некто Георгий Авагс, известный по печати XI—XII вв. При этом следовало бы учесть, что *γραμματικός* в византийской терминологии — это не специалист по грамматике, а писец, нотариус... Трактат мог быть адресован какому-то византийскому чиновнику, авагсу (грузину?) по происхождению»¹⁴⁵.

Как явствует из приведенной цитаты с многозначительным вопросительным знаком, А. Каждан, как и Н. Я. Марр, сильно сомневается в грузинской этнической принадлежности адресата Иоанна Итала, который (адресат) несомненно был абазгом, то есть абхазом по своему этническому происхождению. Причем адресат Итала был, оказывается, не единственным образованным абазгом в Константинополе того времени. Современником философа являлся, как указывает А. Каждан, еще один человек из Абхазии — «некто Георгий Авагс, известный по печати XI—XII вв.»¹⁴⁶. Вряд ли только такой человек как Грамматик Абазг, которого прямо называли «ученейшим», был лишь простым чиновником-писцом, а не настоящим «грамматиком», то есть известным ученым-филологом своего времени¹⁴⁷. Грамматик Абазг, Георгий Авагс и другие абхазы сзидли получать образование в Константинополе, где, по сообщению Евагрия Антиохийского, еще в VI в. Юстинианом I была открыта школа специально для абхазских детей.

¹⁴⁵ Цит. по рец. А. Каждан на работу. «Иоанн Итал. Сочинения. Редакция и предисловие Н. Н. Кечакмадзе». Тбилиси, 1966, ВДИ, 1969, стр. 273—274.

¹⁴⁶ Б. А. Панченко. Каталог моливдовулов. ИРАИК, XIII, 1908, № 359.

¹⁴⁷ Европа также знала своих «грамматиков». Так, известен один средневековый датский летописец под именем Саксона Грамматика (1150—1220 гг.), которому, между прочим, принадлежит первый литературный памятник, в котором рассказывается исландская сага о мести полумифического Амлета, использованная Шекспиром при написании своего «Гамлета» (Шекспир. Полное собрание сочинений в восьми томах. Том VI. М., 1960, стр. 572).

Племена древней Абхазии характеризуются не только общностью происхождения, но в целом и одинаковым уровнем развития и ближайшим сходством культуры. Так, случайными находками, а также проведенными в северо-западной Абхазии (Хашупсинское ущелье) археологическими изысканиями выявлен ряд могильников первой половины I тысячелетия нашей эры, принадлежащих древнеабхазскому племени санигов, упоминаемых, как мы знаем, в греко-римских исторических источниках наряду с абазгами и апсилами. Сравнение погребального обряда, а также инвентаря этих могильников с соответствующими археологическими материалами из исторической Абазгии и Апсолии недвусмысленно свидетельствует об общности, можно смело сказать, единстве основных элементов местной материальной и духовной культуры древнеабхазских племен позднеантичного и раннесредневекового времени. «Поразительное сходство между погребениями позднеантичной эпохи Гагрского района и Цебельды прослеживается не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. В обоих случаях одни и те же топоры цебельдинского типа, двухлезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовой дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т. д., уже не говоря о римских серебряных монетах, представленных среди населения нагорной Цебельды и Хашупсинского ущелья»¹⁴⁸. Иначе говоря, это была в основном единая историко-этнографическая область, единый тип хозяйства и культуры с глубокими местными корнями, разумеется, в целом не очень значительными, хотя иногда и заметными локально-племенными особенностями, как это имело место, например, в Цебельде¹⁴⁹ и Атаре с их удивительно своеобразной керамикой (имеющей, правда, отдаленное сходство по форме чашеобразного венчика с некоторыми колхидски-

¹⁴⁸ Г. К. Шамба. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе. «Материалы по археологии и искусству Абхазии». Сухуми, 1974, стр. 64.

¹⁴⁹ М. М. Трапш. Культура Цебельдинских некрополей. Труды. Том. III. Тбилиси, 1971, стр. 131 сл.; Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, стр. 64 и сл.

ми чернолощенными вазами и кувшинчиками из Вани)¹⁵⁰.

Всестороннее и более углубленное изучение дальнейшего этно-культурного сближения и консолидации абхазских племен и этнографических групп¹⁵¹ — одна из актуальных очередных задач научного абхазоведения.

---

¹⁵⁰ «Вани. I. Археологические раскопки 1947—1969 гг.». Тбилиси, 1972, табл. 180, 218, 219 (на груз. языке).

¹⁵¹ Вплоть до недавнего времени частично сохранялись также пережитки бывшего родо-племенного деления и локального самосознания: отдельные этнографические группы, или территориально-культурные подразделения абхазского народа, оставаясь абхазами (апсуа) по своему этническому самосознанию высшего порядка, чувствовали себя одновременно бзыбцами, абжуйцами, цебельдинцами, садзами, ахчипсхувцами и т. д.

ЯЗЫК

1. Предварительные замечания

Этническая общность складывается прежде всего из общности языка, а также общности культуры и исторических судеб.

История языка — это в известном смысле и история самого народа, его носителя. Показания языка, особенно при ограниченности других источников, имеют исключительно большое значение для решения этногенетических вопросов. Как было уже давно отмечено, «дельное изучение какого-либо народа без знания языка его немислимо»¹, так как язык хранит в себе нередко даже больше, чем датированные письменные и археологические памятники. «Язык как основной этнический показатель ярко отражает особенности этногенеза того или иного народа»². Известно, что для решения вопросов этногенеза необходимо комплексное их изучение, а процессы глоттогенеза ни по своим особым закономерностям, ни по объему не могут быть тождественными процессам этногенеза, ибо глоттогенез является частью этногенеза в широком смысле слова. Тем не менее, главные этапы этнической истории народа не могут в той или иной мере не отразиться на развитии его языка, особенно на изменениях лексики, обладающей наибольшей проникаемостью.

Говоря об этнической роли языка, очень часто подчеркивают, что «языковая общность — важнейшее условие формирования этноса. Действительно, если при этом

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 7.

² Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, стр. 226.

иметь в виду этносы типа народности и нации, то языковой общности в данном отношении в подавляющем большинстве случаев принадлежит немалая роль³. Однако было бы ошибочно полагать, будто такая общность обязательно предшествует возникновению этноса. Нередко дело обстоит несколько иначе: формирование этноса и его языковой общности представляет собой одновременный процесс⁴.

Изучение истории абхазского языка затрудняется отсутствием письменности на нем до второй половины XIX в.

Абхазский язык — один из многочисленных кавказских языков. Всех удивляли множественность и разнообразие племен и языков Кавказа, который арабский географ X в. Масуди очень образно назвал «горой языков». Уже у Геродота мы находим сообщения о необычайной многоплеменности этого края. Об этом же писал и Страбон на рубеже новой эры: «В Диоскурии собирается 70 народностей... Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто»⁵. Лет через тридцать римский историк Плиний указывал, что в Диоскурию «сходилось 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши (римляне) вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»⁶.

Как бы преувеличены не были эти и подобные им сведения, не подлежит сомнению, что Кавказ не мог не поразить любого человека своей необычайной этнической пестротой и что он в античное время являл собой картину еще большего многообразия племен и наречий, чем в наши дни, когда здесь еще представлены около полсотни отдельных языков⁷.

Как уже отмечалось, первое упоминание одного из древнеабхазских племен — апсиллов⁸ мы находим у того же Плиния, а спустя лет сто после этого другой римский автор — Фл. Арриан — называет один за другим апсиллов, абазгов и саниггов в юго-восточной и северо-

³ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 410.

⁴ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 59.

⁵ Страбон. География, стр. 472.

⁶ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 2, 1949, стр. 291.

⁷ Кавказские горы создают идеальные условия для «лингвистического мешка», который «образуется в труднопроходимых местах, но в то же время таких, что стоят на пути народов и племен» (А. Кондратов. Земля людей — земля языков. М., 1974, стр. 149).

⁸ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 2, 1949, стр. 290.

западной части современной Абхазии⁹. В армянской «Географии» VII в. наряду с армянами, грузинами, осетинами и другими народами отдельно упоминаются и абхазы. Арабские путешественники X в. Масуди и Ибн-Хаукаль абхазов прямо не называют, но указывают в свою очередь на необычайное многоязычие Кавказа, где, по Масуди, «72 племени, и у каждого племени свой царь и свой язык», а по Хаукалю здесь было даже до 360 языков¹⁰.

В грузинском летописном своде «Жизнь Грузии» (XI—XII вв.) об абхазах как особой этнической единице говорится неоднократно. Там же мы находим и самоназвание абхазов в форме «апсар» и абхазское слово «лаша» — «светоч», «просветитель». В «Матриане Картлиса», где говорится о событиях X в., содержится указание об учреждении епископской кафедры в сел. Моква (по-абхазски Мыку), название которого генетически связано, по всей вероятности, с древнеабхазским родоплеменным именем Мыкуба, представители которого и сейчас живут в Абхазии.

Таким образом, в различных памятниках древней и средневековой письменности мы находим отдельные предположительно или бесспорно абхазские слова, прежде всего племенные названия: абешла древневосточных надписей, апсилы, абазги, саниги, мисимияне античных и византийских описаний; Отаго Чачасдзе, Лаша, апсары, Мокви грузинских хроник и т. д. Абхазский социальный термин «апыза» — вожак, предводитель (вероятно, одного корня с адыгским «пшы» — передовой, князь) был зарегистрирован доминиканцем Иоанном Лукским, посетившим Абхазию до 1633 года. Он писал, что тамошний (т. е. абхазский) владетель называется Пузо (Puso). «Теперь это название может считаться окончательно разъясненным», — отмечает П. К. Услар¹¹.

XVII век оставил нам более значительные сведения об абхазском языке. Турецкий путешественник Евлия Челеби, совершая поездку вдоль восточного берега Черного моря, от Гоние до Анапы (1641), побывал в не-

⁹ В. В. Латышев. Указ. соч., ВДИ, 1948, 1, стр. 270.

¹⁰ Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, стр. 4.

¹¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 155.

скольких прибрежных пунктах Абхазии и непосредственно встречался с представителями разных абхазских «племен», которых от Риони и до первого черкесского общества Жане он насчитывает в количестве 25. В его путевых заметках мы находим немало занимательных описаний хозяйственного и этнографического быта Абхазии. Ему принадлежит и запись «образцов абхазского языка» в количестве 40 фраз (в этом, может быть, сыграло роль и то, что мать ученого и его дядя — великий везир Мелек-Ахмед-паша — были родом из Абхазии).

С конца XVIII в. абхазским языком начинают все больше интересоваться русские и западноевропейские ученые — И. Гюльдевштедт, И. Клапрот, Г. Розен и др. С 60-х годов XIX в., после того, как впервые П. К. Усларом был разработан абхазский алфавит на основе русской графики (1862 г.), а комиссией под руководством И. Бартоломея была издана в Тифлисе первая книга на абхазском языке — «Абхазская азбука» (1865 г.), мы уже имеем непрерывный ряд точно датированных памятников абхазской письменности в виде учебной, церковной, сельскохозяйственной, художественной, политической и прочей литературы.

К наиболее важным свидетельствам по истории абхазского языка относятся древнейшие памятники самого языка — топонимика, этнонимика, ономастика, религиозно-культурные тексты, языковые материалы эпоса и других образцов устного народного творчества, отличающиеся часто глубокой архаичностью. Еще П. К. Услар указывал, что «сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный, ничем посторонним незасоренный источник к изучению языка»¹².

Ареал распространения абхазского языка в силу различных обстоятельств подвергался в течение веков значительным изменениям. Почти до конца семидесятых годов прошлого столетия, то есть до массового насильственного выселения абхазов в Турцию во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов (особенно из центральных и северо-западных районов страны), абхазский язык был безраздельно господствующим на сравнительно обширной территории — от р. Мдзымта (если не от

¹² П. К. Услар. Указ. соч., стр. 103.

современного гор. Сочи) на северо-западе и до р. Ингури на юго-востоке страны. Г. Цагарели, определяя северо-западные границы мегрельского языка, писал в 70-х годах XIX в., что от р. Ингури на северо-запад знание абхазского языка довольно распространено среди мужчин, а в промежутке между реками Охурей и Галидзга господствует уже абхазский язык: «он есть язык не только общества, но и семьи»¹³. Указанное выселение и последовавшие затем изменения этнографической карты Абхазии значительно сократили сферу влияния абхазского языка.

Научное изучение абхазского языка, насчитывающее свыше 100 лет, продвинулось за это время значительно вперед благодаря трудам ряда исследователей. В частности, написаны первые грамматики абхазского и абазинского языков, немалые результаты достигнуты по сравнительному изучению абхазо-картвельских и абхазо-адыгских языков, созданы монографии по отдельным диалектам (ашхарскому, тапантскому, бзыбскому, абжуйскому), составлены первые абхазо-грузинский, русско-абхазский, а также терминологические словари, готовится к изданию первый толковый словарь абхазского языка, включающий свыше двадцати тысяч словарных статей, и т. д. Однако отсутствие работ по вопросам исторической грамматики и лексики особенно отрицательно влияет на использование данных языка для разработки этногенетических проблем.

2. О взаимоотношениях абхазского с родственными языками

Если не говорить о высказываниях отдельных старых авторов, судивших на основе сомнительных преданий, не имеющих научного значения (вроде польского полковника начала XIX в. Т. Лапинского, считавшего «абазов.. принадлежащими к индоевропейской расе и родственными по племени и языку с обитателями христианского княжества Абазией, шуханетами и осетинами», называвшего самурзаканцев «туранским или ту-

¹³ Г. Цагарели. Мингрельские этюды. 1880, в. 1, стр. VII—VIII. (цит. по М. Р. Завадскому — предисловие к «Абхазскому языку» П. К. Услара, стр. X).

рецим племенем») ¹⁴, то принадлежность абхазов к кавказскому языковому миру ни у кого не вызывает сомнений.

Правда, некоторые исследователи — Н. Я. Марр, П. К. Услар, А. Н. Грен, Д. И. Гулиа, исходя из известного сообщения Геродота о родстве колхов с древними египтянами, в одно время пытались установить общность между семитическими и кавказскими языками. «Но все лингвистические данные, приведенные названными авторами, ровно ничего не доказывают, ибо если эти авторы отлично знали кавказские языки, то об египетском имели лишь смутное представление» ¹⁵.

Основы научного исследования абхазского языка были положены во второй половине XIX в. известным русским кавказоведом П. К. Усларом, который вынужден был констатировать, что труды его предшественников «ничего не объяснили». Он писал: «Абхазский язык до сих пор не исследован. Сборники слов, составленные Гюльденштедтом и Клапротом, ничего не объяснили, так как составители записывали слова со слуха, немецкими буквами и без грамматического разбора. Замечательнее небольшая статья об абхазском языке Георга Розена, помещенная в записках Берлинской Академии наук 1847 года. Но, вероятно, знаменитый филолог разговаривал с абхазами на мало известном им турецком языке и не имел возможности в самой Абхазии привести в порядок свои заметки. Этим только можно объяснить, почему некоторые самые коренные свойства языка представились ему в превратном виде: достаточно сказать, что даже присутствие родов в абхазском языке ускользнуло от его внимания» ¹⁶.

П. К. Услар высказал предположение о широком распространении в далеком прошлом кавказской расы, которая, по его мнению, заселила Кавказский перешеек за несколько тысяч лет до нашего времени. «Покуда весьма естественна догадка, — писал он, — что кавказские горцы — это лишь незначительные остатки народов, еще в доисторические времена населявших огромные

¹⁴ Теофил Лапинский. Указ. соч., стр. 62 — 65.

¹⁵ М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию. М., 1963, стр. 16 — 17.

¹⁶ П. К. Услар. Абхазский язык (предисловие от 2.V.1862).

пространства земли в Азии и в Европе и принадлежавших (за исключением, конечно, осетин) к одной расе, которая везде исчезла, кроме Кавказа»¹⁷. Он первым пришел к выводу о родстве между собой западно-кавказских, то есть абхазо-адыгских языков. «Как ни разнообразны кавказские языки, — говорил он, — они не лишены взаимной связи»¹⁸.

Услар почти предвосхитил современную нам научную классификацию кавказских языков (у него не хватает лишь подразделения выделяемого им восточно-кавказского языкового единства на дагестанскую и чечено-ингушскую группы), причем родство абхазов, убыхов и адыгов не вызывало у него никакого сомнения. «Я извлек для себя точное убеждение в родстве адыгского языка с убыхским и абхазским, — писал он. — Для меня явственно очертились три группы кавказских языков: западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская»¹⁹. Кроме того, он допускал также возможность существования связующих нитей между ними.

Высказав мнение о генетической общности кавказских языков и о родстве их носителей, Услар использует и термин «самостоятельное семейство языков кавказских». Так, в 1864 году он писал А. Берже: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты (без армянского и осетинского)»²⁰.

Дж. Ст. Белл, который в 30-х гг. XIX в. некоторое время жил среди убыхов и приморских черкесов, указывает, что по берегу Черного моря, от Анапы до Мегрелии, живут три народа, говорящие на трех различных языках: адыге (черкесы) — от р. Кубани до р. Бу (Буу),

¹⁷ Цит. по П. Н. Черняеву — «Из истории кавказоведения», стр. 16.

¹⁸ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. VI.

¹⁹ Там же, стр. 85.

²⁰ Цит. по А. С. Чикобава — «П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков». «Иберийско-кавказское языковедение», VII. Тбилиси, 1955, стр. 465.

абаза (убыхи) — между Бу и р. Хамыш и азра (абхазы) — от Хамыша до границы Мегрелии, причем язык азра, по его словам, «все здесь понимают, а также и язык адыге». «Таким образом, — писал Услар, — три языка восточного берега Черного моря, названные Беллем — адыге, абаза и азра — следует называть: адыге, убых и абхаз»²¹. Не сомневаясь в родстве этих народов, он в то же время подчеркивал, что они очень далеко разошлись друг от друга: «языки абхазский, убыхский и адыгский составляют одно семейство, но взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским. С удивлением прочел я в № 29 газеты «Кавказ» на нынешний год, что убыхи суть адыгское племя... Убыхи, в виде народа, особого от адыгов и абхазцев, известны были уже в 1797 г. гр. Потоцкому»²².

Н. Я. Марр до и после революции неоднократно бывал в Абхазии, и каждый раз, выявляя «подлинный первичный пласт абхазской речи»²³, ему удавалось привести новые доказательства общности строя местных («яфетических») языков Кавказа. Он придавал исключительно большое значение данным абхазского языка для постановки и разрешения ряда вопросов конкретного и общего языкознания. Еще в 1916 году Н. Я. Марр приходит к мысли о бесспорном родстве абхазов с культурным миром Передней Азии. Внутри кавказских языков для него не вызывало сомнений существование родственной абхазо-адыгской языковой группы. Он подчеркивал «ближайшее родство с абхазским адыгского языка»²⁴.

В свое время много писалось — особенно Н. Я. Марром и его последователями, а также голландским лингвистом Ж. Гиннекеном и др. — об исключительной архаичности строя абхазско-адыгской речи, представляющей будто бы реликтовый остаток древнейшей речи человечества чуть ли не дородовой эпохи.

Как уже указывалось, взгляды Н. Я. Марра по этому вопросу менялись. Сперва он резко критиковал пред-

²¹ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 79.

²² Его же. Чеченский язык. Тифлис, 1888. стр. 14.

²³ Акад. Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, стр. 148.

²⁴ Там же, стр. 3.

ставления об абхазском языке как «младенческом» и сравнивал его по степени развития с английским, а затем пришел к выводу, что «во многих случаях Чарая был прав, считая абхазский древнейшим, чем грузинский, и более близко сродные»²⁵, и утверждал, что абхазский «в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шести тысяч лет»²⁶. Его заинтересовала фонологическая и морфологическая структура этого языка. Ему представлялось многое в структуре абхазской речи необычайно древним. «Ее строй — синтетический в основе, морфология зачаточная, возмещаемая синтаксисом и элементами связи (местоимения, классовые показатели, они же признаки грамматического рода); основы односложны (моносиллабизм), к нему сведены и усвоенные позднее сокращенные образования, слова многозначимые (полисемантизм), распознаванию которых помогает возможность их фонетически модулировать благодаря чрезвычайному богатству согласных и разнообразию ударений, фонемы сами — архаичные, особенно сложные (аффрикатные) согласные, пережитки не вполне членораздельных звуков (называемых диффузными). Система счета двадцатеричная. Полисемантизм легко прослеживается родством названий предметов, раньше выразившихся одним словом, напр., «голова» и «себя», «рука» и «нога» и т. п.»²⁷.

Н. Ф. Яковлев также считал, что абхазско-адыгские языки представляют собой «наиболее примитивный ранний архаический тип», в котором «видны ясные следы того состояния, при котором все грамматические отношения выражались только средствами синтаксиса, т. е. сочетаниями слов в предложении, а сами слова были односложными и неизменяемыми»²⁸. А для Ж. Гиннеке-на показателем древности абхазско-адыгских языков является их беднейший вокализм, и он на этой основе пытался даже реконструировать звуковой облик «архаических языков» вообще.

²⁵ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 361.

²⁶ Там же, стр. 396.

²⁷ Там же.

²⁸ Н. Ф. Яковлев. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930, стр. 33.

Не без всякого повода названные и другие ученые являлись сторонниками глубокой архаичности строя кавказских языков, в особенности абхазского. Но, проявляя односторонность, они слишком увлеклись действительно оригинальнейшей спецификой фонетики и грамматической структуры кавказских языков (развитый префиксальный строй, эргативная конструкция, категории грамматического класса, версии, каузатива при отсутствии таких привычных языковых категорий, как категории рода, лица и др.)²⁹.

Н. Я. Марр и некоторые другие языковеды преувеличивали архаичность кавказских, в особенности абхазского языка, недооценивали долгий путь его развития. К тому же, если исходить из тех признаков, на которые они опирались, то многие и другие языки во многих частях света можно было бы с таким же успехом отнести к числу самых архаичных. Все кавказские языки, в том числе абхазский, прошли длительный и сложный путь исторического развития. Н. Я. Марр под влиянием фактических материалов сам позднее вынужден был признать, что кавказские языки по своему строю полистациональны, то есть каждый из них отражает не один, а несколько этапов развития речи. «В настоящее время лингвистическая наука не располагает достаточными основаниями для того, чтобы признать какой-либо языковый тип по преимуществу более архаичным. До сих пор языковедение имеет самое смутное представление о том, каков должен был быть в структурном отношении язык примитивного человечества; и это неудивительно, так как все современные языки, не исключая, конечно, и кавказские проделали огромный путь исторического развития и бесконечно удалились от начальных периодов существования речи»³⁰.

А. А. Леонтьев, решительно отвергая как ненаучные предрассудки, убеждение о превосходстве якобы одних языков и древности и примитивности других, пишет: «Все современные языки стоят на одной генетической ступени. Встречающиеся в них архаические черты сочетаются с чертами, свидетельствующими о высокообразованности. Поэтому непосредственно сопоставлять языки, ут-

²⁹ Г. А. Климов. Кавказские языки, стр. 23, 81, 85.

³⁰ Там же, стр. 89 — 90.

верждая, что один из них более примитивен, чем другой, неправомерно»³¹. Если в некоторых языках «действительно сохранились какие-то очень архаичные черты, то это дело исторической случайности»³².

Следует однако иметь в виду, что углубленное сравнительно-историческое изучение абхазско-адыгских языков фактически только начинается. Западнокавказские языки по-прежнему привлекают к себе пристальное внимание не только отечественных, но и ряда западноевропейских ученых, полагая, в частности, что эти языки некоторыми особенностями своей структуры напоминают строй общендоевропейского языка-основы на ранних стадиях его развития.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что чрезмерно большого влияния не только на грамматику, но и на лексику абхазского языка не оказал ни один из проникавших в Абхазию иноземных языков — скифо-сарматские, греческий, латинский, арабский, аланский, итальянский, тюркские, ни другие языки, носители которых в той или иной степени сталкивались с абхазскими племенами. Это обстоятельство также содействовало консервации, длительному сохранению древних форм, хотя долговечность архаических черт зависит прежде всего от структуры самого языка, его внутренних законов и исторических условий его развития.

Какую бы из двух наиболее известных классификаций мы не положили бы в основу группировки языков — морфологическую, основанную на строении слова, или генеалогическую, исходящую из материального родства языков в силу общности происхождения, абхазский и адыгские языки, являющиеся ветвью иберийско-кавказской семьи, окажутся в одной группе. В науке утвердилась лингвистическая классификация народов Кавказа, согласно которой адыги и абхазы составляют одну группу — абхазо-адыгскую, куда входят абхазы, абазинцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, убыхи (до 1864 г. жили в районе Сочи, ныне — в пределах Турции). Несмотря на значительные, далеко зашедшие расхождения их языков, лингвистическое единство, а также в целом

---

³¹ А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, стр. 118.

³² Там же, стр. 102.

общность этнографического типа этих народов не подлежит никакому сомнению.

Если говорить с точки зрения морфологической классификации³³, то все эти языки — абхазский, убыхский, адыгские — принадлежат к агглютинативным и полисинтетическим языкам. Это синтетические языки с аффиксами (формантами)³⁴, причем связь основы слова и аффиксов слабая, что известно под названием «агглютинации» («склеивания»); для них характерно объединение глагола с субъектом и объектом, с определениями и обстоятельствами в одно сложное целое предложение, что принято именовать полисинтетизмом.

Родственные языки принадлежат родственным народам, которые когда-то занимали общую территорию и говорили на одном общем языке, распадавшемся на отдельные диалекты. Из диалектов этого языка-основы, или праязыка, в результате длительного исторического развития, приведшего к распаду единства народа и обособлению разных его частей, образуются самостоятельные языки, которые, фигурально выражаясь, являются родственными языками, как двоюродные братья. Следовательно, «родственные языки — это диалекты одного и того же языка, развившиеся в самостоятельные языки»³⁵. Родство языков выражается в закономерном проявляющемся сходстве их основного словарного фонда и грамматического строя, а также звукового состава, причем «чем глубже проникаем в историю развития языков, тем большая близость обнаруживается между ними, если это — языки родственные»³⁶.

---

³³ Марровская стадияльная классификация языков в зависимости «от периода возникновения их», согласно которой первую стадияльно самую древнюю группу («языки системы первичного периода») образуют китайский и некоторые африканские языки, вторую — угро-финские, тюркские и монгольские («языки системы вторичного периода»), третью — яфетические и хамитические («языки системы третичного периода»), наконец, четвертую — семитические и индоевропейские («протемеидские»), т. е. индийский, греческий и латинский («языки системы четвертичного периода»), теперь, кажется, никем в науке не поддерживается (Н. Я. Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. «Избранные работы», т. II, стр. 405).

³⁴ Аффиксов на ранних ступенях развития языков не было, они образовались при последующем развитии из самостоятельных слов (А. С. Чикобава. Введение в языкознание, стр. 191).

³⁵ А. С. Чикобава. Указ. соч., стр. 193.

³⁶ Там же, стр. 196.

Абхазско-адыгские, или западнокавказские языки, являющиеся одной из групп собственно кавказских языков³⁷, в свою очередь, представлены двумя лингвистическими подразделениями — абхазским и абазинским языками, с одной стороны, адыгейским и кабардинским, с другой, а также убыхским языком, занимающим особое — промежуточное положение в данной группе.

Абхазско-адыгские языки имеют целый ряд общих структурно-типологических черт, хотя в области лексики и аффиксов пока выявлено ограниченное количество схождений. Общие черты говорят об относительно дальнем родстве, а расхождения указывают на большую длительность самостоятельного развития каждого из них.

Прежде всего очень своеобразен и богат звуковой состав западнокавказских языков, между которыми однако наблюдаются и значительные расхождения, в основном в отношении согласных. При довольно однотипной картине гласных, представленных беднейшим составом фонем (первоначально было всего лишь два самостоятельных гласных звука — а и ы)³⁸, консонантные варьируют в больших пределах: в кабардинском 48 соглас-

³⁷ По мнению А. С. Чикобава, Ю. Д. Дешериева, К. В. Ломтадзе и др., собственно кавказские языки делятся на четыре родственные группы — западную (абхазо-адыгскую), южную (картвельскую), дагестанскую и нахскую, или веинахскую, образуемую чеченским, ингушским и бацбийским языками. Г. А. Климов же, следуя П. К. Услару, делит кавказские языки на три группы, включая нахские в восточнокавказскую группу (о трех группировках автохтонных языков Кавказа. Климов говорит как в своих «Кавказских языках» (1965 г.), так и в «Этимологическом словаре картвельских языков», М., 1964, стр. 5).

³⁸ А. А. Леонтьев отмечает, что для некоторых групп языков, например, абхазско-адыгской, австралийского языка аранта, отчасти семито-хамитских языков характерно множество согласных при одном-единственном гласном («многовокализм»). Он пишет: «Во всяком случае, очень вероятно, что по крайней мере часть языков человечества прошла через «моновокалический» период, тем более, что, как мы отмечали выше, биологические предпосылки для различия гласных создаются довольно поздно. Иначе говоря, потребность сделать речь более членораздельной была в моновокалических языках удовлетворена сначала каким-то иным способом, и лишь впоследствии, очень поздно (настолько поздно, что мы уже можем реконструировать этот период!) слог распался на отдельные звуки (А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, стр. 84—85).

ных звуков, в адыгейском — 55, абхазском (бзыбском его диалекте) — 68 (в другом месте — на стр. 60 цитированной его работы — Г. А. Климов говорит о 82 согласных в абхазских диалектах и убыхском языке).

Как видно из этого, самой сложной является фонетическая система абхазского и убыхского языков — свыше 80 звуков, что является мировым рекордом по числу согласных³⁹.

Западнокавказские языки — представители агглютинативного языкового типа с очень сильно развитой тенденцией к префиксальному строю. Элементы флективности почти отсутствуют. Если адыгскому и убыхскому языку категории как грамматического рода, так и класса неизвестны, то в абхазско-абазинской морфологии обычно усматривают категорию класса (в глаголе). Самой характерной общей чертой морфологического строя западнокавказских языков является очень богатое формообразование глагола, противостоящее слабому словоизменению имени. Система склонения представлена элементарно; в абхазско-абазинской подгруппе она вообще отсутствует. Обращает на себя внимание инструментальная и обстоятельственная формы имени, а также сильно развитая в именах префиксация притяжательного типа⁴⁰.

Необычайная сложность глагольного словоизменения объясняется обилием категорий, показатели которых включаются в глагольную форму: категории лица, субъекта и объектов, версии, потенциализа, каузатива, времени, наклонения и др. Специфику глагола дополняют его многоличность (кроме лица субъекта действия, глагольная форма может включать показатели нескольких объектов) и развитая система глагольных приставок локативного значения.

Своеобразен и синтаксис западнокавказских языков: здесь мы находим номинативную, эргативную и объектную конструкции предложения. «В абхазско-абазинской подгруппе, не знающей склонения, противопоставление номинативной и эргативной конструкций предложения выявляется только в различной аранжировке личных префиксов в составе глагольной формы»⁴¹.

³⁹ А. Кондратов. Указ. соч., стр. 149.

⁴⁰ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 30 — 31.

⁴¹ Там же, стр. 33.

Словообразование основано почти исключительно на сложении основ. Специфику лексики составляет и наличие «охотничьего языка» (по-абхазски «лесной язык»), включающего в основном довольно ограниченное количество описательных названий запретных предметов.

Выявлено пока еще не так много словарных соответствий между западнокавказскими языками — общих основ устанавливается свыше 250.

Итак, суммируя сказанное, мы видим, что со стороны грамматического строя абхазско-адыгских языков обращает внимание необычайная сложность глагольных форм и многообразие их функций; полисинтетический строй, характерный для всех горских языков, особенно развит в языках западнокавказской группы, где глагол может содержать показатели всех членов предложения (до 13 включений); сложные слова (компози́ты) включают в свой состав до 6 и больше слов; общим являются большое количество грамматических формантов (аффиксальных и других), наличие однофонемных корней и закономерные звуковые соответствия; особый именной аффикс общности нарицательных имен *a* в начале слов; грамматические классы (класс человека — мужчины и женщины, класс вещей), характерные для абхазского языка, в адыгских языках представлены лишь как пережиточные окаменелости, не играющие, по сравнению с абхазским, никакой особой роли; общим является значительное количество древних слов — личные местоимения, некоторые числительные, термины кровного родства (*a* не свойства), некоторые названия частей тела, ряда животных и растений, космических явлений, социальные, хозяйственно-бытовые и другие термины, а также отдельные глаголы (см. ниже).

Все это подтверждает родство языков абхазско-адыгской группы. Но это довольно дальнее генетическое родство. Недаром Н. Ф. Яковлев сравнивал его с родством русского языка с немецким или французским, а П. К. Услару абхазский и адыгские языки представлялись еще более удаленными друг от друга.

Г. А. Климов, завершая характеристику западнокавказских языков, пишет, что их генетическое родство «обусловлено их происхождением из доисторического абхазско-адыгского языка-основы. Совершенно очевидно, что основные подгруппы этих языков должны были

взаимно обособиться уже очень рано. Однако вследствие серьезного отставания их исторического изучения, облик абхазско-адыгского языка-основы выступает довольно неопределенно: неясно, в частности, какой из современных языков в целом лучше сохраняет его черты»⁴².

Работами К. В. Ломтатидзе в области исторической фонетики устанавливается первичность адыгских и убыхских фонетических рефлексов по сравнению с соответствующими абхазско-абазинскими. Ученые как будто сходятся в том, что праязыковая система фонем данной языковой группы носила моновокалический характер: «три ступени огласовки основы — «а», «ы», нулевая — легко прослеживаются на материале каждого западнокавказского языка», что позволяет думать о существовании в прошлом древнего чередования гласных по аблауту. С другой стороны, Г. В. Рогава, исследуя вопросы исторической морфологии адыгских языков, удалось восстановить и для этих языков в далеком прошлом морфологическую категорию грамматических классов и позднее становление в них падсжей⁴³.

Однако по совокупности данных, в том числе чисто лингвистических, абхазский и убыхский языки, возможно, являются хранителями наиболее архаических черт среди родственных языков, то есть в них больше сохраняется облик абхазско-адыгского языка-основы (праязыка), что, правда, требует дополнительного исследования.

Особый интерес вызывает язык убыхов. Убыхи почти одинаково хорошо говорили как на родном, так и на черкесском и абхазском языках. Список слов, содержащийся в сочинении Евлия Челеби, показывает исключительную близость языка соседнего абхазского племени джигетов к языку убыхов в середине XVII в. Характеризуя словарный состав «агонирующего» убыхского языка, «промежуточного» между абхазским и адыгскими языками, П. К. Услар указывал, что его лексика включает в себя множество слегка лишь переименованных абхазских и адыгских слов. Убыхский счет также представляет собой странную смесь адыгского с абхазским. Судя по лексике, можно было бы и вовсе отрицать существование отдельного убыхского языка, но, писал Ус-

⁴² Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 35.

⁴³ Там же, стр. 36—37.

лар, самостоятельность убыхского «обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его»⁴⁴. В убыхском еще более развита система согласных звуков (82), чем в абхазском языке. В нем также две основные гласные — «а» и «ы». Особое своеобразие этого языка состоит, однако, в том, что по своей грамматической структуре он стоит ближе к абхазскому, по материалу же — к адыгским языкам⁴⁵. Система убыхского спряжения одинакова с абхазской и адыгской⁴⁶. Существенно отличается убыхский язык от абхазского присутствием в нем падежных флексий⁴⁷ и отсутствием родов⁴⁸. Но особая близость в такой области, как грамматическая структура (по сравнению со словарем), неоспоримо свидетельствует в то же время и о ближайшем этническом родстве носителей сравниваемых языков, то есть в данном случае убыхов именно с абхазами.

* * *

Что же касается картвельских языков, то одними своими чертами они обнаруживают глубокие связи с западнокавказскими, в то время как другие сближают их с восточнокавказскими языками. Взгляд Н. Я. Марра о смешанном картвельско-абхазско-адыгском характере сванского языка в новейшей картвелистике принято считать не соответствующим действительности. Сванский язык в целом бесспорно принадлежит к картвельской языковой группе, в которой он отличается однако своей наибольшей архаичностью, так как дольше других языков этой группы он оставался на уровне общекартвельского языка-основы. Из этого гипотетического общего картвельского праязыка грузинско-занский начал обособляться рано, а его дальнейшая внутренняя дифференциация, то есть выделение самостоятельных собственного грузинского и занского языков падает на значи-

⁴⁴ Цит. по А. Н. Генко. О языке убыхов, стр. 239.

⁴⁵ Г. А. Климов. Новое в изучении убыхского языка. «Труды» Абхазского института. XXX, Сухуми, 1959, стр. 241, 242.

⁴⁶ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 96.

⁴⁷ Там же, стр. 86.

⁴⁸ Там же, стр. 88.

тельно более поздний период⁴⁹. Расчленение языка-основы картвельских языков и образование на территории древней Грузии отдельных языков (грузинского, мегрельского, сванского), развившихся вследствие указанной дифференциации языка-основы, было совершившимся фактом уже в античную эпоху, причем начало распада грузинско-занского языкового единства некоторые датируют VIII в. до н. э., а обособление сванского языка должно было наметиться еще около XIX в. до н. э.⁵⁰

Анализируя общие черты и расхождения между всеми тремя группами кавказских языков, Г. А. Климов приходит к выводу, что «по целому комплексу признаков южнокавказская языковая модель может быть охарактеризована как промежуточная между моделями западнокавказской и восточнокавказской. Переходность южнокавказского типа видна, например, по таким структурным явлениям, как постепенное нарастание черт флективности, уменьшение удельного веса префиксального строя, усложнение склонения и упрощение спряжения, проходящим с запада на восток через южнокавказские языки»⁵¹.

Из всех кавказских языков именно грузинский проявляет наибольшее сходство в фонетической системе и других областях с осетинским языком, принадлежащим к индоевропейской семье, хотя первые тесные контакты между этими языками восходят, как полагают специалисты, к относительно позднему времени — к последним векам до н. э.

Очень интересны новейшие теории о «двуприродности» грузинского языка, двойственном «кавказско-индоевропейском» характере картвельского лингвистического типа.

Так, Г. И. Мачавариани, характеризуя фономорфологическую систему общекартвельского языка-основы (трехклассная система фонем — гласные, согласные и сонанты, три основных вида морфем — префиксы, корни и суффиксы, важная морфологическая роль аблаута, развитая деklinационная система с четырьмя падежа-

⁴⁹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 98—100.

⁵⁰ Существование общедагестанского языка-основы относят к еще более раннему времени — не ближе III тыс. до н. э., то есть к эпохе энеолита (Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 58).

⁵¹ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 48.

ми — именительным, эргативно-обстоятельственным, дателным и родительным, наличие в синтаксисе эргативной конструкции и др.), приходит к выводу, что «даже при таком беглом обзоре бросаются в глаза разительные совпадения между общекартвельской структурной моделью и моделью индоевропейского языка-основы позднего периода»⁵².

В основном к тому же заключению приходит и Т. В. Гамкрелидзе. Картвельские языки, по его словам, «обнаруживают морфологическую структуру (аблаутное чередование гласных), близкую структуре индоевропейских языков. По признаку структуры морфем и синтагматических отношений между ними картвельский и индоевропейский языки могут быть охарактеризованы как изоморфные системы и объединены в общей типологической класс. Это свидетельствует о тесных контактах, существовавших между картвельскими и индоевропейскими языками, что в свою очередь подтверждает тезис о кавказском пути проникновения индоевропейских племен в Малую Азию»⁵³.

Теория Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани⁵⁴ поддерживается и Г. В. Церетели. Согласно этой теории, — пишет он, — устанавливается «типологическое сходство и даже идентичность структур картвельских и индоевропейских языков». Это может быть объяснено различными факторами. Можно предполагать, во-первых, древнейшее отдаленное родство индоевропейского с общекартвельским, во-вторых, сходство в пределах ареального единства в результате многовековых контактов, бесспорно существовавших между ними с древнейших времен, или, в-третьих, простое типологическое сходство независимо от всякого родства или сродства. Причем, «может быть, действуют все три фактора, или только два, или один из них»⁵⁵. Разрешение этих вопро-

⁵² Г. И. Мачавариани. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. М., 1964, стр. 4.

⁵³ Т. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 5.

⁵⁴ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965.

⁵⁵ Г. В. Церетели. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. (Предисловие к указанной книге Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, стр. 045 — 047).

сов зависит от дальнейших соответствующих исследований по другим группам кавказских языков.

С другой стороны, имеются многочисленные структурно-типологические схождения между общекартвельским и северо-кавказскими языками. К чертам «кавказского» характера относятся, например, общекартвельский консонантизм, который на ранних этапах, вероятно, представлял еще более сложную систему абхазско-адыгского типа; наличие эргативного падежа и отсутствие аккузатива; широкое применение префиксации, что сближает его опять прежде всего с абхазско-адыгскими языками; эргативная конструкция, характерная для всех северокавказских языков, и др.

Подводя итог, Г. И. Мачавариани пишет: «Таким образом, лингвистический тип общекартвельского языка-основы позднего периода можно определить как переходный от кавказского (преимущественно западно-кавказского) к индоевропейскому». Для объяснения такого двойственного характера картвельского лингвистического типа он в качестве рабочей гипотезы указывает следующее: «Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому типу. Исходя из этого можно допустить, что существование структурно-типологического слоя в общекартвельском языке-основе есть проявление предполагаемого исконно генетического родства картвельских языков с северо-кавказскими языками. На этот древнейший кавказский структурно-типологический слой постепенно накладывались черты, сближающие общекартвельский лингвистический тип с индоевропейским. Процесс «индоевропеизации» картвельского лингвистического типа, возможно, протекал в условиях тесного и длительного контакта между племенами, говорившими на картвельских и древних индоевропейских диалектах, еще до разделения общекартвельского языка-основы на самостоятельные языки⁵⁶.

Абхазский и грузинский языки «содержат древнейший материал общего происхождения...»⁵⁷. Вместе с ады-

⁵⁶ Г. И. Мачавариани. Указ. соч., стр. 6.

⁵⁷ К. В. Ломтатидзе. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов. — «Мнатобия», 1956, № 12, стр. 139 (на груз. яз.).

гами абхазы представляют собой остаток некогда несравненно более значительного этнического конгломерата, оказавшего, по-видимому, большое влияние на процессы этногенеза народов западной части Северного и Южного Кавказа. Наследием этого древнейшего этнического субстрата являются доисторическая прото-абхазо-адыгская топонимика Западной Грузии и факты значительного влияния абхазского языка на грузинский как в области лексики, так и морфологии⁵⁸.

Например, в Западной Грузии (Гурии, Имеретии, Мегрелии) женскими окончаниями фамильных имен являются «пхе», «хе» — «дочь», «женщина» (Ломтати-пхе, Куча-хе, Джинори-хе и т. д.). По мнению А. С. Чикобава, мегрельское «хе», должно быть, является упрощением «пхе», с которым он связывает происхождение восточно-грузинского «мхевали» — «рабыня». Вместе с тем он оставляет открытым вопрос, является ли указанная форма (мхев||лхе||хе) принадлежностью картвельских языков или же она заимствована из другой языковой среды⁵⁹. Г. А. Меликишвили также допускает, что в западногрузинском языке этот термин может быть древним заимствованием из другого языка⁶⁰. Надо полагать, что мегрельское пхе||хе представляет собой не что иное, как абхазское оформление женских фамильных имен: «пха» — «дочь», «женщина» (например, Ануа-пха — «дочь» (рода) Ануа», Тар-пха — «дочь» (рода) Тарба», Дамей ипха — «дочь Дамея» и т. д.

А. С. Чикобава отмечает значительное влияние абхазского языка в далеком прошлом на мегрельскую и чанскую речь⁶¹. Он устанавливает морфологические заимствования из абхазского языка — превербов **ла, та, ка, ца, на**, которые оказали значительное влияние на строй речи мегрельского и чанского диалектов занского языка. В частности, преверб **ца** «усвоен грузинским языком непосредственно из абхазского языка, притом раньше, чем он мог проникнуть в чанскую речь» — значи-

⁵⁸ К. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 138.

⁵⁹ А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, стр. 25—26.

⁶⁰ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 438.

⁶¹ Арн. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, стр. 288.

тельно раньше VI в. н. э., так как «в VII в. н. э. абхазская речь непосредственного контакта с грузинской речью не имела: занская речь (мегрельская, чанская) разделяла их»⁶². У него же в другом месте мы читаем: «Имеются серьезные основания предполагать, что на территории Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазско-адыгские племена... Факт насыщенности чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами (...), факт бесспорной древности, может смутить наблюдателя, если исходить из известного в истории территориального распределения абхазского и занского языков: занская речь никакого контакта с абхазской речью, казалось бы, не имела, между тем абхазские элементы представлены в ней более внушительно, чем в мегрельской речи. Но это легко объяснить, если принять во внимание, что занские племена (мегрельские и чанско-лазские. — Ш. И.) оседали на территории, где бытовала абхазско-адыгская речь»⁶³. Присутствие абхазского префикса *кыл* (из, изнутри) в мегрельском отмечал еще П. Г. Чарая⁶⁴ и т. д.

Констатируя несомненное влияние абхазского языка на грузинскую лексику и морфологию, К. В. Ломтатидзе пишет: «Племена, говорящие на абхазском языке.., имели с древнейших времен неразрывные связи с грузинскими племенами. Результатом этих взаимоотношений является бесспорное влияние абхазского языка на грузинский не только в области лексики, но также в определенных областях морфологии... Факты подобного рода в языке не могут быть результатом простого влияния. В этом случае мы имеем дело с абхазским субстратом в мегрело-чанском языке. Этот факт есть факт далекого прошлого, и он указывает на древнейшие интенсивные контакты между названными племенами»⁶⁵.

Абхазское влияние, имевшее место в древности, постепенно слабеет, в то время как обратное влияние карт-

---

⁶² Арн. Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. «Изв. ИЯИИМК». Тбилиси, 1942, стр. 165—167.

⁶³ Там же.

⁶⁴ П. Г. Чарая. Об отношении абхазского языка к ифетическим. СПб., 1912, стр. 27.

⁶⁵ К. В. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 138.

вельской культуры на абхазов, сменившее собой греко-византийское влияние, наоборот, делается более заметным и многосторонним, особенно в период феодализации края и распространения христианской религии и письменности.

Широкой известностью пользуется гипотеза о родстве пиренейских басков с горцами Кавказа, а баскского языка с кавказскими, в частности, с убыхским и абхазским языками. Баскско-кавказскими лингвистическими сопоставлениями занимались еще Г. Шухардт, А. Тромбетти, И. Карст, Н. Я. Марр и другие исследователи. А. Мейе допускал возможность родства баскского языка с кавказскими, но считал, что это родство недоказуемо, а если все-таки оно существовало, то восходит к глубокой древности — к V—IV тысячелетию до н. э. или, быть может, и к более раннему времени.

В последнее время проблема баскско-кавказской общности вновь привлекла внимание ряда ученых как в нашей стране, так и за ее пределами — К. Боуда, Р. Лафона, В. Георгиева⁶⁶, Е. А. Бокарева, И. М. Дьяконова, Ю. В. Зыцаря и др. Последний, подводя итоги соответствующей своей статьи, пишет, что баскско-кавказское родство возможно, как и родство баскского языка с некоторыми мертвыми древневосточными языками (хаттским, хурри-урартским, а также с шумерским и эламским) в той мере, в какой последние сохранили «кавказский фермент». Вместе с тем в конце он подчеркивает, что родство между указанными языками по-прежнему остается все еще только лишь гипотезой. «Состояние работы бесконечно далеко от построения сравнительной баскско-кавказской грамматики и этимологического словаря. Между тем, чтобы утверждать родство, нужны такая грамматика и такой словарь. Поскольку их нет, баскско-кавказское родство остается гипотезой». При всем том он полагает, что гипотеза баскско-кавказской общности, по имеющемуся уже в распоряжении науки количеству «опорных» фактов, более ве-

---

⁶⁶ Известный болгарский лингвист В. Георгиев даже считает, что «родство баскского с кавказскими языками доказано». (В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 182).

роятна, чем все «другие версии баскского родства, если даже оставаться на лингвистической почве»⁶⁷.

Даже проблема генетического родства самих кавказских языков разрешается не так просто. Большинство исследователей, в том числе А. С. Чикобава, не умаляя значения далеко идущих расхождений между современными кавказскими языками (и даже между языками одной группы этой семьи), склонны, однако, видеть в этих расхождениях явления не исконного, а вторичного порядка, в то время, как некоторые другие ученые при наличии такой резкой разницы выражают сомнение относительно возможности генетического родства между кавказскими народами и их языками когда бы то ни было вообще.

Против генетической общности кавказских языков говорят глубокие расхождения между ними не только в области лексики, но и грамматического строя. «Иберийско-кавказские языки, — пишет А. С. Чикобава, — в нынешнем их состоянии резко расходятся между собою вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение: так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т. д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни грамматических классов. Более того, даже языки одной группы обнаруживают различия по существенным моментам: в адыгейском, лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргинского языков категория грамматических классов играет важную роль»⁶⁸.

Не отрицая, таким образом, существования резких расхождений между иберийско-кавказскими языками, в том числе даже между языками одной группы (например, в абхазском имеются грамматические классы, от-

⁶⁷ Ю. В. Зыцарь. О родстве баскского языка с кавказскими. «Вопросы языкознания», 1955, 5, стр. 64.

⁶⁸ А. С. Чикобава. Введение в языкознание, стр. 223.

сутствующие в адыгских), А. С. Чикобава подчеркивает, что первоначально не было такой резкой разницы, которая является результатом последующего исторического развития, что удается установить историко-сравнительным изучением. Он пишет: «Однако, несмотря на наличные ныне расхождения, чем лучше удастся уяснить историю развития иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу, тем больше общих моментов вскрывается (в процессе сравнительно-исторического изучения их) в грамматическом строе и в корне-слове. Эта общность первична, расхождение же — вторичное явление: это — результат сложного исторического пути, пройденного в своем развитии этими языками»⁶⁹.

Неоднократно, начиная с первой половины XIX в., делались попытки отнести кавказские языки к индоевропейской, туранской (урало-алтайской) или семитической семьям языков. Но это уже давно пройденный этап кавказского языкознания. «Ныне общепризнанным считается мнение, высказанное еще в 1864 г. Ф. Мюллером, согласно которому иберийско-кавказские языки представляют собой — подобно баскскому языку в Пиренеях — пережиток некогда многочисленной семьи языков, имевших распространение не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа еще задолго до появления здесь индоевропейских и семитических языков»⁷⁰.

Отвечая на вопрос о том, какие черты, при современном состоянии изучения, можно считать исторически общими для всех иберийско-кавказских языков, А. С. Чикобава пишет: «Таковы — в фонетике — преобладание согласных в звуковом составе при слабом развитии гласных, наличие абруптивных («резких смычных») *к'*, *т'*, *п'*, *ц'* (тц), *ч'* (тч), *кь*. Для грамматического строя характерны: слабая дифференцированность имени и глагола; отсутствие винительного падежа, наличие эргативного падежа, который выступает в роли субъекта переходных глаголов; соответственно эргативный строй предложения, находящий выражение в спряжении глагола (даже при отсутствии падежей, например, в абхазском); исконное отсутствие залоговых различий (действительного,

⁶⁹ А. С. Чикобава. Указ. соч., стр. 223.

⁷⁰ Там же, стр. 224.

страдательного); различие грамматических категорий человека (личности) и вещи; односложность корня»⁷¹.

Собственно кавказские (иберийско-кавказские) языки, распространенные ныне только на Кавказе (хотя и баскский язык на Пиренейском полуострове «может быть отнесен» к ним), представляют собой, по А. С. Чикобава, «пережиток многочисленной древнейшей семьи»⁷².

При всем том по вопросу генетических связей всех групп кавказских языков в настоящее время в научной кавказоведческой литературе еще не достигнуто единства взглядов. Существуют две противоположные точки зрения. Сторонники первой, представленной А. С. Чикобава и другими видными учеными, утверждают, что взаимное родство всех собственно кавказских языков не подлежит сомнению и что даже оно уже доказано на основе общности древней кавказской цивилизации и некоторых важных (пусть не всегда достоверных) структурных языковых черт, а также небольшого количества — около 20 — словарных совпадений. Отдельные археологи предлагают даже свою датировку распада общекавказской культурной и языковой общности — III тысячелетие до н. э., что языковеды считают явно заниженной.

Согласно противоположной точке зрения, развиваемой, например, Г. А. Климовым, прямое генетическое родство кавказских языков все еще остается недоказанной и даже, может быть, мало вероятной гипотезой. Более того, некоторые представители подобных взглядов считают, что пока еще нет достаточных оснований для утверждения о том, какие из групп языков Кавказа стоят ближе друг к другу⁷³. Г. А. Климов пишет: «Совершенно особый интерес кавказское языкознание вызывает неразрешенностью проблемы генетического взаимоотношения автохтонных языков Кавказа. До последнего времени остается невыясненным, являются ли все три их группировки — западнокавказская, южнокавказская и восточнокавказская — родственными или они имеют трех различных языковых предшественников и лишь приобрели некоторые общие черты в результате взаимо-

⁷¹ А. С. Чикобава. Указ соч., стр. 219 — 220, 223—224.

⁷² Там же, стр. 219—220.

⁷³ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 65 и сл.

действия за длительный период совместного развития»⁷⁴. И. М. Дьяконов также считает упрощенным предположение Е. И. Крупнова о том, что культура «куро-аракского энеолита» может быть отождествлена с культурой общекавказского пранарода⁷⁵.

Надо полагать, что будущее всестороннее изучение основ общекавказской культурной общности, восполнив неизбежные пробелы лингвистических исследований, позволит преодолеть отмеченные разногласия по вопросу о родстве кавказских языков, а следовательно и их носителей между собой. Не подлежит, однако, сомнению генетическая связь языков внутри указанных группировок, в том числе и западнокавказской, языки которой вместе с тем сближаются, как мы уже видели, с протохеттским.

3. Из лексических встреч абхазского с другими языками

Элементы современных языков в большинстве своем были заложены еще в глубокой древности. В лексике каждого из них есть свой основной, исконный словарный фонд, который постепенно пополнялся новообразованиями и заимствованиями из других языков. Лексические единицы заимствуются часто вместе с теми элементами культуры, выражением которых они являются, если для их обозначения заимствующим языком не создаются соответствующие новообразования на основе своих традиционных возможностей.

Заимствованная лексика далеко не всегда отражает собой историю этнической ассимиляции. Гораздо чаще она служит показателем культурного влияния, в частности, в области религиозной идеологии, военного дела, государственного делопроизводства и т. д. Вот один яркий пример. В турецком разговорном языке арабизмы составляют 30%, а в литературном еще больше — около 50%, хотя, как известно, роль арабского этноса в этногенезе турецкого народа несравненно менее значительна, чем греков, армян и курдов⁷⁶.

⁷⁴ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 25.

⁷⁵ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 23 — 24.

⁷⁶ Д. Е. Еремеев. Язык как этногенетический источник. «Советская этнография», 4, 1967, стр. 63.

Немало заимствований и в абхазском языке. Эти заимствования шли из разных культурно-исторических областей и разных языковых групп, различающихся и по степени своего влияния.

Выявление по возможности словарных соответствий между языками абхазо-адыгской и картвельской группы помогает решению вопроса о том, как относятся эти языки друг к другу с точки зрения их происхождения и как реконструировать общий словарь. Надо только заметить, что утверждение Г. А. Климова о том, что в XVI—XVIII вв. кабардинский язык «наводнил абхазский, осетинский, балкарский и другие языки, причем пережитки его приоритета, наряду с кабардинским аристократизмом и комильфотностью, сохранялись здесь еще в XIX в.»⁷⁷, является преувеличением, в частности, в отношении абхазского языка и быта, не менее проникнутого в прошлом феодально-рыцарской идеологией.

При необычайной консервативности грамматического строя языка его лексика подвержена более значительным изменениям, связанным с социально-экономическим и культурным развитием страны и развитием ее международных отношений. Вот почему при общности в основном строя абхазо-убыхо-адыгских языков словарные расхождения, накапливавшиеся в течение веков, выросли настолько, что ныне исключается взаимопонимание их носителей. Тем не менее схождений немало, хотя общий лексический фонд выявлен еще далеко не достаточно.

Сошлюсь лишь на отдельные лексические встречи для того, главным образом, чтобы показать, что все совпадения относятся к древнейшему словарному фонду этих языков, а это, в свою очередь, свидетельствует о давно происшедшей резкой дифференциации некогда существовавшего общего языка в результате территориальной разобщенности и образования территориальных диалектов, развившихся в самостоятельные языки (примеры заимствуются из работ К. С. Шакрыл, А. К. Шагирова, Г. А. Климова, а также из других материалов):

---

⁷⁷ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 19.

Абхазские термины	Параллели		Значение
	адыгские	убыхские	

Хозяйство и материальная культура:

афны	унэ		дом (в адыг. означает еще усадьбу, аул).
абыста	паста		мамалыга, каша
акьал(а)	килчэл		шалаш
акьяџа	чала		курдюк
акьатеи	чатий		кишка
аеы	шы	шы	лошадь
аеада	шыд		осел
ацэ (абаз. цэы)	цу		бык
аты	тлы		баран
амшэ	мышъэ (каб. мышэ)	мшва	медведь
абга	баджъэ (каб. бажъэ)	багъа	лиса, шакал

Термины родства:

аешъа	шы		брат
аџха	пхъуы	џха	дочь
дад	адэ		отец
ан	нэ	ны	мать
амахэ	махълхэ	махълхэ	зять

Названия растений:

апсá	псеы (каб. псей)	џсы	пихта, ель
ашы	фы (каб. ху)	фу	просо
амза	мезы		сосна, лес

Социальные термины:

ажэла	жылэ		род, общество
ахабла	хаблэ (каб.)		родовые кварталы

Абхазские термины	Параллели		Значение
	адыгские	убыхские	
алыг	лыг (каб.)		крестьянин, крепостной (общекавк.)
агуџь	гуџь (каб.)		группа, коллектив
ауашы	уы (каб.)		человек ⁷⁸

Названия предметов вооружения:

ашэакь	шхонч	ружье
акъараху	чараху	пистолет
атахэтеи	дохъутен	чехол для ружья
аџхьарца	пхепшьын	2-струнн. муз. инструмент

Названия частей тела:

гу	агу	гу	сердце ⁷⁹
абз	бзэ (натух, бзегу)	бза	язык
ац	цэ (каб. дзэ)	ца	зуб
аџсы	псэ	псе	душа

Из космической терминологии:

амза	мазэ	мдза	луна
афы	уафа (каб.)		молния (гром, небо)

⁷⁸ В кабардинском слове «шьыуы», соответствующем абхазскому «аеуаф» — всадник, шьы — лошадь, уы — человек.

⁷⁹ О слове «гу» — сердце еще П. К. Услар писал: «Корень слова с одним и тем же значением есть общий для грузинского, сванетского, абхазского, адыгского и, быть может, для некоторых других кавказских языков. В абхазском корень «гу» входит в состав множества глаголов, выражающих состояние души, равно как и деятельность вследствие духовных побуждений» (П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 127.).

Абхазские термины	Параллели		Значение
	адыгские	убыхские	

Термины, связанные с верованиями:

ачаҭшььара	чаҭшьь, шопша- ко (каб.)	чаҭшььа	ночное дежурство у постели больного
амш	амыш (каб.)		день (абх.) бог (каб.)
уашхуа	уашхъуэ, уа- шхъо	уашхо	божество (неба), клятва
ерыш	емыш		покровитель овец (у абхазов—ткачества), самоществующая корова (от берега моря к св. сосновой роще)
ямат		ант а	змея
анцэа		нцэа	бог

Термины фольклора:

алаку	арак		сказка ⁸⁰
шььаратын	ширтым		название народной песни
аиныжэ	иниж		великан
Радеда	Рэдэд		название древней свадебной песни
рашьа, рера- шьа	рэшэ		песен. рефрен
уарада, уа- райда	уэрэд	уарайда	

⁸⁰ Ср. также груз. «араки», «игав-араки» — басня.

Абхазские термины	Параллели		Значение
	адыгские	убыхские	

Из личных мужских имен:

Цьанхэат	Джанхот
Мсауст, Мсуст	Мисост
Сабыда	Псабыда

Из нартских личных имен:

Нарт	Нарт	Нарт
Саганей	Сэтэнай	Сатанна
Гунда	Гуандэ	Гунда
Хмышь	Хъымышь	
Гратраз	Пэтэрез	
Сасрыкуа	Саусырыко	Сасрыкуа
Наш-Батакуа	Шэбатыныко (шапс)	
Къатауан	Кятэуэн (шапс.)	
Сит	Сэт	
Тетрашь	Тотыреш	
Зартыжэ	Зэртижь	
Нарцьхьоу	Чемахь	Ерешхау
Хуажэарфыс		Хуазерпиш
Атлагуца	Льэгугц ⁸¹	

⁸⁰ Общими являются и многие другие слова: местоимения (абх. «сара», адыг. сэ(ры) — я; «уа», «уэ» — ты и др.), прилагательные — старый, старик (абх. «ажэ», адыг. «жыь», абх. «атхамада», адыг. «тхьэмаде»), желтый (абх. «џа», адыг. «гъвэ») ⁸² и др.

⁸¹ А. М. Гадагатль. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967 (табл.).

⁸² «Исторические исследования», — писал академик А. Е. Фарман, — привели к выводу, что освоение цветов человеком шло в такой последовательности: желтый, красный, зеленый и синий. Первыми цветами, которые осваиваются ребенком и малокультурными народами, являются желтый и красный. Синий цвет воспринимается

А. К. Шагиров собрал всего 80 общеадыгских исконных слов, имеющих, по его мнению, свои бесспорные параллели во всех других языках абхазско-адыгской группы: **названия частей тела:** сердце, голова, нос, зуб, усы, нога, спина ближе к талии, кожа (шкура), желчь, кровь, нутряное сало; **личные местоимения:** я, ты, вы; **числительные:** один, два, четыре, пять, семь, восемь, сто; **названия родства:** мать, дочь, зять; **названия предметов и явлений из области неживой природы:** луна, день, вода (адыг. «псы»; абх.-абаз.; «адзы», «дзы», «псы»; убых. «бзы»), холод (дед, мороз), низменная местность вдоль берега реки, пыль, огонь (адыг. «машыуэ», абх. «амца», убых. «мыджэ»); **названия растений:** пихта (адыг. «псэй», абх. «апса», убых. «псы»), груша, просо; **названия животных:** бык, корова, лошадь, осел, свинья, коза, ягненок, баран-производитель, медведь, лиса, саранча, вошь; **названия орудий труда:** шило, колун; **глаголы:** умереть, смотреть, знать, пройти, давать, ткать, цедить, снимать (с ноги), чихать, бояться, надеяться, вставить, сеять, хвалить; **прилагательные:** сухой (сухощавый), желтый, красный, новый (молодой), старый (старик), глухой, полный (чего-нибудь), мягкий; **различные слова:** душа (адыг. «псэ», абх. «апсы», абаз. «псы», убых. «псе»), язык (речь и орган речи), спутник (сопровождающий товарищ), дом (комната) (адыг. уыгнэ, абх. афны), дно, мясо, более, мало (малое), ложь, пути⁸³.

Кроме того, автор приводит некоторое количество слов, которые, по его мнению, смело можно считать адыгскими заимствованиями в абхазском и абазинском языках (борода, курдюк, кишка, короткий, чулок, пистолет, жеребец, ранний, поздний, гордый, укоризна и др.), не указывая, однако, обратных заимствований⁸⁴.

Анализ наиболее общих лексических единиц, как и грамматических форм и фонетических особенностей, сближающих между собой абхазский с адыгскими язы-

---

значительно позднее. Например, палуасы не умеют различать зеленого цвета, в поэмах Гомера нет прилагательного «синий» (Вад. Орлов. Проснется ли белоснежка. «Техника-молодежи», II. 1964, стр. 5).

⁸³ А. К. Шагиров. Указ. соч., стр. 48—54. В другой работе автор отмечает около 240 предположительно общих лексических единиц.

⁸⁴ Там же, стр. 56—57.

ками, как пишет К. С. Шакрыл, «свидетельствует, что современные абхазско-адыгские народы в глубокой древности жили одной общей жизнью, составляли одну этническую группу и говорили на одном языке. Следовательно, когда-то в глубокой древности существовал их общий предок, — пранарод, стало быть и праязык»⁸⁵.

Общность основных терминов кровного родства при отсутствии совпадений названий, выражающих более поздно возникающее родство по свойству (за исключением одного слова — «зять»), а также расхождения таких важных с культурно-исторической точки зрения лексических единиц, как бронза, железо, лен и т. д., свидетельствуют о том, что абхазский и адыгские языки разошлись по путям своего самостоятельного развития очень рано, еще задолго до эпохи классической бронзовой культуры. Вместе с тем, судя по некоторым оригинально-абхазским нартским личным именам (Нарцхьоу, Хуажэарцъыс и др.), можно предполагать, что уже в эпоху создания самого ядра нартского эпоса происходило формирование и выделение абхазского языка как особой единицы.

Не менее интересными являются многочисленные абхазско-картвельские лексические встречи. Приведем из них хотя бы небольшую часть, имея при этом в виду, что некоторые общие слова в этих языках могут быть заимствованиями из какого-нибудь третьего источника (например, иранского, арабского и др.):

Абхазские	Грузинские	Значение
Термины, связанные с хозяйством:		
абоура	амбура (мегр.)	помещение для крупного рогатого скота
ахразаг (бз. ахра 'ага)	хыразага (мегр.)	цедильник

⁸⁵ К. С. Шакрыл. О лексических и звуковых соответствиях в абхазско-адыгских языках. «Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы (Тезисы докладов)». Сухуми, 1967, стр. 12.

Абхазские	Грузинские	Значение
аџшьырха	апширка (мегр.)	деревянный сосуд цилиндр. формы для сыра
абкул	букуни (мегр.)	сосуд для молочных продуктов
аныга	ныга (мегр.)	подойник
ачакуа	чакуа (мегр.)	деревянная кружка
адаџа	даџа	деревян. портфель, доска (груз.)
адгьыл	адгили	земля, место
акалат	калати	корзина (плетеная)
амагана	намгали	серп
акама	кама	укроп
акуаб	кваби	котел
аубу	убьели	ярмо
ацкъашџ	цкебзи (мегр.)	ритуальн. сыр
ахцара	хынцыра (мегр.)	мечение скота
анилаџ	эларџьн	сырн. каша из кукурузной муки
ачамыкуа	чемква	блюдо из молока, сыра и кукур. муки
акацахур	коцахури	барбарис
алагама	лыагама (мегр.)	особая уздечка (?)
абагьал	багири	канатн. веревка
амаџаџа	моџаџе	подмастерье, ученик

Из терминологии, связанной с военным бытом:

абџьар	абџьари	вооружение, доспехи
алабашья	лабашья (мегр.)	палка с железным наконечником
аткуа	ткве	пленный
аџкара	даилкра ⁸⁶	побить, завоевать, завладеть

⁸⁶ В грузинском средневековом летописном сочинении «Матианс Картлиса» употреблено слово „დაილკრა“, например, в том месте, где говорится о присоединении Эгриси к Абхазии. В современном грузинском языке этот термин понимается в значении «завоевал», а в древнегрузинском — «завоевал», «завладел» (в зависимости от контекста).

Абхазские	Грузинские	Значение
амарцѡа	амарцѡа, гамарцѡ- веба	боевой клич, при- зыв к действию (абх.), победа (груз.)
ар	цѡари	войско, сборище

Фольклорно-мифологические термины:

арашь	раши	сказочный боевой конь
рерашья	раша-рера	припев народных песен ⁸⁷
азар	зари (сван.)	особая 2-3-х голос- ная песня, гимн
уарада	уарада	песенный рефрен
Гунда	Цѡгерагуни (мег.)	покровительница пчел
Ацѡар	джвари	крест

Из общих личных имен:

Тагу	Тагуи
Мзахуа	Мзеха
Тата	Татия
Кац	Кация
Уча	Уча, Учардия
Бакура	Бакура

Разные:

акьат	кети	палка, дубина
ахумарра	хумроба, хумарани	игра, комедиант
абыкъ	буки	труба (духовой ин- струмент)
аѡхын	заѡхули,	лето, теплое время
аѡырра	ѡрена	лететь
аѡра	аѡра	парус
акуа	ку	черепаша
ачапан	чипи, чапани	пупок

⁸⁷ «Толковый словарь грузинского языка», т. VI. Тбилиси, 1960, стр. 371.

Абхазские	Грузинские	Значение
азыз	зУзу	грудь (материнская) ⁸⁸

В своем этимологическом словаре картвельских языков Г. А. Климов приводит свыше двадцати примеров общности корней, причем к материальным (лексическим и морфемным) схождениям абхазского (и адыгских) с общекартвельским относятся идентичность основ таких словарных единиц, как «сердце», «душа» (абх. «псы», картв. «сул»), «мама», «старшая сестра» (абх. «ди», картв. «да-дид»); числительные «три», «пять», «десять», «сто»; «солнце» («луна») (абх. «мза» — луна, картв. «мзэ» — солнце); «волк», «курица», «шкура», «свинья», «цепь», «соль», «сирота», «большой», «старый», «теплый», «штука», «летать» и др.⁸⁹

Приведенный, правда, слишком ограниченный материал абхазско-картвельских лексических встреч свидетельствует о том, что в древности абхазский язык оказал определенное влияние на лексический состав картвельских языков — мегрельского, сванского и собственно грузинского, в особенности в области таких важных сфер производственной и общественной жизни, как скотоводство, война и вооружение, мореходство, музыкальный фольклор и др. В период расцвета феодализма в Грузии, главным образом с начала создания единого абхазо-грузинского государства, влияние грузинского языка и грузинской культуры, наоборот, постепенно усиливаются, прежде всего в областях, связанных с письменностью, христианской и книжной культурой и т. п.

В абхазском языке имеются лексические заимствования и из арабского языка, которые шли не только с юга (через Турцию и др.), но и через мусульманские народы Северного Кавказа, с которыми как арабы, так и абхазы поддерживали оживленные торгово-экономические и культурные связи. Вот отдельные примеры:

⁸⁸ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории, стр. 34—35.

⁸⁹ Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 294.

Абхазские	Арабские	Значение
ассир	сир	чудо, секрет
ашьакар	шукер	сахар
ауада	ауда	комната
Мсыр	Мыср	Египет
Шьам	Шам(м)	Сирия,
барақыт	барқыт	обилие
хаир	хеир	добро
аламаз	намаз	намаз, молитва
цъаханым	цъаханы	ад
цъанат	цъана	рай
ақыз	Каз (тюрк.)	гусь
ацъаз	цъас (тюрк.)	желтая медь...
азааб	азаб	наказание, мучение
аллах	аллах	аллах (бог).
ахабар	ахбар	рассказы, составляющие шиитское священное писание
адин	дин	религия, вера
ақытап	китаб	книга, писание
акуркан	коран (куран)	священная книга мусульман
амхацьыр	хиджра	переселение (совершивший хиджру)
асифат	сифат	атрибуты
ахуацьа	хадж	паломничество
ахарць	хардж	подать (в частности, поземельная)
ахарам	харам	священный, заповедный, запретный, вредный
ашаитан	шейтан	дьявол, сатана ⁹⁹

Иранские языки, по-видимому, мало оказывали непосредственного влияния на абхазский язык, если не говорить о тех заимствованиях иранского происхождения, которые проникли в абхазскую речь через посредство

⁹⁹ А. Массэ, Ислам. М., 1963, стр. 201 — 213.

других народов (например, абх. «адин» — от иранск. «дин» — вера, религия), а также о древних абхазо-скифо-сарматских лексических встречах, о которых, однако, пока мы не имеем возможности судить сколько-нибудь конкретно.

П. К. Услар, отметив, что в абхазском имена существительные приобретают отдельное значение только через присоединение к их концу показателя единичности «к», который представляет собой сокращенное «акы» — один, причем начальное а при этом отбрасывается, писал: «Этот член единства вполне соответствует персидскому s. Само собой разумеется, что эту ссылку делаю я не для того, чтобы доказывать родство абхазского языка с иранским, между которыми общее, по всей вероятности, не более, как простая случайность»⁹¹.

Анализ лексического состава абхазского языка, в частности, факт отсутствия значительного пласта иноязычных элементов (незначительность в целом грецизмов, арабизмов, тюркизмов, картвелизмов, не говоря об иранизмах и т. д.), сохранение в общем в неприкосновенном виде не только грамматического строя, но и основного оригинального словарного фонда, дает основание для вывода о том, что ни одна из иноплеменных этнических групп, с которыми на юге и севере встречались и смешивались абхазы на протяжении своей долгой истории, не сыграли решающей роли в формировании абхазского народа. Это значит, что происходила ассимиляция сравнительно небольших иноязычных групп, иноплеменные этнические компоненты, принимавшие то или иное участие в этногенезе абхазов, растворялись в местной среде. Местная языковая доминанта в данном случае вполне соответствует хозяйственно-культурной и антропологической, короче местной же этнической доминанте, что бывает не так часто, как это может показаться с первого взгляда.

4. О самоназвании абхазов (апсуа)

Общее самоназвание народа возникает на основе довольно развитого социально-экономического и этнического развития (известно, например, что шумеры не име-

⁹¹ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 77.

ли общего самоназвания, что в гомеровское время, то есть в начале I тысячелетия до н. э., единого обозначения для всех греков также еще не было).

Этническое содержание терминов может измениться. В частности, пришельцы, навязав побежденному аборигенному населению свой язык, сами могут принять название древнейшего населения завоеванной страны. Наименование одного народа «может переноситься на другой народ и одним и тем же именем в разные эпохи могут обозначаться разные народы»⁹². Ярким примером этого может служить «история термина «хатты», оставшегося от древнейшего населения центральной Малой Азии, но закрепившегося позже за пришельцами-победителями, подлинного имени которых мы не знаем, условно называя их хеттами или хеттами-неситами»⁹³.

Обозначение коренного населения Абхазии неразрывно связано с местной этнической номенклатурой. Среди адыгских племен абхазы были известны под разными названиями: «абаз», «абаза» (для северокавказских абазин), «азеха» или «азэга» (от черкесского «азэгъе» происходит «азэга» — название абхазов, встречающееся в этнографической литературе XIX в.)⁹⁴, басхыг — абхазы, живущие по северную сторону Кавказа⁹⁵, кабардино-черкесы и карачаевцы абхазов называли по именам северо-западноабхазских горных племен — «айбга», «ахчипсы» и «мдауэй» (мдаџаа, мдаџеиаа)⁹⁶. Убыхи именовали абхазов тем же «басхыг» (басхыџ), а по Услару «все вообще племена абхазского происхождения известны убыхам под коллективным именем адзыге (адзвџе)», которое он связывал с «азра» Белла⁹⁷. У картвельских племен абхазы выступают под однокоренными названи-

---

⁹² А. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. «Вестник отделения общественных наук», № 1, 1960. Тбилиси, стр. 168.

⁹³ Ю. В. Зыцарь. Указ. соч., стр. 54.

⁹⁴ Ст. анонима «Абхазы (Азэга)». ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872.

⁹⁵ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 72.

⁹⁶ По преданиям, само название Кабарды берет свое начало от имени Кабарды Тамбиева, происходящего от «мудави», часть которого перевалила через горы и поселилась за реками Балк и Инжиг. («Кабардинский фольклор», М.-Л., 1936, стр. 145, 420, 632).

⁹⁷ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 75.

ями: у сванов — «мыпхаз», у мегрелов — «апхаза»⁹⁸, у остальных грузин — «апхази», отсюда армянское «апхазк», русское «абхазы», «Абхазия». Турки абхазов именуют «абаза».

Самим абхазам соседние и некоторые другие современные и древние народы и племенные группы известны под следующими названиями (окончания «куа», «ца», «аа» — показатели множественного числа): абазины — «ашвуа» (ашэуа), убыхи — «агухоуа» или «аублаа», адыги — «аедыгъ», «едыгъаа», кабардинцы — «кабардаа» (кабардаа), шапсуги — «шалсыгаа» (шапсыгаа), грузины — «акыртква» (акырткуа), мегрелы — «агырква» (агыркуа), гурийцы — агураа, имеретинцы — «имаратаа» (имаратаа), сваны — «ашванква» (ашэан, ашэанкуа), лазы — «алазква» (алазкуа), аджарцы — «ачараа» (ачараа), чаны — «ачоуква» (ачоукуа), армяне — «ашвамахква», «аерманква» (ашэамахкуа, аерманкуа), осетины — «ауапсква», «асатинква» (ауапскуа, асатинкуа), карачаевцы — «акарачкава» (акарачкуа), турки — «атырквца» (атыркуца), русские — «аурысква» (аурыскуа), персы, иранцы — «аджамква» (аджамкуа), греки — «абырзенква» (абырзенкуа), римляне — «аурымква» (аурымкуа), египтяне «мсыраа» и др.

Сами себя абхазы называют «апсуа». Под этим же именем их знают частично и абазины (апсуа, апсуакуа). Иорданские абхазы, по сообщению Л. Е. Кучберия, себя называют «апсы». Родину свою абхазы также именуют «Апсны» (Апсны). Название «Апсны» этнического происхождения и означает «Место (страну) апсуйцев»⁹⁹, то есть по имени древнеабхазского племени, давшего свое имя и другим родственным племенам, была названа и их страна.

«Апсуа» в основе своей представляет собой одну из

---

⁹⁸ Арабский историк IX в. Баладзори сообщает, что в середине VII в. к войску правителя византийской области Армениакоса присоединились вспомогательные отряды жителей Апхаза (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, стр. 88—89).

⁹⁹ В древности в Приазовье проживало племя «псесов», но трудно сказать, допустима ли какая-либо генетическая связь между «апсуа» — самоназванием абхазов и наименованием этого меотийского племени, упоминаемого разными авторами, напр., Аполлодором, Ст. Византийским (VI в.) и засвидетельствованного также эпиграфически (ВДИ, 1948, № 3, стр. 329).

древнейших лексических единиц абхазского языка. При чем корень «пс» выступает, по-видимому, как единый, нерасчленимый комплекс. «Абхаз», «абаза», «апсуа» — видоизменения одного и того же этнонима, восходящего к корню «лс».

Если не считать «абешла» древневосточных источников и «апсилы» позднеантичных авторов, то впервые в литературе этническое название с основой «пс», «апс» мы встречаем, как сказано, в одном анонимном грузинском историческом сочинении двадцатых годов XIII в., где летописец, объясняя своим читателям значение абхазского слова «лаша», которым царица Тамара нарекла своего сына, сообщает, что указанное имя царевича переводится с языка **апсаров** как «свет», «просветитель вселенной»¹⁰⁰.

Ниже приводится часть абхазских слов, содержащих элемент «пс», сгруппированных по семантическому значению. В результате получилось значительное количество терминов, связанных с этнонимикой, личными и фамильными именами, топо- и гидронимикой, названиями святилищ, растений, животных, птиц, насекомых, рыб, воды (влаги) и разных других предметов и явлений природы.

1. Этнонимы:

1. **Апсуа** (апсуа, бз. апс'уа) — общепринятое самоназвание абхазов, в дословном переводе может означать «люди души», «люди (племени) апсов»; этим же именем называла себя раньше и небольшая часть абазин-ашхарцев, один из аулов которых так же называется Апсуа. П. К. Услар писал: «апс» аапсуа абхазцы и также абхазец»¹⁰¹ (ср. родо-племенные названия: **апсилы**, **Апшылаа** и легендарное родовое имя **Апсыс**).

2. **Ауапс** (ауапс) — так абхазы (в основном абжуйцы) называют осетин.

3. **Псесы** — меотийское племя, обитавшее в Приазовье и засвидетельствованное в античных письменных и эпиграфических памятниках¹⁰².

¹⁰⁰ (ლსშა) „რომელიც თქონათ უხანა გიგნაბათოცებოდა სვეტიცისა ცოცხებდა“ «История и восхваление венценосцев», в кн. «Жизнь Грузии», изд. З. Чичинадзе, 1913, стр. 434).

¹⁰¹ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 121.

¹⁰² ВДИ, 1948, № 3, стр. 329.

II. Этно-топонимы:

1. **Апсны** (бз. Аџс'ны) — Абхазия, досл. «Страна апсов», или «апсуйцев», а по народной этимологии — «Страна души», «Душевная страна».

2. **Апсуа** (Аџсуа) — один из абазинских аулов на Кубани (быв. Чагерия).

3. **Псырдзха** (абж. Пьсырзха, бз. Пьс'ырзха) — один из древнейших населенных пунктов Абхазии у совр. Нового Афона.

4. **Псху** (абж. Пьсхэы, бз. Пьс'хэы) — горная котловина в верховьях р. Бзыби.

5. **Ахчипсы** (Ахчыџсы) — горная область северо-западной Абхазии, в районе верховьев р. Псоу.

6. **Апсуа шхаква** (абж. Аџсуа шьхакуа, бз. Аџс'уа шьхакуа), то есть «Абхазские горы» — так называют горы верховьев р. Кодор и ее притоков.

7. **Аджупсан** — община в нижнем течении р. Кодор (?).

III. Топонимы:

1. **Пскал** (Пьскал) — предгорная местность в пределах села Джгерда, на вершине которой сохранились развалины христианского храма.

2. **Апсагча** (Апсагџа) — гора у верховьев р. Геги, правого притока Бзыби.

3. **Псеашхо** (Пьсышьха, Пьсхашьха) — перевал в верховьях р. Мдзымта.

4. **Псыж** (Пьсыж) — абазинский аул на р. Кубани, напротив гор. Черкесска.

5. **Псыхва** (Пьсыхэа) — долина, район, зона, округ (абаз.).

IV. Гидронимы:

1. **Гумпсы** (Гумџсы), Гумсы — древний вариант названия реки Гумиста, впадающей в море северо-западнее Сухуми.

2. **Ахыпсы**, или **Ахипс** (Ахыџсы) — ущелье р. Гумиста и т. н. «Свинцовая река», впадающая в последнюю (Двуречье).

3. **Псырдзха** — речка у Нового Афона.

4. **Аапсы** (бз. Ааџс'ы) — река между Новым Афоном и Гудаутой (досл. «Тисовая вода»?).

5. **Хыпсы** (бз. Хыпс'ы) — река северо-западнее г. Гудаута.

6. **Бзыбь** (Бзыцъ) — одна из главных рек Абхазии.
  7. **Лашпысы** (бз. Лашцъс'ы) — речка, впадающая в оз. Рица (верховья р. Бзыбь).
  8. **Лапста** (Лацъста) — речка Зап. Абхазии.
  9. **Псоу** (Цъсоу) — река Зап. Абхазии (по ней проходит современная граница Абхазской АССР с Краснодарским краем).
  10. **Чужипсы**
  11. **Ачипсоу**
  12. **Хуадыпсы**
  13. **Сочипсы**
- } горные речки бассейна
р. Мдзымта

V. Названия, связанные с водой:

1. **Асыпса** (абж. асыцъса, бз. ас'ыцъса) — смерзшийся снег, глетчер, снежная лавина.
2. **Апста** (абж. ацъста, бз. ацъс'та) — ущелье, где протекает река.
3. **Аквапсата** (акуацъсата) — мелкий дождь.
4. **Апсахвара** (ацъсахэара) — моросящий дождь.
5. **Апсасира** (ацъсасира) — увлажнение.
6. **Ацвыпсы** (ацэыцъсы) — становиться кисло-влажным.
7. **Арпсаара** (арцъсаара), арцъсахвара (арцъсахэара) — пропитать влагой, увлажнить.
8. **Апстхва** (ацъстхэа) — тяжелые дождевые тучи.
9. **Апслымдз** (абж. ацъслымз, бз. ацъс'лымз) — морской (речной) песок.
10. **Пслымдз** (цъслымз) — по-абазински стоячая, болотистая вода, абхазы называют ее «адзава» (азава)¹⁰³.
11. **Адзы-псы** (абж. азы-цъсы, бз. азы-цъс'ы) — в этом словосочетании понятие воды выражено двумя словами: **азы** и **цъсы**, что свидетельствует о том, что и абхазы некогда знали «псы» как обозначение воды.
12. **Псы** — одно из абхазских названий воды (по мнению ученого из турецких абхазов О. Бегуа).

VI. Семейно-родовые и личные имена:

1. **Псардиа** (абж. Цъсардиа, бз. Цъс'ардиа) — старинный абхазский род.
  2. **Апса** (Ацъса) — абазинская фамилия (аул Крас-
- ¹⁰³ В. Х. Концариа-цъха. Ацъсуа-абаза диалекткua рлексика. — «Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы (Тезисы докладов)». Сухуми, 1967, стр. 5.

ный Восток; это же слово в тапантском диалекте означает женщину (жену)¹⁰⁴.

3. **Апсандзе** (Ап̄санзе) — фамильное имя, встречающееся ныне среди соседних мегрелов.

4. **Тлапс** (Тла̄пс)

4^a. **Хрипс** (Х̄ры̄пс) } старинные абхазские мужские

5. **Кыпса** (Кы̄пса) } имена.

6. **Опсит** — «царь» восточной стороны Абхазии (VI в. н. э.).

7. **Апсирт** — герой Аргонавтики (V в. до н. э.)

8. **Псынча** (П̄сынча) — мужской персонаж старинной народной песни ранения.

9. **Напсо** (Н̄эпсэу) — шапсугская фамилия (на р. Шахе) в переводе «зрячие (здоровые) глаза».

VII. Религиозно-мифологические тексты:

1. **Аныпс-ных Лдзаа-ных** (Аны̄пс-ных Л̄заа-ных), **Дыдрыпшь** — **Аныпс-ных** (Ды̄дры̄пшь-Аны̄пс-ных) — в этих выражениях термин «Аныпс» выступает как синоним или вариант названий известнейших в северо-западной Абхазии **Дыдрыпшского** и **Лдзаавского** святилищ.

2. **Пскал** (П̄скал) — древний храм в Очамчирском районе.

3. Из текста древней песни ранения:

Перевод:

- (1) Уа-тла п̄сыри п̄сеикан... . . . . .
(2) Уада-уада, уада п̄сынчара! . . . . .
(3) П̄сынча икуара х̄ынчар- Псынчи ручей — место
тоуп, пленения
(4) Х̄ынча икуара п̄сшьар- Хвинчи ручей — место
тоуп, отдыха¹⁰⁶.
(5) Тлапс ихуара ш̄энуанча!¹⁰⁵ . . . . .

4. **Апсабара** (а̄псабара) — мир, свет (А̄псабара умбаит! — «Чтобы ты света божьего не видел!»).

5. **Псатха** (П̄сатха) — бог жизни в кабардинском

¹⁰⁴ Г. П. Сердюченко. Об абазинских диалектах. М.-Л., 1938, стр. 252.

¹⁰⁵ Записано автором со слов 100-летнего Мачкуку Адлейба в с. Члеу Очамчирского района (1954 г.).

¹⁰⁶ Первые две и последняя строки песни переводу не поддаются. Псынча и Хвинча — мужские имена, которые в народе теперь уже почти не встречаются.

нартском эпосе, которому приносили в жертву белую козу (абхазам ныне неизвестен).

6. **Апсат** (Афсат) — сванско-осетин. божество охоты.

VIII. Названия животных, растений:

1. **Апствы** (аџствэ) — животное (по-каб. животное также пса, псэушьхэ).

2. **Алапс** (алаџс) — сука (ала — собака)

3. **Ацгуапс** (ацгуаџс) — кошка (ацгу — кошка).

4. **Ачадапс** (ачадаџс) — ослица (ачада — осел).

5. **Апсаса** (абж. аџсаса, бз. аџсас'а) — мелкий рогатый скот.

6. **Апслаху** (апслахэ) — серна.

7. **Апслы** (абж. аџслы, бз. аџс'лы) — выдра (досл. «водяная собака», от аџс — вода, ала — собака).

8. **Апсаатв** (абж. аџсаатэ, бз. аџс'аатэ) — птица.

9. **Апсынкуа** (аџсынкуа) — вид дикой ядовитой осы.

10. **Апсыдз** (абж. аџсыз, бз. аџс'ыз) — рыба.

11. **Апса** (аџса) — пихта.

12. **Апслыш** (абж. аџслыш, бз. аџс'лыш) — плак. ива.

IX. Названия разных предметов и явлений:

1. **Апса** (абж. аџса, бз. аџс'а) — штык, пика.

2. **Апскы** (аџскы) — руль корабля.

3. **Апсынгыры** (аџсынгыры) — наковальня.

4. **Апсард** (абж. аџсард, бз. аџс'ард) — ножницы для стрижки овец.

5. **Апста** (аџста) — свинец (бз).

6. **Аихапсыху** (абж. аихаџсыху, бз. аихаџсыху) — металлические (железные) орудия труда.

7. **Амчипсыху** (амџыџсыху) — деревянные орудия труда.

8. **Макепсис** (макџаџсыс) — точильный камень.

9. **Апстаркра** (аџстаркра, аџстыркра) — инкрустация серебром.

10. **Ауапсты** (ауаџштэы, ауаџстэы) — пригоршня.

11. **Апсы** (абж. аџсы, бз. аџс'ы) — душа, мертвый, мертвец.

12. **Пс**, отсюда **апстазара** (аџстазара) — жизнь, живое, «душу содержащее».

12^a. **Псухо** — родовая община у абхазов, шапсугов, убыхов.

13. **Псуха** — родовая община у абадзехов, шапсугов, убыхов.

14. **Апсхвыстра** (абж. аҭсхэыстра, бз. аҭс'хэыстр) — лишай.

15. **Псыхуа** (абж. ҭсыхуа, бз. ҭс'ыхуа) — мочь, возможность.

16. **Апсахара** (абж. аҭсахара, бз. аҭс'ахара) — быть стоящим, достойным.

17. **Атвырпсара** (аҭэырҭсара) — буйный рост растений.

18. **Акупсха** (акуҭсха) — сорт местной груши.

19. **Аоупсы** (аоуҭсы) — человек, личность.

20. **Апсыла** (абж. аҭсыла, бз. аҭс'ыла) — жирное, досл. «то, что содержит жизнь (душу)».

21. **Апстыр** (аҭстыр) — полчища (аҭстыр култ — название полчищ).

22. **Апсцаха** (абж. аҭсцааха, бз. аҭс'цааха) — дух смерти.

23. **Апсып** (аҭсыҭ) — дух, дыхание.

Здесь были приведены десятки слов и выражений с элементом «пс», а перечень может быть значительно расширен. В основе их лежит древний корень «пс» с полисемантическим значением духа, дыхания, души, жизни, смерти, воды, а в отдельных случаях самки и др.

Полисемантизм, по мнению некоторых, вообще характерен для древнейшего состояния языка, когда человеческая речь, располагая ограниченными возможностями, использует одно и то же слово для выражения нескольких понятий (пережитки полисемантизма, например, «ашэ» — дверь и сыр, «амза» — сосна и луна и др. послужили в свое время Н. Я. Марру одним из поводов для утверждения о том, что абхазский представляет собой образец языка с необычайно архаичным строем). Другие же считают, что полисемантизм не всегда является показателем архаичности, он часто выступает в качестве вторичного явления.

С течением времени, с развитием и усложнением производственной и общественной жизни язык обогащается, развивается. И корень «пс» обрастает целым «семейством» более сложных слов, и в настоящее время этот элемент и его производные служат для обозначения самых различных понятий. Но как бы не разрослось это

«потомство», оно почти всегда сохраняет как и не прямую) связь со своим «прародителем» зумеется, не всегда легко доказать родство вторичного и третичного происхождения с пер- том анимистической эпохи).

Как мы видим, с понятием «дух», «душа» такие, например, выражения в абхазском языке, как свет, мир, природа (аҭсабара), все живущее (ҭсы зхоу), жирное (жизненное) (аҭсыла), жизнь (досл. «содержащее душу, жизнь») (аҭстазара)¹⁰⁷, смерть (аҭсра), животное (досл. «то, что принадлежит душе») (аҭстәы), пернатые (апсаатә), дух (дыхание) (аҭсып) и др. В словах сука (алаҭс), кошка (ацгуаҭс) и ослица (аеадаҭс) тоже, возможно, частица «пс» выражает дух размножения этих животных. А с понятием воды, влаги связаны такие лексические единицы, как ущелье (аҭста), мелкий дождь (акуаҭсата), дождевые тучи (аҭстхәа), стоячая болотистая вода (ҭслымз) (абаз.), плакучая ива (аҭс- лыш), растущая вблизи источника воды, вода (азы- ҭсы), рыба (аҭсыз), выдра (аҭслы) и др.

Отдельные слова и выражения, содержащие «пс», можно найти и в лексике грузинского языка, в основном в его западных диалектах. Так, моча по-мегрельски называется «псыма», имеретинский же локальный термин «апсиореба» означает расти высоко и тонко, а общегрузинское «апсус» используется как возглас сожаления, разочарования¹⁰⁸. Однако эти слова могут быть звуко- подражаниями («псыма»), либо проникли в грузинскую речь, возможно, из другой языковой среды («апсус»).

Таким образом, элемент «пс» характерен для языков северо-западного Кавказа — абхазского, убыхского и адыгских. Представляет немаловажный интерес наличие терминов на «пс» не только у этих народов, но и у античных греков — представителей индоевропейской языковой семьи.

Так, указанный элемент в том же значении души мы находим в древнегреческом слове «психе» — душа, дух, дыхание (отсюда — «психология» — учение о душе)¹⁰⁹. Если здесь «пс» морфологически выделяется как значи-

¹⁰⁷ Ср. каб. Псатха—бог жизни (от псә—душа, жизнь, тха—бог).

¹⁰⁸ «Толковый словарь грузинского языка». Т. I. Тбилиси, 1950, стр. 707.

¹⁰⁹ «Древнегреческо-русский словарь». М., 1958, т. II, стр. 1801.

мая часть слова с указанной этимологией, то перед нами в высшей степени любопытное совпадение двух важнейших культурно-исторических терминов — абхазского «апсы» и древнегреческого «психе», почти идентичных не только по своей семантике, но и по форме. При этом важно отметить, что интересующее нас слово не находит объяснения на основе самого греческого языка. «Элемент «пс» неясного происхождения, эту форму мы нигде не могли засвидетельствовать», — читаем мы в этимологическом словаре греческого языка¹¹⁰. Поэтому происхождение загадочного слова следует, может быть, искать в кавказских языках, точнее в абхазо-черкесской группе языков, где оно имеет такое широкое распространение.

Вместе с тем можно думать, что это не единственный пример греко-западнокавказских языковых встреч. Воздерживаясь, однако, от каких-либо выводов, считая все-таки возможным отметить тот небезынтересный факт, что та же частица в том или ином значении присутствует и в ряде других древнегреческих слов, большей частью в качестве составной части имен богов, эпических героев, топонимов и пр. Таковы, например, имена нимфы Нилсеи, богов и богинь Терпсихоры, Психеи, олицетворяющей человеческую «душу» и изображавшейся в образе прекрасной девушки, Посейдона (древнего пелазгийского бога, дающего начало всем водам), Калипсо (богини гомеровского эпоса), Дипсака — сына бога р. Филлеида, упоминаемого в «Аргонавтике», Гипсиллы — дочери царя Лемноса, Пелопса — героя Эллады, Кипсела — первого коринфского тирана (VII в. до н. э.) (ср. абхазское мужское имя Кыпса), Опса — персонажа из «Одиссеи», Скепсиса — города, находившегося во Фригии (М. Азия), названия острова Псира (Апсиртовы), понтийских рек Кинапс и Дирапс и мн. др. Можно указать и на такие слова, как «псар» — рыба, «псаммиты» — мелкие пески (ср. абх. «аъслымз» — песок), «псаммон» — совокупность организмов, обитающих в песке, «псиломелан» — минерал, содержащий марганец, «псилофиты» — ископаемые споровые растения и др. Кроме того, «пси» мы находим в основе названий трех букв древнегреческого алфавита — эпсилон, ипси-лон и пси.

¹¹⁰ „Dictionnaire etymologique de la langue grecque“. Paris, 1938, стр. 1073.

В свете известного положения о взаимовлиянии кавказской и античной цивилизаций приведенные здесь языковые параллели могут, как мне кажется, представлять определенный интерес. Еще Геродот указывал, что хотя ядро эллинского народа составляли первоначально дорийцы, но они затем вобрали в себя много и других групп различного («варварского») этнического происхождения (прежде всего, пеласгов). Он считает доказанным, что греческая культура заимствована с Востока, что, в частности, имена почти всех богов перешли в Грецию либо из Египта, либо от других варваров в ту далекую эпоху, когда термин «варвар» не имел еще никакого унижительного содержания¹¹¹. Например, пеласги, которые первоначально были чисто варварским племенем, присоединились к эллинам, привнеся им свою культуру, потеряв, однако, свой язык.

В некоторых древнейших ассиро-вавилонских религиозных и мифологических текстах также встречается Апсу (Абзу) как название храма морского бога Энки. Его священный город — Эриду (ныне Абу-Шахрейн), в котором храм носил имя, предназначенное Е-абзу по-шумерски, бит-апси по-аккадски, «дом Апсу»¹¹².

Но вернемся в Абхазию. Что же мог означать элемент «пс» в «апсуа» — самоназвании абхазов?

Начальная гласная (а) в «а-пс-уа» представляет собой постоянный префикс общности абхазских имен (за исключением собственных), окончание (уа, мн. уаа) выражает «люди», как и в ряде других этнонимов (а-шә-уа — абазин, а-шәан-уа — сван, а-тр-уа — мегрел, а-кырт-уа — грузин и т. д.), а корень (пс) в современном абхазском языке означает, как мы уже знаем, «дух», «душа», «пихта», а в сочетании с некоторыми другими словами: «жизнь», «мир», «свет», «самка» и т. д. В адыгских языках основное значение «пс» — вода. Но тот же элемент мы находим и в таких адыгейских словах, как, например, «псә» — душа (каб. «псей»), «псәуа» (каб.) — «живущий», а по-убыхски «псы» — ель, пихта, «псызы» — грязь, «лерипсе» — цепочка, причем, по замечанию П. К. Услара, сделанному к последнему слову, «псе» выражает то, что связывает что-либо¹¹³, «апс» — деревянная миска для питья воды и др.

¹¹¹ С. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947, стр. 50 — 51, 53.

¹¹² Les religions de Babylonie et d'Assire..., стр. 32.

¹¹³ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 68, 74.

В основе варьируемых племенных названий «апсилы», «абастги», «абазги» легло, по всей видимости, одно и то же слово, с которым связано самоназвание абхазов «апсуа»¹¹⁴.

Существуют разные точки зрения о происхождении элемента «пс». По словам Х. С. Бгажба, корень «пс», который он считает исконной принадлежностью абхазского языка, означал понятие реки, в то время как понятие воды выражалось термином «адзы» (азы). К. С. Шакрыл, напротив, полагает, что данная основа, как и корень «пшь» (дъшь), абхазским языком усвоена из адыгской языковой среды, разделяя в этом случае мнение П. К. Услара об основе самоназвания абхазов, высказанное им еще лет сто тому назад. «О значении корня апс можно лишь догадываться, — писал Услар... — Быть может, от того же корня происходит и название Псху, что может значить: *часть Абхазии*... таково мнение самих абхазов, но здесь корень апс- утрачивает свое а. Толкование этого названия посредством адыгского языка кажется гораздо более правдоподобным»¹¹⁵⁻¹¹⁶.

Надо полагать, что корень «пс» восходит к общей абхазо-адыгской праязыковой основе. После же дифференциации языка-основы и образования в результате этого нескольких родственных языков, вступивших давным-давно на путь самостоятельного развития, «пс» в каждом из дочерних языков стал выполнять и новые функции. В частности, в древнеабхазском языке он служил преимущественно для выражения таких понятий, как «дух», «душа» и сопряженных (по законам древнего религиозного мышления) с ними явлений, в том числе и для обозначения такого значительного и яркого представителя местной флоры, как пихта. Сам факт многозначности «пс» и его органической связанности с разного рода «духами», явлениями природы и общества свидетельствует о том, что в абхазском языке он лучше сохранил свою наиболее архаическую природу¹¹⁶.

Что же касается пихты, то положение о связи с нею термина «апсуа» является лишь рабочей гипотезой, од-

¹¹⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 98—99, 100.

¹¹⁵⁻¹¹⁶ П. К. Услар. Абхазский язык, стр. 121; Г. П. Сердюченко также считал, что абхазо-абазинское «пс» в словах типа «алапс» (сука) есть оглушенная форма адыгейского «бзы» — самка (Г. П. Сердюченко. Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. М., 1955, стр. 30).

ним из возможных решений вопроса о первоначальном значении «пс» в остающемся довольно загадочным само-названии абхазов.

Как известно, пихта, абхазское название которой (апса) содержит если не общий, то очень близкий к «апсуа» корень¹¹⁷, встречается в Абхазии повсеместно, начиная от 600 до 2000 м над уровнем моря, а сосна, в том числе реликтовая пицундская, и у самого побережья. Пихта — это род однодомных вечнозеленых деревьев семейства сосновых с прямым стволом и конусовидной кроной, начинающейся часто почти у земли и несколько напоминающей собой древнее коническое жилище абхазов. Существует до 50 видов пихты, в том числе пихта Кавказская — мощное высокогорное дерево, достигающее до 60 метров высоты. Пихта растет в западной части Кавказа — от среднего течения Кубани через Главный хребет вплоть до северо-восточных пределов Малой Азии. Иными словами, территория распространения Кавказской пихты охватывает целиком современную Абхазию с прилегающими с северо-запада областями и почти всю Западную Грузию.

С пихтой (сосной) связаны некоторые древние религиозные обряды абхазов. Например, интересным во многих отношениях является «Лаповых святилище» (Лапырныха). В настоящее время фамильно-родовой группы под этим именем в Абхазии уже нет, но о том, что она некогда здесь существовала, свидетельствует приведенное название, в составе которого «Лап» выступает как родовое имя, «р» — показатель принадлежности, а «ныха» — святилище. Этому святилищу, в отличие от многих других, поклонялись не один или два, а представители нескольких абхазских родов: Бениа и Цымц (с. Бармышь), Быджба, Дбар, Ласария (с. Блабурхва) и др. Главный акт ежегодного моления этому святилищу состоит в принесении в жертву большого круглого молитвенного хлеба на поляне посреди пихтовой рощи, находящейся на одной из вершин села Блабурхва, недалеко от горного ластбища.

¹¹⁷ Термины «апса» и «апсуа» имеют разные корни; специфический звук «с» второго слова, характерный теперь для бзыбского диалекта, исторически был не чужд и абжуйскому, но исчез, исчезает он и в бзыбском. Отмечу также, что название пихты является общим для абхазов, убыхов и кабардинцев, то есть восходит к древнейшему языку-основе этих народов.

Летом 1967 года у горной тропы, ведущей из того же села к альпийским лугам, на гребне под названием «Места пребывания божества» (Аныха атэарта), я видел гигантскую пихту, ствол которой на уровне повыше человеческого роста почти со всех сторон облеплен старинными железными стрелами, гвоздями, патронными гильзами, подковами и прочими металлическими предметами. В течение веков они приносились в жертву священному дереву для спасения от грозы и благополучия в пути.

Между пихтой (апса) и сосной (амза)¹¹⁸, с одной стороны, и грозвыми явлениями, с другой, существуют, по представлениям старых абхазов, определенная связь. Считалось, что таинственные силы соединяют их с молнией, которая вследствие этого гораздо чаще других растений «навещает эти деревья, особенно пихту» (Афы зышьтоу аьса реицэоуп).

Должно быть отмечено и значение пихты и, особенно, сосны для добывания особого огня под названием «ацвидж-мца» (ацэыць-мца). Это делалось следующим образом. Брали немного серы и, растворив ее, пропитывали ею сухую вату, затем ударом кресала о кремь зажигали трут, от которого моментально воспламенялась поднесенная к нему вата, а от пламени огонь передавался палочке — сосновой лучине, которая вместе с газырями постоянно хранилась в грудном кармане (акаламтра) каждого мужчины. Легко загорающаяся смолистая древесина сосны (амзаша) в течение веков служила нашим предкам простым, но надежным источником тепла и света. Характерно, что одним и тем же словом «амза» называется по-абхазски и небесное ночное светило (луна), и сосна.

Не лишним будет отметить, что, по преданию, к числу наидревнейших абхазских родов относятся давно вымершие Амзалакыиа и Амзцба. Представители первого, согласно тому же источнику, занимали территорию Акварасы (Акуараса) в долине Малого Кодора (юго-восточнее совр. Дранды). Как мы видим, в основе приведенных родовых имен лежит одно и то же слово «амза», что, как сказано, означает по-абхазски сосну и луну. Укажу еще на одно из древнейших абхазских мужских

---

¹¹⁸ «Русско-абхазский словарь». Сухуми, 1964, стр. 418, 547.

имен — Мзахуа. Первая часть его — «мза» означает «сосна» («луна»), а вторая (хуа) — потомок, отпрыск, дитя, сын. Следовательно, Мзахуа можно понимать как «Соснович» — «Сын сосны» («луны»).

В одном древнем абхазском нартском сказании, где речь идет о взятии крепости, знаменитый герой по имени Цвицв, что в переводе означает «Стругающий (палочку)», обратился к Нартам с таким предложением, чтобы овладеть неприступным укреплением, которое без него они никак взять не могли: «Растопите пихтовую смолу, — сказал он, — и покройте ею меня с ног до головы, а затем, поднеся к крепости, перебросьте через стену и ждите». Непобедимые Нарты, озадаченные и изнуренные безуспешной многодневной осадой, исполнили в точности все то, что сказал им Цвицв. Как оказалось, в середине крепости была устроена большая глубокая яма, чтобы всякий, кто проникнет в крепость, нашел бы в ней свою смерть. Цвицв, переброшенный через стену, упал прямо в яму, но с ним ничего не случилось, ибо «смола предохранила его кости», и он, благополучно выбравшись на поверхность, перебил защитников крепости, которая после упорных боев досталась, наконец, Нартам при помощи отважного Цвицва, так как он оказался неуязвимым благодаря священной пихтовой (сосновой) смоле¹¹⁹.

В другом нартском сказании говорится, что в составе грудной клетки самого выдающегося эпического героя Нарта Сасрыквы от рождения было особое ребро, а именно ребро из ветки пихты (инашвацыс ꞑса-махун), в котором заключена была вся сила этого никем непобедимого богатыря. Умирая, Сасрыква хотел оставить неуемную силу, которой он один обладал, своему народу, но выдержать ее ничто на свете не смогло, кроме той же пихты¹²⁰.

¹¹⁹ «Нарт Сасрыква и его 99 братьев». Сухуми, 1962, стр. 294 (на абх. яз.).

¹²⁰ Достоин упоминания и такой эпизод. Сасрыква, рассерженный за то, что Нарты при разделе имущества не уступили ему виноградную лозу, содрал ее силой с пихты, на которой она прежде росла. Вот почему ветки пихты обращены с тех пор вниз (записано мной в 1951 г. со слов замечательного сказителя К. М. Таркил из с. Анухва). Еще до недавнего времени абхазские пастухи, укладываясь спать, подстилали под себя пихтовые побеги (аꞑсаз), а сверху накрывались бурками. Муку, которая в горах ценилась выше всего, вешали на пихту, и никто из чужих не посмел бы даже дотронуться до продукта, хранимого на священном дереве.

Древняя земледельческая религия Хеттской державы (XVII—XIII вв. до н. э.) состояла, в частности, в почитании солнечной богини Арияны и великой матери — богини плодородия, имя которой не дошло до нас (впоследствии малоазийская Великая мать называлась Ма, Реей, Кибелой и т. д.). У нее был мифологический партнер или супруг — юный и прекрасный бог плодородия, получивший потом имя Аттиса. Согласно этому оргиастическому мифу, Аттис оскотил себя, чтобы избежать любовных домогательств со стороны богини-матери, и умер под сосной, которая считалась священным деревом Аттиса (затем он был воскрешен любившей его богиней). Сохранилось его изображение с поднятыми руками перед самооскоплением, причем на голове у него убор, несколько напоминающий собой абхазский башлык. Таким был Аттис — один из великого множества хеттских божеств (в договоре хеттского царя с Рамзесом II имеется ссылка на «тысячу богов и тысячу богинь страны хеттов») ¹²¹.

Можно предполагать, что самоназвание абхазов (апсуа) восходит до происхождения к тому далекому времени, когда одно из древне-абхазских племен, распространившее впоследствии свое имя и на другие родственные племена, считало пихту (апса) своим тотемным духом — предком, своим покровителем, точно так же, как абхазское название абазин выражает, по всей вероятности, «люди бука» (ашэ-уа — от ашэ (бз. ашэ') — бук и уа — люди). Выше уже говорилось о геродотовских «фтирофагах», то есть древнеабхазском племени в районе совр. Гагры, «поедающем сосновые (пихтовые) шишки (или побег)».

Вместе с тем следует заметить, что термином «апсуа» кое-где абхазы называли не только абхазов вообще, но как бы преимущественно часть своего народа — определенную группу общин или даже семейств. Так, по словам К. С. Шакрыл, в недавнем прошлом жители его родного села Лыхны, которое занимает центральное положение на территории Бзыбской Абхазии, словом «апсуа» именовали (правда, не без оттенка некоторого юмора и иронии) представителей Блабурхвинской общины и вообще население ущелья р. Бзыбь. Например,

¹²¹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 316—317.

одного лыхненца по имени Муса из рода Кыжв соседи знали как «апсуа Мусу» за то, что он был родом из Блабурхвы. Приведу и другой известный мне факт подобного рода. Среди жителей поселка Падгу (с. Гуп, Очамчирского района) в пору моего детства под именем «потомков Апсуа» (Апсуа иџацаа) были известны несколько дворов, принадлежащих крестьянской фамилии Гамисониа (Гамсаниаа).

Итак, самоназвание абхазов, по-видимому, ведет свое происхождение от древнейшей эпохи, когда господствовали анимистические представления о некоей всеобщей одухотворенности всего сущего на земле, тотемические воззрения о неразрывной генетической связи отдельного человека и целой группы людей с духом того или иного растения, животного и пр.¹²² Возможно, что «апсуа» связано по своему первоначальному смыслу с каким-нибудь тотемным духом размножения¹²³, эпонимом-предком из мира животных и растений, в названии которого имеем тот же элемент «пс», скорее всего с пихтой (апса), поскольку последняя играла большую роль в жизни древних абхазов, давая им и кров над головой, и тепло, и свет, а частично и пищу; за что она почти до наших дней почиталась ими как священное дерево. «Апсуа» сначала было, вероятно, названием лишь одного племени (или даже части его), которое затем сумело распространить свое имя и на другие родственные племена (в силу, очевидно, численного превосходства).

Корень племенного названия «апсуа» в разных языках получил разное суффиксальное оформление. Н. Я. Марр, считавший этноним «абхаз» коренным местным («яфетическим») термином, указывал, что он представляет собой видоизменение (на грузинской почве) древней формы «абхаз-х» (греческ. «абас-г» — разно-

¹²² Известно, например, что «...часть скифов именовала себя по имени своего тотемного животного — оленя» (В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949, стр. 37).

¹²³ Нельзя, однако, исключать и другие этимологии, например, связанные с водой: псы — вода, апс-уа — люди (страны) вод, Апсны — Страна вод, Водная страна, что согласуется и с преданием о бегстве абхазов из бассейна Евфрата в результате засухи и приходе их в Абхазию, где «засухи нечего опасаться». Вспомним и Азру — второе неизвестное самим абхазам и тоже необъяснимое название Абхазии, встречающееся у некоторых авторов XIX в. (Дж. Ст. Белла и др.).

видность этой же древней формы)¹²⁴, где суффикс «х» — показатель множественности. Чистая основа термина — «бас», но с учетом закономерных фонетических передвижений устанавливается существование некогда разновидности «пас» («апас-х»), причем основы «пас-апс» сохранились в двух формах: апсуа — «абхаз» и Апсны — «Абхазия». Основа «бас» в этно-топонимических названиях прослеживается им в две стороны — прежде всего в нынешних местах обитания абхазов и их северо-западных соседней, а также далеко в юго-восточном направлении.

Так, например, указанная основа («бас», «пас») проявляется в имени адыгейского племени абадзехов, занимавшего территорию до р. Белой к востоку от шапсугов, в названии абхазского племени абазинцев, или «абаза», причем эта разновидность лежит в основе формы «обе-зы» «Русских летописей», убыхи именовали абхазов «бас-хыг» (ср. с названием страны Басиани)¹²⁵. Тот же термин представлен в сирийском тексте историка Захарии («баз-г-ун»), в названии племени «бас-ил-х» М. Хоренского, «бас-ил» Птоломея, в варьирующей форме «апсилы», «апшилы», «абсилы», «афшилы» Плиния, Арриана, Прокопия и др., «абазги» («абаски», «абасги») Арриана и др., в форме «апшеги» армянской географии VII в., в грузинской форме «Апшилети» (грузинские летописи сообщают, например, что в 663—668 гг. Мурван Глухой сокрушил Цхум — город Апшили), в названии «апсары» грузинского исторического сочинения XIII в. и др. Та же основа присутствует в названии северной Абхазии (Бзыц), это этническое имя носят и р. Бзыбь, а также абхазские племена бзыбцев и абжуйцев и т. д.¹²⁶

С самоназванием этнической общности, хорошо известным каждому, кто причисляет себя к этой общности, связывается и этническое самосознание, которое, как указывает Н. Н. Чебоксаров, «представляет собой своего рода результативу действия всех основных факто-

¹²⁴ Ср. «абас-г» с названием пиренейского неиндоевропейского народа «басков».

¹²⁵ В грузинских источниках тюркоязычные балкарцы назывались «басиани» (Л. И. Лавров, Происхождение балкарцев и карачаевцев, КСИЭ, 1959, № 32, стр. 56). Ср. также грузинское название области Басиани и армянское Басен, Басиан.

¹²⁶ «Литературная энциклопедия», т. I, 1930, стр. 19.

ров, формирующих этническую общность»¹²⁷, факторов, связанных с общностью территории, языка и культурной специфики. Абхазы обладают высокоразвитым этническим самосознанием, четким представлением об особенностях своей этнической индивидуальности, имеющей длительную историю, теряющуюся во тьме веков.

Термин «апсуа», как обозначение человека (человеческой природы) в отличие от рода великанов и как этноним, мы находим в целом ряде памятников абхазского фольклора, включая древний Нартский эпос. Главнейший герой этого эпоса Сасрыква иногда называется «жалким (несчастливым) абхазом» (аҭсуа чҭиа), причем такая полуироническая характеристика, пожалуй, больше встречается в тех вариантах сказаний, которые записаны в южной части Абхазии (территория исторической Апсилии). «Жалким абхазом» именуется прославленного Нарта могучий одорукий пахарь-великан; наевшись, пахарь сказал своей жене-великанше: «Да, чуть было не позабыл. Здесь у меня припрятана забава для детей. Это какой-то жалкий абхазец. Заклинаю тебя нашей верой, возьми его с собой! С этими словами он отбросил глыбу величиною с добрый дом и передал Сасрыкву вместе с его конем жене. Та посадила нарта в миску и без труда понесла домой лесной тропой»¹²⁸. В нартском эпосе, особенно в абхазских сказках, великаны чувствуют присутствие человека («абхаза») по его «духу», «запаху» (аҭсуа ифы). «Я чую абхазский дух! Это откуда абхазским духом пахнет?» — часто спрашивает великан свою жену в сказках¹²⁹.

В легенде о богоборце Абрскиле герой выступает как защитник родины — «Страны абхазов», «Апсны»¹³⁰.

В указанном выше сюжете с пашущим великаном термин «апсуа» является неразрывной частью текста сказания, а не случайной вставкой какого-нибудь одного сказителя. Как бы ни понимать в этом контексте «ап-

¹²⁷ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — «Советская этнография», 1967, 4, стр. 99.

¹²⁸ «Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Абхазский народный эпос». М., 1962, стр. 202, 204.

¹²⁹ С. Зухба. Абхазская народная сказка, стр. 206.

¹³⁰ «Абхазские сказки». Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бражба. Сухуми, 1974, стр. 35.

суа» — как «человека» вообще (в отличие от великана) или же как племенное название, древнее происхождение самого термина не подлежит сомнению. Это доказывает, в частности, его органической связью с таким архаическим эпосом, как нартский и прометеевской легендой об Абрскиле.

Как уже отмечалось, И. М. Дьяконов пишет, что племенное название абешлайцы вполне «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы» и сравнивает при этом «а-абеш-ла» с а-апс-уа, а-апш-уа — самоназванием абхазов¹³¹.

Если имя сына колхидского царя Апсирта — одного из центральных персонажей сказания об аргонавтах¹³² — связано с самоназванием абхазов (апсуа), то это также дает основание утверждать, что выделение абхазов (в частности апсилы) как отдельного этнического коллектива со своим особым наименованием произошло еще задолго до античной эпохи.

Общее самоназвание (апсуа)¹³³ является несомненно одним из основных показателей этнической однородности и культурного единства абхазского народа, равно как общее наименование его страны (Апсны). Никто из абхазов не знает никаких других этно-топонимов для обозначения соответствующих понятий¹³⁴. Самурзаканские абхазы, абжуйцы, дал-цебельдинцы, гумцы, бзыбцы, псхувцы, медовеевцы, айбговцы, ахчипсхувцы, садзы и др. — все они в XIX в. употребляли приведенные названия. Подобное единство в пользовании такими основными понятиями, как самоназвание народа и наименование родины, не могло быть достигнуто в течение одного или двух веков. Апсуа — это не аллоэтноним, то есть название, данное кем бы то ни было, а типичный автоэтноним и одновременно результат очень длительного

¹³¹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 13.

¹³² Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 98—99.

¹³³ «Могущественная страна апсуанов» — писал Д. Белл в 30-х годах XIX в. (Д. С. Белл. Указ. соч., стр. 348).

¹³⁴ Если не считать одного локального условного наименования, и то отмеченного только Н. Альбовым: «Сами себя абхазцы называют апсуа, а страну свою апсны; условным откликом их при встрече с другими горами служит слово ахчипсе, у черкесов они известны под названием абадза, или азага» (Н. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», в. III. СПб., 1893, стр. 304).

процесса консолидации абхазских мелких племен вокруг основного ядра абхазской народности — апсиллов и абазгов.

5. Топонимика

Топонимику называют «языком земли». Ее можно назвать и «архивом земли». Названия стран, населенных пунктов, рек, озер, морей, лесов, гор и т. д. представляют собой неоценимый исторический источник для изучения развития языка, истории края, исторической географии и этнографии. Топонимика часто отражает явления и события глубокой древности, о которых порой мы совершенно не имеем сведений в других источниках. Возраст некоторых фактов топонимики насчитывает сотни и даже тысячи лет. Уже на ранних ступенях развития человеческого общества возникла необходимость выделения и соответствующего обозначения родовых и племенных территорий. Пережитки этого до сих пор сохранились во всех странах в виде названий, связанных по происхождению с именами тех или иных этнических или родо-племенных групп¹³⁵.

Привлекая топонимический материал к историко-этнографическому исследованию, необходимо проявлять большую осторожность. Недопустимо как слепое доверие к будто бы «непогрешимым» фонетическим законам (эти законы часто нарушаются), так и некритическое отношение к случайным созвучиям, так как похожих и даже идентичных по форме географических названий можно найти множество во всех частях света. Лишь такое сопоставление является плодотворным, которое может быть исторически оправдано.

Вот как об этом пишет И. М. Дьяконов: «Без учета исторического окружения, а также самой истории слова и тех изменений в течение веков, которые слова претер-

---

¹³⁵ Подобные названия относятся обычно к числу древнейших топонимов (например, от названий галльских родов и племен времени Цезаря произошли имена крупнейших городов Франции: Реймс, Бове, Труа, Шартр, Нант, Суассон, Амьен и др., а в северной лесной полосе Восточной Европы финно-угорские племена и роды оставили о себе память в таких наименованиях, как Чудь, Водь, Корела, Лопь, Пермь, Меря, Мурома, Мордва, Черемиса, Мещора и др.). (А. И. Попов. Географические названия (Введение в топонимику). М.—Л., 1965, стр. 77).

певают в каждом языке на основе внутренних фонетических законов данного языка, сопоставление отдельных слов и собственных имен лишено какого бы то ни было научного значения... Не следует непременно во всех названиях местностей искать отражения племенных названий», ибо названия племен редко отражаются в названиях местностей и притом обычно на стыке разных этнических территорий¹³⁶.

Топонимика содержит названия разных эпох, разного значения и происхождения. Этим объясняется трудность классификации материала. Названия можно группировать по их смысловому значению, по основам имен, по формантам (суффиксам), по их связи с природными особенностями, хозяйственной деятельностью населения, личными, родовыми или племенными названиями, поскольку основными источниками возникновения географических названий являются обозначения личной, родовой или племенной собственности, производственной деятельности людей и природных особенностей местности. «Топонимика, — пишет А. И. Попов, — не представляет собой ни полного произвола, ни строго выдержанной «системы», являясь на деле многообразным отражением реальной географической, исторической и языковой действительности во всех ее проявлениях, давая то сравнительно однотипные, то весьма пестрые по составу и характеру образцы местных имен, разобраться в массе которых можно только при условии широкого исторического ознакомления с фактическим материалом»¹³⁷.

Стремясь установить основные принципы формирования местных имен и важнейшие правила топонимического исследования, автор отмечает, что топонимика любого края является «сложным историческим образованием, состоящим из пластов и слоев разной степени древности и различного языкового происхождения»¹³⁸. Однородная топонимика указывает «либо на заселение прежде пустынного края с древних времен именно тем народом, которому принадлежат здешние географические имена, либо быстрое вытеснение и истребление прежних наследников, что ведет обычно к утере древ-

¹³⁶ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 56, 58.

¹³⁷ А. И. Попов. Указ. соч., стр. 149.

¹³⁸ Там же, стр. 150.

ней топонимии». Нередки случаи, когда на древнюю топонимику наслаивается более поздняя и даже новая. В этом случае древняя топонимика представляет собой субстратную топонимику. «Древняя топонимика выдерживает без серьезных изменений только одну передачу от субстратной среды к воспринимающей при условии постепенного, длительного процесса и мирного характера этой передачи... Там, где существует непрерывная традиция оседлой жизни с древних времен, можно ожидать значительной сохранности древнейшей топонимии, причем, в отличие от микротопонимии, топонимика крупных объектов удивляет своей устойчивостью»¹³⁹.

Одного только чисто лингвистического анализа недостаточно, когда мы привлекаем топонимический материал для решения этногенетических проблем. Такие вопросы, как однородна ли топонимика данной территории или мы имеем здесь переплетение субстрата с наслоениями, какова этническая природа последних, какое место занимают субстрат и примеси, как отражает топонимика историческую и социально-экономическую жизнь страны и т. д. не могут получить убедительного разрешения только при формальном, узко-лингвистическом подходе к фактам топонимии, без широкого исторического объяснения происхождения и изменения географических наименований.

В топонимике Абхазии, как и во всякой другой, имеются наслоения разных эпох и разной этно-племенной принадлежности, что, в частности, служит выражением передвижений и инфильтраций разных племен и этнических групп на данной территории. При всем этом в основном топонимика Абхазии поражает обилием и поразительной устойчивостью древних форм, а также в целом однородностью своего состава (за исключением разве части юго-восточного сектора страны). Это видно, в частности, и по тому, как органически и, так сказать, интимно воплощена в ней окружающая географическая среда.

Абхазская топонимика до мельчайших подробностей отражает природные особенности края. Почти все местные географические и зооботанические реалии нашли в ней древние обозначения на абхазском языке. Таковы,

---

¹³⁹ А. И. Попов. Указ. соч., стр. 150—152.

например, такие названия, как «амшын» — море и целый ряд связанных с ним терминов: «ага», «агаѣа» — побережье, «акра» — мыс, маяк, «агапша» — морской ветер, «агашьха» — приморская гора, «агауаа» — поморяне, «Ашхуацэахырта» — Место укрытия лодок (в устьях рр. Мчишь и Тоумыш), «Ашхуацэырта» — Место тесания лодок (судов), «Ашхуаѣахэарта» — Место прикола судов. «Ашхуатаныкуарта» — Место хождения судов (с. Тамыш) и др.; «арха» — равнина, долина, «аѣшахэа» — пойма реки, «аѣста» — ущелье, «аху» — холм, «ахуаѣа» — холмистые места, «аѣаѣа» — предгорные склоны, «ашьхарѣы» — предгорья, «ашьха» — гора, «ацэхэыра», — «асакара» — открытый горный ландшафт, «азхыѣеа» — водопад, «азѣачы», «азиа» — озеро, «азы» — вода, река; «акатэара», «ахудаара» — перевал, «аахыц» — южный склон, «нхыц» — северный склон и т. д. Интересны и многообразны также оригинальные названия, связанные с местной фауной и флорой.

Абхазская морская терминология, приведенная лишь частично, включает очень ценные лексические материалы не только для изучения развития у древних абхазов морского промысла и мореходства, но может послужить в известной мере и опорой при освещении некоторых вопросов расселения древнеабхазских племен.

Черное море по-персидски называется «ахшайна», что в переводе означает «черное». Древнегреческие авторы осмыслили «ахшайна» как «аксенос» — негостеприимное. Абхазы, как отмечено, называют его «амшын»¹⁴⁰, то есть море, и лишь сравнительно недавно (больше под влиянием русской, а затем и своей литературной традиции) к слову «амшын» стали прибавлять прилагательное «еикуа». Получилось «Амшын Еикуа» — Черное (темное) море, что однако до сих пор не совсем привычно для уха старых абхазов, которые, по древней традиции, продолжают называть его просто морем (амшын). В их представлении, Амшын — это не Черное и не Белое, или какое-нибудь другое конкретное море, а море вообще, «это море», «наше море», то есть то единственное море, которое только и знали с самого начала носители язы-

¹⁴⁰ Ср. абх. «амш» — день, свет, счастье и каб. «Амыш» — божество (может быть, морское, функции которого забыты и утеряны по мере удаления кабардинцев от моря).

ка, создавшие слово «амшын» (используемое и для обозначения океана). В абхазском понимании «амшын» — это самое большое хранилище воды и самое обыденное явление, которое должно быть знакомо абсолютно каждому человеку. Не знать или забыть его название — невозможно, как немисливо, чтобы человек не запомнил свое собственное имя. Отсюда происходит старинная и широко известная поговорка о человеке, не припоминающем названия какого-нибудь самого близкого ему предмета или явления (Амшын ахыз зхаштыз еипш, то есть «Как человек, который позабыл название моря»). Абхазы не мыслят окружающий мир без двух географических факторов — морской и горной стихий. Море и горы даже и терминологически составляют неразделимый единый комплекс: «г'ей-шьхей», то есть в смысле всюду, везде, досл. «побережье — горы»; «ага бьыци ашьха бьыци», то есть «прибрежный листок и горный листок» (в том смысле, что даже и такие удаленные друг от друга листки могут когда-нибудь встретиться).

Еще одна заслуживающая внимания деталь. Море абхазы всегда представляли себе находящимся на западе от мест своего обитания. В то время как о восходе солнца они говорят «солнце встало» (амра гылеит) или «солнце взошло из-за гор» (амра ашьха иаавцыцит), понятие захода, заката нашего дневного светила они передают словами «солнце вошло в воду» (амра заалеит), «солнце упало во что-то» (амра ташэит). Значит, с тех пор, как абхазы пользуются приведенными выражениями, они всегда жили вблизи морского побережья, а само море мыслится находящимся (в основной своей части) на западе по отношению к занимаемой ими территории. Эта локализация соответствует географическому положению той страны, которая находится на восточном берегу Черного моря и которую они населяют с древнейших времен.

Из названий стран света в абхазском языке наиболее употребительными являются «алада» — юг (низ) и «аада» — север (верх). В сочетании же (ладеи—адеи) они иногда даже как бы покрывают собой все четыре страны света, хотя абхазам известны и понятия «восток» (мрагылара) и «запад» (мраташэара). Но самое интересное состоит в том, что север и юг понимаются абхазами в обратном отношении к общепринятому значению:

севером (аада) называется юго-восток, а югом (алада) — северо-запад¹⁴¹. Например, некоторые бзыбцы до сих пор называют абжуйцев «северянами» (аадауаа), хотя последние занимают южную, а не северную Абхазию, а абжуйцы, в свою очередь, «верхней» или «северной» (аада) страной считали Мегрелию, несмотря на ее южное по отношению к Абхазии положение.

В зоне распространения абхазских диалектов, особенно бзыбского, а также бывших садзского и среднеабхазского отмечается наличие мощного слоя древнеабхазской топонимики, которая, за редким исключением, свободна от примесей иноязычного происхождения. Такая этническая однородность топонимики служит неоспоримым доказательством автохтонности абхазов на занимаемой ими территории, что однако не снимает вопроса о сложности их этнического прошлого, о неоднородности тех этнических компонентов, которые в течение веков смешивались и сливались с аборигенами в процессе этногенеза.

Необычайная древность и однородность исконно местной топонимики подтверждается как по морфологическим признакам, так и по семантическому содержанию целых групп традиционных топонимов.

В абхазской топонимике прослеживается ряд морфологических типов, которые оформляют названия рек, населенных пунктов, местностей. Из них наиболее характерными являются названия, оформленные на ху||хуа, пшь, псы||пса, кыт, та, шьха, ра, аа, ал||ул¹⁴² и др. Происхождение этих типов (по крайней мере большинства из них) связано с родоплеменной или общинной организацией, а также с характером местности и т. п.

Наиболее многочисленной является группа топонимов с аффиксом множественности в окаменелой форме «-ра», имеющих широкое распространение на территории всей Абхазии (Гаг-ра, Ачанда-ра, Ешы-ра, Ата-ра, Аегуа-ра и т. д.). К этой группе примыкают и названия с аффиксом множественности «аа»: Лдзаа (Лзаа), Мдзаа (Мзаа), Наа, Гудаа и др.

¹⁴¹ То же самое и у северокавказских абазин: юг — гада, а север — алагь, лабы («Русско-абазинский словарь», стр. 450, 578).

¹⁴² Топонимы с элементом алул довольно компактной группой встречаются в основном только в предгорной части юго-восточной Абхазии: Дал, Амткьал, Пырдыгал, Пал, Пскал, Джал, Джампал, Цабал, Хуаджал, Чхуартал, Гал, Ткварчал, Мерхеул, Герзеул и др.

В абхазско-абазинской топонимике легко можно выделить также большую группу составных терминов, служащих названиями селений, первая часть которых представляет собой родовое имя, вторая — притяжательный аффикс 3-го лица множественного числа, а третья часть означает «село», «община», «святилище», «холм» или «поселение» соответствующего рода. Таковы имена на «хуа», что некогда означало в абхазском «сын», «потомок», «отрасль»¹⁴³, на «пшь», которое в древности выражало, по всей вероятности, понятие родовой общины¹⁴⁴, и на «кыт» — село, сельская община.

Например, бзыбские селения Блабрхуа, Чаабалрхуа, Гуирхуа, Куланрхуа и др.; Звандрипш, Дурипш, Ггарыпш, Эшрыпш, Лакрыпш, Цандрыпш, Багрыпш, среднеабхазские селения Мачарыпш, Гулрыпш, Хегрыпш и др.; абжуйские селения Эшкыт, Чацкыт, Чааркыт, Дакукыт; абазинские: Дарыккыт, Лоукыт, или Локт, или Гумлокт (совр. Красновосточное) и др.

Как видно, наименования на «хуа» («рхуа») и «пшь» встречаются в основном в северо-западной, а также частично в центральной и юго-восточной Абхазии, где еще можно обнаружить некоторые, правда, очень стертые их следы (например, Гулрыпшь, Хегрыпш (близ Дранды)¹⁴⁵, сюда же, возможно, относятся и названия таких абжуйских и гальских сел, как Пшьап, Тамшь, Пакуашь, Гумрышь¹⁴⁶, Пшаури и др.).

Важное значение с точки зрения древности абхазской топонимики имеет то обстоятельство, что топонимы как

---

¹⁴³ Ср. идентичные по смыслу выражения «Пшькьаѣ иѣа Манча» и «Пшькьаѣ ихуа Манча», то есть «Пшькьяча сын Манча»; иными словами, иѣа—ихуа—сын.

¹⁴⁴ Ср. «Уѣпшь иѣасит», то есть «Чтобы сгинул твой род». На мой взгляд, это древнее словосочетание убедительно доказывает связь компонента *пшь* с раннегентильной организацией общества. Вместе с тем следует отметить, что существуют и другие мнения, согласно которым указанный элемент выражает собой понятия «воды», «реки» (Х. С. Бгажба. Указ. соч., стр. 257), а также понятия «святос», «святилище» (Г. З. Шакирбай. Географические названия в Абхазии с элементом «пшь». «Известия» Абхазского института, III. Тбилиси, 1974, стр. 80—83).

¹⁴⁵ ЦГВИА, ВУА, ф. 414, № 301, л. 18 об.

¹⁴⁶ По словам бывшего жителя села Окуми, 80-летнего Александра Зухба, современное село Гумуриши (Гальский район) раньше называли по-абхазски Гумрыпшь. Это же название сохранилось и на одной старой карточке Абхазского госмузея.

на «ху», «хуа»¹⁴⁷, так и на «пшь» были связаны первоначально не с местностью и водой, как полагают некоторые, а выражают собой родо-племенные и общинные поселения. По всей вероятности, в древности «пшь» означало родовую общину, а «хуа» служило патронимическим показателем, выражающим понятия «сын», «нотомок», «ветвь». Обращает на себя внимание и то, что первая часть большинства названий на «пшь» представляет собой, как правило, имя какого-нибудь из древнейших, в том числе давно исчезнувших родов (Цандрыпшь, Мхьалрыпшь, Гагрыпшь, Чагрыпшь, Риапшь, Куджрыпшь, Жэандрыпшь, Дэрыпшь, Лакрыпшь, Ешрыпшь, Дезрыпшь,¹⁴⁸ Гумрыпшь, Хьецрыпшь, Мачарыпшь, Гулрыпшь и др.). В некоторых, правда, редких случаях она выступает и как название древних языческих святилищ (Дыдрыпшь). Слова же на «кыт» связаны с развитием сельской общины и феодальных отношений, то есть сравнительно более позднего происхождения.

Все эти факты свидетельствуют о том, что древнейшая часть топонимики Абхазии принадлежит абхазскому языку, а ее образование восходит к эпохе родового строя и развития раннеклассовых отношений на территории Абхазии.

Абхазские названия рек можно также разбить на несколько групп. Прежде всего, немало рек на «пс», «псы», «пста», что в свою очередь подтверждает факт использования и в древнеабхазском языке элемента «пс» для обозначения воды, как это мы имеем и теперь в адыгских языках. Реки на «пс» встречаются в топонимике западной и отчасти центральной Абхазии: Анакопста, Агпста, Лашпсы, Псыш, Хыпсы, Аапсы, Псырдзха, Гумсы, или Гумпсы, Ахипс. К этой группе относится, по-видимому, и название главной реки Зап. Абхазии — Бзыби (Бзыпъ). Другую группу образуют имена на абхазский локативный суффикс «та»: Мдзымта, Бышта, Арюта (Арѳта), Дзиата (Зиата), Чхалта, Мсыбыста. Есть реки на «шь», «пшь», «рыпшь»: Чагрыпшь (Чабрыпшь), Гагрыпшь, Риапшь, Мчышь, Гумрыпшь, Аачарыпшь (Ааачарыпшь), Гулрыпшь, Хьецрыпшь и др.

¹⁴⁷ «Ху», «хуа» разные корни; «ху» выражает «холм», а «хуа» — «сын», «отпрыск», хотя и не всегда.

¹⁴⁸ К. И. Подозерский. Санчарская тропа... ИКОИРГО, т. 13, 1903 (карта).

Немало названий, окончание которых выражает понятие речки, источника—«куара», «дзы»: Жвакуара (Жѣакуара), Хецкуара, Цвквара (Цѣкуара), Шыцкуара, Ацамкуара, Дзижвдзих (Зыжѣзыхь), Мдзадзыхь (Мзазыхь), Ахубырдыхь (Ахубырзыхь). Наиболее же многочисленную группу составляют гидронимы на «ра»: Юпшара (Фьшара), Джишра (Цышра), Ауадхара, Мира, Акуара, Мсра, Егры (Ебры), Джбаара (Цбаара), Ахадара, Мачара (Мачара), Ачадара, Кудры, Капшара (Капшара), Адзгара (Азбара), Гуандра, Ачапара.

Плотность и этническая отчетливость абхазской топонимии в пределах от бассейна р. Мдзымта на северо-западе страны и почти до р. Ингури на юго-востоке, включая горную полосу между ними, в том числе частично и прилежащие северные склоны Главного Кавказского хребта, свидетельствуют о том, что абхазские племена являлись с древнейших времен основными насельниками всей этой территории.

Правда, указанные плотность и отчетливость названий местности несколько слабеют на части прибрежной полосы юго-восточной Абхазии за счет распространения топонимов грузинского происхождения. Но это в общем сравнительно небольшой слой грузинской топонимической лексики, связанной к тому же своим происхождением с относительно поздним, средневековым временем, с существованием абхазо-грузинского объединенного феодально-монархического государства, а также с позднейшим массовым переселением мегрельских крестьян в южную Абхазию, бежавших сюда от крепостнической эксплуатации и безземелья. Это вело к изменению географической номенклатуры. Например, древнеабхазское название реки Юардзы (Фарзы)¹⁴⁹, что по-абхазски означает «(мутный) поток — река» (от афар — поток и азы — вода, река), протекающей в Гальском районе, получило новое — мегрельское оформление, соответствующее законам мегрельского языка, — Ерцкар (Ер-цкар), то есть «ер» вм. «фар» и «цкар» вм. «азы» (цкар по-мегрельски вода). Также, по Г. З. Шакирбай, здесь произошло превращение абх. Хуажвкуара в мегр. Ходжкуара.

Если, к тому же, в топонимике этой пограничной при-

¹⁴⁹ Д. Гулиа. Абхазский календарь. Сухум, 1921, стр. 6 (на абх. яз.).

брежной полосы, где интенсивнее происходили этнические контакты и смешения, присутствует, как сказано, относительно поздний грузинский элемент, то в смежных предгорных и горных районах Абхазии, представляющих собой своего рода «топонимический заповедник», мы наблюдаем картину почти безраздельного господства абхазских географических названий. Этого не могло быть, если в свое время и на побережье не было бы сплошного коренного абхазского населения и соответствующей этому топонимической доминанты.

Бесконечное количество названий горных троп и ущелий, рек и озер, вершин, пастбищных мест, перевалов и сами по себе представляют ценнейший материал по истории языка. В то же время это своего рода документ большой доказательной силы об этнической принадлежности того населения предгорий и морского побережья, представители которого в течение долгих веков ежегодно перегоняли свои стада на летние альпийские пастбища и даже создали там в древности и в ранне-средневековый период особую пастушескую культуру, связанную со строительством каменных оград («ацангвар»), встречающихся в местах стоянок древних скотоводов в пределах абхазских горных пастбищ.

Одним словом, горная топонимика **всей** Абхазии — это почти безраздельная абхазская топонимика, и ее могли создать только абхазские предгорные и прибрежные оседлые жители, занимавшиеся земледелием и отгонным скотоводством. Названия гор и речек в Самурзакани «почти исключительно абхазские», — писал И. Н. Альбов¹⁵⁰. Следовательно, и население юго-восточной части страны, которому безусловно принадлежит горная топонимика прилегающих районов, также могло быть только абхазоязычным.

По-видимому, только в феодальную эпоху здесь происходит значительное изменение местных названий. Появляются мегрельские, сванские, грузинские топонимы, в основном на земле южной Аписии. Яркими примерами отложения грузинских географических терминов на территории юго-восточного побережья Абхазии являются Сатамашо (Сатамашья), то есть «Место игрищ»

---

¹⁵⁰ И. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», в. III. СПб., 1893, стр. 306.

(так называются средневековая крепость и ее окрестности в центральной части побережья Абжуйской Абхазии), Олагвана, то есть «Место обжига глиняных кувшинов» (так называются несколько микрорайонов в той же Абжуа), речки Цхенцкар (Цхьентцкар), то есть «Лошадиная (конская) вода», и Цкургил (Цкургьыл), то есть «Источник», озеро Паланцкур (Палантцкур), то есть «Место утопления лоша» и др.¹⁵¹. Часть из них, по крайней мере, представляет собой грузинский перевод соответствующих абхазских первоисточников. В этом мы могли убедиться на примере вышеприведенного названия р. Юардзы. Поэтому более чем вероятно, что, например, «Цхенцкар» также имел свой абхазский прототип — Ачдзы (Аэзы), который без перевода невозможно точно выразить посредством грузинской фонетической системы.

Следы абхазско-абазинской топонимики вскрываются и за пределами современной Абхазской АССР. Так, топонимика Адлерского, Лазаревского и Туапсинского районов носит древние абазинские следы¹⁵². Например, крупным торговым пунктом была в XVII—XVIII вв. «морская стоянка» Абаза в устье р. Шахе (характерно, что в районе нижнего течения Дуная «абазой» называли сильный причерноморский восточный ветер)¹⁵³.

На Сев. Кавказе известна Гумская, или Кумская, долина. В осетинском нартном эпосе часто встречаются выражения: «гумский человек», «гумец», «гумский охотник», «Гумский перевал», «Гумское ущелье», «Гумская земля» и т. д. Осетины представляли местность Гум находящейся где-то на юге, за Кавказским перевалом. Есть и Гумирта — великаны, уничтожившие сады жителей Абрасет-города. Эти названия могут быть сопоставлены с названиями р. Гумиста и ущельем Гума в центральной этнографической части Абхазии. Сравним также названия местности Чагьам в Абжуйской Абхазии и р. Чегем на Северном Кавказе; реки Мачара в центральной Абхазии и местности Маджара за снеговым

¹⁵¹ Н. Джанашина. Давайте работать. — «Сухумский вестник», №№ 99, 100, 1915 г.

¹⁵² Л. И. Лавров. Обезы русских летописей. — «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 164.

¹⁵³ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 19.

хребтом¹⁵⁴, а также горы Ерцаху (высочайшая вершина у верховьев Кодора) и озера Эрцо в северо-западной части Южной Осетии и др.

Бесспорным является существование «адыгских» элементов в топонимике исторической (и современной) Западной Грузии — Гурии, Раче, Аджарии, Мегрелии. Таковы, например, названия рек и местностей на «пс» — словообразовательный элемент, означающий в современных адыгских языках «вода», «река»¹⁵⁵, на «ква» — словообразовательный элемент, осмысляемый в абхазско-адыгских языках как овраг, балка, ущелье, каменистый гребень, берег реки (топонимы на «ква» иногда с наращением грузинского локативного суффикса «т»).

Эти факты С. Н. Джанашиа толкуются как наследие доисторического, а именно адыгского населения в Грузии¹⁵⁶. Однако следует иметь в виду, что речь идет о том времени, когда, возможно, еще не произошло полной дифференциации абхазских и адыгских племен как таковых, вследствие чего нужно говорить, очевидно, не о собственно адыгском или собственно абхазском наследии как таковом, а об общем вкладе протоабхазо-адыгского населения в топонимику и этнонимику Западной Грузии. Названия на «пс», «ква» являются, очевидно, общим наследием языка-основы абхазско-адыгских племен. Во всяком случае и до настоящего времени они характерны для абхазского языка ничуть не меньше, чем для адыгских. Следует считаться и с тем обстоятельством, что в топонимике ряда районов Западной Грузии вскрывается немало названий и собственно абхазского происхождения.

Еще у древних авторов на восточном берегу Черного моря засвидетельствован ряд названий рек и местностей на «пс» и «ква». Таковы, например, названия реки Апсар, что переводится с абхазского как «сосновая (пихтовая) роща» (по Плинию — Абсарр¹⁵⁷, совр.

¹⁵⁴ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 31.

¹⁵⁵ И в абхазском, как мы видели, «псы» иногда означает воду, psi было в абхазском одним из обозначений воды по утверждению О. Бегуа (В. О. Вѣубка. *Abhaz Mitolojisi*. Istantbul, 1971, стр. 478).

¹⁵⁶ С. Н. Джанашиа. Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии. «Сообщения груз. филиала АН СССР», 1940, т. I, № 8, стр. 623—628.

¹⁵⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 267—268, № 4, стр. 231—232.

Чорохи). В древности она называлась Акамписис (на этой реке стоял соименный город-крепость Апсар, принадлежавший при Арриане римлянам)¹⁵⁸. «Говорят, — пишет Арриан, — что местечко Апсар когда-то в древности называлось Апсиртом, потому что здесь якобы погиб от руки Медеи Апсирт». Город и остров Апсирт на Черном море известен и Артемидору Эфесскому. Псевдо-Арриан (V в.) отмечает местность Никопсис, реки Псахалсис и Топсиду. По Прокопию Кесарийскому, Архабе (Архабис, Архаве) и Апсарунт находились между Трапезунтом и Лазикой. Упоминаются также реки Арипса, Дирале (отождествляется с р. Конские воды, встречается и у Овидия), Психра, современная Супса и др. Основа «фас», «пас» названия Фасис, как называется в античных источниках р. Риони, также рядом исследователей связывается с категорией имен на «пс» (С. Н. Джанашиа, избегая категорических высказываний, оставил этот вопрос открытым)¹⁵⁹.

Не меньше на указанной территории и названий местностей на «ква» (или с наращением грузинского локативного суффикса «т»): Агидаква, местность в Аджарии Аква (ср. абхазское название Сухуми — Акуа), Араква (сел. в Ахалкалакском районе), Ачкава, Бобоквати, Боква, Дагва, что по-абхазски означает «глухое» (сел. в Кобулетском районе), Джуруквети, Малтаква, Мурквети и др.

В составе топонимики Зап. Грузии мы встречаем и многие другие названия, имеющие разное суффиксальное оформление, но принадлежащие к абхазскому языковому миру, что доказывается их семантическим содержанием, а также соответствующими параллелями, находящимися на территории самой Абхазии.

Трудно, пожалуй, сомневаться в абхазском происхождении таких географических названий, как Азих (ср. абх. азыхъ — «источник», а также абх. «азаху» — адыгейцы), Ахо (ср. абх. «аху» — холм, возвышенность), местность Анча в Аджарии (ср. абх. «анцэа» — бог, «анча» — клен); Гумати — местность в 5 км от Кутаиси (ср. ущелье Гума в центральной Абхазии), Ахибла — местность в 20 км севернее Зугдиди (по-абхазски «ахьыб-

¹⁵⁸ По некоторым сведениям, р. Псырдзха у Нового Афона некогда также называлась Апсар.

¹⁵⁹ С. Н. Джанашиа. Соч., т. III, стр. 123.

ла» — золотые очи), местность Кодори в Цхакаевском районе, селения Скурча (ср. абх. Шәкурча) — у устья р. Кодор и в районе совр. Дранды), Саапсандзо — местность на правом берегу р. Чхоуши, недалеко от ее впадения в Ингури¹⁶⁰; Алада — местность в Ахалакском районе (ср. абх. «алада» — юг, южный, низина), местности в Раче — Тахитара (по-абхазски «Тахитәара» означает «место восседания Таха»), р. Надиквари, Кижинара (с абхазского также переводятся легко как «речка Нада» и «Склон Кижана»¹⁶¹, селения Жибиани (ср. абх. фамилию «Жьйба», то есть «Кузнецов»); Квараши (по-абхазски означает «белокаменный») (около Вардзии?), гурийское Ацкур (ср. абх. «Цәкуара», то есть «бычья речка»), р. Цачхур (Цачхуры), впадающая в Риони недалеко от Кутаиси с не совсем цензурной абхазской этимологией; Абжарские высоты близ Кутаиси¹⁶², Кодорская гора и пункт Кодори в бассейне Риони, в верх. р. Пичоры (ср. абх. Кудры)¹⁶³, ледниковая гора Шхара в Сванетии, в бассейне Ингури¹⁶⁴, юго-восточнее Ушбы (по-абхазски «ашьха» — гора), Дагуа и Лаша — горы в Аджарии («адагуа» по-абхазски, как сказано, значит глухой, а «алаша» — светлый; ср. ластбищенное место «Алашара» в 5 км севернее от центра сел. Окуми в Гальском районе), р. Схалта в Аджарии (ср. абх. «Чхалта» в Кодорском ущелье), в Аджарии же местность Ажашвари («ажьашәара» в абхазском означает «место охоты на зайцев»)¹⁶⁵. Абхазское «Егры» слышится в древнегрузинском «Егриси», которое с последующим наращением «н» приобрело форму «Ингури»¹⁶⁶.

Ряд интересных фактов отложения абхазского языка в географических названиях Грузии приводится в указанной выше статье Н. С. Джанашиа. «За Тифлисом, в

¹⁶⁰ См. «Карту Абхазской АССР», 1940 г.

¹⁶¹ «Труды Кутаисского пединститута», т. 13, стр. 494—496; см. также К. С. Шакрыл, указ. соч., стр. 214.

¹⁶² М. Владыкин. Путеводитель... по Кавказу. М., 1855, стр. 313.

¹⁶³ П. К. Услар. Гурийский отряд... «Кавк. сборник». Тф., 1880, стр. 248.

¹⁶⁴ И. А. Джавахишвили. География Грузинской ССР. Тбилиси, 1965, стр. 50—51.

¹⁶⁵ «5-верстная карта Кутаисской губернии, 1883 г.».

¹⁶⁶ Территория совр. Мегрелии в средние века (например, в XIII в.) называлась Эгерией («История и восхваление венценосцев». Тбилиси, 1954, стр. 48).

Борчалинском уезде, — пишет он, — имеются развалины старинной церкви под названием «Адзиквис сакдари». Название это необъяснимо, если не прибегнуть к абхазскому языку: адзы — вода, аиква — темная, черная; западнее гор. Очамчира протекает речка под тем же названием (Адзиква)». В южной части Грузии (Кларджети) одно местечко называлось Анчи. В этой связи Н. Джанашиа далее продолжает: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри — Анчи («анцва» — бог по-абхазски), отсюда и Анчисхатская церковь в Тифлисе и в Хандзге. Хан-дз-та — в переводе Ханская вода. В Гурии известны: селения... Ципнигвара; второе слово — «агвара» по-абхазски означает забор, ограду, плетень; в Ланчхутах известен ручеек Окваре, это ни что иное, как мингрелизованное абхазское «аквара» — ручей, Хопа — в Лазистане, Хоби в Мингрелии и Хвап в Гудаутском участке. Гора Урта в Мингрелии, возвышенность Урта в с. Поквешах Кодорского участка. О терминах Кутаис, Дуабзу, Губазоули и др. я умалчиваю, ибо они освещены у Н. Марра»¹⁶⁷.

По утверждению Н. Я. Марра, основа «бас», гесп. «пас» местного этнического названия «абхаз» прослеживается значительно дальше на восток и юг от Абхазии: грузинском названии «горы Фаса» (в верховьях Риони), речки Пашьгуашь в Сванетии, ущелья Басиани (на границе Сванетии, Рачи и Осетии), а греческое название р. Риони (Фазис), по его мнению, сохранило свидетельство, когда эта река протекала среди «пас»-ского, то есть абхазского племени (р. Чорохи так же первоначально называлась «Фазис», причем, по Г. А. Меликишвили, на реку Риони это название было перенесено позднее). Та же основа, говорит Н. Марр, сохранилась в названиях гурийского села Двабзу и армянской области Бассан в верховьях Аракса.

Таким образом, по мнению Н. Я. Марра, абхазский народ в древности «занимал площадь значительно более обширную, на юге до р. Супсы, был расположен и на р. Риони, носившей некогда его племенное название — Фазис, с древнейшим городом Кута (груз. Кутатис, Кутаис), что по-абхазски (акыта) означает «селе-

¹⁶⁷ Н. Джанашиа. Указ. соч. — «Сухумский вестник», №№ 99—100, 1915 г.

ние»; в ту эпоху абхазы углублялись до грузинской ныне области Лечхуми...»¹⁶⁸.

Это положение о древнем значительно более широком распространении абхазского этноса на юго-восток от нынешнего их расселения разделяется и новейшими исследователями.

Так, например, характеризуя абхазско-адыгские племена как аборигенные, палеокавказские племена, Г. А. Климов пишет: «Действительно, в пользу автохтонности абхазо-адыгов на северо-западном Кавказе и, отчасти, в Западной Грузии могут указывать, например, как мощный слой древнейшей топонимики (ср. Никопсис, Акампис, Супса и др.)¹⁶⁹, так и наличие исконно общих основ в языках этих народов для обозначения таких понятий как «море», «берег (с галькой)», «рыба (крупная, гебр. морская)», «гора || высокий» и т. п., надежно локализирующих древнейший ареал обитания их носителей примерно на местах их нынешнего расселения (достоверные указания существуют лишь относительно переселения кабардинцев из более западных районов Северного Кавказа)»¹⁷⁰.

Многочисленные следы древней абхазской топонимики, плотно отложившиеся не только на территории собственно Абхазии, но разбросанные и далеко на юг и север от нее, выступают перед нами как важнейшие исторические памятники, подтверждая собой факт широкого распространения древнеабхазского этнического массива на восточном побережье Черного моря. «Топонимика часто сохраняется от прежнего языка населения, особенно если смена языка, как чаще всего и бывает, происходила не путем вытеснения самого населения, а постепенно, через этап двуязычия»¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ «Литературная энциклопедия», т. I, 1930, стр. 19.

¹⁶⁹ Ср. напр.: С. Н. Джанашиа. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. «Сообщения груз. филиала АН СССР», 1940, т. I, стр. 623—628.

¹⁷⁰ Г. А. Климов. Кавказские языки, стр. 13—14.

¹⁷¹ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 60.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ АБХАЗИИ**

Этническая история народа, как и культурно-политическая, предопределяется в конечном итоге его социально-экономическим развитием.

Вопрос социально-экономического развития раннефеодальной Абхазии привлекает внимание ряда исследователей, но единства взглядов по всем дискутируемым аспектам проблемы все еще не достигнуто. Думается, что нет достаточных оснований для того, чтобы характеризовать абхазское общество середины первого тысячелетия как общество, в котором произошла «феодалная революция» или «революция общинников». Перед нами скорее всего замедленный процесс длительного вытеснения феодальных отношений из военно-демократического строя, получившего в крае необычайно большое развитие и существовавшего здесь в течение многих столетий. Резкое разделение общества на антагонистические социальные группы, наличие родовой и раннефеодальной аристократии («самые знатные» или «имеющие наибольшую власть» исторических источников), даже «царей», стоявших во главе отдельных этно-политических единиц, опиравшихся на свои крепости и вооруженные отряды, разбой на суше и в море в целях обогащения, развитие торговли, в особенности работорговли и другие формы эксплуатации¹ не исключают, разумеется, того, что «основная масса непосредственных производителей, несомненно, здесь все еще сохраняла личную свободу и не была лишена также собственности (в личной или общинной форме) на средства производства»².

¹ Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, стр. 143.

² Там же, стр. 144.

К X в. в ведущих районах Абхазии в основном победил феодализм горского типа, при котором в значительной мере сохраняются пережитки предшествующей общественно-экономической формации. Это выражается в том, что, в отличие от внутренних районов Грузии, где процесс утверждения крепостнического правопорядка завершается, в основном, в XIV—XV вв., в Абхазии вплоть до XIX столетия феодальные производственные отношения не достигли ступени всеобщего закрепощения крестьян. Здесь еще сохранялись значительные остатки общинных отношений и слой формально свободных крестьян. В силу этого зависимость крестьян сплошь и рядом вуалировалась всякого рода патриархальными отношениями. Среди них особо следует отметить систему молочного родства между феодалами и крестьянами, в том числе прежде всего высшей категории лично свободных, т. е. «чистых крестьян» (анхафыцкѡ). Однако главным пережитком дофеодального общественного устройства являлась сельская община (акыта), которая пережиточно сохраняла немалую силу вплоть до предреволюционного периода.

В XIII—XVIII вв. Абхазия переживала политически неустойчивое положение вследствие феодальной раздробленности и постоянных смут, которые, наряду с факторами внешне-политического характера, мешали хозяйственному и культурному развитию страны, тормозили ее прогрессивное движение вперед.

Главными занятиями населения раннефеодальной Абхазии оставались земледелие и скотоводство. Развивалась и торговля, о чем говорят найденные в различных пунктах Абхазии грузинские, византийские, трапезундские, римские, арабские и персидские денежные знаки этого периода. Большое место в хозяйственной жизни страны занимали и различные ремесла — металлообработка, гончарство, обработка шкур, кож, ткачество и другие.

Основными классами оставались господствующий класс феодалов и крестьянство. Наиболее многочисленный слой лично свободных мелких собственников — земледельцев и скотоводов (анхаю) продолжает быть главным производителем материальных благ страны. Из среды все еще слабо дифференцированного крестьянства выходили в основном и остальные категории трудящих-

ся. Господствующий класс составляли владетельные князья (ах) (в начале XIII в. упоминается правитель Цхумской, т. е. Сухумской области Дотагод Шервашидзе)³ и дворяне (аамста). Отсутствовала еще феодальная категория тавадов (заимствованный из грузинского термин «атауад», принятый для обозначения князя, проникает в Абхазию не раньше XIV в.).

В господствующую социальную группу входили также духовные князья — высшие служители христианской церкви, а также жрецы влиятельных языческих святилищ (аныхаљааца). Церкви и монастыри имели большой вес в экономической, политической и культурной жизни края. Они были по существу настоящими феодальными владениями, являясь самыми крупными землевладельцами, обогащавшимися пожертвованиями и пожалованиями разных владетелей и царей. Так, Баграт III, построив Бедийский храм и создав там епископскую кафедру, пожаловал ему многие села с ущельями и лесами⁴. Наиболее крупным церковным владением был, однако, Пицундский храм — резиденция абхазского католикоса, которому в течение продолжительного времени в религиозном отношении подчинялась вся Западная Грузия.

Состояние церковной организации в средние века, как указывает А. Л. Якобсон, «всегда было хорошим барометром политической ситуации и, как всегда, церковная «опека» шла рука об руку с «опекой» политической»⁵.

Феодальная раздробленность, политическая неустойчивость, непрекращающиеся смуты и распри, а также сложное переплетение феодальных отношений с пережитками дофеодального общественного устройства не могло не влиять отрицательно на развитие края, в том числе этническое. И все-таки как достигнутый уровень внутреннего накопления производительных сил, так и длительные интенсивные связи с народами с богатой политической историей, многовековой опыт создания племенных союзов, «княжеств» и «царств» подготовили

³ «История и восхваление венценосцев». Тбилиси, 1954, стр. 38.

⁴ «Картлис цховбера», стр. 281.

⁵ А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. — «Советская археология», VI, 1940, стр. 223.

условия для сравнительно раннего развития у абхазов феодальной системы и государственности.

Абхазия в конце VIII в. фактически освободилась от византийской зависимости. Правда, сама Византия никогда не признавала официально отпадения Абхазии от империи, не удостоивала ни одного из абхазских правителей звания «царя» («басилевса»), именуя их лишь «архонтами» (старшими начальниками, правителями), в редких случаях «эксуснастами» (владельцами). Сохранились некоторые и другие пережитки формальной вассальной зависимости, в частности, византийский император присылал правителю Абхазии, а последний по-прежнему принимал от него золотую буллу. Следует иметь в виду то обстоятельство, что Византия почти беспрерывно господствовала здесь в течение веков, и ее влияние еще долго чувствовалось в различных областях, особенно в области культуры и церковной жизни⁶.

Об абсолютно полном освобождении Абхазии от византийской зависимости тем более следует говорить осторожно, что это освобождение не являлось окончательным, т. к. Византия еще была в состоянии в случае необходимости попытаться восстановить силой свое господство над всей или частью Абхазии. Так, и в период существования единого грузинского царства значительную часть Абхазии, в том числе и Анакопию, в течение пятидесяти лет (1032—1073 гг.) занимали византийцы. Имеются также основания говорить о том, что Абхазия временно сохраняла свою религиозную зависимость от византийской церкви. Так, по словам И. А. Джавахишвили, «абхазский архиепископский престол в Севасто-

---

⁶ В. А. Кузнецов отличает собственно абхазскую церковную архитектуру, для которой характерны выступающие наружу полукруглые граненные абсиды (храмы Симона Канонита, Алахадзы, Бзыбь, Лыхны, Пицунда, Дранда, Мокви), в чем проявилось, по его мнению, восточно-византийское влияние, распространившееся посредством Абхазии и на захребетную область. Он считает «весьма примечательным, что... закавказские аналогии находятся либо в Абхазии, имевшей длительные и многосторонние связи с восточными районами Византии, либо... на основной территории Тао-Кларджетского княжества». Вместе с тем он указывает на «достаточно высокий уровень и организацию местного строительного дела и наличие здесь опытных мастеров, обладавших определенными производственными традициями, ибо вряд ли можно сомневаться в их активном участии в строительстве храмов» (В. А. Кузнецов. Средний Зеленчукский храм. — «Советская археология», № 3, 1968, стр. 147).

поле входил тогда в паству иерарха константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископства», то есть в качестве самостоятельной церкви, организационно независимой от Вселенского собора. В XI веке и Анакопийская церковь временно находилась в подчинении византийского патриарха.

При всем том, однако, занятая борьбой с арабами, раздираемая внутренними противоречиями и клонившаяся под влиянием этих факторов к упадку Византия вынуждена была, хотя бы временно, отказаться от своей активной завоевательной политики по отношению к народам Закавказья и довольствоваться лишь внешними, номинальными признаками своего верховного права сюзерена над фактически независимыми от нее правителями.

*
* * *

Современные абхазы являются непосредственными потомками древних и средневековых абхазов, и они ни с кем не делили на основной части территории своей страны этнической гегемонии. Как идентичность — в смысле прямой этнической преемственности — современных абхазов (апсуа) средневековым абхазам (выступающим иногда и под племенными названиями абазгов, апсилон и др.), так и их языковую и культурную особенность, отличающую их от всех других народов, можно считать неоспоримыми. Этническая самостоятельность абхазского народа не может быть подвергнута никакому сомнению. Это доказывается, в частности, на основе неоднократно цитированного выше грузинского анонимного исторического произведения «История и восхваление венцесосцев», составленного в 20-х гг. XIII в. Рассказывая об организации восного похода по случаю рождения у царицы Тамары наследника престола Георгия, которому было дано второе — абхазское имя Лаша, составитель этой «Истории...» пишет: «собрались на счастье Лаши, которое переводится с языка апсаров как «просветитель вселенной», причем автор дает понять, что «Лаша»⁷ — негрузинское слово, непонятное читателю-

---

⁷ «Жизнь Грузии», 1913, стр. 434.

грузину, а поэтому считает необходимым дать его перевод⁸.

Можно привести целый ряд и других доказательств этнической индивидуальности средневековых абхазов, имевших свой особый язык и свою самобытную культуру. В представлении многих средневековых авторов, в том числе грузинских, абхазы выступали как отдельная «этническая единица, которая в этом отношении отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей — картов, мегрелов и сванов»⁹.

Несмотря на, казалось бы, самоочевидность всего этого, даже в научной литературе не обходится иногда без фальсификаций и искажений исторической действительности. Например, как об этом частично говорилось выше, П. Ингороква в работе «Георгий Мерчуле» утверждает, что Леонтий Мровели не упоминает об абхазах, поскольку считает их эгрисцами, этнически идентичными эгрисцам (мегрелам) или картам, отождествляя их друг с другом. Тезис об отсутствии предков современных абхазов на территории нынешней Абхазии вплоть до позднего средневековья он пытается доказать и фальсификаторским «анализом» топонимики Абхазии, которую (топонимику) считает почти целиком принадлежащей «к грузинскому языковому миру», хотя, как указывалось выше, само название Егриси отражает абхазскую форму Егры (р. Ингури абхазы и теперь называют по-прежнему — Егры).

Как увидим ниже, в некоторых средневековых источниках абхазы иногда действительно отождествляются с грузинами. Но это объясняется или неосведомленностью

---

⁸ Хотя в Грузии, в том числе при царском дворе, знание абхазского языка не было в то время, надо полагать, неожиданностью, как об этом свидетельствует и сам пример с «лашой». Другой не менее важный вопрос, почему, в угоду кому или в связи с чем понадобилось знаменитой грузинской царице Тамаре назвать своего наследника абхазским возвеличивающим именем-эпитетом — «светлый», «блистательный», «лучеразный», сохранившим в абхазском языке тот же смысл и до настоящего времени? Не является ли это отражением далекой традиции, связанной с номенклатурой абхазских царей, троинным прозванием или *potep sasgim* — в смысле русской «светлости». А может быть, это связано и со значительно более древней традицией (вспомним, что сына колхидского царя Айэта — Аперта называли и Фазтоном, т. е. «блестящим»).

⁹ З. В. Аччабадзе. Указ. соч., стр. 218.

автора источника, или слишком широким пониманием этнического и территориального содержания термина «абхазы» в эпоху Абхазского царства, подобно тому, например, как нередко «черкесами» называются в старой литературе все народы абхазо-адыгской группы в совокупности. Наиболее же объективные источники всегда хорошо отличали абхазов от других народов, в том числе от грузин и их этнических подразделений.

Одним из примеров этого является сообщение известного арабского историка X в. Масуди. Побывав лично в Армении и Азербайджане, он писал следующее: «Народ, соседний со страной Алан, называется абхаз. Абхазцы исповедуют христианство и сейчас имеют своего царя... Живут они около горы Кабх. К ним примыкает царство Джурзия (Грузия). Это большой народ, они — христиане и называют их джурзан. Они теперь имеют царя... Абхазцы и грузины платили харадж владельцу пограничной области Тифлис с того времени, как Тифлис был завоеван и в нем поселились мусульмане»¹⁰. Тот же автор упоминает в Зап. Грузии и «народ Хазран, различный от абхазов», причем истоки реки Кур, говорит Масуди в другом месте, находились в области Хазран¹¹. Соседство с аланами, близость горы Кабх (Кавказ) и, особенно, упоминание отличного от абхазов отдельного народа в Западной Грузии, расположенного южнее Абхазии под именем Хазран (ср. Азра), дают основание думать, что в приведенной цитате под абхазами понимаются собственно абхазы. В тюркском (огузском) героическом эпосе — «Книге моего деда Коркута», относящемся к XI—XIV вв. и рассказывающем о событиях в восточной части Анатолии, греки (трапезундские), грузины и абхазы упоминаются как самостоятельные христианские народы — «гяуры», с которыми сталкивались исламизированные турки¹². Вряд ли в XIII—XIV вв., к которым в основном относятся приведенные сведения, под абхазами понималось все население Западной Грузии, тем более, что в разных исторических

¹⁰ Цит. по В. Ф. Минорскому. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 209—210.

¹¹ Ф. Брун. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. ЗИИООИД, т. IX. Одесса, 1875, стр. 174.

¹² Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 49, 142.

источниках VI—XV вв. мы находим и параллельное употребление терминов «Абхазия» и «абазы» наряду с терминами эгрисцы, сваны и др., что свидетельствует о том, что «Абхазия» и «абхазы» понимались не только в широком, но и в узком смысле¹³, иначе и не могло быть.

У многих авторов абхазы и грузины упоминаются как этнически самостоятельные народы, имеющие свои отдельные названия, свои территории, язык и культуру. Так, баварский автор рубежа XIV—XV вв. Иоанн Шильтбергер, перечисляя народы, исповедующие греческую веру, указывает и языки, на которых проводилось богослужение в его время: греческий, русский, валахский, венецианский, болгарский, ясский, готский, зихский (черкесский), **абхазский**, грузинский, мингрельский¹⁴.

Если в течение первых веков на территории Абхазии по-прежнему отмечается существование нескольких этнополитических единиц — апсилы, мисимияне, абазги, саниги, — то с середины I тысячелетия на карте края находят отражение процессы сближения родственных племен, этнической консолидации. Социально-экономической предпосылкой образования единой абхазской народности было возникновение с V—VI вв. феодальной системы, элементы которой начинают обнаруживать себя с позднеантичного времени. Господствующий класс феодалов использовал в своих целях христианство, которое утверждается здесь в качестве официальной религии в VI в. Оно освещало борьбу верхушечных слоев общества за создание зависимого от Византии единого княжества, а затем и царства, одновременно являлось надежным идеологическим оружием воздействия на широкие народные массы. Все это содействовало формированию и консолидации в течение VII—VIII вв. единой раннефеодальной абхазской народности, что частично нашло свое отражение и в некоторых исторических источниках, главным образом древнегрузинских. Так, вместо ранее употреблявшихся этно-географических терминов «Абшилия», «абсары», «Абазгия» («Авазгия»), «саниги» и др. постепенно получает преобладание общее собирательное название «абхазы» (по-грузински «абхаз-

¹³ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, стр. 224.

¹⁴ Ф. Брун. Путешествие Иоанна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Записки императорского новороссийского университета. т. I, вып. первый—второй. Одесса, 1867, стр. 102.

ни»), причем, согласно тем же сведениям, у абхазов имеется уже и общий правитель — «эристави» и «царь абхазов», стоявший во главе созданного в конце VIII в. особого «Абхазского царства» с царской династией Леонидов абхазского происхождения¹⁵.

Неблагоприятные для Византийской империи внутренние и внешнеполитические факторы поставили ее перед необходимостью разрешить вассальной Абхазии самой выбирать своего собственного правителя, называвшегося у греков «кархонтом», по-грузински — «мтаваром», а у самих абхазов — «ах» (ах) — князь, владетель и «апсха» (апсха) — царь Абхазии. Во второй половине VIII в. Византия оказалась вынужденной утвердить Леона I правителем Абхазии от р. Келасури почти до Таманского полуострова, хотя он формально еще оставался вассалом картлийского царя Арчила. Этим был сделан серьезный шаг к созданию первого крупного абхазского раннефеодального государства.

В VII—VIII вв. Абхазия представляла собой густонаселенную страну с растущими производительными силами и сравнительно выгодным международным положением. Высшая социальная категория была представлена светской и духовной знатью, низшая — крестьянами раннефеодальной эпохи. «Страна Абхазская» имела своего князя, епископа, священников, в ней процветало христианство¹⁶. Большие христианские базилические и другие храмы, строившиеся на территории Абхазии с VI в., указывают на существование довольно крупных поселений, ибо «без связи с значительным поселением такие базилики бессмысленны»¹⁷.

В результате внутреннего развития и благоприятных внешнеполитических условий происходит создание Абхазского княжества. Надо полагать, что на первом этапе в его состав вошли собственно абазги, затем саниги и другие близкородственные племена. Вслед за этим наступает второй этап, когда это княжество выступает уже как достаточно самостоятельная политическая единица,

---

¹⁵ Г. А. Амичба. Сведения средневековых грузинских нарративных источников об Абхазском царстве и Абхазском княжестве. Тбилиси, 1969, стр. 7—10.

¹⁶ «Памятники древнегрузинской этнографической литературы», стр. 49—51.

¹⁷ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 219.

которая (вопреки желаниям Византии) стала расширяться за счет родственных северо-западных племенных объединений. В VIII веке граница этого обширного района доходила на севере до Никопсии (район совр. Туапсе). С политической экспансией абзгов было связано и расширение их культурного влияния, в том числе языка, следы которого прослеживаются и сейчас в топонимике указанного побережья.

Абхазские правители все больше начинают проявлять самостоятельность, предъявляя свои претензии к соседним княжествам и царствам. В этом смысле характерны взаимоотношения, возникшие между Леоном I и правителем Западной Грузии — Арчилем. Некоторые исследователи, касаясь вопроса взаимоотношений между «эриставом» Абхазским Леоном I и царем Зап. Грузии Арчилом, недостаточно иногда учитывают тот факт, что исторические условия периода VII—VIII вв. способствовали усилению абхазского княжества, упрочению его независимости, вследствие чего зависимость Леона от Арчила носила сугубо формальный характер. По-видимому, реальное соотношение их сил было таково, что ни о какой фактической зависимости в тот период не могло быть и речи, если бы не давление со стороны Византии, которая непосредственно граничила с Лазикой и опиралась на нее, стараясь через нее проводить свою политику в отношении Северо-Западного Причерноморья.

В то время ни о патрикии (правителе), ни тем более о царе Лазики (Эгриси) ничего не было слышно. Абхазское же княжество все более выдвигалось на передний план, а его правители начинают мало считаться с Лазикой. Понадобилось специальное письмо византийского императора Льва Исавра к Леону, в котором, жалую ему и его потомкам «навек» звание правителей Абхазии, вместе с тем повелевалось ему: «хорошо относиться к царю картлийскому и его народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским»¹⁸. Из этого отчетливого указания вытекает, что, если бы не сдерживающее влияние Византии, абхазский владетель располагал возможностью «использовать свою власть». Слова документа «отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им...» да-

¹⁸ Цит. по З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 73.

ют основание думать, что он прежде, возможно, не раз прибегал к силе для расширения границ своих владений, прежде всего для отторжения «единокровной» Аписилии.

Завершение процесса образования самостоятельного Абхазского царства падает на конец VIII в. По мнению С. Н. Джанашиа, Леон II объявил себя независимым царем, может быть, после 797 г.

Существуют однако и другие точки зрения по сложному вопросу о времени и условиях образования Абхазского царства, о том, каковы были действительные взаимоотношения правителей Абхазии с картлийскими царями и самой Византийской империей, когда произошло присоединение Аписилии и Эгриси, освобождение от византийского протектората, создание суверенного царства, кто из властителей Абхазии — Константин II, Леон I или Леон II — сыграл решающую роль в этом деле и в какой последовательности происходили все эти события. М. М. Гунба, например, считает, что «...три акта — образование Абхазского царства, присоединение Эгриси к Абхазии и отказ Леона II от византийского протектората — были разновременными и независимыми друг от друга актами. Причем первые два акта — образование Абхазского царства и присоединение Эгриси к Абхазии — произошли до Леона II, а третий акт — отделение Абхазского царства от Византийской империи — при Леоне II¹⁹. Первоначальной столицей этого царства была Анакопия у совр. Нового Афона, но уже в царствование, вероятно, самого Леона II она была перенесена в Кутаиси, что вместе с тем является одним из проявлений последующей общегрузинской политики абхазских царей.

Основатель Абхазского царства, выдающийся абхазский государственный и политический деятель Леон II — племянник Леона I, правивший с конца VIII в., воспользовавшись международным положением и своей близостью к византийскому императору, а также имея поддержку хазарского кагана, дочь которого была его

---

¹⁹ М. М. Гунба. К вопросу о времени образования Абхазского царства. «Известия» Абхазского института, II. Сухуми, 1973. стр. 209.

матерью²⁰, с неукротимой энергией приступил к созданию своего независимого государства. Прежде всего он прочно объединил Абазгию и Апислию, объявил себя верховным правителем страны с титулом царя, освободился от византийской зависимости, в 80-х годах присвоил права на Эгрисский (Лазский) престол, присоединив, таким образом, Лазику к своим владениям в Абхазии. Говоря словами документа, Леон II овладел Абхазией и Эгриси до Лихи (Сурамского хребта), а себя провозгласил «царем абхазов» и всего вновь созданного разноплеменного государства²¹.

Важнейшим документом, из которого мы черпаем сведения об условиях создания Абхазского царства, является грузинское анонимное сочинение XI в. «Матиане Картлиса». В нем ясно сказано, что когда юслабела Византия, от нее отложился абхазский князь Леон II, сын брата Леона I, внук (сын дочери) хазарского царя. Воспользовавшись силой хазар, Леон II отложился от греков, «завладел» Абхазией и Западной Грузией (Эгриси) до Сурамского хребта и принял имя царя абхазов.

Присоединению обессиленной продолжительными войнами Эгриси к Абхазии способствовало и то обстоятельство, что один из сыновей Арчила — Картлийского царя и правителя Эгриси — был уже мертв (эристав Иоанн), а другой (Джуаншер) — очень стар и поэтому не мог воспользоваться созданными условиями для объединения Зап. Грузии под своей властью. А Абхазия, как указывал С. Н. Джанашиа, напротив, «сумела к этому времени накопить достаточное количество внутренних сил», т. е. была лучше ограждена от арабских захватчиков.

²⁰ Леон II был двоюродным братом византийского императора Льва Хазара (775—780), поскольку оба они были со стороны матерей внуками хазарского царя. В связи с указанными родственными отношениями Леона II с хазарами небезынтересно историческое предание о происхождении рода Харазия, записанное мною в 1961 г. в с. Джирхва со слов старейшего представителя этой фамилии В. К. Харазия. «Мой дед рассказывал, — говорит он, — что некогда мы вышли из Анапы. Нашего предка звали Хараз, а его сестра была какой-то очень большой правительницей». Возможно, что современная абхазская фамилия Харазия действительно берет начало от тех хазаров, которых привела с собой в Абхазию хазарка — жена абхазского князя.

²¹ «Картлис цховреба», стр. 251.

После такого, как мы видим, достаточно отчетливого указания источника о характере присоединения Эгриси к Абхазии, не совсем понятно, на каком основании З. В. Анчабадзе солидаризируется с П. Ингороква в той части, где последний утверждает, что «абхазский эристав не из Абхазии завладел Эгриси...»²². Ведь хорошо известно, что выдвижение одних владетелей за счет других, нескончаемые братоубийственные междоусобицы, захваты чужих территорий и расширение за их счет своих владений являются закономерными явлениями феодального периода в истории всех стран и народов. Так было и в Абхазии, и в Грузии. Один из абхазских владетелей сперва забрал под свою власть земли других абхазских феодалов, а потом, пользуясь поддержкой хазар и ослаблением Эгриси и Византии, пошел дальше и завладел всей Эгриси, утвердив в ней свое политическое влияние. Это естественно в условиях феодализма и, вместе с тем, вполне соответствует духу и букве приведенного основного документа по вопросу об образовании Абхазского царства.

Некоторые авторы придерживаются того мнения, что присоединение Эгриси к Абхазии носило мирный характер, другие, наоборот, склонны считать, что оно было насильственным. В «Матиане Картлиса» употреблено грузинское слово «даилкра», когда говорится о присоединении Эгриси к Абхазии. Этот термин (დაილკრა) в современном грузинском языке понимается только в значении «завоевал»²³, а в древнегрузинском, в зависимости от контекста, мог означать как «завоевал», так и «завладел». С. Н. Джанашиа склонялся к тому, что имел место «захват» старой Лазики абхазскими владетелями, хотя он и не настаивал на таком толковании и допускал также мирное присоединение Эгриси к Абхазии с санкции византийского императора.

Пытаясь примирить указанные точки зрения, З. В. Анчабадзе пишет: «Недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого бы то ни было насилия со стороны абхазского владете-

²² З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 96.

²³ Ср. абхазский термин «апкара» (апкара) — избивать, избивание.

ля. Вообще допустимо, что какие-то элементы эгрисского общества, вероятнее всего из среды крупной феодальной знати, могли оказать сопротивление объединительной политике Леона II, однако общественные силы, поддерживающие такую политику, были, по-видимому, значительно сильнее, поскольку это объединение диктовалось объективной необходимостью»²⁴.

Для эпохи феодализма вряд ли будет правильным слишком настаивать на мирном пути объединения (происшедшем, по-видимому, при византийском императоре Льве Хазаре, которому, как сказано, Леон приходился двоюродным братом). Не следует также ни малым, ни большим феодалам приписывать слишком высоких патристических чувств, особенно когда речь идет о борьбе за подчинение своих политических противников. Все без исключения феодалы прибегали, не брезгая ничем, ко всем без исключения средствам — мирным и насильственным — для достижения своей цели — господства над другими феодалами и расширения своих владений. Хорошо сказал об этом И. А. Джавахишвили: «Между этими мтаварами велась обостренная борьба за преимущество и господство; каждый из них изо всех сил стремился к тому, чтобы расширить свое владение, а чужое прибрать к своим рукам, объединить различные мтаварства и стать единственным господином; каждый думал о себе и всячески препятствовал действиям другого... Эта непрерывная, то скрытая, то явная борьба за достижение господства и объединение страны заслуживает большого внимания»²⁵.

Задача преодоления сопротивления народных масс составляла, по мнению З. В. Анчабадзе, один из главных мотивов, побуждавших феодальные элементы Грузии и Абхазии объединиться в одно централизованное государство²⁶. В принципе против этого возражать не приходится, но у нас нет фактов, подтверждающих данное положение, источники слишком мало сохранили сведений о классовой борьбе. Вместе с тем вообще будет натянуто объяснять происхождение централизованной монархии главным образом стремлением феодалов к преодолению сопротивления крестьян.

²⁴ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 101.

²⁵ Цит. по З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 122.

²⁶ Там же, стр. 154.

Главным направлением политики абхазских царей было полное объединение Абхазии и Грузии. В соответствии с этим, после кратковременного «подлинно абхазского национального периода Абхазского царства» (Н. Я. Марр), первый его царь Леон II, по-видимому, в самом начале IX в., перенес свою резиденцию из Анакопии (которая была столицей Абазгии, а затем стольным городом Абхазского княжества) в Кутаиси, являвшийся одним из важнейших культурно-экономических центров Грузии. С этого времени именем «Абхазия», по-грузински «Апхазети», стали называть всю Западную Грузию. Одновременно с этим византийское культурное влияние в Абхазии начинает постепенно сменяться грузинским.

Абхазское царство было по тому времени обширным абхазо-грузинским государством, простиравшимся от Никопсии на крайней северо-западной границе Абхазии, а по некоторым данным даже от «великой реки в Хазаретии» (то есть Кубани)²⁷ до Сурамского хребта на востоке и реки Чорох на юге, причем собственно Абхазия вошла в него в виде двух традиционных административных единиц — северной и южной Абхазии (исторической Абазгии и Аписливи). Вскоре после своего образования оно превратилось по существу в грузинское государство по своей основной территории, составу преобладающего населения (мегрелы, сваны и другие западные грузины) и осуществлявшейся им общегрузинской политике. Однако собственно Абхазия и абхазы играли в нем всегда очень значительную роль.

По-моему, трудно полностью согласиться с З. В. Анчабадзе, неоднократно подчеркивающим тезис о том, что Абхазское царство на протяжении **всей** своей истории «являлось грузинским, по своему характеру, политическим образованием»²⁸. Абхазское царство, созданное абхазами из Абхазии, на первом этапе своей истории, включая сюда почти все время правления его создателя Леона II, вплоть до перенесения столицы из абхазского города Анакопии в Кутаиси, есть основания считать абхазским национальным государственным образо-

²⁷ М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII. Тифлис, 1897, стр. 26.

²⁸ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 170.

ванием как по этническому составу своего населения²⁹, так и по характеру его деятельности и направлению политической линии. Предпосылкой этому служили как предшествующее социально-экономическое и политическое развитие страны, так и, очевидно, значительное количество ее компактного населения.

У нас есть основания предполагать, что Абхазия периода раннего и зрелого средневековья была, как указывалось выше, густонаселенной страной. Об этом говорит прежде всего обилие на ее территории христианских храмов, относящихся к этому времени. Во-вторых, сохранилось предание, согласно которому в Абхазии было такое густое население, что кошка по крышам домов, не сходя на землю, могла от берега моря добраться до вершин Кавказского хребта. В-третьих, в эту эпоху имело место переселение части избыточного населения Абхазии на Северный Кавказ³⁰ и в некоторые местности Западной, а затем и Восточной Грузии, о чем свидетельствует установленное С. Н. Джанашиа абхазское происхождение известных в феодальной Грузии княжеских родов (напр., Бараташвили — от Качибадзе-Гечба, Мачабели — от Ачба, а также Чачибая, Алшибая, Какубава, Езугбая и др.)³¹.

Г. А. Меликишвили также отмечает процесс ассимиляции абхазами иноплеменного населения смежных с Абхазией областей³². Наличие большого количества огрузинившихся впоследствии абхазов на территории Грузии объясняется, надо полагать, перенесением столицы Абхазского царства в Кутаиси и связанным с этим переселением туда же многих, близких к царскому роду знатных людей, вместе с их вооруженными отрядами и обслуживающим персоналом.

Вхождение Сванетии в Абхазское царство нельзя по-

---

²⁹ В том числе значительного процента родственного абхазам черкесского элемента, представленного в Абхазском царстве.

³⁰ По мнению Е. П. Алексеевой, «можно считать, что уже с V—VI вв. предки абазин расселялись среди адыгов на восточном побережье Черного моря и в Закубанье. Число этих переселенцев увеличивается в X—XII вв... Отдельные протоабазинские группы, очевидно, проникали и в верховья Кубани»... (Е. П. Алексеева, *Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа*. Л., 1969, стр. 26).

³¹ С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, стр. 476—481.

³² Г. А. Меликишвили. *Наирн-Урарту*, стр. 135.

ка считать доказанным³³, ибо на этот счет в документах нет никаких указаний. С другой стороны, юго-западная часть Эгриси была мало населена. Вспомним, что еще Прокопий Кесарийский в VI в. указывал, что по левобережью Риони не было лазских поселений³⁴. Известно также, согласно сообщению Вахушти, что эта область именно в эпоху Абхазского царства была заселена картами (гурийцами), занявшими при Леоне II земли между Чорохи и Риони. Из Картли население массами бежало, спасаясь от арабского порабощения, как об этом пишет современник событий И. Сабанисдзе. Таким образом, постоянное грузинское (картское) население в восточных районах Западной Грузии появляется только с VIII в.³⁵

Принимая все это во внимание, а также то обстоятельство, что западные границы Абхазского царства в период наибольшего расширения доходили до р. Кубань, можно ли без оговорок утверждать, что «в обширном Абхазском царстве картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты)... был преобладающим»³⁶. Мне кажется, что нет достаточных оснований для такого утверждения, особенно если иметь в виду ранний период истории Абхазского царства. Трудно себе представить, чтобы абхазские цари в своих экспансионистских устремлениях могли иметь такие успехи, какие были ими достигнуты, если бы они не опирались на компактное, этнически однородное население своей страны, представляющее значительную силу и в количественном отношении. Вместе с тем, мы все признаем, что «абхазы», «Абхазия» — этническо-географические термины. Но истории еще не известны случаи, чтобы тот или иной этнический термин, обозначающий какой-нибудь численно мизерный народ, мог бы стать таким широким собирательным понятием (не даром, например, весь Советский Союз часто называют за границей «Россией»). Словом, мы должны непременно учитывать не только династическо-политическую сторону, но и другой не менее важный аспект — и количество народа. А абхазы в

33 З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 105.

34 Прокопий. Войны римлян с персами, т. I, стр. 85.

35 З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 151.

36 Там же, стр. 120.

эпоху создания ими своего государства представляли собой по тому времени значительный и по количеству народ. З. В. Анчабадзе сам правильно утверждает, что вплоть до XVIII в. абхазский корень занимал огромную территорию — от р. Галидзги до Туапсинского сектора и даже дальше на север³⁷. Таким количественным соотношением объясняется, в частности, и отмечаемая некоторыми исследователями (например, Л. И. Лавровым) абхазизация части мелких северо-западных родоплеменных групп.

Одним из важнейших вопросов этнической истории абхазов является вопрос о характере и этническом составе Абхазского царства. Вопрос этот, как известно, не новый, но он не сходит со страниц исторических сочинений, т. к. по некоторым аспектам этой проблемы единства взглядов все еще не достигнуто. В некоторых старых работах (например, К. Кудрявцева) чрезмерно преувеличивается роль абхазов в истории этого политического образования, и история Абхазского царства представлена как история целиком абхазского народа, завоевавшего и подчинившего себе значительную часть Грузии. Не менее антинаучной является, однако, и другая крайняя точка зрения, представленная в новой научной литературе, например, в трудах П. Ингорюквва, который, как было отмечено, дошел даже до отрицания этнической специфичности абхазского народа и генетической связи средневековых абхазов с современными, мнение о полностью и исключительно грузинском характере Абхазского царства, начиная от его населения и кончая династией.

Надо полагать, что и династия абхазских царей по своей этнической принадлежности была абхазской, по крайней мере в начальный период истории Абхазского царства. Как подчеркивает З. В. Анчабадзе, опровергая положение П. Ингорюквва о лазском происхождении абхазской династии, «у нас нет никаких оснований для пересмотра давно признанного в грузинской историографии положения, что во главе абхазского объединенного княжества была поставлена династия прежних абазгских правителей в лице Леона I», представители которой до самого конца VIII в. именуется в разных

³⁷ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 208.

источниках по-разному: в византийских — «архонтами», «егуменами», в латинских — «принципсами», в грузинских — «эриставами» и т. д.³⁸.

Выше упоминалось об абхазском социально-политическом термине апсха — «царь Абхазии», что в точности соответствует грузинскому термину «абхазта меле», то есть «царь абхазов». Естественно, что «апсха» должны были быть абхазами. Есть некоторые основания думать, что основатель Абхазского царства Леон II и другие национально-абхазские цари (апсха) принадлежали к роду Ачба. К этой мысли склоняет то, что в исторических преданиях именно Ачба считается самым коренным и самым древним абхазским родом, предшествующим во времени появлению здесь позднефеодальных владетелей из фамилии Чачба (Шервашидзе), представители которого, тоже по преданию, становятся правителями Абхазии лишь во времена Давида Строителя. Первенствующая роль Ачба в политической истории Абхазии нашла свое яркое выражение в следующих словах абхазского предания или афоризма: «Не сказав Ачба, не скажешь Чачба» (Ачба умхэакуа, Чачба узхэом). Возможно, однако, что Ачба являлись только правителями собственно Абхазии (груз. «эристави») во времена Абхазского царства и в начальный период существования объединенного абхазо-грузинского царства (IX—XI вв.).

Что же касается происхождения феодального рода Шервашидзе (Чачба), то существует полуполюгандарная версия, которой придерживаются и некоторые исследователи (напр. З. В. Анчабадзе), что грузинский царь Давид Строитель, сместив прежнего непокорного эристава Абхазии, назначил на его место одного из своих родственников из ширван-шахов (династия ширванского княжества на территории современного Сев. Азербайджана). Можно, однако, думать, что фамилия Шервашидзе местного, именно абхазского происхождения и связана с древним абхазским родом Чачба (если бы она имела иноземное происхождение и не имела бы отношения к Чачба, то это, пожалуй, непременно должно было бы отразиться, в частности, в каких-нибудь местных преданиях). Существует версия о том, что Шервашидзе был одним из абхазо-имеретинских царей, а не-

---

³⁸ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 77, 79.

которые (Филиппсон) выводят эту фамилию из Джигети — от известного западно-абхазского феодального рода Гечь (Чечь)³⁹.

Первое упоминание рода Шервашидзе содержится не в анонимной «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-х гг. XIII в.⁴⁰, но даже раньше, а именно около середины XI в., в «Летописи Грузии» («Матриане Картлиса»), где говорится об осаде Багратам IV Анакопии весной 1046 г. Вызванный в Тбилиси, Баграт IV оставил для продолжения осады Анакопии «абхазские войска», как говорит летописец, во главе с эриставом Куабулел Отаго Чачасдзе. Очевидно, Чачасдзе — это есть не что иное, как грузинская форма абхазского фамильного имени Чачба (ср. также Куабулел со старинным абхазским мужским именем Куаблху). Н. А. Бердзенишвили также связывает фамилию Шервашидзе с восначальником Отаго (Дотагод) Чачасдзе.

Созданием Абхазского царства завершается процесс объединения абазгов, апсилов, санигов, мисимиян и др. под главенством первых (после второй половины VIII в., когда Феофан Хронограф называет «первейшего среди апсилов» Мариноса, апсилы почти не упоминаются в документах, а мисимияне исчезают из поля зрения истории еще раньше). Политически оформляется консолидация основных абхазских племен в абхазскую народность, сложившуюся, в основном, к VIII в., причем главную роль в этом сыграли абазги, а также апсилы, хотя в условиях патриархально-феодального строя долго сохранялись остатки старого территориально-племенного деления. Все это оказало значительное влияние и на развитие соседних племен северо-западного Кавказа, выразившееся, в частности, как уже было сказано выше, в ассимиляции некоторых родственных мелких разноязычных этнических групп⁴¹ и в расширении лингвистических границ Абхазии.

Во главе Абхазского царства стоял царь, именовавшийся у абхазов, как мы уже знаем, термином «апсха». Этот термин образован путем сочетания двух основ:

---

³⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. ЗКОИРГО, кн. XXIV. Тифлис, 1904, стр. 52.

⁴⁰ «Георгика», т. IV, вып. I. Тифлис, 1904, стр. 52.

⁴¹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 204.

«пс» — усеченная форма самоназвания абхазов (апсуа) и «ха» («ах») — князь, владетель, верховный правитель. Само собой разумеется, что абхазы не могли называть своих правителей ни архонтами, ни егуменами, ни принципсами. Известно также, что они не называли их и грузинским термином «эристави», который отсутствует в списке как оригинальных, так и заимствованных терминов абхазского языка. В таком заимствовании и не было необходимости, так как абхазами на базе родного языка было создано свое абхазское выражение для понятия «царь», а именно «апсха», который до сих пор употребляется в значении «царь Абхазии» (в отличие от владетеля — ах) и которое, как и его грузинский эквивалент «апхазта меле», несомненно связано по своему происхождению с образованием абхазского государства. Вряд ли термин «апсха» мог появиться у абхазов после перенесения столицы Абхазского царства в Кутаиси, явно, что он возник как результат образования единого, этнически однородного Абхазского княжества, причем, вероятно, первым «апсха» был Леон I, объединитель собственно Абхазии, — ядра Абхазского царства, который длительное время правил краем.

Образ апсха занимает большое место в исторических преданиях абхазов. Согласно этим преданиям, те, которых в народе называют «апсха» («абхазский владетель», «абхазский царь»), стояли во главе обширного царства, простиравшегося от самого Константинополя до берегов Кубани. Им же часто приписывается строительство многих наземных памятников, в том числе Великой Абхазской стены. С именем апсха связываются также некоторые топонимические факты, например, названия источников на территории селений Ачигвара и Кутол (Апсха изыхъ) (в с. Кутол, по преданию, находилась одна из резиденций этих царей). Происхождение апсха предания чаще связывают с абхазскими фамилиями Ачба, а также Губаз и неким родом Аббаз, о чем более подробные сведения можно почерпнуть из специальной работы автора этих строк⁴² и др. исследователей⁴³.

---

⁴² Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, стр. 212 и сл.

⁴³ Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966, стр. 129 и сл.

В IX—X вв. Абхазское царство достигает наивысшего развития. Оно проводит энергичную политику, проявляя активную деятельность по объединению всей Грузии и дальнейшему расширению сферы своего политического влияния. Так, преемник Леона, царь Феодосий, продолжая линию своего предшественника, в начале IX в. ведет борьбу за Картли. Другие цари распространяют свою экспансию еще дальше на восток. В частности, Константин III присоединяет к своим владениям Эрети — северо-восточную провинцию Грузинского царства, смежную с Кахетией. Царь Георгий завоевал внутреннюю область Картли и назначил там наместником своего сына. Начата была борьба за преобладание и на Северном Кавказе.

Из всего этого видно, что в указанный период Абхазское царство представляло наиболее значительную силу на Кавказе. Однако династическая борьба и другие события конца X века привели к воцарению на абхазском престоле новой династии из рода тао-кларджетских Багратидов. Абхазским правителям пришлось убедиться в безуспешности своих попыток завладеть Кахетией и завершить тем самым успешно начатое объединение Абхазии со всей Грузией. К тому же у них неудачно сложились наследственные дела. В результате всего этого в 975 г. представитель тао-кларджетского царского дома в юго-западной Грузии Баграт Багратиони был провозглашен царем объединенного грузинского государства, поскольку Баграт — сын царицы Гурандухт, дочери абхазского царя, — являлся единственным наследником (по материнской линии) и абхазского престола, обладатель которого, Феодосий Слепой, умер бездетным.

Отвергая широкораспространенный в научной литературе взгляд о Тао-Кларджети и Давиде Курополате, как инициаторах объединения Грузии, и подчеркивая то обстоятельство, что Абхазское царство в конце X века еще было столь сильным, в отличие от Тао, политическим образованием, что правители последнего не могли и мечтать о присоединении Абхазии к своим владениям, Г. А. Меликишвили пишет: инициаторами и проводниками объединения феодальной Грузии «остаются правящие круги Абхазского царства, для которых Баграт III (по линии отца наследник тао-кларджетских владетелей, а по линии матери — абхазских царей) оказался

весьма подходящей фигурой в качестве царя объединенного Грузинского царства»⁴⁴. Таким образом «...правлящая прослойка Абхазии получила возможность мирным путем получить то, что ей не удалось добиться силой: присоединить к Абхазии не только Картли, но и во всяком случае одну часть владений Багратионов в Южной Грузии (в Тао)»⁴⁵.

Таким образом, к концу X в. вследствие феодальных распрей главенство в Грузии от абхазской династии переходит к грузинским (тао-кларджетским) Багратионам, которые сумели объединить под своей властью всю Грузию. В объединенное грузинское государство в 978 году вошла и Абхазия. Н. Я. Марр писал: «...История абхазов есть начало грузинской Багратидской царской династии и в то же время тесно сплетается в IX и X вв. с историей армянских Багратидов, имевших столицу в городе Ани»⁴⁶.

Абхазы, этнически негрузинское племя, сыграли важную роль в истории Грузии. Вместе с тем, стремление абхазского народа полностью освободиться от византийской зависимости в тех исторических условиях могло осуществиться лишь в результате укрепления единства с Грузией в целом.

Абхазия в составе объединенной Грузии меньше всего походила на отдаленную провинциальную область. Здесь, в с. Бедия, еще Багратам III была создана одна из его политических резиденций, где был воздвигнут дворец и прекрасный храм, величественные развалины которых сохранились до наших дней.

В объединенном феодально-монархическом грузинском государстве, достигшем своего расцвета в эпоху царицы Тамары (XII в.), абхазские элементы неизменно играли активную роль. Значительный вес их был замечен в политической жизни страны и, особенно, в армии. Так, войска Баграта III состояли из «абхазов и картвелов»⁴⁷, в том числе собственно абхазов. Абхазы принимали активное участие во всех войнах, которые

⁴⁴ Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии..., стр. 138.

⁴⁵ Там же, стр. 135.

⁴⁶ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, стр. 133.

⁴⁷ «Картлис цховреба», стр. 279.

приходилось вести Грузии. В частности, они сыграли немалую роль в крупном баянском сражении 1205 г. против объединенных сил мусульманских владетелей.

Ни одно важное мероприятие не принималось без участия представителей Абхазии. Они должны были всегда присутствовать при дворе царицы Тамары во время приема иностранных посольств. Перечисление полного титула грузинских царей (например, на монетах) начиналось с наименования «царь Абхазии», «царь абхазов».

Так, монета Баграта III (975—1014) на реверсе содержит грузинскую надпись: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов!» (она имеет и другие надписи, но уже на арабском языке), монета Баграта IV (1027—1072) с изображением Влахернской богородицы на реверсе — надпись шрифтом мтаврули: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимоса», монета Георгия II, сына Баграта IV (1072—1082), с тем же изображением (свидетельствующим о «зависимости грузинских монет от их византийских аналогий»), с надписью: «Христе, возвеличь Георгия, царя абхазов, картлов и новелисимоса»⁴⁸.

Царица Тамара, как и ее предшественники, целые месяцы проводила в Абхазии, в частности, в своей сухумской летней резиденции, а своего сына Георгия (впоследствии царя Георгия IV), как уже было сказано, нарекла вторым абхазским именем «Лаша».

Однако этим, по-видимому, не довольствовались партикуляристски настроенные абхазские феодалы, которые, как и всякие другие феодалы, не могли быть надежной опорой, представляя собой в массе центробежную силу в государстве.

Недовольные упразднением Абхазского царства абхазские феодалы ведут сепаратные действия против центральной власти. Баграту III и его преемникам приходится в течение всего XI века вести упорную борьбу с сепаратизмом абхазских феодалов, подстрекаемых нередко Византией, которая подобного рода выступления стремилась использовать в своих целях.

Так, согласно летописи, однажды Баграт III «всех непокоренных сместил с их мест и заменил верными ему

⁴⁸ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1955, стр. 51, 55, 56.

людьми». Но это, видимо, не возымело должного воздействия, и абхазские феодалы опять восстали против центрального правительства. Тогда Баграт, чтобы «уладить все дела абхазские», вынужден был снова применить суровые меры против неукротимых элементов, силою убрать их с пути. При его преемниках борьба приняла еще более острый характер. Так, в результате подстрекательских действий Византии, воевавшей в ту пору с Грузией, в 1032 г. часть Абхазии с ее главной крепостью Анакопией отложилась от Грузии. Все попытки Баграта IV отвоевать Анакопию не имели успеха (она была возвращена Георгием II лишь в 1074 г.). Подобные выступления не затихают и при известном грузинском царе Давиде Строителе (1098—1125 гг.), который недаром считал своей основной задачей внутреннее упрочение государства и централизацию управления. Абхазские мятежники в 1121 г. вновь подняли голову. Прибыв в Абхазию, Давид доехал до Пицунды, где «управился с делами тамошними, достойных осыпал милостями, а провинившихся захватил и наказал».

Феодалы Западной Грузии, в том числе Абхазии, в начале царствования Тамары (1184—1213 гг.) организовали еще одно самое крупное выступление против центральной царской власти, поддерживая первого мужа царицы, отвергнутого ею русского князя Юрия Боголюбского, которого они намеревались превратить затем в свое послушное орудие. Руководил этим движением Вардан Дадияни, в административном подчинении которого находилась тогда вся территория от Сурамского хребта до Никопсии. Как говорится в историческом сочинении, написанном около 1222 г., он собрал всю Сванетию, Абхазию, Мегрелию, Гурию, Имеретию и, присоединив санигов и кашагов, «заставил бояр и военных этих земель присягнуть русскому царю в старании возвести его на трон»⁴⁹.

Однако ни одно из вышеописанных выступлений оппозиции не увенчалось успехом.

Невозможно понять во всей их сложной противоречивости особенности этнического развития абхазского народа без максимального учета длительных и многосторонних связей, глубокого этнического взаимопроник-

---

⁴⁹ «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

новения между ним и родственными народами. Грузино-абхазские отношения в период средних веков были самыми разнообразными и неразрывными. Можно привести большое количество конкретных фактов и исторических свидетельств, говорящих о глубоких связях между абхазским и грузинским народами, об единстве их исторических судеб, о многократных совместных выступлениях против общих врагов, в частности, против византийских, иранских, арабских, турецких и других завоевателей. В этой совместной борьбе еще более крепили их политические и культурные связи⁵⁰.

Дружба и всестороннее сотрудничество грузинского и абхазского народов были обусловлены тысячелетними культурно-историческими связями, давнишней традицией взаимопомощи в совместной борьбе братских народов за свободу и независимость своих земель. Так, грузины и абхазы плечом к плечу защищали Анакопию против арабского завоевания в VIII в. Абхазы находились вместе с грузинами в их борьбе со страшным нашествием монгольских поработителей, хотя последние и не дошли непосредственно до Абхазии. Против монголов, говорится в одном документе, выступили «в полной боевой готовности» и «далеко живущие абхазцы». Они принимали активное участие и в большом антимонгольском восстании грузинского народа в 1259 г. и т. д.

Культурное состояние Абхазии XI—XIII вв. приобретает типичный феодально-христианский облик, характерный для всей Грузии того времени. Грузинский язык получил распространение в Абхазии в области официального делопроизводства и христианского богослужения (наряду с абхазским), о чем говорят и грузинские надписи в абхазских церквах и на иконах. На грузинском языке написаны Моквское и Пицундское Евангелия. В Абхазии немало культовых сооружений грузинского архитектурного стиля, а также гражданских построек и т. д.

В свою очередь, некоторые черты самобытной абхазской материальной и духовной культуры раннесредневекового времени, включая язык, проникали и в Грузию (например, элементы народной одежды, хозяйствен-

---

⁵⁰ З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария. Дружба нерушимая, извечная. Сухуми, 1972.

ного быта, традиций и т. д.), а если же говорить словами Н. Я. Марра, то «абхазы, давно находившиеся в теснейшей связи с Византией и под непосредственным культурным ее влиянием, надо думать, были издавна проводниками византийской образованности в грузинскую среду», хотя здесь мы имеем элемент преувеличения даже для раннего средневековья.

В позднефеодальную эпоху происходило особенно интенсивное этническое взаимопроникновение между абхазами и картвельскими племенами — эмиграция абхазов на территории Мегрелии, Гурии и т. д. и такое же переселение мегрелов, а также других представителей западногрузинского населения в Абхазию, что приводило к ассимиляции значительного числа мегрелов абхазами, и наоборот (в частности, целые мегрельские деревни дарилась крупными феодалами Пицундскому храму и др.).

В период существования Абхазского царства и в последующие века продолжались связи с адыгскими и аланскими племенами, занимавшими центральное Предкавказье, а также впервые завязываются сношения с Древней Русью⁵¹. После разгрома Хазарского царства киевским князем Святославом в 965 г. усилилось влияние руссов на Северном Кавказе (русское княжество в Тмутаракани). Именно в этом районе, по-видимому, русские оказались в непосредственном соседстве с абхазами и родственными им племенами. Представляет, в частности, интерес сообщение арабского историка XII века Ал-Идриси, писавшего, что Тмутаракань «очень древний город; имя его основателя неизвестно... его князья известны под именем Олу Абас (Абазы), прославленные своей силой... наводили страх среди своих соседей»⁵². Имя Абас (Абаза) свидетельствует о том, что в Тмутаракани в середине XII века правила династия абхазского княжеского происхождения⁵³. Через Аб-

---

⁵¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1963, стр. 433; В Новгороде были найдены самшитовые гребни X—XV вв., которые, как можно предполагать, были сделаны новгородскими мастерами из самшита, привезенного купцами из Зап. Кавказа — ближайшего к Новгороду места, где растет самшит.

⁵² Ал-Идриси. География Идриси. Париж, 1840, стр. 395 (на фр. яз.).

⁵³ А. П. Новосельцев. Внешняя торговля Древней Руси. — «История СССР», 1967, № 3, стр. 107.

хазию пролегли сухопутная и морская дороги, соединявшие Вост. Европу с Мал. Азией. Ею пользовались с древнейших времен скифы, сарматы, аланы, готы, боспорцы. Так, в 291 г. боспорский царь Фофорс совершил опустошительный поход в Лазик и Понт, с чем, вероятно, связано обилие боспорских монет этого времени в районе Сухуми.

В русских летописях несколько раз упоминается народ «обезы», «обежане» и страна «Обезь» (иногда встречаются названия «абазки», «абазги», «авазги», «авагазы» и др.)⁵⁴. Этими названиями вначале обозначались абхазы с абазинами вместе и их родина Абхазия. Не случайным является и ближайшее сходство этнических названий «обезы», «абазы», «абазины», «абхазы». По мнению специалистов, летописные обезы суть абхазы, и локализуют они их в Абхазии или в непосредственной близости от нее. В этой связи М. И. Скрипиль пишет: «Названием «обезы» в Древней Руси, как известно, обозначались абхазы». Отождествлял обезов с абхазами и акад. М. Н. Тихомиров⁵⁵.

Вместе с тем обезов и на Руси и на Востоке часто смешивали с грузинами, поскольку Абхазия и Грузия составляли в тот период одно царство⁵⁶. Поэтому с течением времени первоначальное содержание названия «обезы» меняется, его начинают употреблять и в широком смысле — для обозначения всей Грузии. Так, «Обезь» обозначает Грузию, когда русский летописец рассказывает о половецком князе Отроке, бежавшем от Владимира Мономаха к грузинскому царю Давиду Строителю через Дарьяльское ущелье («в Обезы за Железная Врата»). В «Русской толковой палее» сказано: «Авер — иже суть «Обезы»⁵⁷. Азербайджанские поэты XII в. Низами и Хигани под Абхазией понимали всю Грузию («стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински») ⁵⁸. Подобные места, конечно, дают ясно понять, что «Обезы» и Грузия — одна и та же страна.

⁵⁴ М. И. Скрипиль. Сказание о Вавилоне-граде.—«Труды» ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 135—136.

⁵⁵ «Полное собрание русских летописей», т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 440.

⁵⁶ «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 794.

⁵⁷ Цит. по Г. Г. Сулава. — «Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь». «История СССР», 1957, № 2, стр. 158.

⁵⁸ «Памятники эпохи Руставели», Тбилиси, 1938, стр. 137.

Итак, в Древней Руси не было еще ясного понятия об этническом и территориальном содержании термина «обезы». Этим словом называли сначала Абхазию, причем «обезами» именовались абхазы вообще, в широком смысле этого слова, а не только собственно абазинцы, которые в период создания летописей жили еще в основном на своей первоначальной родине, близ Черноморского побережья. С течением же времени, в определенный исторический период, «Обезом» стали именовать без различия Абхазию и Грузию вместе, причем иногда вся Грузия называлась Абхазией («Обезом»). Такое расширительное толкование находит свое объяснение в образовании Абхазского царства и объединении его со всей Грузией. Употребление в столь широком смысле термина «обезы», возникшего в начале на основе местного этнонима, как русское летописное наименование части или всей средневековой абхазской этнической среды, является отражением того места и значения, которое имело Абхазское царство в тогдашней политической жизни и международных отношениях.

Образование Абхазского царства имело большое значение в процессе становления и развития абхазской народности. Это был период подъема абхазского народа. Возникновение такого крупного национального на первых порах государства содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. Оно знаменовало собой разрушение племенных преград, усиление процесса консолидации абхазских племен в единую народность под политической гегемонией абазгов (надо полагать, что именно вокруг абазгов как наиболее многочисленного сильного ядра происходило дальнейшее объединение абхазских племен). Существование такого консолидирующего фактора, каким являлось названное государство, границы которого выходили далеко за пределы собственно Абхазии и которому удалось добиться независимости и ликвидации иноземного засилия, создавало благоприятные условия не только для образования единой народности в результате экономического, политического и культурного сближения абазгов, апсиллов, санигов, мисимиян и других близкородственных племен, но и для ассимиляции некоторых входивших в его состав неабхазских племен.

Вместе с тем действовали и силы, сдерживающие этническую консолидацию местного населения — феодальный партикуляризм, перенесение политического центра государства из центральной Абхазии (Анакопия) в Западную Грузию, сильные пережитки первобытно-общинного строя и языческих верований, а также отсутствие письменности на родном абхазском языке, который в силу этого не мог выполнять в должной мере роль главного орудия в развитии национальной культуры, торговых сношений, церковного богослужения и государственного делопроизводства.

Всем этим ограничивались первоначальные военно-политические успехи правителей Абхазии. В результате прекращается относительно непродолжительный процесс ассимиляции абхазами иноплеменного населения смежных с Абхазией областей, а вслед за этим последовал и обратный процесс — не абхазизация Грузии, а, наоборот, грузинизация значительной части самих абхазов, прежде всего представителей⁵⁹ знати⁶⁰.

Рассмотрение дальнейших путей абхазской истории, этнического развития абхазского народа в неблагоприятных условиях позднефеодальной и капиталистической эпох, революционных преобразований в крае, всестороннего расцвета Абхазии, образования абхазской социалистической нации благодаря осуществлению ленинской национальной политики в нашей стране, этнических процессов, происходящих в республике в настоящее время, выходит за рамки этой книги.

---

⁵⁹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 135.

⁶⁰ Однако еще в прошлом столетии знание абхазского языка было распространено среди привилегированной части западнотурецкого населения. В тридцатых годах XIX в. Э. Спенсер посетил Пицунду, Сухуми, Анакопию (мегр. форма абх. Акра — «мыс», «маяк»; ср. Анчбейа — мегр. вариант имени абх. рода Ачба). Он пишет: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском (читай: «абхазском». — Ш. И.) диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с... черкессами... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами... от которых мы узнали много подробностей... и которые охарактеризовали знать Мегрелии... как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий... (E. S p e n s e r. Travels in Circassia, Krim-Tartary. Vol. I, London, 1839, pp. 317—318).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование некоторых, особенно относительно молодых, народов происходит на виду у истории. Источниками порой хорошо засвидетельствованы основные этапы их этнического оформления. Иначе обстоит с абхазами не только из-за чрезмерной ограниченности имеющихся сведений и недостаточной их изученности, но отчасти еще и потому, что чем древнее народ, тем труднее и сложнее исследование вопросов его этно-культурной истории.

В настоящее время громадное большинство археологов признают преемственность культур на Западном Кавказе, начиная, по крайней мере, с раннеметаллической эпохи (показателем этно-культурной преемственности является, например, то, что бытовавший в Абхазии еще в эпоху ранней бронзы обряд вторичного захоронения органически увязывается с зафиксированным здесь же античными и позднейшими авторами погребальным обычаем абхазов — подвешивать покойников (мужчин) на деревьях с последующим преданием их земле).

Постепенно вырисовывается общая картина определенной этно-лингвистической непрерывности, культурной однородности в широком смысле слова, представленной отдельными локально-динамичными, близкими между собой этническими образованиями — предками абхазо-адыгов и родственными им племенами, которые, находясь на стадии первобытнообщинного строя с сильными начатками имущественной и социальной дифференциации, но еще без классов и государства¹, занимали в

¹ Особняком в этом отношении стоит мнение Г. Ф. Турчанинова, который на основании только имущественной дифференциации (представленной еще на рубеже III тыс. до н. э. погребением вождя в богатом Майкопском кургане при бедности синхронного рядового поселения Мешоко) считает местное общество XIII—XII вв. до н. э. классовым (Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 7—8).

III — II тыс. до н. э. сплошной полосой почти все восточное побережье Черного моря, пока где-то около рубежа II — I тыс. не начались значительные инородные инфильтрации (главным образом картвельского этнического происхождения), повлекшие за собой заметные изменения этнической ситуации на указанной территории.

О простиравшемся так широко первичном расселении абхазо-адыгских племен все чаще начинают говорить исследователи, хотя пока еще, быть может, не всегда очень уверенно. Выше уже привлекались соответствующие высказывания Г. А. Меликишвили и др., а здесь можно сослаться на следующее место у И. М. Дьяконова: «Представляется довольно вероятным, — хотя оно и не может считаться доказанным, — что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье... в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западнокавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказье), вероятно, на картвельских»².

Абхазо-адыгские племена занимали и в древние времена не только горы, но и низменные места восточного побережья Черного моря. Слова Л. Я. Люлье о том, что «адыгские племена вместе с абхазскими должны быть если не первобытными, то, по крайней мере, древнейшими жителями морского побережья», что «племена, переселившиеся на северный склон, хорошо помнят места, на которых жили их предки», что «адыге считают побережье Черного моря старым своим пепелищем (хекуз)»³, хорошо отражают собой контуры давнишнего расселения указанной группы народностей, имеющих вместе с тем глубоко уходящие этно-культурные связи с некоторыми из исторических народов древней Малой Азии — хаттами (протохетамы) и близкими к ним малоазиатскими аборигенами (кашки, абешла и др.).

Установленные специалистами разительные черты

² И. М. Дьяконов. Предыстория..., стр. 13.

³ Л. Я. Люлье. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами. — Сб. «Черкесия...», Краснодар, 1927, стр. 13, 17.

структурного и материального сходства абхазо-адыгских и хаттского языков — наличие в них системы двух гласных (а, ы); разграничение префиксальной, корневой и суффиксальной части глагола; расположение префиксов в определенной последовательности, сходство положения и функций локативного префикса (хат. *ta*, абх. *ta*, адыг. *t*), одно-двухсложные корни глаголов, образование повелительного наклонения от чистой глагольной основы без суффиксов, чередования гласных в основе глагола, слабое развитие склонения имени (в абхазо-абазинских языках, сохранивших исходное состояние, система склонения вообще отсутствует, а в адыгских она также образовалась сравнительно поздно и представлена в зачаточном состоянии); морфологическая недифференцированность существительного и прилагательного, сходные типы редупликации основы имени; одинаковое сочетание имен (препозиция); совпадения в построении простых предложений⁴, а также редкие, правда, но прямые лексические встречи — имена богов (западнокавказ.-хат. Уашхо, абх. Анцва, хат. Анцили), близость племенных названий — малоазийские кашки (каска) и абешла и западнокавказские касоги (кашаги) и апсилы (абсилы), а также отмеченные выше выразительные палеоэтнографические параллели, особенно в области ономастики, топонимики и архаических религиозных верований (культ богини матери, бога грозы, быка и др.), — все это вместе взятое свидетельствует в пользу не только ареальной близости, но и этнического родства абхазо-адыгских народов с хаттами — древнейшими аборигенами северо-восточной Малой Азии.

Учитывая все изменения языковой ситуации, которые происходили на Восточном Причерноморье и прилегающих территориях, по крайней мере, с III тысячелетия до н. э., мы не могли бы указать ни на одну семью языков, которую можно было бы уверенно считать субстратом для абхазо-адыгской группы⁵. Неместного (напри-

---

⁴ В. Г. Ардзинба. О сходных структурных признаках хаттского и абхазо-адыгских (северо-западнокавказских) языков (рукопись).

⁵ Другое дело, например, древнеармянский язык, для которого субстратными являются языки хурритов, урартов и др., причем протоармянский язык мог появиться на Армянском нагорье не ранее XII и не позже VI в. до н. э., точнее с XII по IX в. до н. э. (И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 206, 209).

мер, индоевропейского или семитического) субстратного слоя нащупать в абхазском, по-видимому, не удастся, но зато можно и нужно выявлять в нем адстратные черты, то есть признаки воздействия на него языков других языковых групп, в том числе и некавказских. Если бы абхазам в Абхазии предшествовало какое-то другое иноязычное коренное население, и оно не было вытеснено или истреблено пришельцами, а, наоборот, слилось с ними, то в таком случае мы должны были бы иметь в абхазском языке какой-то пласт субстратной лексики, а, может быть, даже период двуязычия в процессе длительного перехода аборигенных жителей к языку пришлых завоевателей. Но такого чужеродного пласта в историческом составе абхазской лексики как будто не наблюдается, хотя трудно об этом судить на основе современного состояния изученности абхазского языка, его исторической фонетики и грамматики. Абхазский и родственные с ним языки сформировались, как видно, здесь же, на Кавказе, еще задолго до II тысячелетия до н. э., ибо для начала II тысячелетия мы имеем уже исторически достоверные, вполне оформившиеся и даже сменяющие друг друга языки в соседней Малой Азии.

Развиваемый некоторыми исследователями (Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе) тезис о консолидации древнейших аборигенов Абхазии с пришлыми завоевателями, о том, что абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнического объединения аборигенного населения края с более культурными и этнически сравнительно более устойчивыми представителями племени кашков, пришедших из северо-восточных районов Малой Азии и явившихся носителями «языка-победителя», причем (аборигены, возможно, находились с ними в определенном этническом родстве), это положение археологическими данными не подтверждается, а такие важные события, как большое переселение, смешение населения, и даже смена языка, должно было непременно оставить какой-то след в особенностях развития местной материальной или духовной культуры; переселение, если оно и было, могло иметь место задолго до III тыс. до н. э. (В. В. Бжания). Это несколько не означает отрицания возможности спорадических этно-

культурных инфильтраций на территории Абхазии. Отдельные инородные элементы культуры (нередко вместе с относительно небольшими группами их носителей), естественно, проникали с юга (впрочем, как и с севера) в Абхазию, которая, как мы видели, так тесно была связана с древней Малой Азией. Существенные филологические, этнографические, антропологические и другие данные, говорящие об этой связи, скорее всего указывают на этно-культурную однородность, на непрерывность культурно-исторических традиций почти на всем протяжении древнего Восточного Причерноморья, включая Абхазию. Что же касается конкретно кашков, во-первых, они сопоставляются с касогами, т. е. древними адыгами, но не абхазами, а, во-вторых, во II тыс. до н. э. они продолжают обитать по-прежнему на своей малоазийской прародине.

В связи с сопоставлением названий малоазийских «кашка» и «абешла» с западнокавказскими «касогои» и «апсилы» следует отметить, что, как известно, одни и те же племенные и родовые названия иногда встречаются на очень большой и разноязычной территории, повторяются у разных народов. Эта одноименность и повторяемость родо-племенных делений хотя бы отчасти может свидетельствовать о том, что в состав данных народов в свое время вошли одни и те же этнические компоненты, ибо многие из родо-племенных групп по существу оказываются остатками целых племен и народностей, свидетельствуя тем самым о смешанном происхождении данного народа.

Нет ничего удивительного в том, что совпадения этнонимов таких районов, как Северо-Восточная Анатолия и Западный Кавказ, являются результатом миграции племен в ту или другую сторону, хотя, учитывая смежность и относительную ограниченность этих территорий, нельзя считать исключенной возможность проживания некогда на всем их протяжении однородного в этно-культурном отношении населения, состоявшего из родственных между собой племен, названия которых частично сохранились как в источниках, так и в памяти народа, поскольку этнонимы отличаются еще большей долговечностью, чем топонимы.

Итак, имеются данные (правда, не вполне еще убедительные) об этническом родстве хаттов, кашков (кас-

ков), абешлайцев, а всех их вместе — с абхазо-адыгской группой, причем хаттско-абхазо-адыгская языковая семья в III — II тыс. до н. э. территориально простиралась от центральной части Северного Кавказа и до восточной Малой Азии (включая все Юго-Восточное Причерноморье), причем, по И. М. Дьяконову, хаттский язык либо очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо промежуточное звено между этими языками и языками картвельской группы.

В древности основной этнической единицей являлось племя или объединение племен, отличающееся общностью территории и диалекта, а также эндогамной структурой и сознанием кровного родства (действительного или воображаемого). Для ранних эпох характерно также дислоцирование племен, связанное с их разделением (филиацией) и подвижностью, а также широким территориальным распространением (например, южные и северные гениохи побережья Черного моря), причем филиация племен ведет и к филиации языков, которую можно изобразить в виде генеалогического древа. Близкие между собой племена объединялись сходными чертами культуры и языка. При этом наличие общей культуры на определенной, относительно обширной, территории часто является результатом слияния родственных или близких между собой племен, без миграции какого-либо из них (обычно только чрезвычайные обстоятельства заставляли племена покидать привычную им естественно-географическую и этническую среду и, совсем оторвавшись от нее, уйти куда-то далеко, тем более, если первоначальные места обитания являлись во всех отношениях благоприятными для жизни).

Народы, близкие между собой по ряду признаков, объединяются иногда термином надэтническая (макроэтническая, суперэтническая) общность. Историческая реальность подобных общностей не подлежит, по-видимому, сомнению. Абхазо-адыгская группа народов это также, несомненно, довольно яркий пример этно-лингво-культурной общности, которая объединяет разные народы этой группы в одну, так сказать, надэтническую общность по признакам единства происхождения, сходства языка и самобытной культуры. Некогда в эту общность, вероятно, входили, или к ней примыкали, кашки, абешла, хатты и др., которые в совокупности занимали, как

сказано, большую полосу Восточного и Юго-Восточного Причерноморья. Более того, как видно, можно говорить о своеобразной лингвистической непрерывности на этой сравнительно ограниченной территории, населенной (до нарушения указанной целостности) древними народами и племенами, говорившими на сходных между собой родственных языках (если первобытная лингвистическая непрерывность не соответствует действительности в глобальном смысле, то в региональном, т. е. для ограниченного пространства, занятого близкими по происхождению племенами, она является, очевидно, исторической реальностью). Вместе с тем это была единая в далеком прошлом, хотя и «многозвеньевая» историко-этнографическая область с единым хозяйственно-культурным типом. В состав историко-этнографических областей далекого прошлого, которым иногда соответствуют «культуры», выделяемые археологами, входят народы смежных земель, связанные общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития (правда, хозяйственно-культурный тип и историко-этнографическая область могут и не совпадать с надэтнической общностью, ибо последняя предполагает сознание об единстве происхождения).

В недрах указанной надэтнической общности создавались и вызревали частично охарактеризованные выше замечательные памятники древней материальной и духовной культуры, например, такие, как миф о карликах-ацанах, героический нартский эпос, прометеевского круга абхазская легенда об Абрскиле (груз. Амирани, у сванов иногда Амирм)⁶, в имени которого ученые усматривают абхазское слово «амра», (бз. амыр), что означает солнце (ср. со словом «амра» и Амарантские горы, по-грузински Пасис-мта, упоминаемые древнегреческими авторами где-то на востоке Колхиды, у истоков Фасиса, г. е. Риони⁷).

Об единстве этногенеза абхазо-адыгских народов неопровержимо свидетельствуют многочисленные фольклорно-этнографические и языковые сходства глубокой древности. Поразительные аналогии и тождественные

---

⁶ М. Я. Чиковани. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966, стр. 314.

⁷ Там же, стр. 34.

совпадения в самых различных областях духовной и материальной культуры, брака и семьи — например, круглые жилища, ядро нартского эпоса, особое брачное помещение, скрывание жениха, аталычество и многие другие черты, образующие в совокупности единый, четко очерченный абхазо-адыгский этнографический тип, — не могут быть результатом только длительных контактов и культурного взаимодействия, они властно заставляют думать об общности происхождения. Особое значение имеют языковые данные — сходство грамматического строя и лексические встречи, количество которых, несомненно, будет возрастать по мере дальнейшего углубленного сравнительного изучения. Сходств в родственных (и даже неродственных) языках бывает много, но нигде в языках разного происхождения не встречается общность таких, например, важнейших элементов, как местоимения: с — я, у — ты (муж.), а также показатели отрицания м и т. д.

Одним словом, проведенные до сих пор лингвистические исследования не оставляют сомнения в том, что при любой классификации абхазский язык органически остается на стороне западнокавказской (абхазо-адыгской) группы языков, проявляя при этом особую близость с ныне зарубежным убыхским языком в области грамматической структуры. Это не следствие взаимовлияния и заимствования в процессе длительного общения между народами, входящими в указанную группу, а бесспорный решающий показатель их этнического, генетического родства. Существование в прошлом такой этнической общности предполагает и наличие единого праязыка, место и время дифференциации которого не поддаются пока точному определению (может быть, это произошло где-то к концу III тыс. до н. э., а, скорее всего, еще раньше).

Для конкретного суждения по вопросу о времени и условиях размежевания абхазов и адыгов, их выделения из общего первобытного этнического конгломерата имеется слишком мало данных. Тот факт, что в настоящее время представители этих народов, говоря на своих языках, практически совершенно не понимают друг друга, несомненно свидетельствует о глубоко зашедшей дифференциации, потребовавшей не века, а целые тысячелетия. Некоторые авторы придерживаются того мнения,

что указанное размежевание произошло еще до возникновения здесь дольменной культуры, которая ими приписывается собственно абхазской этнической среде (Я. А. Федоров). Разные названия не только для железа, но и меди указывают на то, что в эпоху доклассической бронзовой культуры эти народы уже выступали как самостоятельные этнические единицы. С другой стороны, обращает на себя внимание наличие общего названия лошади в абхазо-адыгских языках, а лошадь, как известно, получает распространение в Малой Азии и сопредельных областях еще в начале II тыс. до н. э., а у майкопцев еще раньше. Если ориентироваться с помощью подобных косвенных указаний, то где-то в III тыс. до н. э. абхазы и адыги, вероятно, составляли в целом единую, еще недостаточно четко расчлененную внутри себя этническую общность.

При исследовании этно-культурной и политической истории абхазов особое значение имеет также проблема их исторического взаимоотношения с картвельскими племенами.

Установленное лингвистами (Н. Марр, А. Шанидзе, И. Кипшидзе, А. Мурвалян, А. Ачарян, Гр. Капакцян) наличие «сильного древнейшего мегрело-чанского (западно-грузинского) слоя» в армянском языке⁸, появление которого на Армянском нагорье приурочивается к XII—IX вв. до н. э., является результатом длительных и тесных контактов между этими этническими группами в местах их древнейшего расселения и свидетельствует о том, что мегрело-чанские племена первоначально жили в непосредственном соседстве с древними армянами, где и происходило их этнолингвистическое взаимодействие, что, следовательно, мегрело-чанов не было поначалу у восточных берегов Черного моря, занятых протоабхазо-адыгскими племенами. Если, таким образом, мы имеем дело с «абхазским субстратом в мегрело-чанском языке» (К. В. Ломтатидзе), то этот факт указывает не только «на древнейшие интенсивные контакты» между абхазами и мегрело-чанами, но прежде всего на то, что территория Западной Грузии до прихода картвельских племен была занята абхазо-адыгскими племенами.

---

⁸ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 172.

У исследователей нет согласия по вопросу о времени проникновения грузиноязычных племен на территорию исторической Колхиды. Б. Б. Пиотровский вообще считает, что «предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории»⁹. По мнению же И. М. Дьяконова, только к началу античности, «по-видимому, языки абхазо-адыгской группы были уже оттеснены» на север, на территории их нынешнего распространения. В. И. Абаев, исследуя мегрелизмы в осетинском языке, указывает, что мегрелы некогда жили «восточнее и севернее нынешних мест их расселения»¹⁰. Археолог Ю. Н. Воронов картвельское племя лазов на рубеже нашей эры видит еще вне пределов Центральной Колхиды (устье р. Чорохи), а к р. Ингури оно подходит, по его мнению, лишь к концу II века¹¹.

Оставляя открытым вопрос датировки указанного передвижения картвельских племен, которая, уточняясь в ходе дальнейших исследований, приведет, надо полагать, к новой переоценке некоторых положений по истории культуры Западного Закавказья, можно утверждать, что эти племена, придя в Колхиду с востока в значительном, очевидно, количестве и вклинившись в расположение древнейшего абхазо-адыгского населения, начали затем постепенно распространяться в северо-западном направлении, смешиваясь на своем пути с аборигенными жителями и ассимилируя их (хотя временами, например, в эпоху Абхазского царства, имело место и обратное движение, то есть расширение границ распространения абхазских племен и их языка).

Следует обратить внимание и на другой аспект рассматриваемой проблемы. Мы уже знаем, что имеются, говоря словами А. С. Чикобава, весьма «серьезные основания предполагать, что на территории Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазско-адыгские племена», при этом «факт насыщенности чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами... — факт бесспорной древности». Как мы видим, чанские и мегрельские глагольные приставки **насыщены**

⁹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 14.

¹⁰ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 328.

¹¹ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины, стр. 140.

именно абхазскими, а не адыгскими элементами. Следовательно, прежде всего носители именно абхазского языка предшествовали грузинским племенам в Западной Грузии. Из сказанного вытекает и то, что ко времени встречи носителей абхазской и мегрело-чанской речи распад языка-основы абхазско-адыгских языков был уже давно совершившимся фактом.

В этногенезе абхазов принимали участие — неодинаковое, разумеется, — разные компоненты, не только родственные адыгские и картвельские племена, некоторые аборигены Малой Азии, северные народы (скифы, сарматы и др.), но и какое-то, вероятно, незначительное количество карийцев, как об этом свидетельствует «проникновение догреческой субстратной топонимики Эгейского ареала до самых восточных областей Черного моря», в частности, название Пицунды, по Ю. В. Откупшикову, отражает догреческую (карийскую) топонимику как в отношении своей «растительной» (сосна) этимологической основы, так и в словообразовательном плане¹².

Абхазы, антропологически сходные с западными грузинами (мегрелами и др.), отличаются не только от адыгов, но и от своих непосредственных сородичей — абазин. Этот несколько загадочный антропологический разрыв между абхазами и адыгами, некоторое выпадение абхазской группы из круга родственных северо-кавказских (адыгских) народов невозможно, очевидно, объяснить без привлечения других исторических источников, прежде всего этнографических. Образование в Зап. Грузии антропологического и этнографического типа, отличного от восточногрузинского, но сходного с абхазским, было бы необъяснимо без допущения длительного проживания здесь абхазо-адыгских племен, ибо Восточный Понт, Колхида и Зап. Кавказ были, как видно, заселены в бронзовом веке преимущественно абхазо-черкесскими и, может быть, картвельскими племенами. Население современной Зап. Грузии, в известной мере, физические потомки субстратного аборигенного абхазо-адыгского населения, ибо субстрат, как более многочисленный слой, передал свои антропологические черты пришлому насе-

---

¹² Ю. В. Откупшиков. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. — «Всесоюзная научная конференция». Тбилиси, 1975, стр. 19.

лению, язык которого, как более легкий, был воспринят местными жителями (современные самурзаканцы — жители пограничного с Мегрелией Гальского района Абхазской АССР — также представляют собой яркий пример языковой ассимиляции абхазов мегрелами в основном в течение XIX в. при возобладании в процессе этнического взаимопроникновения в целом абхазской народной культуры над культурой носителей победившего языка).

Вот этой ассимиляцией предками грузин древних абхазов на территории современной Западной Грузии и наиболее интенсивными культурно-историческими и брачными связями абхазов с грузинами (особенно западными) в продолжение последних веков и даже тысячелетий и объясняется отмеченный антропологический разрыв абхазов с родственными по языку адыгами, их большая близость в антропологическом отношении с западными грузинами. Не всегда в достаточной мере учитывается также значение отмеченных здесь брачных связей, а между тем, как известно, одним из путей возникновения новых антропологических типов является изменение круга брачных связей, которое неизбежно ведет к определенной перестройке антропологических признаков.

Остаточные группы древнейшей понтийской расы, находимой на Западном Кавказе с неолитической эпохи, ныне представлены прежде всего абхазами и абазинами, а также адыгскими народами и западногрузинскими группами: лазами, мегрелами, гурийцами, аджарцами¹³ и др. (восточные грузины — это не понтийский, а в основном переднеазиатский тип, сваны же, благодаря длительной географической изоляции, сохранили древнейший антропологический облик, называемый кавкасионским). Более того, не исключается, что накопление соответствующего палеоантропологического материала, по всей вероятности, приведет когда-нибудь к представлению об основных этапах формирования понтийской расы, а вме-

---

¹³ О. М. Ахвледиани, изучивший современное население Западного Кавказа, приходит к выводу, что абхазы, гурийцы, мегрелы, аджарцы и имеретинцы сходны в антропологическом отношении и находятся в «потомственном родстве» между собой. Отмечается также краниологическое сходство абхазов (XIX в.) с аджарцами (XIX в.) (О. М. Ахвледиани. К антропологии коренного населения Аджарской АССР. Батуми, 1957).

сте с тем к заключению, что именно древние абхазы и родственные им племена — это, собственно, и есть основные представители понтийской расы. Отмечая сходство абхазов с горно-кавказскими и адыгскими группами, М. Г. Абдушелишвили пишет «о наличии в абхазах понтийского субстрата и кавкасионского элемента, что довольно наглядно прослеживается и в соматологических материалах», об «единстве антропологического типа» Кавказского Причерноморья¹⁴. В. П. Алексеев также придерживается того мнения, что абхазо-адыгская группа, а также аджарцы относятся к «понтийской группе популяций и, следовательно, представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение»¹⁵.

Главнейшими древнеабхазскими племенами античного времени являлись абазги и апсилы, а также саниги, мисимияне и др. Апсилы населяли в первых веках н. э. территорию современной юго-восточной Абхазии, а некогда, вероятно, и смежные районы Западной Грузии (Н. В. Хоштария считала, например, что чхороцкуйские кремационные захоронения I—III вв. н. э. принадлежат апсилам)¹⁶. Более точному определению апсильской территории мешают ограниченность и противоречивость имеющихся источников, которая отчасти связана с подвижностью этнических границ и филиацией племен, затрудняющие решение вопросов локализации¹⁷. Встречающееся иногда в литературе определение апсилы как северокавказского племени не соответствует действительности. Апсилы, как и абазги, на Северном Кавказе, по-видимому, никогда не обитали. Ошибочно и причисление апсилы к грузинским племенам, если даже они и «происходят из центральных районов Колхиды». Апсилы представляют собой один из основных этнических компонентов абхазского народа, в самоназвании которого (апсуа) звучит их племенное название, связанное, в свою очередь, с названием «абешла» — одного из абориген-

14 М. Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа, стр. 72, 73.

15 В. П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа, стр. 193.

16 Н. В. Хоштария. Цихисдаири. Тбилиси, стр. 22.

17 Например, вот уже полтора столетия ученые пытаются определить территорию хотя бы одного скифского племени, но ни одна из этих попыток не получила общего признания.

ных племен северо-восточной Малой Азии. Неопровержимым доказательством абхазской этнической принадлежности древнего населения современной юго-восточной Абхазии (историческая Апислия вместе с современной Самурзаканью) является, можно сказать, почти полное совпадение элементов традиционного этнографического быта населения этих мест и остальной Абхазии, включая общность мифа о карликах и ряда характерных языческих верований и обрядов (напр., обряда погребения на вышке пораженного молнией, сопровождаемого круговой пляской, обряда вызывания дождя с особой песней Дзуюу и др.). Причем подобные религиозные и мифологические образы и обряды были еще в конце XIX в. известны и самурзаканцам под своими абхазскими названиями: ацан (самурз. цания) — племя легендарных пигмеев, Шашвы — божество кузни и кузнечного ремесла и ряд других древнеабхазских фразеологических окаменелостей¹⁸. Особо следует также отметить и наличие сплошной древнеабхазской топонимики предгорной и горной части этого края и ее мощных слоев также и на побережье. Все это было бы необъяснимо без признания аборигенности земледельческо-скотоводческого абхазского населения на рассматриваемой части территории современной Абхазии.

Этнокультурная и политическая ситуация, которая сложилась в Абхазии к началу формирования единой абхазской народности, является результатом длительного социально-экономического развития древнеабхазских племен. Еще с раннего античного времени они испытывали всестороннее влияние греческих колоний и поселений, которые цепочкой вытянулись вдоль абхазской береговой линии (Триглит, Питвунт, Кигн, Анакопия, Гвандра, Эшера, Диоскурия, Гюэнос, Гудаа и др.). Исключительное развитие морского пиратства уже с эпохи ранней античности также подрывало устой патриархального общества и содействовало резкому обособлению племенных вождей. Пленные стали первым товаром, само понятие собственности (по-абхазски атэы) выражается до сих пор словом раб. К I веку до н. э. разложение общества зашло так далеко, что появились

---

¹⁸ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1898, стр. 47, 48; Н. Альбов. Ботанико..., стр. 141.

«цари», как об этом свидетельствуют, в частности, историки Митридатовых войн. К концу первой половины последнего века до н. э. у гениохов уже засвидетельствованы четыре царя, в подчинении которых были скиптроносцы, или скептухи (жезлоносцы), осуществлявшие управление народом. Это говорит о далеко зашедшем процессе социального расслоения и образовании раннеклассового общества. И если у сванов почти столетием позже мы еще находим почти в расцвете признаки патриархально-родового строя в лице народного собрания трехсот, то здесь налицо уже явные зачатки классового общества и государственной организации. Учитывая все это, не покажется неожиданным наличие «царей» и на рубеже I—II вв. н. э. у потомков гениохов (апсиллов, абазгов, санигов) и последующая их консолидация в одну раннефеодальную народность (аџсуа жэлар — абхазский народ), оформившуюся в основном к VIII в.

Когда точно появляется самоназвание «апсуа» сказать трудно. Известно только то, что грузинский автор начала XIII в., которому принадлежит «Восхваление венценосцев», где впервые в литературе упоминается интересующий нас этноним, под апсарами понимал, вероятно, не какое-то одно племя, а «апсаров», т. е. абхазов вообще, говоривших на «апсарском языке». Следовательно, к указанному времени общее самоназвание абхазов уже получило широкое распространение и им пользовались не только в Абхазии, но и за ее пределами. Имеются основания думать, что общее самоназвание абхазского народа возникло гораздо раньше XII—XIII вв., во всяком случае, не позднее периода возникновения Абхазского царства, как об этом свидетельствует вышерассмотренный термин «апсха», означающий «царь абхазов», «царь Абхазии» вообще. Эти названия — «апсары» и «апсха» — относятся к важнейшим фактам, выступающим перед нами как определенное обозначение решающего рубежа в процессе формирования общего этнического самосознания абхазов, как особого, самостоятельного народа. «Апсуа» связано с «апсилами». Из этого логически вытекает, что апсилы в период образования общего самоназвания абхазов представляли собой наиболее значительную абхазоязычную этническую группу, широко распространенную на территории современной юго-восточной Абхазии и прилегающих районов;

по имени апсиллов стал называться весь абхазский народ, хотя сами они вскоре почти перестают фигурировать в исторических источниках.

Каждый абхаз называет себя тем же именем народа «апсуа», под каким, говоря словами одного дореволюционного автора, знали их еще в начале истории, хотя в старой литературе (не в народе) изредка встречалось еще одно название Абхазии — Азра¹⁹. В этом самоназвании окончание «уа» выражает «человек», «люди», а основа «пс», наличная и в «апсилах», встречается в составе самых разных абхазских слов и выражений, означающих воду (реку, влагу), душу, жизнь, животных, родо-племенные и гидротопонимические названия, названия растений, в том числе пихты Нордмана (апса) — тотемного дерева древних абхазов и т. д. Ни в одном из других языков мы не находим такой многозначности и распространенности словообразовательного элемента «пс», что и само по себе является показателем его редкой древности.

Как было выше отмечено, в грузинских средневековых исторических источниках, где говорится о событиях до VIII в.; этно-географические термины «абхазы», «Абхазия» означают соответственно собственно абхазов и собственно Абхазию. После VIII в., особенно в IX—X вв., этническое и географическое содержание указанных терминов несколько меняется: понятия «абхазы» и «Абхазия» начинают употреблять в более широком зна-

---

¹⁹ Племенное название «Аз», которое с показателем собирательности «ра» (Азра) у отдельных авторов XIX в. (Дж. Ст. Белл) выражало собой Абхазию и абхазов, Г. Ф. Турчанинов находит в древнейшем памятнике письма, определяемого им как древнеабхазское и датированного концом II тыс. до н. э. (Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 115). В новой его работе, подготовленной к печати, автором дешифруются и исследуются надписи «ашуйского языка», охватывающие период с середины III тыс. до н. э. по IV—V вв. н. э., устанавливающие существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации и созданного в ее недрах силлабического письма, принадлежавшего, по мнению автора, предкам абхазов, абазин и убыхов, которые, как он пишет, некогда называли себя ашуйцами, а страну свою Ашуй. Согласно концепции Г. Ф. Турчанинова, в III тысячелетии до н. э. эта страна простиралась от Черного моря на юге до нынешнего Майкопа на севере и выходила за пределы рек Кубани на северо-западе и Фазиса (Риони) на юго-востоке, а древнейшими археологическими реалиями ашуйской цивилизации были майкопская, затем колхидская культура.

чении, и они объемлют, вместе с собственно абхазами и Абхазией, все население (აფხაზთა) и всю территорию (აფხაზეთი) Западной Грузии. В период существования объединенной феодальной грузинской монархии (XI—XII вв.) название «абхазы» нередко выступает синонимом (вариантом) всех грузин, а «Абхазия» — всей Грузии (в XII—XIII вв. Западную Грузию порой называли также Имеретией, но этот последний термин все же не мог вытеснить «Абхазию»). После распада грузинского царства термины «абхазы» и «Абхазия» снова начинают употребляться в их узком, собственном значении. Одним словом, Абхазией называлась (после VIII в.) вся Западная Грузия, а в эпоху царицы Тамары в Византии, например, иногда всех грузин называли абхазами. Поэтому исследователи в понятии «Абхазия» отмечают две стороны: этнографическую (собственно Абхазия) и политическую (Западная Грузия, простиравшаяся, по словам грузинского автора VIII в. Иоанна Сабанисдзе, до Трапезунта)²⁰. Но почему все-таки Грузию, прежде всего Западную, называли Абхазией? Само собой разумеется, что мы не получим удовлетворительного ответа на этот естественный вопрос без полного учета того удельного веса, который принадлежал абхазам в средневековой этно-культурной и политической истории Грузии и всего Кавказа. Это было связано с образованием Абхазского царства как единого, объединенного абхазо-западногрузинского государства и той весьма значительной ролью, которую в нем играл абхазский этнический элемент как в политическом, так и в количественном отношении. Недаром царство, созданное после объединения Абхазии и Западной Грузии (Егриси), стало называться Абхазским, а титулатура царей Грузии начиналась словами «царь абхазов...».

Абхазы представляют собой остаток некогда гораздо более крупного этнического объединения, достигшего значительного политического и культурного развития, включая христианство, в период раннего средневековья. Слишком малочисленный народ не смог бы, например, выдержать натиск арабских полчищ (736—738 гг.), образовать большие племенные союзы (абазгов, алсилон

---

²⁰ К. С. Кекелидзе. Памятники древнегрузинской этнографической литературы. Тбилиси, 1956, стр. 36.

и др.), объединить их и создать сильное по тому времени государство, которое и после объединения с Западной Грузией сохраняло свое первоначальное национальное название Абхазского царства. Предание о необычайной густоте населения Абхазии, где кошка по крышам домов могла свободно пропутешествовать от моря до самых вершин Кавказского хребта, не могло бы возникнуть без всякого основания. Известно также, что избыточное население края уходило частично во внутренние районы Грузии и Северный Кавказ (например, выделенные абазин как самостоятельной этнической группы связано с их перемещением из северо-западной части исторической Абхазии в богатые кормами верховья Кубани в основном в течение XIV—XVII вв., а еще раньше — в XIII—XV вв. — продвинулись в том же северо-восточном направлении кабардинцы, занимавшие прежде почти смежные с Западной Абхазией прибрежные территории). Словом, недаром антиохийский патриарх Макарий говорит, что «абхазы — большой народ, и они назывались абазгами или абазами».

Как мы видим, средние века, особенно первая их половина, — один из важнейших этапов многовековой истории Абхазии. Это период завершения длительной трансформации военно-демократического строя в крае, перерастания ранних этно-политических образований («царств») в раннефеодальные княжества, зарождения и утверждения феодальных отношений, принятия и широкого распространения христианства, которое в качестве официальной религии вело ожесточенную борьбу с мощной системой местного язычества, период строительства огромного множества храмов и фортификационных сооружений, упорной борьбы с византийскими, иранскими, арабскими и другими завоевателями, создания независимого Абхазского царства во главе с «общеабхазским царем» (аџсха), образования в процессе глубокого этнического и социально-экономического развития абхазской феодальной народности. Отмеченные выше сведения «Армянской географии» VII века об единой стране абазгов, населенной абазгами совместно с апсилами (унаследованной, очевидно, от прокопиевой двуединой Абазгии VI века), возникновение термина «апсха», связанного с образованием единой Абхазии (Аџсны) сначала как княжества, а затем царства и выступающе-

го ярким показателем завершившейся, в основном, консолидации абхазов (аџсуа) как осознанной этнической общности, дают основание утверждать, что оформление абхазской народности (аџсуа жэлар) произошло не позднее VII—VIII веков.

Итак, прослежены некоторые этапы развития древней этно-культурной истории абхазов — одного из интереснейших и древнейших народов Западного Кавказа. Материал по возможности исчерпан, но, конечно же, не исчерпана сама тема. Прошлое абхазов — коренных жителей Абхазии, обитающих здесь с отдаленных эпох, не разделяя ни с кем свою аборигенность¹, — представляет собой одну из ключевых, узловых проблем этнографии и истории многоликого Кавказа и примыкающих к нему территорий, и будущие исследования, несомненно, дадут много нового, интересного не только для разрешения остающихся неясными вопросов о ранних исторических судьбах самих абхазов, но и в целом для научного кавказоведения, привлекающего к себе все большее внимание отечественных и зарубежных ученых.

---

¹ Разумеется, это несколько не противоречит тому обстоятельству, что Абхазия с течением времени стала многонациональной страной.

УКАЗАТЕЛИ

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Аяпсы 356, 380
 Аацы 129, 141, 253
 Аачарыпшь 380
 Абаарук 285
 Абаата 285
 Абава 167
 Абаза (р.) (Алаза) 165
 Абаза (мест.) 383
 Абазгос (Абасгос) (р.) 180
 Абазгия (Абазакия, Абасгия, Аваз-
 гия, Авазгия) 55, 56, 213, 216, 219,
 231, 246, 255, 256, 259, 260, 262, 263,
 266, 269, 270, 272, 274, 275, 278,
 281, 285, 286, 292, 299, 304, 305,
 312, 318, 400, 403, 436
 Абазинское (Абхазское) море 258
 Абасгос (р.) 216
 Абасия 42
 Абаск 209, 213, 254
 Абжарские высоты (бл. Кутаиси)
 386
 Абжуа 383
 Азра 434
 Абиссиния 41, 42, 164, 170, 171
 Абсар (р.), Апсар 182
 Абсарр 384
 Абсне (Апсны) 164
 Абрасет 383
 Абу-Шахрейн 363
 Абхаз (гор.) 259
 Абхазская крепость 280
 Абхазская стена 245, 247, 286
 Абхазские горы (Апсуа шхаква)
 234, 256, 356
 Абхазское княжество 251, 288, 397,
 398
 Абхазское царство 38, 51, 218, 221,
 260, 272, 285, 395, 397, 399, 400,
 401, 428, 435, 436
 Абшилстия (Апшилети) 277
 Абшилия (Апшилия) 396
 Аварский каганат 120
- Авлония 164
 Австралия 10
 Агван 214
 Агидаква 385
 Агпста 380
 Аден 164
 Аджария 112, 384
 Аджупсан 356
 Адзгара 241, 381
 Адзиква (Адзиквис сакдари — цер-
 ковь в Борчалинском уезде) 387
 Адзюбжа 147, 168, 248, 303
 Адлер 188, 302
 Адриатическое море 212
 Ажашвари 386
 Азантиха 285
 Азербайджан 72, 113, 395
 Азих 385
 Азия 10, 83, 125, 212, 217, 273, 320
 „ Передняя 33, 39, 44, 57, 58,
 65—67, 106, 109, 113, 125, 134,
 135, 138, 192, 321
 Азовское море 40, 186
 Азра 208, 369
 Аймара 303
 Акамписис 140, 385, 388
 Аква (мест. в Аджарии) 385
 Акварасы (мест.) 366
 Ажуара 381
 Алада (Ахалжал. р-н) 386
 Алаза (Абаза) 165
 Аланда (в Абх.) 141
 Аланда (М. Азия) 141
 Алания 231, 260
 Алахадзы 302, 392
 Алашара 386
 Албания 163—165, 257
 Албания Кавказская 84
 Александровское (с.) 256
 Амарантские горы 425
 Америка 10
 Амьен 373

- Амткел 231, 256, 378
 Анаклия (Анакрия) 418
 Анакопийская крепость 253, 290
 Анакопия 56, 266, 272, 275, 276,
 278—281, 285—290, 292, 399, 401,
 403, 413, 414, 418, 432
 Анакопста 380
 Анапа 171, 173, 189, 316, 320, 400
 Анатолия 172, 395
 .. Восточная 112, 161
 .. Северо-восточная 113, 423
 .. Центральная 71, 112
 Антиохия 163, 164, 295
 Анхуа (Анухва) 285, 289, 303, 367
 Анча (Анчи, Анчисхати (церковь
 в Хандзта и Тбилиси) 385, 387
 Апсагча 356
 Апсар (Апсара) (крепость, гавань,
 местность, город) 140, 179, 212,
 216, 219, 220, 278—280, 286, 385
 Апсар (р.) 179, 180, 190, 216, 384
 Апсарунт 385
 Аписл (страна) 210
 Апислия 55, 56, 213, 216—219, 227,
 231, 246, 248, 249, 251, 256, 260,
 263, 266, 269, 270, 272, 274, 292,
 312, 371, 382, 399, 400, 403, 432
 Аписрт (гор.) 140, 212
 Аписрт (остр.) 212
 Аписртгида 210
 Аписртидовы острова 212
 Апскнахарта 84
 Аписны (Абсны) 42, 144, 341, 354,
 356, 370, 372, 436
 Апсуа (аул) 356
 Апсуа шхаква (Абхазские горы)
 356
 Апсха идзихь (мест.) 218
 Апсхва рыкнахарта 84
 Апушта 256
 Апшилети (Апшилия) 131, 213, 219,
 221, 340, 370
 Арабистан 166
 Аравийский полуостров 15
 Аравия 173
 Араква 385
 Аракс 114, 119, 182, 255, 387
 Арацани 127
 Ардануца 259
 Арипса (кр.) 128, 140, 385
 Арнаутское царство 173
 Армениакос 354
 Армения 178, 211, 212, 257, 283,
 293, 395
 .. Малая 119
 Армянское нагорье 58, 113, 115,
 123, 421, 427
 Армянское царство 34, 119
 Архабе (Архабис, Архавесу) 179,
 385
 Археополис 179
 Археополь 268
 Архута 380
 Аслара (Апсара) 280, 286
 Ассирия 32, 109, 122, 126
 Астелеф 250
 Асхарпа (Ашхарпайя) (гора) 140
 Атира 140, 149, 239, 312, 378
 Атина 182
 Ауадхара 381
 Аугаз 260
 Афины 186
 Афон 277, 278, 289
 Африка 10, 41, 42, 83, 125
 .. Северная 76
 Аха 188
 Ахадара (р.) 381
 Ахалкалакский р-н 385
 Ахей (р.) 188
 Ахеунт (р.) 180, 213, 216, 254
 Ахибла 385
 Ахо (мест.) 385
 Ахиява 125
 Ахипс 356, 380
 Ахубьрдзыхь 381
 Ахчипсы 356
 Ахылсы 356
 Ацамкуара 381
 Ацкур 386
 Ацци 124, 128, 141
 Ацци-Хайаса 115, 124, 128
 Ашуя 434
 Ашхарпайя (Асхарпа) 140
 Ачадара 381
 Ачандара 93, 140, 141, 253, 303,
 378
 Ачалара 246, 381
 Ачгуара 378
 Ачдзы 383
 Ачигвара 140, 218, 409
 Ачипсоу 357
 Ачква 385
 Ачмарда 285
 Багбаран 83
 Багрышш 379
 Базгун 257

- Бактриана 211, 212, 215
 Балк 353
 Балканы 112, 144, 167
 Бармыш 365
 Баса 163, 164
 Басиани (арм. Басен, Басиан) 370
 Басиани (обл. вбл. Сванетин) 370, 387
 Бассан (Басиан) 387
 Батуни 123, 278
 Бачково 307
 Бегерепста 302
 Бедия 411
 Беслетка 301
 Бжилва 285
 Бзана 248, 249
 Бзыбь 167, 188, 218, 252, 285, 356, 357, 368, 370, 380, 392
 Библия 125
 Блабурхва 144, 253, 302, 304, 365, 369, 379
 Бобоквати 385
 Богазкёй 122, 155, 160
 Боква 385
 Болгария 76, 307
 Болгария Великая 120
 Бор 373
 Борчалинский уезд 387
 Боспор 216, 247
 Боспор Киммерийский 43
 Боспорское царство 109, 189, 252
 Брухонт 213, 254
 Бу (Буу) 320, 321
 Буршаханда (Пурусханда) 140
 Бышта (р.) 380
- Вавилон 134
 Вавилония 32, 109, 122
 Вани 313
 Ванское озеро 43
 Великое (Верхнее) море 110, 111, 123
 Венеция 258, 295
 Византийская империя 56, 109, 233, 272, 274, 293, 397, 399
 Византия 179, 231, 243, 246, 247, 270, 272, 273, 281, 288—294, 297—299, 392, 393, 396—398, 400, 401, 412, 413, 415, 435
 Вифлеем 299
 Военная дорога (Ар-рымюа) 243
 Военно-Сухумская (Военная дорога) 242, 246
- Военно-Грузинская дорога (Грузинская дорога) 43, 45, 224, 225
 Волга 40
 Волошское 66
 Воронцовские пещеры 60, 61, 81
 Восток 77, 273, 298, 363, 416
 „ Ближний 38, 39, 42, 50, 62, 96, 113, 174, 175, 298
 „ Дальний 162
 „ Древний 45, 71, 86, 96, 123, 159
- Гага 122
 Гагра 140, 188, 209, 254, 255, 259, 275—278, 282, 368, 378
 „ Новая 81
 „ Старая (Абаата) 81, 275, 285
 Гагрская крепость 277
 Гагрский грот 81, 87
 Гагрский район 218, 312
 Гагрышш 379, 380
 Гал 378
 Галидзга 217, 218, 318, 406
 Галис 113, 117, 122—124, 126, 132, 139
 Гальский район 93, 103, 386, 430
 Гамир 112
 Гангиади (Цандришш) 259, 276
 Гбапшыра (Бабапшыра) 170
 Гвандра 432
 Геджас 164
 Гелати 307
 Гениохия 187
 Герзеул 247, 378
 Гипп 250
 Гонно 164, 316
 Горгиппия 186
 Греция 192, 247, 298, 363
 „ Древняя 298
 Грузинское царство 57, 410, 411
 Грузия 38, 44, 45, 50, 51, 56, 61, 62, 74, 75, 81, 100, 103, 105, 107, 161, 213, 214, 219, 223, 225, 230, 240, 242, 247, 261, 262, 271, 310, 331, 364, 387, 389, 390, 394, 401, 410, 411, 413, 414, 416—418, 435, 436
 „ Восточная 60, 84, 106, 112
 „ Западная 38, 46, 69, 81, 103, 105, 106, 112, 115, 116, 118, 120, 132, 179, 180, 260, 261, 269, 334, 335, 365, 384, 385, 391, 395, 398, 400, 413, 418,

427—431, 435, 436
„ Южная (Тао) 411
Гуад-иху 192
Гуандра 381
Губазоули 387
Гудаа 378, 432
Гудаута 356
Гудаутский район 84, 103, 120, 144,
147, 170, 302
Гульрипш (Гульрипш) 242, 379,
380
Гум (мест.) 383
Гум (Гума) (уш.) 383, 385
Гумати 385
Гумская (Кумская) долина 383
Гумиста (Гумпсы) 69, 192, 231,
260, 356, 383
Гумистинское ущелье 286
Гумлокт 379
Гумпсы (Гумиста) 356, 380
Гумсы (Гумпсы) 380
Гумрыпш 379, 380
Гумуриши 379
Гунрхуа 379
Гуп 369
Гурзан (Грузия) 257
Гуря 184, 334, 384, 413, 415
Гюэнос 243, 432

Дабла-Гоми 70
Давга 385, 386
Дагестан 81, 82, 113
„ Центральный 81
Дайазни 110, 129
Дакня 244
Дал 230, 233, 378
Дамаск 164
Дапукыт 379
Дарука 135
Даринский путь 231
Дарыквакыт 379
Дарьяльский перевал 61, 112
Дарьяльское ущелье 165, 257, 416
Двуречье 67, 71
Дгамыш 248
Дезрыпш 380
Делония 164
Дербент 257, 261, 395
Дербентский проход 257
Джбаара 381
Джал 378
Джампал 256, 378
Джахашькар 304

Джгерда 303, 356
Джебелье 164
Джемлет-Наср 66
Джигетия 408
Джирхва 302, 400
Джишра 381
Джоруг 164
Джурзия (Грузия) 395
Джуруквеги 385
Дзижвдзих 381
Дзната 380
Диаухи 110, 114
Дивриги 140
Диоскуриа (Диоскуриада) 46, 49,
131, 181, 183, 185, 187, 192, 210,
215, 250, 254, 269, 315, 432
Дирапс 362, 385
Днепровские пороги 65
Дон 40, 119, 120
Дракон 214, 258
Дранда 141, 181, 248, 366, 379, 392
Дуабзу 387
Дука (мест.) 253
Дуката 164
Дунай 64, 119, 120, 383
Дурипш 147, 305, 379, 380
Дыдрипш 142

Евразия 64
Европа 10, 32, 83, 86, 151, 212, 217,
273, 311, 320
„ Восточная 68, 120, 125, 373,
416
„ Западная 86
„ Северная 86
„ Средняя 112
„ Центральная 112
Европейская часть СССР 65
Евфрат 96, 110, 112, 113, 115, 118,
122, 124, 125, 127, 164—166, 369
Егер (Лазика) 214, 258
Египет 41, 42, 109, 122, 162—164,
168, 170, 173, 174, 175, 363
Егриси 386, 394, 400, 401, 435
Егры 381, 386, 394
Ерцаху 251, 384
Ерцкар 381
Ешырыш 380
Ешыра 378

Жвакуара 381
Жибнани 386

- Забаха 114
 Закавказье 6, 36—41, 45, 49, 61, 65, 67, 68, 70, 101, 108, 112, 119, 132, 140, 159, 161, 171, 224, 257, 393, 420
 „ Восточное 112
 „ Западное 168, 428
 „ Центральное 111, 113, 114, 116, 122
 „ Южное 70
 Закубанье 404
 Запад 32, 77
 Звандриш 379, 380
 Зеленчук Большой 93
 Зиголь 190
 Зугдиди 385
 Зугдидский район 104
- Иберия. Иверия 178, 211, 212, 227
 Иверская гора 280, 286, 288, 289
 Игани 114
 Ильбессан 164
 Иллирийское побережье 212
 Илори 37, 171, 303
 Имеретия 41, 334, 413
 Ингури 48, 81, 185, 209, 218, 219, 226, 236, 239, 242, 318, 381, 386, 394, 428
 ИнгуриГЭС 81
 Инд 96
 Индия 15, 211, 212, 215
 Инджик-Чужун 148, 150
 Инжиг 353
 Инкиг 285
 Ирак 65, 66
 Иран 66, 123, 243, 293
 Иранский Азербайджан 112, 113
 Италия 282
 Ия 114
- Кааба-и-Зардушт 187
 Кабарда 44, 151, 157, 166, 353
 Кабардино-Балкария 236
 Кабх (Кавказ) 395
 Кабуранда (Кабурнат) 141
 Кавказ 3, 6, 30—32, 36, 38—40, 42—45, 50, 54, 55, 58—60, 62—70, 72, 74—77, 79, 84, 91, 94, 96, 97, 99—101, 103, 107, 108, 120, 122, 124, 129, 134, 136, 144, 145, 148, 151, 153, 155, 164, 166, 167, 185, 187, 189, 212, 219, 221, 224, 237, 240, 242, 248—251, 257, 272, 273, 279, 280, 284, 310, 314—316, 320—322, 324, 326, 338, 339, 361, 365, 388, 394, 395, 410, 422, 434, 435, 437
 „ Большой 113, 251
 „ Восточный 37, 103
 „ Горный 107
 „ Западный 4—6, 58, 67, 68, 71, 76—78, 88, 93, 96, 97, 100, 103, 104, 120—122, 130, 136, 145, 151, 152, 154, 214, 224, 257, 415, 419, 423, 429, 430, 437
 „ Северный 22, 35, 36, 45—47, 49, 50, 59, 61, 68, 70, 71, 75, 76, 82, 101, 103, 107, 117, 120, 130, 132, 140, 157, 174, 175, 225, 236, 239, 350, 383, 388, 403, 410, 420, 424, 431, 436
 „ Северо-восточный 112
 „ Северо-западный 6, 43, 50, 57, 66, 73, 74, 79, 82, 98, 105, 119, 136, 137, 404, 420
 „ Центральный 100, 103
 „ Южный 35, 39, 334
 Кавказские горы 36, 97, 250, 315
 Кавказский перешеек 319
 Кавказский хребет 6, 45, 47, 61, 70, 78, 79, 101, 213, 218, 224, 226, 236, 246, 256, 262, 276, 281, 381, 436
 Кавказское побережье 192, 258
 Калдахвара 172, 302, 303
 Калдахварский грот 81, 87
 Каманский грот 81, 87
 Каменномогетская 67
 Кани 152
 Капдакия 113, 122, 179
 Капшара 381
 Кара-Хисса 166
 Картли 261, 410, 411
 Касакхия 131
 Касежская гора 140
 Каску 117, 126
 Каспий 120, 187
 Каспийские ворота 257
 Каспийское море 36, 37, 211
 Катарза 114
 Кახетия 410
 Квараши 386
 Келасури 239, 240, 242, 246, 260, 303, 397
 Келасурская стена 242, 243, 246
 Керасунт 176

- Керченский пролив 43, 79
 Керчь 79
 Кефар 93, 99
 Киги 432
 Кижинара 386
 Кизинка 91
 Киликийский Тавр 127, 128
 Киликия 179
 Килхи 111
 Кинапс 362
 Киндари 141
 Киндги 141
 Кипр 299
 Кир 255
 Кису 164
 Кицватна 110, 128
 Кларджети 387
 Клухорский перевал 243, 246
 Клыч 234
 Кобулетский район 385
 Кодор 54, 141, 174, 181, 213, 218,
 222, 224, 226, 232—234, 239, 241,
 243, 247, 256, 267, 356, 384
 „ Малый 366
 Кодори (бас. р. Риони) 386
 Кодори (Цхак. район) 386
 Кодорский бассейн 218
 Кодорская гора (бас. р. Риони) 386
 Кодорский участок 387
 Кодорское ущелье 346, 386
 Колика 212
 Колхида 41—43, 46, 47, 52, 53, 76,
 102, 112, 114—116, 118, 121, 132,
 161, 162, 178—180, 186, 190, 223,
 224, 240, 420, 425, 428, 429, 431
 „ Северная 46, 49, 184, 224
 Колхидская низменность 59—61
 Колхидское царство 54, 216, 217
 Конские воды 385
 Константинополь 163, 164, 270, 292,
 294, 296, 299, 307, 308, 311, 409
 Конья 163, 164
 Кораконийская страна 181
 Коракенка 211, 212
 Кораси 181
 Котгюра 116
 Кошехабль 150
 Красновосточный 379
 Краснодарский край 357
 Красный Восток 357
 Красный Маяк 81, 192
 Куараса 181
 Кубань 79, 84, 169, 189, 237, 260,
 261, 320, 356, 365, 403, 409, 434,
 436
 Куделста 93, 302
 Куджрыпш 380
 Кудзылпта 93
 Кудры (Кодор) 381
 Куланурхва 58, 84, 120, 305, 379
 Кулха 110, 114
 Кура 114
 Кур 395
 Кута 387
 Кутаисская губерния 386
 Кутанси 51, 288, 308, 385—387, 399,
 403, 404, 409
 Кутол 170, 409
 Кызыл-Ирмак 122, 132
 Крым 65, 74, 119, 171, 173, 243,
 244, 391
 Крымские степи 40

 Лабра 143
 Лавинный грот 81
 Лазика 41, 56, 179, 181, 227, 229,
 244—246, 258, 268—270, 272, 273,
 277, 283, 291, 292, 385, 398
 „ Старая 43, 180, 189
 Лазистан 387
 Лазское царство 179, 257, 258, 292
 Лакрыпш 379
 Ланда 141
 Лавчхути 387
 Лапта 285, 357
 Лапрых 143
 Лаша (гора в Аджарии)
 Лашпсы 357
 Лдзаа 33, 303, 304, 378
 Лемнос 362
 Ленинкаа 180
 Лечхуми 388
 Лик 117
 Лихи 400
 Локт 379
 Лосорисн 244
 Лоукыт 379
 Лузитания 33
 Луша 113
 Лыхны 84, 147, 167, 169, 303, 305,
 368, 392

 Маговский холм 253
 Маджара 383
 Майкоп 67, 71, 76, 98, 125, 419, 434

- Македония 244
 Малая Азия 6, 31, 32, 41, 45, 49,
 50, 55, 57, 58, 60, 62, 65—67, 71,
 110, 112, 113, 115, 117, 122, 124,
 125, 127, 129, 131—135, 140, 141,
 144, 146, 151, 155, 159, 162, 168,
 173, 175, 190, 288, 298, 332, 353,
 362, 365, 416, 420—423, 427
 „ Восточная 112, 424, 429
 „ Северо-восточная 123, 432
 Малоазийское побережье 190
 Малтаква 385
 Мамисонский перевал 61
 Манган 295
 Мангун 244
 Марухский перевал 231
 Марыху 234
 Махелония 187
 Мачара 67, 101, 303, 381
 Мачарыш 380
 Мацеста 302
 Мдзымта (Мдзимта) 180, 216, 254,
 317, 356, 357, 380, 381
 Мгудзырхва 302
 Мдзаа 378
 Мздадзых 381
 Мзымта (Мдзымта) 213
 Мегрелия (Мингрелия) 214, 247,
 320, 321, 334, 378, 384, 386, 413,
 415, 430
 Мекка 164
 Мелид-Камману 125
 Метрополис 176
 Мерзифон 139
 Меотидское болото 245
 Мерхсули 81, 84, 378
 Месимияна (Месиминия) 231
 Месопотамия 32, 113, 122, 173
 Место тесания судов 248
 Место хождения судов 248
 Мешоко 419
 Мидия 109, 113, 374, 388
 Мизиг 213, 254
 Мингечаур 84
 Мингрелия (Мегрелия) 162, 171,
 257, 258
 Мисиминия 231, 246, 256
 Мисимийский путь 231
 Митанийское царство 109, 110
 Михайловская пещера 81, 87
 Моква (Мыку) 316, 392
 Мрамба 239
 Мсра 381
 Мсыбыста 234, 380
 Мурквети 385
 Мухурча 81
 Мхалрыпш 380
 Мира 381
 Мчишь 376, 380
 Мыку (Моква) 316
 Мыс 234
 Мыр (Мысраа) 168, 170
 Мюссера (Мсра) 170
 Наа 181, 378
 Наана 181
 Навалишенская пещера 102
 Надиквари 386
 Наири 110, 123
 Наири-Урарту 44, 112, 131, 132,
 140, 158, 225
 Накалакеви 81
 Накопсия (Анакопия) 286
 Нальчикский могильник 61
 Нант 373
 Нарчхью-Абаа 246
 Негопсуко (Негопсухо) 43, 180
 Нерик 159, 220
 Неса 134
 Нечелсухо (Негопсуко) 278
 Нигвзиани 81
 Никопсис 388
 Никопсия 43, 180, 260, 278—280,
 398, 403, 413
 Никопия (Никопсия) 278, 279
 Нил 96
 Нитика 209, 254, 257
 Новгород 415
 Ново-Вавилонское царство 109
 Новороссийск 189, 253
 Новосвободная 95, 98
 Нов. Гагра 81
 Нов. Афон 213, 216, 275—278, 280,
 282, 285, 356, 385, 399
 Обез 416, 417
 Одиши 59
 Одынец 192
 Окваре (в Ланчхутн) 387
 Океания 10
 Окс 96
 Окуми 304, 379
 Олагвана 383
 Оман 164
 Орду 116
 Осеро (ост.) 212

- Осетия 152, 289
 „ Южная 384
 Отал 168
 Отхара 102, 253, 303
 Охурей 318
 Очамчир 60, 67, 181, 387
 Очамчирский район 93, 103, 147, 168, 174

 Падгу 369
 Пакуашь 379
 Пал 378
 Палестина 15, 65, 66
 Палури 81
 Панаевский хребет 250, 251
 Панион 309
 Папанцкур 383
 Париадр 190
 Парпарра 140
 Пахува 140
 Пашьгуашь (р. в Сванетии) 37, 387
 Персидская держава 109
 Персия 270, 272—274, 281, 283
 Петра 212, 217, 244
 Пиленково 253
 Пиренейский полуостров 76, 134
 Пятиунт (Пицунда) 33, 56, 141, 186, 187, 209, 214, 245, 254, 256, 257, 266, 281, 291, 299, 300, 302, 392, 413, 429, 432
 Пичора 386
 Поволжье 82
 „ Марийское 82
 Поквеша 387
 Понт 110, 112—115, 118—120, 127, 132, 177, 185, 186, 188, 209, 210
 „ Восточный 116, 429
 „ Эвксинский 162, 212, 256, 276
 Понтийские горы 124, 145
 „ Восточные 140
 Понтийское море 214
 Понтийское царство 46, 109, 184
 Португалия 76
 Поти 79, 179
 Предкавказье 66, 120
 „ Северное 66
 „ Центральное 415
 Приазовье 65, 120, 189, 354, 355
 Приамурье 162
 Прикаспий северный 64
 Прикаспийские области 257
 Прикаспийское побережье 187

 Прикубанье 43, 65, 67, 76, 96, 100, 101, 111, 129, 130, 145
 Приморское (Аацы) 81
 Причерноморье 43, 65, 70, 71, 96, 109, 119, 237
 „ Восточное 35, 46, 47, 65, 102, 109, 115, 117, 132, 222, 420, 421, 423, 425
 „ Кавказское 53, 60, 67, 70, 129, 131, 133, 172, 190, 223, 431
 „ Северное 43, 44, 65, 96, 112, 119, 185
 „ Северо-Западное 398
 „ Юго-Восточное 4, 46, 47, 102, 109, 111, 112, 131, 132, 145, 176—180, 183, 222, 244, 425
 „ Южное 113, 117, 132, 420
 Псахалсис 385
 Псеашхо 356
 Псир (ост.) (Апсиртовы острова) 362
 Псирста 279
 Псирт 278
 Психра 385
 Пскал 356, 358, 378
 Пскальская крепость 241
 Псоу (страна) 253
 Псоу (р.) 180, 216, 253, 356, 357
 Псоу (мест.) 81, 87
 Псоя (Псоу) 252
 Псирет (замок) 279
 Псху 169, 174, 231, 234, 303, 356
 Псыж 167, 356
 Псырдзха 278—280, 286, 356, 380, 385
 Псырта (р.) 279
 Псыхва 356
 Псыш 380
 Пуста (Пустус) 256
 Пшаури 379
 Пшьап 379
 Пьрдгьал 378
 Пятигорск 79

 Рапстан 168
 Рача 384
 Реймс 373
 Резайе 113
 Риальш 380
 Ризе 182
 Рим 178, 179, 210, 216, 265, 298
 Римская империя 109, 273, 275

- Риони 43, 66, 115, 188, 213, 217,
 218, 317, 385, 387, 405, 425, 434
 Рионская низменность 70, 210
 Рица 167, 356
 Россия 403
 „ Южная 171
 Русь (Киевская, Древняя) 171,
 301, 415—417
- Саапсандзо 386
 Саба (обл.) 163, 164
 Саеро 184
 Сакен 241
 Салуа 128
 Самурзакань 382, 432
 Самуха 124
 Санника (Тнанника) 178, 269
 Санчара 231
 Санчарская гроба 188
 Сардиния 76
 Сарона (долина) 86
 Саспира 113
 Сасунские горы 127
 Сатамашо 174, 382
 Сахерский район 104
 Сванетия 37, 184, 230, 231, 234,
 236, 237, 241, 257, 258, 404, 413
 Севастополь (Севастополь) 179,
 180, 209—211, 214, 216, 245, 247,
 254, 256, 258, 269, 278, 392
 Сельджукско-Османское государ-
 ство 109
 Свалк 66
 Синд (гора) 255
 Синдика 186, 189, 253
 Синдская гавань 189
 Синопа 111, 127, 172, 186
 Сирия 65, 179
 Сианган (Сиуник) 257
 Сицилия 77
 Скепис (город) 362
 Скидис 190
 Скурча (р-н Дранда) 386
 Скурча (мест. в устье Кодора)
 386
 Сочи 48—50, 67, 174, 183, 185, 188,
 189, 302, 318, 324
 Сочилсы 357
 Спарта 265
 Средиземное море 67
 Средиземноморский бассейн 73, 76
 Средиземноморье 65
 Стениника 254, 257
- Стробил 251
 Суассон 373
 Сузы 66, 86
 Сулак 82
 Супса 385, 387, 388
 Сурамский хребет 403, 413
 Сухму (Сохма) 118
 Сухуми 46, 49, 50, 83, 148, 179, 181,
 183, 190, 213, 216, 217, 219, 231,
 247, 252, 257, 260, 270, 277, 278,
 282, 356, 385, 416
 Сухумская бухта 192
 Сухумская гора 192
 Сухумская крепость 301
 Сухумский район 81
 Схалта (в Аджарии) 386
 Сюрень 244
- Табал (Тубал) 127
 Тавр Северный 119
 Тао 411
 Тао-Кларджети 410
 Тао-Кларджетское княжество 392
 Таманский полуостров 189, 397
 Тамыш 101, 174, 248, 249, 376, 379
 Танаис 255
 Татар-туп 149
 Тахитара (в Раче) 386
 Терек 40, 237
 Термодонт 255
 Тетрамища 66
 Техури 179
 Тзаника (Чаника) 178
 Тзибила (Тибелий, Тсибила) 226,
 227, 230, 241
 Тибарения 178
 Тибелий (Цибилый, Тзибила) 226
 Тигр 96
 Типия (Тибия) 127
 Тифлис 317, 386, 387, 395
 Ткварчал 303, 378
 Тмутаракань 415
 Топсида 385
 Тоумыш (р.) 376
 Трапезунт 164, 176—179, 182, 183,
 190, 210, 216, 385, 435
 Трапезунтская область 190
 Трахейская крепость 282
 Трахейское ущелье 279
 Трахея 213, 216, 267, 270, 273—284
 Триалети 60, 141
 Триглит 432
 Триполис Сирийский 164

- Троя 188
 Труа 373
 Тебила (Табила) 226, 268
 Туалсе 49, 189, 398, 406
 Турция 65, 165, 241, 289, 317, 324
   " Европейская 76
 Тшахар 228
 Тюркский каганат 120
- Уз-Абаа (крепость) 286
 Уашхо-Махо (Ошха-Махо) 151
 Украина 74
 Урарту (Наири-Урарту) 109
 Урмия (оз.) 113
 Урта (гора в Мингрелии) 387
 Урта (возв. в с. Поквеша) 387
 Ушба (гора в Сванетии) 386
- Фаз 171
 Фанакопия 278
 Фас (гора в верх. Риони, Пасис-мта) 387, 425, 434
 Фасис (крепость, город) 179, 211, 212, 215, 216
 Фасис (р.) 43, 163, 183, 188, 211—213, 217, 218, 255, 385, 387
 Фарнакия (Керасунт) 176—178
 Фарс (обл.) 123
 Фарс (р.) 95
 Фессалия 244
 Фивы (ег.) 255
 Филленд 362
 Финикия 125
 Франция 373
 Фригия 362
 Фустас 231
- Хабезский район 148
 Хабхи (Хапхи) 110, 111
 Хазаретия 403
 Хазарский каганат (царство) 130, 415
 Хазран 395
 Хайаса 126
 Хайаса-Ацци (Ацци-Хайаса) 110, 128, 140
 Хайаса 126
 Халкедон 299
 Хамыш 321
 Хаңдзта 387
 Харинт 209
- Хасант 285
 Хасант-Абаа 285
 Хассуна 66
 Хатти 133—135, 143, 144
 Хаттусас 159
 Хашупсе 285
 Хашупсинское ущелье 312
 Хашурский район 103
 Хвал (Хуап) 302, 387
 Хегрыпш 379
 Херсо (ост.) 212
 Херсонес 243, 244, 247
 Хеттская империя 141
 Хеттская страна 129, 159
 Хеттское царство 109, 110, 112, 121, 122, 124, 134, 155, 159
 Хеджуара 381
 Хедрыпш 380
 Хоби 387
 Хобос 209
 Ходжуара 381
 Хопа (с. в Лазистане) 387
 Хопи (р.) 171, 209
 Хоста 102
 Хуаджал 378
 Хуадыпсы 357
 Хуажквуара 381
 Хуап 302
 Хуша 114
 Хыпсы 356, 380
- Цабал 230, 241, 378
 Цандрыпш (Гантяди) 276, 379, 380
 Царче 93
 Цахара (Тшахара) 241
 Цачхур (приток Риони) 386
 Цвквара 381
 Цебельда 218, 219, 222, 223, 230, 233, 239, 241, 242, 268, 303, 312
 Цибилиум 246
 Ципнигвара (с. в Гурии) 387
 Циппаланда 159
 Цихе-Годжи 179
 Цихис-дзири 431
 Цкургиял 383
 Цухма 118
 Цхакая 179
 Цхакаевский р-н 104
 Цхеникар 383
 Цхум 213, 216, 260, 277
 Цхумская область 391

- Чаабалрхуа 379
 Чааркыт 379
 Чагъам 383
 Чагерия 356
 Чагрыпшь 380
 Чалдырское озеро 114, 182
 Чанети 178
 Чаника 178
 Чацкыт 379
 Чая 307
 Чбалдыху 253
 Чегем 383
 Черкесия 166, 171, 173, 262
 Черкесск 356
 Черное море 36, 37, 41, 45, 66, 67, 110, 111, 117, 122, 123, 128, 140, 164—166, 171, 180, 185, 186, 190, 192, 209, 211, 213, 215, 217, 257, 258, 261, 272, 275, 278, 321, 376, 384, 388, 395, 404, 434
 Черноморское побережье 43, 45, 54, 61, 70, 79, 106, 108, 180, 184, 186, 187, 189, 417
 „ Абхазское 58, 59
 „ Кавказа 66, 67, 69, 76, 186, 222, 255, 422
 „ Восточное 72, 73, 78, 132, 183, 217, 254, 310, 316, 420, 427, 429
 „ Северо-восточное 100, 180, 185
 „ Юго-восточное 182, 183
 „ Западное 185
 Чечня горная 82
 Чнатурской район 104
 Члоу 147, 148, 174, 303
 Чопсунырмаг 258
 Чорох 110, 114, 116, 123, 124, 127, 140, 141, 179, 180, 182, 216, 385, 387, 403, 405, 428
 Чох 81
 Чужипсы 357
 Чхалга 241, 380, 386
 Чхороцку 240
 Чхуартал 378
 Шам 174
 Шапсугия 96, 173, 233, 278
 Шартр 373
 Шахе 358, 383
 Ширак 34
 Ширван 395
 Шумер 91, 109
 Шубара 192
 Шхара (гора в Сванетии) 386
 Шыцкуара 381
 Эгерия (Мегрелия) 386
 Эгриси 181, 260, 348, 398, 399, 405
 Элам (Сузы) 86
 Эльбассан 167
 Эльбрус 149, 151, 251
 Эн (гор.) 212
 Эпир 244
 Эреги 410
 Эрцо (ост.) 384
 Эски-Кермен 244
 Эшера 69, 72, 86, 94, 95, 102, 148, 191, 303, 432
 „ Нижняя 81
 Эшерское городище 190, 192
 Эшкыт 379
 Эшрыпш 379
 Эя 204, 210
 Юардзы 381, 383
 Юпшара 381
 Ятреб 163, 164

II. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза 261, 262
 Абазг Грамматик 271, 306, 309
 Абази 163, 164
 Абаев В. И. 113, 152, 369, 428
 Аббаз 409
 Абдушелишвили М. Г. 103, 104, 106, 107, 431
 Абрагъ 143
 Абрамишвили Р. М. 81
 Абхаз 166, 167
 Агафий Мирянейский 178, 213, 215, 226—228, 229, 231, 232, 240, 256, 267, 270
 Агрба 139, 189

- Адамиа И. 75
 Адлейба М. 168, 175, 358
 Адриан 209, 210
 Акаба Л. X. 149
 Акаба Н. Т. 148
 Алда 289
 Александр Македонский 109
 Алексеев В. П. 64, 103, 107, 108, 431
 Алексеева Е. П. 404
 Алексей I Комнин 294, 295, 306, 308
 Али 298
 Ал-Идриси 415
 Алшибая 404
 Альбов Н. 168, 372, 382, 432
 Амамма 138
 Аменхотеп III 122
 Амзалакия 316
 Амзоба 366
 Амирапашвили А. 239
 Амирапашвили-Болтунова А. 239
 Амичба 397
 Амлет (Гамлет) 311
 Аппар 172, 175
 Анания Ширакаци 214
 Анастасий 244, 256
 Анна Комнина 294, 295
 Аноним 179, 180, 216, 257, 259
 Анхил 210, 211, 269
 Анчабадзе З. В. 51—57, 78, 188, 213, 216—219, 221, 222, 231, 256, 280, 354, 394, 396, 398, 401—403, 405—407, 414, 422
 Ануа 174, 334
 Анимарда 144
 Аполлодор Византийский 354
 Апполоний Тианский 249
 Апполоний Родосский 82
 Аппиан 188, 216
 Аиса 357
 Аисандзе 358
 Апишилава 224
 Араб 164
 Аргишти I 182
 Аргун X. 84
 Ардзинба В. Г. 138, 141, 142, 144, 156, 220, 421
 Аристоники 298
 Аристотель 185, 306
 Аскадий 298
 Аурут 167
 Арриан Флавий 34, 48, 178, 179, 182, 183, 185, 190, 210—212, 215, 223, 240, 250, 252—254, 257—259, 264, 269, 315, 370, 385
 Артемидор Эфесский 183, 212, 385
 Арчил 288, 397, 398
 Атабег Ильдегиз 261
 Атилла 151
 Аутлев П. У. 150
 Ахба 188, 189
 Ахведиани О. М. 430
 Ахемениды 109
 Аш (Барон) 164
 Ашхацава С. М. 38—40, 350
 Ачарян А. 427
 Ачба 174, 175, 404, 407, 409
 Баграт III 391, 410, 412
 Баграт IV 261, 289, 413
 Багратиды (арм.) 411
 Багратиды (гр.) 411
 Багратиды 411
 Бакрадзе Д. М. 162
 Бакура 349
 Бакуриани Абаз. 307
 Бакуриани Григол 307
 Балкаров Б. X. 151, 154
 Баладзори 354
 Барамидзе М. В. 81
 Бараташвили 404
 Барга (Бага) 143
 Баргайе 126, 143
 Барибан 102
 Барней 161
 Бардавелидзе В. В. 154
 Бартоломей И. А. 95, 317
 Басария С. П. 168
 Баша-Мелек 163, 164
 Бгажба X. С. 149, 221, 234, 364, 371, 379
 Бегуа Омар 95, 384
 Белл Д. Ст. 165, 166, 262, 320, 321, 369, 372, 434
 Бендукидзе Н. А. 143
 Бениа 365
 Бердзенишвили К. И. 222, 239, 241, 242
 Бердзенишвили Н. А. 217, 225, 408
 Берже А. 320
 Бесса 256, 282
 Бжания В. В. 69, 70, 74, 80, 101, 145, 422
 Бжания Ц. Н. 167, 241
 Бир-аль-Кут 299
 Блейхштейнер Р. 157

- Божарев Е. А. 336
 Боуда К. 336
 Брашинский И. Б. 185
 Бромлей Ю. В. 8, 9, 64, 315
 Брун Ф. 83, 259, 395, 396
 Брюсов А. Я. 111
 Бубрих Д. В. 16
 Бунак В. В. 20, 22, 59, 67, 106
 Быджба 365
- Вахушти 83, 405
 Введенский А. 280
 Велизарий 273
 Владимир Мономах 416
 Владимиров Н. А. 280
 Владыкин М. 386
 Воронов Ю. Н. 188, 239, 240, 241, 312, 428
 Воротников В. 239
- Гадагатль А. М. 345
 Гамкредидзе Т. В. 124, 133, 134, 136, 161, 332
 Гамба 171, 261
 Гамисонна 369
 Гамлет (Амлет) 311
 Гекатей Милетский 178, 181
 Геланик 178
 Генесий 294
 Генко А. Н. 330
 Георгиев В. 336
 Георгий (абхазский царь) 410
 Георгий II 289, 412, 413
 Георгий IV (Лаша) 214, 316, 399, 412
 Георгий Авагс 311
 Георгий Мерчуле 51, 394
 Гераклид 183
 Герасимов М. М. 103
 Герберштейн С. 260
 Геродот 41, 162, 163, 168, 187, 254, 255, 298, 315, 319, 363
 Гечь (Чечь) 408
 Гетце А. 123, 124, 161
 Гзелишвили И. Г. 239
 Гиоргадзе Г. Г. 124, 135, 138—140, 142, 161
 Гинскен Ж. 321
 Гиунашвили Д. Ш. 261
 Гордизиани Р. В. 117, 118
 Грамматик Абасг см. Абасг Гр.
 Греков Б. Д. 415
- Грен А. Н. 41, 144, 293, 319
 Григолия Г. и др. 81
 Григорий (правитель Абасгии) 260
 Грозный Б. 134
 Губаз 181, 221, 227, 268, 270, 274, 409
 Гулиа Д. И. 40—42, 168, 187, 188, 319, 381
 Гулиа Р. К. 148
 Гунба М. М. 239, 240, 243, 247, 280, 305, 399
 Гурандухт 410
 Гюльденштедт 317, 319
- Давид Куропалат 410
 Дадзиани Вардан 181, 184, 413
 Давкевич Н. А. 171
 Даруква 135
 Дбар 365
 Дгебиа И. X. 83
 Дебец Г. Ф. 20—22, 44, 66, 107
 Дедабришвили Ш. 112
 Деетерс Г. 156, 157
 Дельгер Фр. 310
 Деревянко А. 162
 Дешериев Ю. Д. 326
 Джавахишвили И. А. 38, 118, 260, 261, 386, 392, 402
 Джавашвили М. 403
 Джанашиа Н. С. 154
 Джанашиа С. Н. 38, 93, 118, 221, 229, 275, 383—388, 399, 400, 401, 404
 Джаларидзе О. М. 58, 74, 77
 Джанберидзе Г. К. 104, 105, 107
 Джафар 289
 Джебель-уль-гиммет 164
 Джолуа 174
 Джуаншер (историк) 213, 280
 Джуаншер (царь) 400
 Дзидзария Г. А. 221, 414
 Дзидзигури Ш. В. 235, 238, 258
 Диль Ш. 248, 273, 292, 296, 298
 Дноген 186
 Диодор Сицилийский 185, 252
 Диоклегиан 187
 Дионисий Пернегет 186
 Дмитрий (царевич) 289
 Дондуа В. 225
 Дорофей 280
 Думбадзе М. 225
 Дунаевская И. М. 135—137, 155, 156

- Дюбуа Фр. 247, 278, 279
 Дюмезиль Ж. 150
 Дьяконов И. М. 58, 110, 112—119,
 123—132, 135, 138—141, 145, 177,
 178, 221, 222, 336, 340, 372—374,
 388, 420, 421, 424, 428
 Дьячков-Тарасов А. Н. 108
- Евagriй Антиохийский 311
 Евдокия 298
 Евтропий 298, 299
 Евфимий Ивер. 309
 Евфимий Магистр 269
 Езугбая 404
 Ельницкий А. П. 220, 255
 Епифаний 130
 Еремеев Д. Е. 123, 314, 340
 Еремян С. Т. 187
 Ефрат 296
 Ефрем Мцире 260
- Жиров Е. В. 103
- Завадский М. Р. 318
 Зайцевский Е. П. 261
 Замаровский В. 159
 Замятнин С. П. 65, 66
 Захарий 370
 Званба С. Т. 83
 Земарк 231
 Золотарев А. М. 265
 Зухба С. Л. 148, 175, 371, 379
 Зыцарь Ю. В. 337, 353
- Ибн Исфандиар 261
 Ибн Руста 260
 Ибн Хаукаль 316
 Иванов В. В. 126, 144
 Иванов С. В. 26
 Иващенко М. М. 217, 293
 Иессен А. А. 58, 100, 101
 Инадзе М. П. 183, 217, 223
 Инал (одноглазый) 173
 Инал-ипа Ш. Д. 3, 4, 79, 144, 151,
 174, 221, 249, 251, 276, 409
 Инашба 175
 Ингба 143
 Ингорюкв П. 50, 51, 183, 222, 242,
 394, 401, 406
 Иннотэф 90
 Исакия А. 83, 90
- Иоанн Абазг 308, 310
 Иоанн Златоуст 298, 299
 Иоанн Зонар 252, 294, 295
 Иоанн Итая 252, 271, 306—308,
 310, 311
 Иоанн II Комнин 295, 296
 Иоанн Лаз (Иеротеос) 308
 Иоанн Лукский 90, 316
 Иоанн Месх 308
 Иоанн (апоэларх) 292
 Иоанн Петрици 241, 306—309, 311
 Иоанн (полков.) 227, 283
 Иоанн Цец 252, 259
 Иоанн Цибо 244
 Иоанн (эристав) 400
 Иосиф Флавий 184, 186
 Ираклий 164, 293
 Ирина 294
 Ирку А. 125
 Исаак 295, 296
- Кавтарадзе Г. Л. 71
 Каждан А. П. 262, 311
 Кавс 164
 Какубава 404
 Каландадзе А. 58
 Каллин 43
 Калоев Б. А. 384
 Каменев Н. 172
 Камеф Омар 166
 Камменхубер А. 137, 155
 Капанадзе Д. Г. 412
 Капакция Гр. 427
 Капба О. К. 84, 175
 Карл Великий 294
 Карст И. 336
 Касипа 139
 Каухчишвили С. Г. 222, 229, 230,
 256
 Каухчишвили Т. С. 259
 Кац 349
 Качибадзе-Гечба 404
 Квабулели 289
 Квапсырген У. К. 149
 Квезерели-Копалде Н. 187
 Квинция С. 248
 Кедрин 280
 Кекелдзе К. С. 435
 Керам К. 126, 133, 135, 142
 Керашева З. И. 150
 Кечакмадзе Н. Н. 307, 309—311
 Книжалов Р. В. 239
 Кишвидзе И. 427

- Кисслинг М. 43, 180, 224
 Кису 164
 Киут 214
 Клавдий Элиан 82
 Клапрот И. 317
 Климов Г. А. 114, 156, 157, 316,
 323, 326—331, 339, 341, 350, 388
 Койлерс А. Х. 151
 Коллаун А. 262
 Конджария В. Х. 357
 Кондратьев С. П. 245
 Кондратов А. 136, 315, 327
 Константин Абазгский 56, 291, 292
 Константин II (абх.) 399
 Константин III (абх.) 410
 Константин Багрянородный 130,
 259, 280, 291
 Корейш 164
 Коркут 395
 Коростовцев М. А. 2, 4, 319
 Коссен М. О. 265
 Крамер С. Н. 91
 Краснов А. П. 102
 Крупнов Е. И. 78, 340
 Крушкол Ю. С. 190, 253
 Ксенофонт 130, 176—178, 209
 Куджи 202
 Кудрявцев К. 406
 Кузнецов В. А. 392
 Кумахов М. А. 137
 Куршев Р. Р. 150
 Куталандия К. У. 170
 Куфтин Б. А. 58, 60, 72, 73, 76, 80,
 95, 98, 100, 141
 Кыжв 369
 Кыпса 358, 362
- Лабарна 143
 Лавров Л. И. 43, 44, 73, 74, 79, 92,
 96, 99, 173, 233, 370, 383, 406, 408
 Ладария И. П. 106
 Лаз 181
 Лазба 181
 Лазки 164
 Ламберти Арканджело 83, 86, 218
 Лапинский Т. 164, 165, 318, 319
 Ларош Е. 155
 Ласария 365
 Латышев В. В. 82, 122, 163, 181,
 186, 188, 189, 204—215, 250, 251,
 253—255, 257, 269, 284, 315, 316,
 384
 Лафон Р. 336
- Лаша (Георгий IV) 214, 316, 393,
 412
 Левин М. Г. 20—22
 Лев Исавр 231, 398
 Лев Хазар 400, 402
 Леквинадзе В. А. 245, 275, 291, 292
 Леониды 397
 Леон I 288, 397—399, 406, 409
 Леон II 399, 400, 402, 403, 405,
 407
 Леонтьев А. А. 323, 324, 326
 Леонтий Мровели 50, 394
 Леруа-Гуран А. 25
 Лещенко А. Ф. 99
 Ликофрон 259
 Липарит 261
 Липшиц Е. Э. 259, 294
 Ломоури Н. 217
 Ломтатидзе К. В. 137, 149, 237,
 326, 329, 333—335, 427
 Лукиан 215
 Лукин А. Л. 58, 167
 Луначарский А. В. 88
 Лурье С. 363
 Людовик Благочестивый 294
 Любин В. П. 65
 Люлье Л. Я. 420
 Лэнг Д. 310
- Маг 253
 Магь 253
 Макалестер Р. 125
 Макарий 436
 Максим Исповедник 231
 Маласса 179, 210, 211
 Мануил 296
 Мард 144
 Маринос 213, 408
 Маркварт 257, 258
 Маркиан 269
 Марковин В. И. 69, 76—78, 82, 88,
 91, 93, 96, 97
 Маркс 315
 Марр Н. Я. 13, 28—38, 44, 48, 134,
 184, 237, 310, 311, 319, 321—323,
 325, 330, 336, 360, 369, 387, 403,
 411, 415, 427
 Маршан (Маршания) 175, 233, 234
 Массон В. М. 68
 Массэ А. 351
 Масуди 130, 257, 315, 316, 395
 Мацулевич Л. А. 299, 300
 Мачабели 404

- Мачавариани Г. И. 331—333
 Мевали 164
 Мейе А. 336
 Мелек-Ахмед-паша 317
 Меликишвили Г. А. 43—50, 62, 111, 112, 114, 115, 117, 119, 127—129, 131, 132, 135, 137, 139, 140, 145, 157—159, 177, 179, 180, 182—185, 187, 189, 216, 223—226, 229, 230, 334, 364, 372, 387, 389, 404, 410, 411, 418, 420, 427
 Меликсет-Бек Л. М. 258
 Меллаарт И. 161
 Менабде Э. А. 124, 161
 Менаандр 229, 231
 Мерван-Мухаммед (Мурван Кру) 213, 245, 247, 288, 290, 370
 Мермерос 268
 Месарош Ю. 136, 150, 157, 158
 Месхиа Ш. 225
 Мещанинов И. И. 42, 43, 71, 72, 88
 Мзахуа 349, 367
 Микеладзе Т. К. 81, 102, 110, 114, 116
 Миллер В. 44
 Минна Медичи см. Меликсет-Бек
 Минорский В. Ф. 395
 Мир 288
 Мирцхулава Г. 112
 Мита 140
 Митридат 48, 185, 188
 Михаил II (имп.) 284, 294
 Михайл Атталиат 252
 Моавия 164
 Моисей Хоренский 214, 370
 Монгайт А. Л. 86
 Муичасв Р. М. 69, 70, 81
 Мурвалян А. 427
 Мурван Глухой (см. Мерван)
 Мурзаевы Э. и В. 383
 Мурслик I 126
 Мурслик II 139, 140, 142
 Муса 369
 Мусхелишвили Д. П. 81
 Мыкуба 316
 Мыта 140
 Мюллер 212
 Мюллер Ф. 338
 Набел 273, 274
 Напсо (Нэпсэу) 358
 Наут 166, 167
 Нахогарач 227
 Низами Гянджеви 261, 416
 Николай Дамасский 82
 Николай Мистик 252, 260
 Никита Хониата 294, 295
 Нимфодор Сиракузский 82
 Новосельцев А. П. 415
 Нуцубидзе Ш. И. 271, 306, 308—310
 Овидий 385
 Окладников А. П. 162
 Олу Абас (Абазы) 415
 Омар (хал.) 163, 164
 Опсат (абазский) 220, 264, 270, 283, 358
 Опсат (лазский) 221, 274
 Орбели И. А. 187
 Откупщиков Ю. В. 429
 Отрок 416
 Отся Г. 144
 Павел 292
 Палефат Абидосский 178
 Памба (хатг.) 143
 Памба (абх.) 143
 Пемба (абх.) 143
 Паничкина М. З. 103
 Панченко Б. А. 311
 Патканов К. П. 214
 Пачулиа В. П. 248
 Первухин М. К. 167
 Петр Ивер 308
 Пигулевская Н. В. 257, 258
 Пиотровский Б. Б. 65, 428
 Пиххурияс 126
 Платон 306
 Плиний 48, 130, 182, 185, 190, 192, 215, 253, 254, 315, 370, 384
 Подозерский К. П. 92, 188
 Помпони Мела 183
 Попов А. И. 373—375
 Потонкий 166, 321
 Приск Панийский 269, 270, 309
 Прокл Даадох 309
 Прокопий Кесарийский 178, 212, 213, 215—217, 226, 227, 232, 240, 241, 244, 245, 247, 252, 256, 263, 264, 266—270, 272—278, 280—284, 296—298, 301, 385, 405
 Псардиа 357
 Пселдо-Арриан 211, 213, 240, 252—254, 385

- Псевдо-Орфей 186, 252, 255
 Пселл 306
 Псыпча 358
 Птоломей Аристоник 298
 Птоломей Клавдий 43, 181, 370
 Пузо 316
 Пфаф В. 229
 Пхакадзе Г. К. 81
 Пшкячипа 379
- Рамзес II 159, 162, 368
 Ратиани П. 225
 Раша 143
 Рашь (Решь) 143, 253
 Рейнеггс Я. 164
 Реф 253
 Ресмаг 179, 210, 211, 253
 Рогова Г. В. 329
 Розен Г. 317, 319
 Руставели Ш. 306
 Рыбаков Б. А. 12, 13
- Сабанисдэс Исани 405, 435
 Савлак 197
 Сакания М. Б. 147
 Салакая Ш. Х. 409
 Саргон II 126
 Сардури II 126
 Святослав 415
 Сезострис 162, 163
 Селезнев 187
 Сердюченко Г. П. 358, 364
 Сизов В. 247
 Скепарна 264, 270, 271, 283
 Скилак Кариандский 181, 188, 189, 211
 Скрипиль М. И. 416
 Соловьев Л. Н. 58—62, 87, 91, 97, 221, 243, 422
 Соселия Г. 225
 Сотерих 227, 267
 Соулак 197
 Соучек В. 144
 Софокл 220
 Софроний 280
 Смирнова Я. С. 221
 Сладаг 179, 210, 211, 254
 Спартакид 252
 Спенсер Э. 418
 Стефан Византийский 178, 212, 214, 252, 256
 Страбон 34, 46, 49, 50, 171, 177, 178, 183, 186—189, 190, 214, 215, 224, 231, 254, 315
- Струве В. В. 90, 91, 185
 Сулава Г. Г. 416
 Сулейман II 298
 Сулинкатти 138
 Суппилулиумас 124, 141
- Тай 164
 Тагу 349
 Тамара 261, 355, 393, 411, 412, 414, 435
 Тамбиев К. 353
 Тарба 334
 Таркил К. М. 290, 367
 Таркил Катан 289
 Тата 349
 Теофраст 255
 Тердет 227
 Тсфик-Бей 165
 Тацит 182, 185
 Тиглатпаласар I 110, 123, 125, 127, 129, 141
 Тизенгаузен О. 144, 259
 Тихомиров М. Н. 296, 416
 Тлапс 143, 358
 Токарев С. А. 7, 9, 10, 14, 23—25, 27, 174, 368
 Толстов С. П. 16
 Томашек 224
 Торнау Ф. Ф. 234, 261
 Трапш М. М. 58, 59, 120, 192, 221, 239, 287, 312
 Траян 278, 279
 Громбетти А. 336
 Трофимова Т. А. 20—22
 Трубачев О. Н. 136
 Туана 234, 267
 Туанба 234, 267
 Тураев Б. А. 159
 Турчанинов Г. Ф. 125, 239, 419, 434
 Тхуаз 181
- Уварова П. С. 234, 279
 Удальцова З. В. 9, 19, 20, 229, 270, 307, 309
 Улигаг 283
 Ун-Амун 125
 Услар П. К. 314, 316, 317, 319—321, 326, 328—330, 343, 352, 353, 355, 363, 364, 386
 Успенский Ф. 306
 Ушаков П. Н. 75, 133, 135, 136
 Уча 349

Фадеев А. В. 84
Фарасман 210, 211
Фарсман А. Е. 345
Фафорин 298
Федоров Я. А. 78, 79, 427
Феодора 274
Феодорит 252, 255
Феодосий 256
Феодосий Слепой 410
Феофан Византийский 231
Феофан Хронограф 213, 293, 408
Феофил 284
Феранзи 214, 215
Ферекид 220
Филиппсон Г. И. 408
Филострат Афинский 249, 250
Флиндерс П. 42
Фогт Г. 150
Фома Славянин 294
Форрер Э. 135, 141, 155
Формозов А. А. 65—67, 96
Фофорс 416
Фредуче Анконский 259

Хада 234, 267
Хазарадзе Н. В. 178
Хакани 261
Хаккерт А. 262
Халед-бен-Велид 164
Халиков А. Х. 82
Хантили I 61
Харабз 174
Хараз 400
Харазия 400
Хатанов А. А. 150
Хатгушили II 159
Хачатрян В. Н. 140, 141, 144
Хвынча 358
Хнба 189
Хигани 416
Хозрет-Али 173
Хозрой 245, 270, 283
Хоштария Н. В. 240, 431
Хрипс 358
Хутаба Рашь 253
Хутпа 139

Цагарели Г. 318
Цанба 181
Цате 221, 270, 292
Цвижба И. Д. 147
Церетели Г. В. 332

Циколия М. М. 149
Цымц 365
Цышба Рашь 253
Чайлд Гордон 86, 96
Чалмаз В. 170, 181
Чанба 181
Чарая П. Г. 30, 322, 335
Чачба 289, 407, 408
Чачасдзе Отаго (Дотагод) 289, 316, 408
Чачибая 404
Чебоксаров Н. Н. 23—25, 370, 371
Челеби Евлия 82, 163, 164, 316, 329
Черняев П. Н. 320
Чикобава А. С. 118, 134, 235, 237, 320, 325, 326, 334, 335, 337—339
Чиковани М. Я. 238, 425
Чичинадзе З. 355
Чуаз 181
Чурсин Г. Ф. 72

Шагиров А. К. 341, 346
Шакирбай Г. З. 379, 381
Шакрыл К. С. 57, 58, 341, 347, 364, 368, 386
Шамба Г. К. 81, 86, 102, 191, 239, 312
Шанидзе А. Г. 353, 427
Шарден 247
Шария А. Р. 248
Шат-эла Н. 95
Шеворошкин В. В. 136
Шекспир 311
Шевгелия Н. Н. 214
Шервашидзе (род.) 407
Шервашидзе Дотагод 391
Шервашидзе Л. А. 243, 300, 301
Шильтбергер Иоани 83, 396
Шлюмбергер 292
Шухардт Г. 336
Шюлер Е. 135
Щербина Ф. А. 173

Эби-Софиан 164
Эвмел 185, 252
Элькалькашанди Ш. 259
Элий Геродиан 210, 214, 252
Энгельс Фр. 315
Эсвед-вед-Мокдад 164
Эсхил 141

Юлиан 179, 210, 211, 253, 264
Юрий Боголюбский 413
Юстиниан I 226, 229, 243—245, 247,
263, 264, 269, 273, 275, 276, 279,
282, 292, 293, 296—299, 311

Якобсон А. Л. 243, 391, 397
Яковлев Н. Ф. 322, 328
Якут 261

III. ТЕОНИМЫ, МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ, СВАТИЛИЩА

Аац-ных (с. Аацы) 303
Абна-уаа (лесные люди) 167, 168
Абрскил 249—251, 371, 372, 425
Ага-ныха (святилище божества
морского побережья) (с. Адзюб-
жа) 248, 303
Аг-ных (с. Калдахвара) 302
Агиалей (одно из прозвищ Апсир-
та) 220
Агнис 159
Адад (Адыд) 142
Адпы-икоу 90
Айтар 35, 141, 142
Айрых (с. Аацы) 303
Алышкьинтр 86, 94
Амамма 138
Амза 142
Амзыха (с. Псху) 303
Амирани 238, 425
Амирм (Амирани) 425
Амыш 376
Ан 142
Ан (абх.) 142, 143
Анана 142, 143
Анана-Гунда 143
Анаи-Лдзаа-ных 302
Анахомста (за Гаграми) 302
Анцва 142, 161, 238, 421
Анцили 142, 421
Аныпс-ных (с. Ачаидара) 303
Аныхамца (с. Анухва) 303
Аныхамца (с. Джерда) 303
Аныха (за с. Блабырхва) 302
Аныха-Лавырных (с. Блабырхва)
304
Аныха-паара (на р. Келасури) 303
Апсат (Афсат) 359
Апсирт 202, 212, 219, 220, 358, 372,
394
Апсу (Абзу) (морская бездна, храм
бога Энки) 363
Апсиваха (дух смерти) 360
Апулуна 159
Араш (крылатый конь) 170

Армаз 142
Атгис 368
Аублаа-рыха (г. Сочи) 302
Афы 83, 86, 142, 150
Ахаш-ных (с. Алахадзы) 302
Ах-ду 154
Ах-ных (ок. Адлера) 302
Ахуаных (с. Калдахвара) 303
Ацаны 136, 168, 174, 432
Аэт (Айэт, Ээт) 202, 212, 220, 394

Босели-Босла 242

Висхв 154

Гагра-инхуу 302
Геракл (местный, кавказский) 251
Гефест 251
Гумбаа рыха (с. Куланурхва) 303
Гумирта (сказочные великаны)
383
Гырджи (осет. св. Георгий) 152

Демакья 147
Джахашькар (с. Цебельда) 303
Джахашькар (с. Члоу) 303—305
Джирху-ных (с. Джирхва) 302
Дзнуоу 432
Дзызлан 147
Дипсак 362
Дулдул (легендарный конь) 109,
173
Дыдрыпш (с. Ачаидара) 303, 304
380
Дыдрыпш-Аныпс-ных (с. Ачаид-
ара) 303
Дыдрыпш-Лдзаа 305

Ебырыха 303
Елыр-ныха (с. Илори) 303, 305

- Енча-Ненча (ср. Анча-Нанча) 238
 Ет-ных (с. Калдахвара) 302
 Ешыр-ных (с. Эшеры) 303
 Зевс 251
- Ивана 142
 Инал-Куба (в Псху) 303—305
 Инар 143, 159
 Инара 142, 143
 Иштарь 142
- Калипсо 362
 Кибела 368
 Кипсел 362
 Кукув 208
 Къач-ных (с. Джгерда) 303
- Лап-рных (святил. Лаловых) 302, 365
 Лапуныха (верх. р. Кудепсты) 302
 Лашкендар 305
 Лваханых (с. Отхара) 303
 Лдзаа-ных (Льдзаа-ных) 302
 Ленаа рныха (с. Мгудзырхва) 302
 Лиашв-ных (бл. Адлера) 302
 Лых-ных (с. Лыхны) 302
- Мард 144
 Мармал-Абаа 248
 Медея 204, 212
 Мезлануква (черк. лесной полу-человек) 168
 Мезитха 172, 173
 Мелна Телепиа (сван.) 143
 Мухв (сван. святил. бык) 154
 Мтаргелаз (с. Лыхны) 303
- Нана (Нан) 142, 143
 Паргы 35, 143, 167, 168, 367
 Нептун 35
 Нипсея 362
- Олинуха (с. Калдахвара) 303
 Опс 362
 Очокочи (мегр. лесной человек) 168
- Пелопс 362
 Пихассасис 156
- Посейдон 362
 Прометей 141, 249, 250, 251
 Психея 362
 Пскал (р-н с. Джгерда) 303
 Псху-ных 303, 305
 Пуснабуасдни (сванс. владыка неба) 154
- Рея 368
 Рутас 159
 Сатаней (Сатанна; Сатаниа-Гуашья) 238
 Сасрыква 238, 367, 371
 Стикс 191
- Тару (Дару) 135, 141
 Тгылаху (бас. р. Мачары) 303
 Телепиус 143, 159
 Терпсихора 362
 Тесуб (Тешуб) 159
 Тлапш 143, 172
- Уашхо 143, 146, 162, 421
 Усхвай (сванск. святил. бык) 154
- Фазтон (Апсирт) 220, 304
- Хазаратаалы 159, 172
 Хайт (Айт) 144, 202
 Хбы-ных (с. Амандара) 303
 Хена 159
 Хуапшыа-ныха (с. Блобырхва) 302
 Ху-ных (с. Хуап) 302
 Хунесисе 142
- Цапых (ок. Сочк) 302
 Цвиш (парт) 367
- Чол (дух очага) 97
 Чыгу-рных (за Гаграми) 302
- Шашвы 432
 Шиджинна-ныха (с. Окули) 304
 Шьагунаха (с. Окули) 304
 Энки (Енки) (морской бог) 363
 Энду 142

IV. ЭТНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Абадзехи 40, 173, 262
 Абази (абаски, абасги, абазхи) 14, 34, 41, 43, 45—48, 53, 54, 75, 179, 180, 185, 186, 188, 209—214, 216—218, 221, 222, 224—226, 232, 240, 247, 252—264, 266—268, 270—285, 288, 291, 293, 294, 296, 306, 309, 311, 312, 315, 316, 364, 373, 393, 396, 408, 416, 417, 431, 433, 436
 Абазины 44, 47, 73, 104, 105, 149, 151, 160, 166, 169, 233, 234, 262, 324, 354, 355, 404, 416, 417, 429, 430, 434, 436
 Абазы (абаза) 258, 262, 271, 318, 321, 353, 396, 416, 436
 Абадза 372
 Абас (абасец) 42
 Авогазы (авасги) 255, 260, 271, 416
 Абези 271
 Абешла (абешлайцы) 53, 57, 113, 115, 122—125, 127, 129—131, 139, 214, 220—221, 223—225, 316, 355, 372, 420, 421, 423, 424, 432
 Абешло-каскайские племена 117
 Абжуйцы 251, 370, 372, 378
 Абхазо-адыгейские племена 44—46, 49, 50, 57, 71, 78—80, 97—99, 114—117, 120, 132, 133, 136, 140, 141, 152, 157, 165, 190, 217, 223—226, 388, 419—421, 425, 428, 429, 431
 Агаряне 294
 Аджарцы 103—106, 108, 354, 430, 431
 Адыги, адыгские племена 4, 14, 34, 36—40, 44, 48, 73, 78, 83, 103, 130, 132, 145, 151, 160, 165, 173, 190, 237, 320, 321, 324, 353, 354, 404, 420, 427, 429—431
 Азербайджанцы 14
 Азра 321, 353
 Азга 353
 Аибга 353, 372
 Аланы 14, 36, 120, 130, 213, 226, 227, 331, 337, 356, 357, 395
 Албанцы 164—167, 353
 Апаиты (аппаиты) 177, 190
 Апсары (абсары) 48, 214, 219, 221, 316, 355, 393, 396, 433
 Апислы (абсилы, апшиллы, афшилы) 41, 43, 45—49, 53, 54, 56, 58, 75, 130—132, 179, 180, 185, 188, 209—213, 215—228, 231, 232, 237—240, 242, 247, 251—253, 256, 258—262, 266—270, 272, 276—278, 283, 285, 312, 315, 316, 355, 364, 373, 393, 396, 408, 417, 421, 431, 433, 434
 Апсуа 34, 48, 51, 130, 132, 219, 223, 246, 253, 255, 354—356, 364, 372, 409, 433, 434, 437
 Апсуйцы 354, 356
 Аpsy 354, 356
 Апшеги 219
 Апшуа 372
 Арабы 15, 163, 164, 168, 170, 288, 294, 350
 Аравляне 258
 Аримы-урумейцы 258
 Армяне (армены, армянцы, про-тоармянские племена) 9, 58, 113, 118, 164, 169, 178, 258, 290, 294, 316, 354, 427
 Арнауты 165, 167
 Ассирийцы 123, 125, 294
 Ахейцы (ахейяне, ахеи, ахейские племена) 43, 44, 46, 49, 181, 185, 186, 188, 189, 216, 222, 224, 253
 Ахейцы (гомеровские) 188
 Ахчипсхувцы 353, 356, 372
 Ашуйцы 434
 Балкарцы 236
 Басилы (абсилы) 223
 Баски 15, 31
 Басхыг 262, 353
 Башкиры 20
 Бзыбцы 252, 268, 272, 278, 370
 Бизеры 178, 222
 Болгары 64
 „ Кавказские 214
 Боспорцы 416
 Брухи 213, 256
 Будины (гелоны) 255
 Бушмены 42
 Вавилоняне 91
 Валлы (валы) 220
 Вандалы 294
 Византийцы 227—229, 232, 274, 281, 285
 Виктуалы 220

- Гарши 214
 Гелоны (будины) 255
 Гениохи (эниохи, иниохи, инсохи)
 34, 41, 43, 46—49, 172, 179, 181—
 190, 210, 211, 215, 216, 222, 224,
 253, 255, 269, 433
 Гениохи-сваны 48
 Гептакомиты 177
 Гиксосы 41
 Готтентоты 42
 Готы 226, 258, 294, 416
 Греки 41, 52, 74, 159, 188, 191, 246,
 289, 296, 307, 353
 „ трапезундские 209—211, 395
 Грузины (грузинские племена,
 древнегрузинские племена) 4, 34,
 36—38, 46, 48, 57, 75, 103, 105—
 107, 115—119, 129, 132, 184, 222,
 225, 257, 279, 290, 307, 310, 311,
 316, 354, 394, 396, 413, 429—431,
 435
 „ протогрузинские племена 113,
 114
 Гумцы 372
 Гунны 243, 284, 294
 Гурийцы 104, 354, 430

 Дагестанцы 36, 225
 Дал-цебельдяинцы 372
 Джики (джихи) 43, 45, 46, 48, 49,
 54, 180, 224, 225
 Джурзан (грузины) 395
 Дрилы 178, 209—211, 222

 Евреи 258
 Египтяне 41, 91, 163, 258, 294, 319
 Евдуснаны 222

 Жане 317

 Зиги (зихи) 14, 34, 44, 46, 172, 185,
 186
 Зихи-джики 222
 Зехи 213, 256, 294
 Зидриты 179, 209—211, 216, 222,
 253

 Иберы (иверы, иверийцы) 38, 45,
 54, 116, 211, 212, 258, 293, 294
 Иганиехи 182

 Идактилы 220
 Имеретинцы 103, 354
 Ингуши 103
 Индоевропейские племена 112, 133
 Инды 294
 Ираноязычные племена 113, 119
 Ирландцы 19

 Кабардинцы 20, 44, 73, 103, 130,
 160, 236, 324, 353, 354, 365, 436
 Кабиры 294
 Карачаевцы 37, 353
 Карийцы 125, 429
 Карты (картвелы, картвельские
 племена) 34, 38, 39, 51, 55, 111,
 115, 116, 121, 133, 177, 223, 353,
 394, 405, 411, 412, 427—429
 Касоги (косоги, кашаги, кешаги)
 53, 130, 131, 184, 413, 421, 423
 Касситы 158
 Кашки (кашкейцы, кашкайцы, кас-
 ки, каскейские племена) 45, 53,
 55, 57, 59—62, 110, 113, 115, 117,
 121—127, 129—131, 135, 139—142,
 420—424
 Керкеты 43, 46, 49, 177, 180, 189,
 190, 222
 Киммерийцы 36, 43, 44, 112, 113,
 119, 120
 Кимвро-скифские (сев.-иранские)
 племена 225
 Киммерийско-скифские племена
 113
 Қлыч 234
 Козари 258
 Колика 181, 189
 Колоты (сколоты) 35
 Колы 181, 212
 Колхи 35, 41, 43, 46, 53, 75, 82,
 115, 116, 130, 162, 163, 168, 174,
 178, 180, 181, 184, 186, 188, 209—
 211, 212, 215, 222, 225, 226, 228,
 232, 259, 319
 Кораксы (корахи) 53, 181, 189, 222
 Кумыки 22
 Курды 166
 Кутии 113
 Куты 214
 Куш-хазиб-абази 262

 Лазы 41, 43, 46, 47, 116, 178—180,
 187, 209—213, 215, 217, 218, 222,

- 224, 226, 227, 232, 244, 253, 255,
264, 269, 270, 274, 293, 294, 308,
354, 428, 430
- Лезгиньы 37, 164
Лувицьы 58, 118
Лузы 33
Лушба (Лушдза) 114
- Мадьяры 20
Макрокефалы 212, 269
Макропы 163, 178—180, 182, 210,
215, 222, 259, 269
Малоазийские племена 60
Манралы 269
Манси 26
Массагеты 187, 259
Матиены 178
Махслоны (махли) 47, 179, 183,
211, 215, 216, 222
Мегрело-сваны 54
Мегрело-чаньы (мегрело-чанские
племена) 35, 46, 53, 187, 427
Мегрелы 51, 54, 55, 103—105, 180,
354, 394, 403, 415, 429, 430
Медовей (мдауэй) 233, 353, 372
Меланхлены 181, 212, 215, 222
Мсоты 120, 189, 355
Месхя 34
Мидяне 294
Мялетцы 211, 212
Мисимияне 48, 54, 188, 213—218,
226—234, 240, 241, 256, 259, 267,
272, 292, 316, 396, 408, 417, 431
Монголы 414
Мосиники (мосиники, мосиники,
мосинойки) 176—178, 199, 222
Мосхя 127, 178, 309
Мушвены (сваны) 229, 231, 233
Мушки 118, 125, 127
Мылхаз 354
Мысылбай 234
- Наири 39
Натухайцы 173, 262
Ногайцы 22
Норманы 33
- Обезы (обежане) 36, 271, 416, 417
Обри 258
Осетины 14, 20, 37, 130, 151, 152,
160, 165, 229, 316, 318, 355, 382,
384
- Осилы 220
- Пафлагоняне 128
Пеласги 76, 172, 363
Персы 227, 228, 244, 258, 270, 274,
275, 283, 290, 294
Печенеги 295
Пёх 111
Пигмеи 212
Пессы 355
Псхувцы 372
Пховы 140
Пшавы 140
- Римляне 210, 227, 255, 256, 270,
273, 275, 281, 283, 284, 285, 315
- Сарматы (савромато-сарматские
племена) 36, 120, 187, 416, 429
Сагиньы 256
Сагиньы-сагиньы 213
Садзы 53, 54, 278, 372
Самурзаканцы 318, 430
Сан (чан) 177
Саньги (саньги, саньки, саньхи)
43, 46, 47, 53, 54, 177—180, 183,
184, 187—190, 209—211, 213, 215,
216, 218, 222, 224, 240, 254, 256,
259, 260, 271, 312, 315, 316, 397,
399, 408, 413, 417, 431, 433
Саньги-генцохи 183
Саны 178, 269
Саны (саньги) 209, 211, 215, 255
Саспейры (саспиры) 113, 116
Сваны (сванские племена) 48—50,
53—55, 154, 160, 184, 187, 213,
214, 226, 229—232, 236, 237, 354,
394, 396, 403, 405, 430, 433
Северонранские (кимьро-скифские)
племена 225
Северокавказские племена 184,
225, 236
Семиты 32, 41
Сенека-ироксы 265
Синдо-меотские племена 186, 189
Скифо-иранские племена 187
Скифо-сарматские племена 44
Скифы (скифские племена) 35, 36,
44, 113, 118, 119, 187, 188, 212,
215, 416, 429
Скифы индийские 259
Сколоты 35

- Славяне 44, 294
 Соаны (сваны) 231
 Соугды 258
 Стафилы 220
- Табалы 125, 127
 Тавры 120, 185
 Тзаны (паны) 178
 Таохои 222
 Тибарены 117, 127, 222
 Тирсены 33
 Тореты 188, 189, 222
 Турки (турки-сельджуки) 64, 123, 214, 258, 295, 314, 318, 395
 Турша 33
 Тюрки 36, 120
- Убыхи 40, 73, 111, 145, 150, 151, 157, 158, 160, 173, 233, 256, 320, 324, 329, 353, 354, 365, 434
 Урарты 39, 110, 112, 113, 118, 122, 127
 Урумейцы 118, 127, 129
- Фасяаны (фазияны) 130
 Филистимляне 125
 Финикияне 74
 Фрако-фигийские племена 112, 115, 125, 177
 Фтирофаги (фтейрофаги) 209, 254, 255
- Хазары 120, 243, 400, 401
 Хазран 395
 Хайасцы 128
 Хакучи 168
 Халдайцы (халды) 116, 178
 Халибы 116, 177, 178
 Халибы-халдайцы 178
- Хализоны 116
 Хамиты 32, 41
 Ханты 26
 Хатты (прогохетты, хаттские племена) 45, 111, 113, 114, 122, 127, 129, 133—137, 139, 142, 145, 157, 158, 160, 353, 420, 421, 423, 424
 Хевсуры 140
 Хета 133
 Хетты (неситы), хиттиты 42, 112, 122, 124, 126, 133—136, 144, 158, 159, 353, 368
 Хурриты 58, 113, 118, 122, 421
 Хуррито-урартские племена 111
- Цаны 34, 35
 Цыгане 15
- Шапсуги 40, 92, 96, 173, 174, 262, 354
 Шумеры 91
 Шуханеты (сваны, сванеты) 318
- Чаны 73, 116, 177, 178, 183, 354
 Чекер 125
 Черкесы 14, 32, 36, 39, 40, 48, 53, 54, 95, 96, 97, 103, 105, 160, 164, 166, 171, 172, 174, 189, 260, 262, 320, 324, 395, 420
 Чеченцы 36, 37
 Чечено-лезгинские племена 140
- Эгрисцы (эгры) 51, 179, 180, 394—396, 405
 Эллипы 163, 176, 188
 Этруски 15, 31—33, 35
- Языги 120

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
- АБНИК — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения.
- АДНИЯЛИ — Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
- ВВ — Византийский временник.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВМГУ — Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- ВУА — Военно-ученый архив.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
- ЗИООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей.
- ЗКОИРГО — Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИИЯИИМК — Известия института языкознания и истории материальной культуры.
- ИКОИРГО — Известия Кавказского отделения императорского Русского географического общества.
- ИРАИК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
- КСИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
- МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
- СА — Советская археология.
- СИЭ — Сообщения института этнографии им. А. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
- СМОМПК — Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа.
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горах.
- СЭ — Советская этнография.
- ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<p>От редактора . . . . . 3</p> <p>Предисловие . . . . . 5</p> <p>Введение . . . . . 7</p> <p>1. Общие вопросы этногенеза . . . . . 7</p> <p>2. Из истории изучения этногенеза абхазов . . . . . 28</p> <p>Глава I. К ранней этнической истории абхазов . . . . . 63</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Истоки и связи археологических культур . . . . . 63</p> <p style="padding-left: 20px;">2. Дольменная культура . . . . . 71</p> <p style="padding-left: 20px;">3. Данные антропологии к проблеме происхождения абхазов . . . . . 102</p> <p>Глава II. Политическая карта и этнический состав Юго-Восточного Причерноморья III—I тыс. до н. э. . . . . 109</p> <p>Глава III. Об этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии . . . . . 122</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Каски и абешла и вопрос об их этническом родстве с абхазо-адыгскими племенами . . . . . 122</p> <p style="padding-left: 20px;">2. Уашхо . . . . . 146</p> <p style="padding-left: 20px;">3. Этногенетические предания абхазов . . . . . 162</p> <p>Глава IV. Этническая ситуация на Юго-Восточном Причерноморье в античную эпоху . . . . . 176</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Мозаика племен и народностей . . . . . 176</p> <p style="padding-left: 20px;">2. Колхида и колхи . . . . . 193</p>	<p>Глава V. Древнеабхазские племена . . . . . 204</p> <p>I. Аписилы . . . . . 204</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Территория . . . . . 204</p> <p style="padding-left: 20px;">2. Этническая характеристика . . . . . 219</p> <p style="padding-left: 20px;">3. Аписилы и мисимияне . . . . . 226</p> <p style="padding-left: 20px;">4. Об апсильской культуре . . . . . 238</p> <p>II. Абазги . . . . . 252</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Локализация абазгов . . . . . 252</p> <p style="padding-left: 20px;">2. Были ли абазги бинарным племенем? . . . . . 262</p> <p style="padding-left: 20px;">3. Трахейская битва . . . . . 272</p> <p style="padding-left: 20px;">4. О некоторых чертах социально-экономической и культурно-политической жизни абазгов . . . . . 285</p> <p>Глава VI. Язык . . . . . 314</p> <p style="padding-left: 20px;">1. Предварительные замечания . . . . . 314</p> <p style="padding-left: 20px;">2. О взаимоотношениях абхазского с родственными языками . . . . . 318</p> <p style="padding-left: 20px;">3. Из лексических встреч абхазского с другими языками . . . . . 340</p> <p style="padding-left: 20px;">4. О самоназвании абхазов (апсуа) . . . . . 352</p> <p style="padding-left: 20px;">5. Топонимика . . . . . 373</p> <p>Глава VII. Политическое и этническое развитие раннефеодальной Абхазии . . . . . 389</p> <p>Заключение . . . . . 419</p> <p>Указатели . . . . . 439</p>
---	--

Шალვა დენის-იძა ინალ-იძა
აბსუაა რეთნო-კულტურატე თოურხ აზცაარაკუა
(ურყსიშაალა)

შალვა დენისის ძე ინალ-იფა
აფხაზთა ეთნო-კულტურული ისტორიის საკითხები
(რეზულ ენაზე)

Редактор издательства Л. Е. Аргун
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор С. А. Гордезиани
Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Губляна

ЭИ00181. Саяно в проивз, 28.XI.1975 г. Подписано к печати
3.VI.1976 г. Бумага типограф. № 1, 84x108¹/₃₂.

Печатных л. 24,36. Уч.-издат. л. 26,63.

Зак. 5941. Тираж 5000. В переплете № 7 (1000) цена 1 р. 92 к.,
в переплете № 5 (4000) цена 1 р. 78 к.

Издательство „Алашара“, Сухуми. Ленина, 9

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Государственного комитета Совета Министров
Грузинской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Сухуми, ул. Ленина, 6.